

Ю Г Фельштинский Вожди в законе

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Заговор первый. Деньги революции

Заговор второй. Брестский мир

Заговор третий. Убийство Мирбаха и разгром партии левых эсеров

Заговор четвертый. Ленин и Свердлов

Заговор пятый. Был ли замешен К. Радек в убийстве

К. Либкнехта и Р. Люксембург

Заговор шестой. Тайна смерти Ленина

Эпилог

Предисловие

История российского революционного движения никогда не была красива. Не было в ней ни свежих воротничков, ни белых перчаток, ни начищенных ботинок. А была либо грязь, либо кровь. История бывает разная: политическая, социальная, социально-экономическая, экономическая, дипломатическая, военная, культурная... В этих жанрах написаны десятки, если не сотни, добротных книг как в России, так и за ее пределами.

Однако у страны, названной американским президентом "империей зла", до того, как с этой формулировкой согласилось сначала перестроечное горбачевское, а затем и нынешнее правительство России, была еще одна история: уголовная. В этом особенность настоящей книги. В ней исследуются криминальные аспекты взаимоотношений и методов работы большевистских руководителей первой четверти 20 века. Первая глава книги -- "Деньги революции" -- рассказывает о дореволюционных экспроприациях с целью получения денег на нужды революции; убийствах миллионеров С. Т. Морозова и Н. П. Шмидта ради овладения их наследством; сотрудничестве за деньги с иностранными разведками и правительствами враждебных России государств. Вторая -- "Брестский мир" -- о заключении советским правительством по настоянию Ленина сепаратного мирного договора с немецким кайзеровским правительством ради саботажа революции в Германии. Третья глава --

"Убийство Мирбаха" -- повествует о том, как противники ленинского Брестского мира, прежде всего руководитель ВЧК Ф. Э. Дзержинский, организовали убийство германского посла графа Мирбаха, чтобы спровоцировать Германию на разрыв Брестского мира, и как Ленин, Троцкий и Свердлов, воспользовавшись убийством Мирбаха, разгромили партию левых эсеров и установили в стране однопартийную диктатуру. В четвертой главе -- "Ленин и Свердлов" -- делается предположение, что после неудавшейся 6 июля 1918 года (убийство Мирбаха) попытки разорвать Брестский мир, руководитель советской внутренней и внешней разведки Дзержинский и фактический генеральный секретарь партии Я. М. Свердлов организовали 30 августа 1918 года покушение на Ленина (так называемое "покушение Каплан"), в результате которого Ленин был ранен, и что скоропостижная смерть Свердлова, последовавшая в марте 1919 года, не была случайной, а могла быть мстью Свердлову за организованное им покушение на Ленина. Пятая глава -- "Либкнехт и Люксембург" -- посвящена убийству в Германии руководителей немецкого коммунистического движения. В ней будет сделана попытка показать, что к этому убийству мог иметь отношение находившийся в это время в Германии видный русский большевик К. Б. Радек и что последовавшая в 1920 году в результате отравления смерть еще одного иностранного коммуниста -- писателя и журналиста Джона Рида, происшедшая сразу же после совместной поездки Рида и Радека в Баку на съезд народов Востока, делает еще более вероятной версию о причастности Радека к устранению неудобных Москве иностранных коммунистов. Узловой главой книги является шестая глава -- "Тайна смерти Ленина". В ней будет показано, как начиная с 1922 года Ленин постепенно оттеснялся от власти Сталиным и Дзержинским как в результате этой внутривнутрипартийной борьбы за власть Ленин был, видимо, убит Сталиным и как вслед за этим были отстранены от власти такие большевистские руководители как Троцкий и устранены -- такие как Дзержинский, Складанский и Фрунзе. В заключение будет показано, что руководство большевистской партии более всего напоминало собой мафиозную структуру, в которой почти никто не умирал своей смертью. И почти все советские руководители сталинского поколения, такие как Орджоникидзе, Менжинский, Горький, Вышинский и, наконец, сам Сталин были умерщвлены тем или иным способом.

Книга написана на основе широкого круга источников, как опубликованных, так и архивных. Подробные сноски на эти источники даны в конце каждой главы.

Заговор первый:

Деньги революции

При упоминании о революции в России чаще и больше других вспоминается В. И. Ленин. Не будем нарушать традиции. Начнем с Владимира Ильича. О Ленине написано и сказано так много, что в потоке информации давно смешались правда и вымыслы, легенды и анекдоты, воображаемое и действительное. Между тем этот во многом роковой для русской истории политический деятель так и остался скрыт под многочисленными "культурными слоями" последних десятилетий. Культ личности Ленина, созданный в свое время его соратниками и последователями для их собственного удобства и самовознесения, остался формально неразвенчанным. Ленин стоит на политическом пьедестале, с которого не так-то просто его оказалось скинуть.

Чертой характера Ленина следует назвать жажду раскола. Малочисленность революционеров, их смертельный конфликт с правительством, ссылки, тюрьмы и эмиграция, казалось, должны были сплотить этих людей, ставивших перед собою общую цель: свержение самодержавия. Тем удивительнее, что Ленин делает основой своей тактики организацию раскола внутри Российской социал-демократической партии (РСДРП).

21 января 1929 года на торжественно-траурном заседании, посвященном пятой годовщине смерти Ленина, с нудным докладом под пошлым названием "Сияющий дорогой гений" выступал А. В. Луначарский. В этом пространном докладе, выслушать который не заснув было совершенно невозможно, Луначарский рассказал о том, что для Ленина внутренний враг был опаснее внешнего:

„Владимир Ильич на одном важном совещании в период борьбы с меньшевизмом в 1905 году так высказался насчет борьбы с ним. Когда ему сказали: "Вы ведете себя так, как будто меньшевики для вас более опасный враг, чем самодержавие, и вместо того, чтобы бить по самодержавию, вы стараетесь бить по меньшевикам", -- он ответил: "Представьте себе, полководец ведет борьбу с врагом, а в лагере у него враг. Прежде, чем идти на фронт, на борьбу с врагом, нужно, чтобы в самом лагере было чисто, чтобы не было врагов""(1).

Таким образом, уже в 1905 году Ленин сформулировал основной закон большевизма (с успехом применяемый затем как им самим, так и много позже Сталиным): всегда, пусть в самый неблагоприятный момент, когда наступает внешний враг, когда есть угроза общему поражению партии, революции, государства, нужно прежде всего бить по врагу внутреннему, даже если этот внутренний враг -- враг твоего врага.

Классическим стал спровоцированный Лениным раскол РСДРП на Втором партийном съезде, проходившем в июле-августе 1903 сначала в Брюсселе, а затем в Лондоне. Он породил две партии, вошедшие затем в историю под названием "меньшевики" (во главе с Л. Мартовыми) и "большевики" (во главе с Лениным). С этого года, неудачно пытаясь взять под свой полный контроль центральный орган партии -- газету "Искра", ЦК партии, и, главное, партийную кассу, Ленин вел жестокую словесную борьбу, доходившую до ругани и публичных оскорблений, с теми социал-демократами, кто отказывался беспрекословно подчиняться его абсолютному руководству.

Хотел ли Ленин этого, или нет, но после раскола 1903 года большевистское крыло социал-демократической партии стало постепенно перерождаться в мафиозную структуру. Хронологически начало этого перерождения следует отнести к 1905-10 годам. Организационно -- к периоду действия так называемого "Большевистского центра" (БЦ), созданного большевистской фракцией, возглавляемой Лениным, на Пятом съезде РСДРП в 1907 году. Мафиозная мораль, мафиозные принципы и мафиозные методы стали основой партийной работы. Это был тот фундамент, на котором было возведено все партийное здание, простоявшее до августовского путча 1991 года. "В сущности наша партия и была огромной мафией, -- сказал бывший генерал-майор КГБ Олег Калугин в интервью в апреле 1996 года. -- Итальянская мафия называется „коза nostra" -- „наше дело". А нашим делом тогда было построение коммунизма. Лозунги, вроде бы, были благородные. Но мафиозные структуры, проникновение во все аспекты жизни, полный контроль над всем и жестокая расправа со всеми, кто „отклонялся от нормы", -- это ведь типично мафиозное поведение"(2). Создателем этой структуры был Ленин.

Понимая, что в партийной работе многое, если не все, зависит от денег, Ленин цинично использовал тех, кто приносил деньги его организации, независимо от того, каким способом эти деньги были добыты. Основных источников было два: добровольные, полудобровольные или принудительные пожертвования, поступающие от отдельных лиц, и экспроприации казенных денег, производимые большевистскими боевыми дружинами и родственными им группами в различных частях страны.

Отношение к экспроприациям в рядах социал-демократии было различным. Впервые спор возник в апреле 1906 г. на Стокгольмском съезде партии. Большевики считали экспроприации одной из форм "партизанских боевых выступлений" против правительства и признавали экспроприации казенных сумм для финансирования революционной деятельности допустимыми. Меньшевики указывали на деморализующее влияние экспроприаций и в целом выступали против. В результате, Стокгольмский съезд принял резолюцию меньшевиков, которая и стала формальным партийным решением по этому вопросу. В мае 1907 года решение о запрещении экспроприаций было подтверждено Пятым (Лондонским) съездом партии. Особо было указано на необходимость распустить все боевые дружины и группы, занимавшиеся экспроприациями. Несмотря на это большевики некоторые боевые дружины не распустили и продолжали проводить экспроприации в обход решений съезда. Этой работой как раз и руководили через специально созданный для конспиративных дел "Большевистский центр" Ленин, Л. Б. Красин и А. А. Богданов.

Из боевых дружин особенно активно действовали две: уральская и закавказская. Во главе уральских боевиков стояли три брата Кадомцевых (Эразм, Иван и Михаил), требовавшие создания в подполье массовой рабочей милиции и разрабатывавшие планы восстания на Урале. Свои экспроприации они проводили главным образом для получения средств на эту работу, а в БЦ передавали лишь часть добычи, составлявшую, однако, значительные суммы. За 1906-07 годы на Урале большевиками были проведены десятки экспроприаций, в основном мелких, таких как ограбления казенных винных лавок. Правда, в августе 1906 года, при ограблении почтового поезда на Деме, под Уфой, было захвачено свыше 200 тыс. руб. Из этих денег через И. А. Саммера (Любича) - агента ЦК и уполномоченного большевиков по сношениям с Уралом -- к Ленину поступило 60 тыс. руб.

Закавказские боевики больших планов не строили. Они создали группу "удалых добрых молодцев" во главе с С. Т. Петросяном-Камо, которого Ленин добродушно называл "кавказским разбойником", и все награбленное передавали в БЦ. Планы обсуждались в БЦ, разрабатывались Красиным, одобрялись Лениным и передавались на реализацию Камо. Всего группой Камо было захвачено приблизительно 325-350 тыс. руб., причем главная экспроприация на Эриванской площади в Тифлисе 25 июня 1907 г. дала не меньше 250 тыс. руб., привезенных в штаб-квартиру БЦ в Куоккала (Финляндия) самим Камо.

150.000 этих денег были в мелких купюрах и немедленно поступили в распоряжение "финансового отдела" БЦ, в который входили все те же три человека: Ленин, Красин и Богданов. Остальные 100.000 были в крупных купюрах по 500 рублей. Номера этих банкнот были сообщены русским правительством во все банки, и обмен их в Российской империи представлял большие трудности. Зашив деньги в жилет, большевик М. Н. Лядов вывез их за границу, где их предполагалось без труда разменять в зарубежных банках. Поскольку было очевидно, что после первого же размена русское правительство разошлет списки украденных номеров еще и за границу, решено было произвести обмен одновременно в нескольких городах Европы. В первых числах января 1908 года по инициативе Красина такая операция действительно была проведена в Париже, Женеве, Стокгольме, Мюнхене и других городах. Однако неожиданно для большевиков она закончилась провалом: все большевики, явившиеся в банки для размена, были арестованы. Среди арестованных были известные в кругах социал-демократии люди, например, будущий нарком иностранных дел М. М. Литвинов, незадолго перед тем назначенный большевиками официальным секретарем русской социал-демократической делегации на Международном социалистическом конгрессе в Штуттгарте, состоявшемся в августе 1907 года. При аресте в Париже у Литвинова нашли двенадцать похищенных в Тифлисе пятисотрублевых. Попался и будущий нарком здравоохранения Н. Александров (Н. А. Семашко -- дальний родственник Г. В. Плеханова). Прямого отношения к размену Семашко не имел, но на его адрес приходили письма одного из участников размена. В руках полиции оказалось в общей сложности 50 пятисотрублевых билетов, и в иностранной прессе теперь уже открыто писали о том, что тифлисская экспроприация была делом рук большевиков.

Причина провала разъяснилась лишь после революции. Среди привлеченных к разработке плана размена был большевик Житомирский (Отцов), доверенный человек Ленина по делам большевистских групп в эмиграции с 1903-04 годов, являвшийся одновременно главным осведомителем заграничного филиала Охранного отделения в Париже. Через Житомирского Департамент полиции был в курсе всех приготовлений Красина к размену и заблаговременно снесся с полициями европейских государств.

В 1906 году большевики в Петербурге и Москве разрабатывали план выпуска фальшивых денег. К этому проекту Красин вернулся в 1907 г. и заказал в Германии бумагу с водяными знаками для печатания фальшивых трехрублевых. Однако об этих планах стало известно. В Берлине были произведены аресты, закупленная бумага конфискована и проект этот, как вспоминал затем Богданов, "не осуществился лишь по случайным и чисто техническим причинам"(3).

Политическим следствием провалившегося плана выпуска фальшивых русских денег и

неудавшихся попыток размена пятисотрублевки следует считать разрыв Ленина с Красиным и Богдановым. Ленин, раньше относившийся к Красину с большим уважением, теперь уже называл его "мастером посулы давать и очки втирать"(4), а несколько позже обвинил Красина в том, что тот присвоил 140 тыс. руб. фракционных денег, полученных от тифлисской экспроприации (т.е. почти все деньги, кроме 500-рублевки, переданные Камо в Куоккала членам "коллегии трех" в июле-августе 1907 г.). Становилось ясно, что конфликт Ленина с Красиным и Богдановым произошел вовсе не из-за политических разногласий, а по финансовому вопросу. Что же произошло в первой половине 1908 года кроме неудачного размена злополучных 500-рублевки? Дело в том, что в это самое время Ленин получил известие об успешном завершении еще одной операции, дающей в кассу БЦ большие деньги. Настолько большие, что стало выгодно не делиться ими со старыми соратниками -- Красиным и Богдановым, а поссориться с ними, обвинив их в присвоении денег от тифлисской экспроприации, а новые деньги забрать себе. Это были деньги мебельного фабриканта Н. П. Шмидта (Шмита), племянника текстильного фабриканта С. Т. Морозова.

О помогавшем революции Морозове писалось достаточно много как о человеке "противоречивом", под конец жизни во всем разочаровавшемся, и то ли заболевшем душевно и умершем, то ли покончившем с собой. Попытки объяснить поведение Морозова делались неоднократно. Вот что писала об этом осведомленный очевидец тех событий сестра меньшевика Л. Мартова и жена Федора Дана Лидия Осиповна Дан:

"Большевикам давали и очень богатые люди, например, Савва Морозов -этот по линии масонов. Давали и другие масоны. Денежные источники никогда выяснить не удастся, в подполье это по необходимости было засекречено и это никогда узнать не удастся, уже почти не остается людей, которые это знали и помнят"(5).

В книге В. Валентинова "Малознакомый Ленин" финансовой помощи большевикам уделено две главы. Валентинов, в частности, пишет:

"С фальшивым паспортом, нелегально, Ленин из Женевы приехал в Петербург 20 ноября 1905 года и на следующий день уже заседал в редакции газеты „Новая жизнь“. [...] Официальным издателем [была] М. Ф. Андреева, жена в то время М. Горького. В одном из примечаний к 10-му тому 4-го, „очищенного“, издания сочинений Ленина, на странице 479-й, указывается, что газете „большую материальную помощь“ оказал М. Горький. Из собственного кошелька Горький, кажется, ничего не вложил в газету. Он был только влиятельным посредником. Он привлек для поддержки газеты купца Савву Морозова и Шмидта [...]. Большевики оказались великими мастерами извлекать с помощью сочувствующих им литераторов, артистов, инженеров, адвокатов -деньги из буржуазных карманов [...]. Большим ходяком по этой части был член большевистского Центрального комитета инженер Л. Б. Красин, и еще более замечательным ловцом купеческих и банковских бабочек, летевших на большевистский огонь, был М. Горький, умевший вытягивать деньги и на "Новую жизнь", и на вооружение, и на всякие другие предприятия"(6).

Оставалось только дивиться щедрости Морозова и Шмидта.

В 1990 году, во время одного из моих первых, после эмиграции, визитов в Москву, я брал интервью у внучатой племянницы Саввы Морозова. С ее разрешения интервью записывалось на пленку. Именно во время этого интервью мне было рассказано семейное предание о смерти Морозова. Приведу наиболее яркие выдержки из этого крайне важного для историков документа:

"Савва Тимофеевич со многими революционерами имел контакт. [...] В 1905 году С. Т. с [женой] Зинаидой Григорьевной уехали в Канны. Но до этого, по всей вероятности, у него был роман с Марьей Федоровной Андреевой, женой Горького, ибо полис, он застраховался на 100.000, был на имя Горького. [...] Страховка была оформлена на Горького, чтобы не компрометировать даму. Даму нельзя было компрометировать. [...] И как это ни странно, Красин сейчас же оказался в тех же Каннах, куда отправился С. Т. [...] Мама сказала такую фразу: "Его надо было убрать, потому что больше дать [революционерам] он ничего не мог.

А он потребовал, чтобы его ввели к курс их дел". [...] Он считал, что он что-то должен сделать для людей [...]. А дальше, когда он столкнулся, как раз, может быть, со всякими проявлениями терроризма, то тут-то он и начал, может быть, спрашивать, а что, собственно говоря, почему и зачем? Может быть на этом он споткнулся.

[...] Что до нас дошло о последних обстоятельствах. Зинаида Григорьевна собиралась ехать с Рябушинским на пролетке куда-то там кататься. Она одевала перед зеркалом шляпу. И в это время в зеркале она увидела, как приоткрылась дверь и показалась голова рыжего человека. Зинаида Григорьевна спросила: "Кто это?" С. Т. суетливо ответил: "Никто, никто". Она уехала. Когда она вернулась, то С. Т. лежал на постели, рука вниз свешивалась, и там лежал пистолет.

[...] Геня, мой двоюродный брат, сказал: "Да нет, его убили совсем не дома. Его просто положили и все. Была полная инсценировка проведена". Полиция, которая была вызвана, сказала, что пуля, которую извлекли, не соответствовала револьверу, который валялся. Это раз. Во-вторых, в истории самоубийств нет случаев, чтоб самоубийца стрелял в себя лежа на постели. Такого не бывает. И в-третьих, рыжий человек, говорят, практиковал эти занятия. Но она [жена Саввы] его [Красина] не знала. Рыжий человек был Красин. [...] Так что, понимаете, все вот так вот сходится.

За трупом поехал дядя Саша, мамин брат. И мамин брат сказал, что полиция сказала, что возьмется, выяснит все обстоятельства. Бабушка, прабабушка, вернее [мать Саввы], сказала: "Я не хочу. Это шум международный. Никакого шума. Я не хочу. У Саввушки было плохое сердце. И он умер. Все."

Его похоронили. На Рогожском кладбище [...] Самоубийцу староверы на Рогожском кладбище не похоронили бы. [...] Через очень небольшое время Горький предъявил полис на 100.000. [...] В правлении встал вопрос, выплачивать, не выплачивать [...] и все-таки что это такое, ну чуть ли не через неделю человек требует деньги. Бабушка [прабабушка] сказала: "Выплатить и никаких скандалов и все. Я не хочу никаких, никаких разговоров". Через три года после этого, в 1908 году, в журнале "Былое", появилась статья Плеханова, в которой было написано: "Пора спросить Алексея Пешкова, куда он дел 100.000, цену жизни Саввы Морозова".

[...] Говорят, что С. Т. оставил письмо, по легенде, когда он застрелился, он оставил письмо. Но никто этого никогда не видал и не слышал. [...] Это пущена, может быть, была легенда, чтобы замести следы. [...] Геня, маминой старшей сестры сын, он с дядей Сашей на эту тему говорил, и я с Геней говорила. Ну, вот он мне и сразу сказал: "Ну, слушай, да это же известно, что стрелял Красин". [...] В семье знали, вот то поколение - знало. Но [молчали, потому что] тому поколению поставила запрет бабушка (прабабушка). Она сказала: "Нет". Все покорились -- нет, значит -- нет. А потом дальше 1914 года война, революция..."(7).

Следует отметить, что сегодня это не единственное указание на то, что Морозов был убит Красиным. Т. П. Морозова, правнучка Саввы Тимофеевича, в статье "Загадочная смерть Саввы Морозова" пишет, что Зинаида Григорьевна, жена Морозова, "утверждала, что Савву Тимофеевича застрелили. Будучи рядом с комнатой, где находился Савва Тимофеевич, услышала выстрел. От испуга на какое-то время она ослобенела, затем вбежала к нему. Окно было распахнуто, и она увидела в парке убегающего мужчину". Морозов лежал на спине с закрытыми глазами, руки были сложены на животе, пальцы левой руки были опалены. Правая рука была расжата и около нее лежал браунинг. На полу у кровати лежал листок - предсмертная записка. Французская полиция, "опытные криминалисты из Венгрии и Югославии, врачи судебно-медицинской экспертизы, специалисты по баллистике" не исключали "версию убийства с последующей инсценировкой"(8).

Так все-таки, была ли предсмертная записка? Очевидно, была. Ее фотография опубликована в статье Т. П. Морозовой: "В моей смерти прошу никого не винить"(9). Заверенная в российском консульстве во Франции вскоре после смерти Морозова, записка без подписи является очевидным доказательством того, что Морозов был убит. Сравнение почерка записки Морозова с факсимиле письма от 21 декабря 1904 года без сомнения

говорит о том, что документы писались разными людьми.

Кто же был автором предсмертной записки "Морозова". Есть основания предполагать, что им был Красин. В 1995 году в С.-Петербурге вышел сборник воспоминаний "Легендарная Ордынка". О Морозове там написано следующее:

„Конец Саввы Морозова был печальный. Родственникам пришлось наложить на него опеку, чтобы он не растратил остатки своего состояния. Жил он на юге Франции, получая значительное содержание. Смерть его в 1905 году была загадочной. Это было самоубийство, но незадолго до смерти его посетил Л. Б. Красин -- глава большевистских террористов. На Ордынке кто-то придумал такое. Французская полиция обнаружила возле трупа Саввы Морозова записку: "Долг -- платежом. Красин""(10).

Таким образом, объективные источники подтверждают факт написания "записки" Красиным.

Мог ли автором предсмертной "записки Морозова" быть Красин? Для ответа на этот вопрос следует произвести экспертизы почерка автора "предсмертной записки" и Красина. Образцы почерков Красина есть, разумеется, в многочисленных российских архивах. Есть они и в фонде Красина в Международном институте социальной истории в Амстердаме, где хранятся письма Красине жене, написанные им в период 1917-1925 годов. Внешнее сходство почерков Красина (письма 1917 года) и автора "предсмертной запиской Морозова" 1905 года допускает, что тексты написаны одним лицом - Красиным. Но окончательно на этот вопрос могут ответить только криминалисты.

Очень кратко, хронология знакомств участников событий. Еще до образования Московского художественного театра, Мария Федоровна Юрковская, принявшая сценический псевдоним Андреевой, через репетитора своего сына Юрия -- студента Дмитрия Лукьянова -- увлеклась марксизмом. Ко времени вступления в труппу МХТ "Андреева уже была убежденной марксисткой, тесно связанной с РСДРП и выполняющей различные поручения этой партии". Похоже, что одним из партийных заданий стало знакомство с Морозовым. Актерам МХТ было хорошо известно, какие средства пожертвовал Морозов театру. Можно с уверенностью сказать, что без Морозова театр не смог бы ни открыться, ни выжить.

В 1898 году будущие директора и режиссеры театра К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко, задумав создать МХТ, образовали "Товарищество для учреждения в Москве общедоступного театра". В числе жертвователей был и С. Т. Морозов. В первоначальном капитале в 28 000 рублей его доля была самой крупной: 10.000 рублей. На средства Товарищества был арендован театр "Эрмитаж" в Каретном ряду, где в октябре 1898 года состоялся первый спектакль -- "Царь Федор Иоанович" (по пьесе А. К. Толстого). Правда, с точки зрения коммерческой предприятие было не столь удачным. Итогом первого сезона был дефицит в 46 000 рублей. Момент, по словам Станиславского, был "почти катастрофический для дела". На помощь снова пришел Морозов. Он не только покрыл недостающие 46 000, но и дублировал свой первый пай, доведя свои расходы в первый год работы театра до примерно 60 000 рублей. После этого дублировали свои пай и остальные вкладчики Товарищества. Театр был спасен.

Кроме финансовой стороны, Морозов принял на себя и всю хозяйственную часть, вникая во все детали работы театра, бывая почти на каждом спектакле. С Морозовым согласовывались все вопросы, связанные с набором труппы, с репертуаром, с распределением ролей. Будем справедливы: это нравилось не всегда и не всем. "Савва Морозов повадился к нам в театр" -- писала с очевидной иронией А. П. Чехову в сентябре 1899 г. актриса театра, жена писателя О. Л. Книппер, подчеркивая, что Морозов вмешивается в обсуждение проблем режиссуры и исполнения.

Мнения директоров по вопросу о вмешательстве Морозова были различны. Станиславский понимал, что без Морозова театр не сможет просуществовать и дня и готов был терпеть любое вмешательство. Немирович-Данченко отчаянно протестовал (правда, только в письмах к третьим лицам). "Начинал с Вами дело не для того, чтобы потом пришел

капиталист, который вздумает из меня сделать... как бы сказать? -- секретаря, что ли?", -- писал он Станиславскому в начале 1900 года. Но уже в другом письме, 14 августа того же года, признал: "Я только теперь чувствую, до чего меня (и главным образом меня) облегчает Савва Тимофеевич. Ведь если бы не он, я бы должен был сойти с ума. Я уже не говорю об отсутствии материальных тревог".

По подсчетам историков расходы Морозова по субсидированию театра в 1898-1902 годах составили как минимум 200 000 рублей. Дополнительные 300 000 Морозов потратил в 1902 году на новое здание МХТ -- полностью перестроенный по проекту архитектора Ф. О. Шехтеля оборудованный ранее под театр дом в Камергерском переулке, принадлежавший миллионеру-нефтепромышленнику Г. М. Лианозову. Упустить такого мецената Красин с Лениным не могли. "Именно Андреева познакомила Савву Тимофеевича со своими друзьями из окружения Ленина", -- сообщает Н. Думова(11). В эту и без того детективную историю оказался вовлеченным еще один очень важный для революции человек -- писатель и революционер Максим Горький.

Попробуем определить интересы сторон. Ленин и Красин, как революционеры, были заинтересованы в том, чтобы Андреева завела роман с Морозовым и чтобы Морозов, известный своим богатством и меценатством, во-первых, стал субсидировать ленинскую организацию, а, во-вторых, ввел Красина в круг своих друзей и родственников (действительно, именно таким образом большевики вышли на Н. П. Шмидта). Одновременно Ленин и Красин были заинтересованы в сближении с пролетарским писателем -- Максимом Горьким. Горький, как писатель, был заинтересован в том, чтобы его пьесы шли в Московском художественном театре (репертуар которого во многом определял Морозов). Это также можно было сделать с помощью Андреевой, если б последней удалось получить Морозова в любовники. Андреева, как актриса, была заинтересована в главных ролях, получить которые было проще всего путем давления Морозова на Станиславского и Немировича-Данченко.

Таким образом, абсолютно все упиралось в актерский талант Андреевой. Ленин не случайно называл Андрееву "товарищ Феномен": со своим самым важным партийным заданием Андреева справилась. Восстановить последовательность событий очень сложно. Понятно, что, будучи актрисой МХТ, Андреева была знакома с Морозовым, который буквально дневал и ночевал в театре. Первая встреча Андреевой с Максимом Горьким состоялась весной 1900 года, по одним сведениям в Севастополе, по другим -- в Ялте, во время гастролей МХТ. Ее роман с Морозовым начался, видимо, не позднее 1901 года. Муж -- статский советник А. А. Желябужский -- был на 18 лет старше Андреевой и женился на Марии Федоровне, когда той было 18 лет. В 1888 году у супругов родился сын Юрий; в 1894 -- дочь Екатерина. Вскоре Желябужский увлекся другой женщиной и порвал с Андреевой. Однако внешне все оставалось по-старому: супруги жили одним домом ради детей. "Об этом знали мои родные и догадывалось большинство знакомых: шила в мешке не утаишь", -- писала Андреева много позже своему другу и товарищу по борьбе, соратнику Красина и Я. М. Свердлову Н. Е. Буренину (активному участнику революционного движения с 1901 года, известному в партии под псевдонимом "товарищ Герман").

По крайней мере с 1901 года Горький начинает заниматься революционной деятельностью. 17 апреля вместе с будущим советским писателем С. Г. Скитальцем (Петровым), Горький был арестован за революционную пропаганду среди сормовских рабочих. Через месяц Горький по состоянию здоровья был переведен под домашний арест, в сентябре закончил прерванную арестом работу над пьесой "Мещане". Видимо, не следует считать совпадением, что в том же сентябре к нему в Нижний Новгород приехал В. И. Немирович-Данченко и взял пьесу для постановки в МХТ(12). Сделано это было по настоянию Морозова, которого, в свою очередь, об этом попросила Андреева.

В ноябре 1901 года Горького высылают из Нижнего Новгорода. По этому случаю в городе организуется демонстрация протеста, среди участников которой будущий председатель ВЦИК Советов Я. М. Свердлов. Подробное освещение этих событий в номере

от 20 декабря 1901 года дает ленинская "Искра". О том же статью "Начало демонстраций" пишет Ленин(13). В 1902 году Горький знакомится с членами Нижегородского комитета РСДРП, прежде всего со Свердловым, несколько позже арестованным (и теперь уже Горький участвует в организации ему помощи).

С 1902 года на сцене МХТ начинают идти пьесы Горького. 26 марта в Петербурге, где гастролировал МХТ, состоялась премьера "Мещан"; 18 декабря в Москве -- премьера "На дне". В это же самое время Горький сближается с Лениным (пока еще заочно) и Красиным. 1903 год для всех участников событий можно считать переломным: "Подлинную революционность я почувствовал именно в большевиках, в статьях Ленина, в речах и в работе интеллигентов, которые шли за ними. Я к ним и „примазался“ еще в 1903 году", -- писал Горький. В том же году ради Андреевой Горький расстается с женой -- Е. П. Пешковой, сохраняя с ней, впрочем, добрые отношения. В конце 1903 года Андреева становится гражданской женой Горького (как и Горькому, Андреевой 35 лет; Морозов -- на шесть лет старше). В декабре 1903 года Андреева знакомит Морозова с Красиным (с Горьким она Морозова уже познакомила; и с тех пор считалось, что Горький и Морозов -- друзья, что отмечено даже "Советским энциклопедическим словарем" 1989 года издания). В 1904 году -- можно думать, что в награду за все содеянное -- Андрееву (как и Буренина) принимают в большевистскую организацию. Партийная кличка Андреевой -- "Стрела" (в кругу партийных товарищей ее звали просто Марусей).

Зензинов писал, что Морозов познакомился с Красиным на даче у Горького в Сестрорецке, близ Петербурга, причем уже тогда Красину удалось получить у Морозова первые деньги на революционную работу. Валентинов считал, что уже в 1901-1903 годах Морозов давал на содержание "Искры" по 2000 рублей в месяц. Большевикам удалось приставить к Морозову нескольких своих людей-адвокатов, которые давали Морозову выгодные для партии советы. Открыто Горький написал об этом только в 1918 году, в период кратковременной своей размолвки с большевиками:

„К сведению вашему скажу, что за время с 1901 по 1917 годы через мои руки прошли сотни тысяч рублей на дело российской социал-демократической партии (большевикам). Из них мой личный заработок исчисляется десятками тысяч, а все остальное черпалось из карманов "буржуазии". "Искра" издавалась на деньги Саввы Морозова, который, конечно, не в долг давал, а жертвовал. Я мог бы назвать добрый десяток почтенных людей -- "буржуев", которые материально помогали росту социал-демократической партии (т. е. большевикам). Это прекрасно знает В. И. Ленин и другие старые работники партии"(14).

Морозов, кроме того, жертвовал деньги на политический Красный крест, на устройство побегов политзаключенных из тюрем (в организации побега большевиков из Таганской тюрьмы участвовала Андреева), на литературу для местных большевистских организаций, закупал меховые куртки для отправляемых в ссылку, прятал у себя большевиков -- Красина и Н. Э. Баумана. С абсолютной уверенностью можно сказать, что без Андреевой субсидий Морозова большевики бы не получали.

Влияние Андреевой на Морозова все больше и больше сказывалось в отборе репертуара для театра. Андреева настаивала на постановках пьес революционных писателей. Именно эти пьесы и поддерживал Морозов. В марте 1903 года на заседании правления театра против постановки пьес революционных писателей выступил Немирович-Данченко, заявив, что театр идет на поводу низких вкусов публики. В феврале 1904 года Андреева подала заявление об уходе из театра (Станиславский, все еще надеясь на деньги Морозова, уговорил ее уйти в годичный отпуск). Савва Тимофеевич решил создать тогда новый театр, во главе с Андреевой и Горьким, с труппой В. Ф. Комиссаржевской, в перестроенном здании юсуповского особняка в Петербурге. Но когда проект архитектора А. А. Галецкого был уже готов, началась революция, стало не до театра.

В начале января 1905 года в Риге Андреева попала в больницу с перитонитом. Горький и Морозов приехали к ней 11 января, прямо из Петербурга. В тот же день Горький был арестован за участие в демонстрации 9 января и доставлен в Петербург. 14 февраля

выздоровевшая Андреева и директор-распорядитель издательства "Знание" К. П. Пятницкий (фактическим главою издательства с 1902 года был Горький) внесли за него залог в 10 000 рублей. Деньги дал Морозов. В тот же вечер Горький был освобожден и выехал в ссылку в Ригу. Морозов уехал в Москву.

В эти дни Морозов потребовал у матери права единолично распоряжаться делами фабрики. В ответ он сам был отстранен от управления мануфактурой и лишен доступа к семейным деньгам. Неожиданно для себя и для окружающих он потерял состояние и должен был теперь полагаться лишь на милость матери.

Весной по Москве и Петербургу поползли слухи, что Морозов сошел с ума. "Сегодня напечатано в газетах и ходит слух о том, что Савва Тимофеевич сошел с ума, -- писал Станиславский жене 13 апреля 1905 г. -- Кажется, это не верно". У семьи были все основания считать, что Морозов болен. 100-тысячный страховой полис Морозова оказался выписанным "на предьявителя" и отдан Андреевой, причем Андреева предупредила Морозова, что передаст деньги большевистской партии. 15 апреля медицинский консилиум нашел у Морозова "тяжелое нервное расстройство" и рекомендовал уехать лечиться за границу (подальше он Андреевой, Горького, революции и революционеров). В сопровождении жены и личного врача Н. Н. Селиванского Морозов уехал во Францию, сначала в Виши, потом в Канны, где остановился в гостинице "Роял". К этому времени по многим совпадающим свидетельским показаниям он навсегда отказал большевикам в дальнейшем финансировании. Еще в середине апреля, перед самым отъездом во Францию, Морозов окончательно рассорился с Горьким. Ранее того, в начале февраля, в присутствии Зинаиды Григорьевны, он отказал в деньгах Красину на организацию Третьего съезда РСДРП. Вторично приехав к Морозову в конце апреля, уже в Виши, Красин снова получил отказ: "Нет! Нет и нет! Денег для вас, милостивые государи, больше у меня нет", -- услышала из другой комнаты Зинаида Григорьевна обрывок разговора. На следующий день Морозов с женой переехали в Канны.

Вечером 13 (26) мая, в 4 часа дня, Саввы Тимофеевича нашли в постели с пулей в сердце. "В этой смерти -- есть нечто таинственное", писал Горький Е. П. Пешковой, услышав о смерти Морозова и еще не зная, что произошло. "Мне почему-то думается, что он застрелился. Во всяком случае есть что-то темное в этой истории"(15). Какая пронизательность! Самым темным эпизодом этой истории было появление в Каннах Красина.

6 сентября 1906 года Андреева, находившаяся в это время в курортном городке Адирондак (в штате Нью-Йорк), написала письмо своей сестре Е. Ф. Крит, у которой на воспитании находились брошенные Андреевой дети. В этом письме она сообщила, как именно будут разделены деньги: не более тысячи адвокату Морозова Малянтовичу; 60 тысяч - Красину; 15 тысяч - долг Пятницкому; "все, что останется, тебе на расходы"(16).

Родственники Морозова пытались опротестовать страховой полис. Состоялся судебный процесс. Его выиграла Андреева. По окончании дела "финансовый отдел" Большевистского центра (Ленин, Красин и Богданов) получил из рук Андреевой 60 тысяч рублей. Ведал всеми этими операциями Красин(17).

000 рублей были большими деньгами. Шла революция. Деньги были нужны и немедленно. Ничто, что мы знаем о большевиках, не дает оснований предположить невозможность убийства человека ради больших денег в партийную кассу. Красин стоял тогда во главе боевой технической группы при ЦК, ответственной за вооруженную борьбу с правительством Российской империи, в том числе и за террористические акты. В эту же группу входил Буренин. Именно Красин руководил нелегальной перевозкой в Россию (через Стокгольм и Хельсинки) закупленного во Франции, Болгарии и Македонии для революционеров оружия; а будучи инженером-химиком лично возглавлял работу лаборатории, изготавливавшей адские машины, ручные гранаты и бомбы. По позднему свидетельству Троцкого, Красин мечтал создать портативную "бомбу величиной с грецкий орех". Мастерская Красина была оборудована в квартире Горького в Москве, в доме 4/7 на

углу Моховой и Воздвиженки (угол проспектов Маркса и Калинина). Охранялась эта квартира закавказскими экспроприаторами группы Камо. Именно здесь были сделаны бомбы, использованные при покушении эсеров-максималистов на председателя совета министров России П. А. Столыпина 12 (25) августа 1906 года на Аптекарском острове. В результате взрыва резиденции Столыпина на Аптекарском острове несколько десятков человек были убиты или ранены (в числе раненых -- дети премьер-министра). Однако сам Столыпин остался невредим. Красинские же бомбы были использованы 14 (27) октября 1906 года во время экспроприации в Фонарном переулке в Петербурге, где эсерами-максималистами было похищено около 400 тысяч рублей. Значительная часть денег, захваченных в Фонарном переулке, была передана за это большевикам, (равно как и часть сумм, похищенных эсерами в банке Московского Общества Взаимного Кредита в Москве в апреле 1906 года).

Хранением снаряжения боевиков на квартире Горького заведовала Андреева. Их совместная революционная деятельность была по заслугам оценена. Осенью 1905 года Горький был принят в большевистскую партию. 27 ноября вместе с Андреевой он приехал в Петербург и в тот же день на квартире Пятницкого впервые встретился с Лениным. Туда же прибыли Богданов и Красин. Очевидно, что они благодарили супругов еще и за морозовские деньги.

Вторая встреча с Лениным состоялась в начале 1906 года в Гельсингфорсе, на квартире В. М. Смирнова. Горький готовился тогда к поездке по США, организованной Красиным -- для сбора денег в кассу Большевистского центра. 12 февраля 1906 года Горький и Андреева покинули Финляндию, а в начале апреля вместе с Бурениным, провожаемые Красиным и Литвиновым, выехали в Нью-Йорк с рекомендательным письмом Исполкома РСДРП и личной запиской Ленина как представителя объединенного РСДРП в Интернационале. И хотя в то время существовал Объединенный большевистско-меньшевистский ЦК РСДРП, собранные в Америке деньги целиком были переданы Бурениным Большевистскому центру. Общепартийный ЦК протестовал, но не получил ни цента. Со временем вопрос был похоронен. Деньги БЦ так и не отдал. Точные размеры собранных сумм неизвестны; во всяком случае речь шла о десятках тысяч рублей. В результате в первую русскую революцию у большевиков было столько денег, что, по словам Красина, можно было не ограничиваться револьверами, а закупать пушки. Вот только доставлять и прятать их было негде.

Если б загадочная смерть Морозова была единственной в этот период, трудно было бы делать многозначительные выводы. Но это была лишь первая ступень к более выгодной сделке -- наследству Николая Павловича Шмидта, 23-летнего фабриканта, владельца лучшей в России мебельной фабрики в Москве на Нижней Прудовой улице в районе Пресни.

Н. П. Шмидт был сыном дочери Викулы Елисеевича Морозова, членом династии Морозовых. Именно Морозов представил Шмидта Горькому. Польщенный знакомством с известным писателем, Шмидт через него начал помогать большевикам, давал деньги на "Новую жизнь" и на оружие. Полиция называла фабрику Шмидта "чертовым гнездом" и после декабрьского вооруженного восстания, в котором активное участие принимали и сам Шмидт, и его фабрика -- арестовала Шмидта. Фабрика Шмидта была разрушена правительственными войсками. Вот что пишет о Шмидте Большая советская энциклопедия, 1-е изд.:

"Видный участник революции 1905, примыкал к партии большевиков, студент Московского университета. [...] Активно участвовал в подготовке декабрьского вооруженного восстания 1905; купил большое количество оружия, которым были вооружены шмидтовская и некоторые другие боевые дружины. Дал московской большевистской организации (через М. Горького) крупные денежные средства на вооружение рабочих. В разгар декабрьского восстания Шмидт был арестован [...]. 13 (26) февраля 1907 (после года с лишним одиночного заключения) Шмидт был найден мертвым в камере тюремной больницы (по одной версии он был зарезан тюремной администрацией, по другой -- покончил

самоубийством)"(18).

Менее формальное описание тех же событий приводит в своих воспоминаниях, опубликованных в 1918 году, А. И. Рыков:

"К периоду 1905-1906 гг. относится мое знакомство с семьей Николая Шмидта, который после своей смерти в тюрьме все свое состояние передал партии. Он был одной из самых интересных фигур того времени. [...] Он, начиная с 1905 года, все время оказывал всяческое содействие нашей партии. [...] Он вооружил большинство рабочих своей фабрики и передал правление своей фабрикой рабочему комитету. Благодаря участию, главным образом, рабочих его фабрики, произошли во время декабрьского восстания 1905 г. известные события на Пресне. [...] И до сих пор остается невыясненным вопрос, покончил ли он жизнь самоубийством в Бутырской тюрьме или же был убит наемным убийцей. В последние дни в тюрьме до отправления меня этапом в Архангельскую губернию ему было предложено освобождение на поруки. Но через пять дней после этого предложения он был найден мертвым в одной из башен Бутырской тюрьмы"(19).

Крупская пишет, что Шмидта "зарезали" в тюрьме, но "перед смертью он сумел передать на волю, что завещает свое имущество большевикам." Как это предусмотрительно, успеть составить завещание в пользу ленинской организации до того, как тебя зарежут!

Не нужно обладать повышенной проницательностью, чтобы догадаться, что Шмидта зарезала не тюремная администрация, готовая выпустить его на поруки, а люди, подсланные большевиками, уже имевшими в своем распоряжении подлинное или подложное завещание Шмидта (превращающееся в реальные деньги только в случае его смерти). В смерти Шмидта большевики были заинтересованы еще и потому, что Шмидт начал выдавать своих сообщников. Валентинов пишет:

"Шмидт никаким физическим пыткам не подвергся. Охранка никогда бы не посмела применить к нему, члену фамилии Морозовых, приемов, ставших вещью нормальной и обычной в практике ГПУ и НКВД. Жандармский офицер из московского охранного отделения, ведавший делом Шмидта, "обработал" его другим способом. [...] Он вел с ним "сердечные" разговоры как бы тайком, без всякой протокольной записи. [...] Обстановка, в которой проходили "сердечные" беседы, походила более на отдельный кабинет ресторана (стол с разными явствами и напитками), чем на камеру допроса. Наивный, не умеющий лгать Шмидт [...] однажды назвал фамилии рабочих, получивших через него оружие, назвал и других лиц, говорил о Савве Морозове и его субсидиях революции"(20).

Уточним, что же именно сообщил Шмидт полиции: "Под арестом он дал показание, что передал Горькому на издание газеты "Новая жизнь" 15000 рублей и 20000 рублей на покупку оружия"(21).

Понятно, что дающий показания Шмидт большевикам был опасен. Как и Морозова, Шмидта убили, а оставшееся после него завещание принесло в кассу большевиков куда больше, чем морозовское. За эти деньги, однако, пришлось побороться, и сам факт этой борьбы также говорит в пользу версии об убийстве Шмидта.

У Шмидта были две сестры (совершеннолетняя Екатерина и несовершеннолетняя Елизавета) и 15-тилетний брат. Чтобы все наследство Шмидта досталось Ленину, нужно было добиться отказа всех троих от денег Шмидта. Это было достигнуто при помощи двух большевиков: Виктора Таратуты и Н. А. Андриканиса.

Большевик Таратута бежал из ссылки через Кавказ в Москву, где появился в ноябре 1905 года (еще до ареста Шмидта во второй половине декабря), стал секретарем московской организации большевиков и заведующим партийной кассой и издательством. Операция БЦ по получению наследства Шмидта, видимо, готовилась долго. По крайней мере Таратута начал ухаживать за младшей сестрой Шмидта -- Елизаветой -- еще до смерти Шмидта. Весной 1906 года Таратута уехал на партийный съезд в Стокгольм. Осенью того же года, возможно уже с Елизаветой Шмидт, Таратута уехал в Финляндию.

Начиная с 1906 года про Таратуту ходят различные слухи. Землячка (Р. С. Залкинд), известная среди большевиков склочница, с одной стороны, и такие уравновешенные

большевики, как И. А. Саммер и Богданов, с другой, утверждали, что Таратута сотрудник Охранки. Как теперь достоверно известно, Таратута провокатором не был. Им оказался другой человек из окружения Ленина -- доктор Житомирский. Однако в те годы Житомирского никто не подозревал, и в выдачах обвиняли Таратуту.

Весной 1907 года по распоряжению Ленина на партийном съезде в Лондоне Таратуту избирают членом БЦ и кандидатом в общепартийный ЦК. Следует отметить, что особое покровительство Ленина было вызвано именно тем обстоятельством, что через Таратуту Ленин планировал получить наследство Шмидта. Впервые за историю социал-демократической партии кандидатом в ЦК избирался человек, обвинявшийся в связях с полицией. Понятно, что кандидатура Таратуты вызывала серьезные возражения, но Ленин сумел настоять на своем, и кандидатура Таратуты прошла.

Вскоре, по-видимому, летом 1907 года, Ленин лично познакомился с Е. П. Шмидт, приехавшей в Финляндию вместе с Таратутой. Девушке было 18-19 лет. В революционную пору она была увлечена Таратутой, настоящей биографии которого она не знала. Положение Таратуты в партии как секретаря Московского комитета РСДРП и члена БЦ ей, безусловно импонировало. Ленин это, конечно же, понимал. Может быть именно поэтому он так настойчиво проталкивал кандидатуру Таратуты в члены ЦК. Ведь формальных гарантий передачи денег девушки в БЦ пока что не было.

Где-то в это время состоялся разговор Ленина с Н. А. Рожковым, объясняющий многое в позиции Ленина. Рожков назвал Таратуту "прожженным негодяем". Но Ленина это не смутило. Более того, он возразил, что именно этим Таратута и ценен: "Тем-то он и хорош, -- говорил Ленин, -- что ни перед чем не остановится. Вот, вы, скажите прямо, могли бы за деньги пойти на содержание к богатой купчихе? Нет? И я не пошел бы, не мог бы себя пересилить. А Виктор пошел... Это человек незаменимый"(22).

Пока что Таратута "путем недопустимых угроз"(23) заставил отказаться от наследства опекунов 15-летнего брата. Уточним, что под "недопустимыми угрозами" имелось в виду убийство всех тех, кто стоит на пути передачи денег Шмидта в партийную кассу. Об этом рассказал С. П. Шестернин, старый социал-демократ из Иваново-Вознесенска, использованный большевиками для получения наследства Шмидта и вывоза денег за границу(24). Так, на первой же встрече представителей БЦ (Ленина, Красина и Таратуты) с братом Шмидта и его адвокатами весной 1907 года в Выборге Таратута "резким металлическим голосом" заявил, что устранил всякого, кто будет мешать получению денег. Ленин "дернул Таратуту за рукав", а среди петербургских адвокатов молодого Шмидта "произошло какое-то замешательство". Через несколько дней после этой встречи адвокаты сообщили, что брат Шмидта от своих прав на наследство отказывается в пользу двух сестер.

Тем временем молодой московский адвокат, помощник присяжного поверенного Н. А. Андриканис, член большевистской организации Москвы, в 1907 году женился на старшей из сестер Шмидта -- Екатерине, но от намерений отдать теперь уже собственные деньги в партийную кассу Ленина решил отказаться. Тогда находчивый Таратута угрожает убить сестер и мужа старшей сестры Андриканиса, если те не передадут деньги в кассу БЦ. Испуганный Андриканис апеллирует к партии. Межпартийный суд, председателем которого был назначен один из лидеров эсеровской партии М. А. Натансон, обязывает Андриканиса внести в кассу большевиков не то треть, не то половину полученной в наследство суммы(25). И хотя очевидно, что Андриканис выполнил постановление межпартийного суда, Таратута остался недоволен исходом дела и продолжал Андриканису угрожать. Последнему ничего не оставалось, как снова апеллировать к партии: Андриканис обращается в объединенный ЦК с жалобой на действия Таратуты, подчеркивая, что БЦ требует деньги, завещанные всей партии. Тогда Таратуту берут под защиту Ленин, Зиновьев, Каменев и Иннокентьев: "Мы заявляем, что все дело Z [Андриканиса] т. Виктор вел вместе с нами, по нашему поручению, под нашим контролем. Мы целиком отвечаем за это дело все и протестуем против попыток выделить по этому делу т-а Виктора"(26).

После выхода в свет в Париже в 1911 году брошюры Мартова "Спасители или

упразднители?", большевик Каменев ответил Мартову целой книгой -- "Две партии"(27). В ней он более подробно коснулся дела Андриканиса и Екатерины Шмидт:

"Большевики поручили попечение о деньгах, которые они должны были получить, Андриканису. Когда же наступило время получения этих денег, то оказалось, что Андриканис настолько "сроднился" с этими деньгами, что нам, подпольной организации, получить их от него невероятно трудно. Ввиду целого ряда условий, о которых немислимо говорить в печати, Андриканис не мог отрицать прав Большевицкого центра полностью. Но Андриканис заявил, что большевикам принадлежит лишь часть этого имущества (очень ничтожная), что эту часть он не отказывается уплатить, но ни сроков, ни суммы указать не может. А за вычетом этой части все остальное принадлежит ему, Андриканису... Большевицкому центру осталось только отдать Андриканиса на суд общественного мнения, передав третейскому суду свой иск. И вот здесь-то и наступила труднейшая часть дела. Когда зашла речь о суде, Андриканис письменно заявил о своем выходе из партии и потребовал, чтобы в суде не было ни социал-демократов, ни бывших социал-демократов. Нам оставалось либо отказаться от всякой надежды получить что-либо, отказавшись от такого суда, либо согласиться на состав суда не из социал-демократов. Мы избрали последнее, оговорив только ввиду конспиративного характера дела, что суд должен быть по составу "не правее беспартийных левых". По приговору этого суда мы получили максимум того, чего вообще суд мог добиться от Андриканиса. Суду пришлось считаться с размерами тех юридических гарантий, которые удалось получить от Андриканиса до суда. Все-таки за Андриканисом осталась львиная доля имущества"(28).

Каменев утверждал далее, что правильность требований большевиков подтверждается многочисленными документами, которые не могут быть опубликованы по соображениям конспирации. Но и после революции, когда конспиративные соображения отпали, ни один из многочисленных документов, о которых шла речь, опубликован не был, хотя все они имелись в распоряжении БЦ и хранились затем в архиве ЦК КПСС, а книга Каменева была переиздана в 1924 году (из переиздания было изъято лишь заявление Вильямова [Виктора Таратуты], с. I-XVI)(29).

Дискуссия получалась громкой и сложной. Мартов теперь утверждал, что деньги, завещанные Шмидтом, являются собственностью ЦК и назвал происходящее "экспроприацией партийных денег Большевицким центром"(30). Каменев доказывал, что спор с Андриканисом не о том, кому должны быть переданы деньги, по праву принадлежащие ленинскому БЦ, а какую долю этих денег Андриканис вправе оставить себе и что в основе действий Андриканиса (в чем Каменев, безусловно, был прав) лежит не борьба за справедливые принципы, а желание урвать себе как можно большую долю. "В это время, -- писала в воспоминаниях Н. К. Крупская, большевики получили прочную материальную базу". Настолько прочную, уточняет Валентинов, что часть ее "в конце 1908 года появляется на текущем счете Ленина в отделении Credit Lyonnais, на Avenue d'Orleans No 19 в Париже"(31). В двадцатых числах мая 1908 г. Ленин получил известия, что часть наследства Шмидта реализована, все документы оформлены и Шестернин выезжает с ними из Москвы в Париж. Это были деньги Елизаветы Шмидт, возлюбленной Таратуты, жены А. М. Игнатьева -- 510 тысяч франков или примерно 190 тысяч рублей золотом(32). Финансовый кризис кончился, и Андриканиса, в обмен на обещание не поднимать более вопроса о том, что наследство Шмидта является собственностью ЦК, оставили в покое.

"Богатая купчиха" Елизавета Шмидт -- а на самом деле молоденькая курсистка -- оказалась не так безнадежна, как думал Ленин. Свою сознательную гражданскую жизнь она начала с составления завещания по которому передала в случае своей смерти все деньги... -- большевицкой партии. Трудно предположить, что это не было сделано еще и под давлением Таратуты. "Елизавета Павловна Шмидт доставшуюся ей после брата долю наследства решила передать большевикам", -- сообщает Крупская. Но не уточняет, как именно произошла эта "передача".

А произошло следующее. Поскольку Е. П. Шмидт еще не было 21 года, она не могла по

российским законам распоряжаться своим наследством до замужества. Тогда был устроен ее фиктивный брак с Игнатьевым, ответственным организатором Боевой группы при ЦК и одним из доверенных людей Красина. С формального разрешения Игнатьева в конце 1907 г. Е. П. Шмидт начала подписывать все документы, которые были необходимы для продажи ее доли в наследстве брата (уже завещанной партии). Для большей надежности фактическим мужем девушки, по решению партии, оставался Таратута. Так были гарантированы Ленину деньги Е. П. Шмидт(33).

На фоне склоки с Андриканисом и далекого от высоких идеалов социализма спора Мартова и Каменева из-за денег, происходит разрыв Ленина с Богдановым и Красиным по внешне принципиальному вопросу об экспроприациях в революции и размене оставшихся 500-рублевков. Неожиданно для своих партнеров, Ленин выступил против продолжения экспроприаций и рискованных авантур, особенно за границей. Он настаивал на отказе от планов дальнейших разменов оставшихся 150 пятисотрублевков, предпочитая потерять 75 тысяч рублей. Красин и Богданов придерживались иного мнения. Богданов организовал попытку размена денег в Северной Америке, также закончившуюся провалом. Красин после ряда опытов смог подправить номера пятисотрублевков и частично их реализовать (на эти деньги отколовшаяся от Ленина группа "Вперед" выпустила семь сборников, увидевших свет в 1910-13 годах), хотя к этому времени уже во всех банках мира был установлен строгий контроль за российскими пятисотрублевками. Однако отношения Ленина с Красиным и Богдановым были на этом разорваны, а в 1909 году, по настоянию меньшевиков, РСДРП оставшиеся неразменные 500-рублевки постановила сжечь.

Ленин хотел контролировать деньги единолично. Красин и Богданов настаивали на том, что финансовыми вопросами руководит "финансовый отдел" БЦ (Ленин, Красин, Богданов). И когда Красин с Богдановым отказались подчиниться диктату Ленина, последний легко нашел политические разногласия для столь необходимой ссоры. Понятно, что Ленин никогда не пошел бы на разрыв с Богдановым и, особенно, Красиным, если бы это было невыгодно с финансовой точки зрения. Своих вчерашних соратников -- Красина и Богданова -- коварный Ленин решает оболгать, публично с ними рассориться, а рассорившись -- исключить Богданова и Красина из БЦ, оставив таким образом себе все деньги Шмидта. Для этого Ленину необходимо созвать конференцию, что он и делает. 1 июля 1908 г., через несколько дней после возвращения в Женеву, Ленин пишет письмо В. В. Воровскому:

"В августе нового стиля все же непременно рассчитываем на Вас, как на участника конференции. Обязательно устройте так, чтобы могли съездить за границу. Деньги вышлем на поездку всем большевикам. На местах давайте лозунг: мандаты давать только местным и действительным работникам. Убедительно просим писать для нашей газеты. Можем платить теперь за статьи и будем платить аккуратно"(34).

Из этого письма следует, во-первых, то, что в распоряжении Ленина уже есть крупные суммы денег, а, во-вторых, что он созывает конференцию, на которую, пользуясь имеющимися в его распоряжении деньгами вызывает преданных ему людей. Правда, вместо конференции 24-26 августа был созван пленум ЦК, которому предшествовало совещание БЦ, предрешившее исход пленума. Общее собрание БЦ созвать было невозможно. Больше трети членов БЦ были в тюрьмах и ссылках. В эмиграции находилось 9 человек, но и относительно них нет точных данных о том, были ли они участниками августовского совещания 1908 года. Известно только, что в августе 1908 г., четверо примкнуло к Ленину (Дубровинский, Зиновьев, Каменев и Таратута), а двое -- к Богданову и Красину (М. Н. Покровский и В. Л. Шанцер). Ленин получил большинство. Сразу же после этого он распустил "коллегию трех" (Ленин, Красин, Богданов), "финансовую группу" (Ленин, Красин, Богданов) и официально закрепил функции распорядителей денег БЦ за преданной Ленину новой "финансовой комиссией" Большевистского центра, в которую вошли Зиновьев (от редакции "Пролетария"), жена Ленина Крупская (как секретарь БЦ), Котляренко (как ответственный за транспорт) и Таратута (как отвечающий за кассу БЦ). Пятым в комиссию, без указания на

круг обязанностей, был введен Житомирский -- агент Охранного отделения Департамента полиции России. Деньги БЦ полностью и на вполне законном основании попали под контроль Ленина.

Идеологически разрыв был закреплен специально написанной по этому поводу философской работой Ленина "Материализм и эмпириокритицизм". Вышедшая в 1909 году, книга была направлена против всех философских теорий, как в России, так и за границей, и представляла собою сборник злобных выпадов. Понятно, что такая работа была далека от философии; и опыт Ленина в этой области следует считать крайне неудачным. Но поскольку антибогдановская направленность этого скучного тома была вызвана не философскими расхождениями, а финансовой дразгой, смысл написанного представляется нам теперь в совсем ином свете.

Точную сумму поступлений в кассу Ленина знали всего несколько человек, прежде всего Ленин и Таратута. Емельян Ярославский указывал, что наследство Шмидта составило 280.000 золотых рублей(35). Но Ярославский мог о чем-то и не знать. После состоявшегося в начале 1910 года примирения между большевиками и меньшевиками и объединения партийных касс, большевики обязались передать К. Каутскому, Ф. Мерингу и К. Цеткин, видным германским социал-демократам, назначенным "держателями" большевистской кассы, 475 тысяч франков, или примерно 178 тысяч золотых рублей. 30 тысяч франков или примерно 11 тысяч золотых рублей большевики имели право оставить в своей кассе. За период 1908-1909 годов большевиками были растрочены на фракционные нужды, прежде всего издательскую деятельность, примерно 220 тысяч франков или несколько больше 81 тысячи золотых рублей. Все это означало, что в распоряжении большевиков было как минимум 725 тысяч франков или 268 с половиной тысяч золотых рублей(36). Правда, Мартов считал, что часть денег большевиками была утаена. И, вероятно, лидер меньшевиков был прав. Но определенно никто ничего сказать не мог.

Поскольку предполагалось, что деньги в объединенный ЦК ленинский БЦ будет передавать поэтапно, большевики всех денег Шмидта не отдали. К концу 1910 года блок большевиков и меньшевиков окончательно распался, и Ленин приостановил передачу денег "держателям". Более того, он потребовал, чтобы отданные германским социал-демократам ранее деньги были возвращены большевикам. Испугавшись очередного скандала, Каутский и Меринг вышли из числа третейских судей. Держателем денег осталась одна Цеткин. Несмотря на требования Ленина, она отказалась выдать большевикам деньги. Вопрос этот так и остался неурегулированным вплоть до первой мировой войны. Революция 1917 года сняла его с повестки дня окончательно. Но так как отношение советского правительства к Цеткин после революции было подчеркнуто хорошим и в период чисток расстреляна она не была, следует заключить, что она передала в распоряжение Ленина все требуемые им суммы.

Разрыв с меньшевиками и вчерашними союзниками -- такими как Богданов и Красин -- не прошел для Ленина даром. Ленин считается фанатиком-одиночкой, экстремистом, за которым идет очень незначительное число сторонников, эмигрировавшим из России политическим деятелем, у которого нет ни своей партии, ни даже организации. Созыв в январе 1912 года так называемой 6-й партийной конференции в Праге был ни чем иным, как отчаянной попыткой Ленина вырваться из изоляции и поднять авторитет собственной группы в глазах социалистов. Заочное кооптирование Лениным в том же году в состав ЦК и в Русское бюро ЦК РСДРП И. В. Сталина было, безусловно, вызвано теми же соображениями: через Сталина Ленин получал выход на революционеров в России -- по крайней мере именно в этом был его расчет.

В годы первой мировой войны, будучи неразборчивым в средствах и всегда подчиняя их цели, Ленин через посредников вступает в контакт с представителями германского правительства, в том числе членами немецкого МИДа, военными ведомствами и органами разведки. Взаимоотношения между большевистской партией и кайзеровским правительством в годы мировой войны долгое время оставались для историков загадкой. Сенсацией разнеслись по миру первые сведения о том, что германское правительство, заинтересованное

в скорейшем ослаблении Российской империи и выходе последней из войны, нашло выгодным для себя финансирование социалистических партий, стоявших за поражение России в войне и ведших усиленную пораженческую пропаганду. Германский социал-демократ Эдуард Бернштейн, занимавший одно время пост заместителя министра финансов в германском правительстве, указал на связь с немцами Ленина в статье "Темная история", опубликованной 14 января 1921 года в утреннем выпуске газеты "Форвертс":

"Ленин и его товарищи получили от кайзерской Германии огромные суммы. Я узнал об этом еще в конце декабря 1917 года. Через одного друга я осведомился об этом у некоего лица, которое, вследствие своих связей с различными учреждениями, должно было быть в курсе дела, и получил утвердительный ответ. Правда, тогда я не знал размера этих сумм и кто был посредником при их передаче. Теперь я получил сведения от заслуживающего доверия источника, что речь идет о суммах почти неправдоподобных, наверняка превышающих 50 миллионов немецких золотых марок, так что ни у Ленина, ни у его товарищей не могло возникнуть никаких сомнений относительно источников этих денег."

Видимо, Бернштейн несколько занижил сумму. В архивной записи разговора, сделанной в первых числах января 1921 года, раскрывая имена своих информаторов, Бернштейн указывал на 60 млн. марок:

"О получении большевиками денег от германского правительства я услышал на заседании комиссии рейхстага в 1921 г. Заседание комиссии, обсуждавшее вопросы внешней политики, состоялось под председательством депутата рейхстага проф. Вальтера Шюкинга. На заседании присутствовали, кроме членов рейхстага, высокие чины министерства иностранных дел и военного министерства. По окончании официальной части собрания состоялся свободный обмен мнениями между присутствующими. Во время этих бесед один из членов комиссии громко заявил другому: "Ведь большевики получили 60 миллионов марок от германского правительства". Я тогда спросил сидевшего возле меня легационсрата Эккерта (впоследствии посланника), соответствует ли это заявление действительности. Господин Эккерт это подтвердил. На другой день я посетил проф. Шюкинга, как председателя комиссии, и, рассказав ему о разговоре относительно упомянутых 60 мил. марок, спросил, известно ли ему что-нибудь об этом. На это он мне ответил, что и ему известен факт выдачи этой суммы большевикам"(37).

Статья Бернштейна вызвала протесты германских коммунистов, обвинивших его в клевете и потребовавших официального ответа у МИДа по вопросу о финансировании Германией ленинской группы. МИД по существу ушел от ответа. Тогда Бернштейн опубликовал вторую статью -- "Немецкие миллионы Ленина":

"На запрос правительству коммуниста В. Дювеля относительно выдвинутого мною утверждения о выдаче Ленину и его товарищам 50 миллионов марок министерство иностранных дел дало именно тот ответ, какой предполагала расплывчатая формулировка вопроса. МИД заявил, что в его документах нет никаких указаний на то, что МИД дал согласие на поддержку Ленина и его товарищей немецкими военными властями. Если бы [коммунистическая] газета "Роте Фане" была заинтересована в том, чтобы выяснить правду, а не осыпать меня ругательствами, она бы на это возразила министерству, что в его ответе обойдена суть [...]. Этот ответ отрицает то, чего я не утверждал, зато тщательно обходит всякое высказывание о том, соответствует ли действительности или нет сказанное мною [...]. В ответе даже не сказано, что министерству ничего не известно об этом деле. В ответе лишь говорится, что в документах МИД на эту тему ничего нет. Но на войне происходит множество событий, которые никоим образом не отражаются в документах правительственных учреждений. [...] Не разделяя приверженности "Роте фане" к судам, я более всего желал бы представить этот случай на рассмотрение международного следственного комитета, составленного исключительно из социалистов. Но поскольку создание такого комитета -- дело чрезвычайно трудное и может занять еще много месяцев [...] я решил выбрать другой путь. Сразу после нового собрания рейхстага я обращаюсь к нему с запросом передать это дело, с целью ускоренного рассмотрения, второму подкомитету

комитета по расследованию возникновения войны [...]".

Однако Бернштейн затронул проблему, обсуждать которую не хотелось ни коммунистам, ни германскому правительству, ни немецкой социал-демократической партии. Не приходится удивляться, что так всех заинтриговавший вопрос остался безответным, а Бернштейн, равно как и немецкие коммунисты, предпочли не настаивать на создании комиссии для расследования вопроса о германских золотых марках. И когда известный охотник за провокаторами и шпионами В. Л. Бурцев предложил в германское социал-демократическое издательство книжку о том, как Ленин и большевики получали деньги от германского имперского правительства, издательство книжку печатать отказалось:(38)

"Я далеко не уверен, что об этом вопросе говорить своевременно, - писал в 1931 году историк и архивист Б. И. Николаевский жалуящемуся на отказ немцев В. Л. Бурцеву -- [...] во всяком случае немцы-то вполне определенно убеждены, что поднимать эту группу вопросов преждевременно. [...] Простите меня, Владимир Львович, неужели Вы думаете, что Ваша эта работа может быть принята к изданию каким-либо немецким социал-демократическим издательством? Ведь это абсолютно невозможная вещь. Ведь Вы, наверное, знаете, что в 1920 [1921] г. Э. Бернштейн получил некоторые материалы относительно отношений в годы войны между немецким штабом и большевиками и начал было их публиковать [...], но ему пришлось это дело приостановить и он до сих пор к нему не возвращается"(39).

Бурцеву оставалось только согласиться: "Вы правы, что немцы не хотят поднимать вопроса о том, как они помогали Ленину"(40).

По прошествии многих лет в распоряжение историков были переданы документы, позволяющие более глубоко и внимательно изучить ставший уже легендой вопрос о немецких деньгах и plombированном вагоне. В числе сборников таких документов следует прежде всего назвать "Документы Земана" и "Документы Хальвега"(41). Нужно отметить, что эти публикации, с очевидностью указывавшие на связь с германским правительством таких известных революционеров, как швейцарский социал-демократ Карл Моор (Баер), русско-румынско-болгарский социалист Х. Раковский, эсеры Цивин (Вейс) и Рубакин -- вызвали настоящий переполох среди еще живших революционеров.

Картина получалась достаточно детективная. Было очевидно, что всегда имело место сотрудничество революционеров с главными внешнеполитическими противниками Российской империи. Так, уже в феврале 1904 года японский военный атташе в России полковник М. Акаси вступил в контакт с руководителем Финляндской партии активного сопротивления К. Циллиаксом и одним из руководителей Грузинской партии социалистов-федералистов-революционеров Г. Г. Деканозовым. Тогда же у Акаси "возник план оказания финансовой помощи революционерам с тем, чтобы ускорить начало вооруженного восстания в России"(42).

На японские деньги и с одобрения японской разведки и генштаба с 30 сентября по 4 октября 1904 года проводилась в Париже Конференция революционных и оппозиционных партий (а в 1905 году -- Женевская конференция). В мае 1904 года на японские деньги было открыто Лениным и В. Д. Бонч-Бруевичем первое большое социалистическое издательство, начавшее поставки в Японию пораженческой социал-демократической и эсеровской литературы для пленных русских солдат. Но уже летом 1904 года о происхождении денег Ленина и Бонч-Бруевича стало известно руководству РСДРП, и в июле 1904 года ЦК, обозванный Лениным за это "примиренческим", категорически предписал Бонч-Бруевичу прекратить "высылку партийной литературы токийскому правительству как компрометирующую партию"(43). Поскольку Бонч-Бруевич не подчинился решению ЦК и в Японию продолжалась отсылка литературы, ЦК вынужден был формально отстранить Бонч-Бруевича от руководства экспедицией. На прямо поставленный Плехановым вопрос, вошел ли Бонч-Бруевич в сношения с японским правительством от имени экспедиции, последний лишь выразил свое негодование по поводу инсинуаций. "Я тотчас обо всем рассказал Владимиру Ильичу, и он от души смеялся над „меньшевистскими дурачками\"", -- хвастался

Бонч-Бруевич много лет спустя(44). Впрочем, не таким уж "дурачком" был Плеханов. В 1915 году он сообщил Г. А. Алексинскому, что "уже во время русско-японской войны Ленинский центр не брезговал помощью японского правительства, агенты которого в Европе помогали распространению ленинских изданий"(45).

В начале марта 1904 г. Акаси поехал в Краков на встречу с Романом Дмовским, членом Тайного совета польской Лиги народовой. С рекомендательными письмами Акаси Дмовский отправился затем на встречу с заместителем начальника японского генштаба генералом Г. Комода и руководителем японской разведки генералом Я. Хукусима. В середине мая 1904 года Дмовский "прибыл в Токио, где по просьбе Комада составил две обширные записки о внутреннем положении России и польском вопросе"(46). Но поскольку Лига была против создания польского фронта в тылу России, Дмовский убеждал японское командование в тщетности надежд на использование польского национального движения для ослабления Российской империи.

Иную позицию заняла польская социалистическая партия (ППС). Уже в феврале 1904 года ППС выпустила воззвание, в котором высказывала желательность победы Японии в русско-японской войне. В надежде на поражение России и распад Российской империи Центральный революционный комитет ППС в союзе с другими польскими революционными партиями взял курс на организацию в Польше вооруженного восстания. В середине марта 1904 года член ЦРК ППС В. Иодко-Наркевич представил план восстания послу Японии в Лондоне Т. Хаяси. Среди прочего, план предусматривал пропаганду "среди польских солдат русской армии" и "разрушение мостов и железнодорожного полотна"(47). В начале июля для продолжения переговоров в Японию отправился человек, имя которого вошло в польскую и мировую историю: член ЦРК ППС, будущий руководитель независимой Польши Юзеф Пилсудский, представивший японскому МИДу меморандум, в котором просил выдать ППС деньги на организацию вооруженного восстания и заключить политический союз между польской социалистической партией и Японией. Японский генштаб побоялся вступать в политическое соглашение с польскими социалистами и принял решение политические контакты продолжать с революционными националистами Дмовского. В то же время для проведения разведывательной и диверсионной работы в тылу русской армии Пилсудскому были выданы 20 тыс. фунтов стерлингов (примерно 200 тыс. рублей)(48).

Сколько же денег потратила Япония на русскую революцию, кому именно и на что шли эти деньги? Исчерпывающе на этот вопрос ответить трудно. В середине марта 1905 года военное ведомство Японии приняло решение ассигновать на нужды вооруженного восстания в России 1 млн. йен(49). В конце марта -- начале апреля в эмиграции началась работа по закупке оружия. Закупкой активно занимались Деканозов, Циллиакус, Г. А. Гапон, эсеры Н. В. Чайковский и Д. Я. Соскинс, причем эсеры делали вид, что не знают о происхождении денег. Закупка велась и через посредников из других партий, например, через анархиста Евгения Бо. Основные деньги получили эсеры, ППС, Грузинская партия социалистов-федералистов-революционеров и Финляндская партия активного сопротивления(50). Для транспортировки оружия сначала были закуплены паровые яхты "Сесил" и "Сизл"; затем 315-тонный пароход "Джон Графтон" и судно "Фульхам". 28 июля "Джон Графтон", переименованный в "Луну", прибыл в голландский порт Флиссинген, где была произведена смена команды. В новую команду входили финны и латыши во главе с членом латышской СДРП Яном Страутманисом. "Фульхам", переименованный в "Ункай Мару", направлялся пока что к острову Гернсней, куда вскоре прибыла "Луна" и где в течение трех суток производилась перегрузка оружия. После этого все три судна -- "Луна", "Сесил" и "Сизл" направились на северо-восток.

Однако экспедицию ожидали неудачи. "Сесил" и "Сизл" задержались в Дании. "Луна" выгрузила часть оружия к северу от Виндау, но не найдя никого в предполагаемом месте главной выгрузки (на острове близ Выборга) вернулась в Копенгаген. 4 и 6 сентября "Луна" дважды произвела успешные выгрузки оружия в районе Кеми и близ Пиетарсаари. Но ранним утром 7 сентября пароход сел на мель в 22 км от Якобстадта и был взорван самими

революционерами (команда уплыла в Швецию на взятой у местных жителей яхте). Так как взрыв "Луны" был организован так же плохо, как и сама экспедиция, две трети вооружений досталось российскому правительству; многое разошлось среди местного населения; и лишь небольшая часть досталась революционерам (доставленные "Луной" винтовки "Веттерли" были использованы мятежниками во время декабрьского восстания 1905 года в Москве)(51).

К абсолютно успешным предприятиям по перевозке оружия в тот период можно отнести лишь доставку в конце 1905 года на пароходе "Сириус" на Кавказ 8,5 тысяч винтовок(52). Однако о масштабах закупок на японские деньги нужно судить не по доставкам, а по закупкам: Деканозовым и Бо были закуплены в Швейцарии 25 тыс. винтовок и свыше 4 млн. патронов к ним; кроме того были закуплены 2,5 -- 3 тыс. револьверов и 3 тонны взрывчатых веществ. Очевидно, что это далеко не полный перечень, так как известно, например, что партия кавалерийских карабинов "Маузер" была закуплена в Гамбурге Циллиакусом и что в период с весны 1904 по конец 1905 года только через Финляндию в Россию революционерами были ввезены свыше 15 тыс. винтовок и ружей, около 24 тыс. револьверов и большое количество патронов, боеприпасов и динамита(53).

Между русско-японской войной и русско-германской, начиная примерно с 1909, революционеры сотрудничали главным образом с Австро-Венгрией, игравшей на национальных противоречиях Российской империи. Сотрудничество шло по двум направлениям. Основное -- через военную разведку австрийского генштаба; и вспомогательное -- через МИД Австро-Венгрии. Известный большевик и сотрудник Ленина Я. С. Ганецкий в этой игре был ключевой фигурой. Он был связан с австрийцами именно в период 1909-1914 годов, организовывал с согласия австро-венгерского правительства переезд Ленина в Галицию (Краков). Переезд этот был связан с проводимой тогда австрийским правительством политикой сотрудничества с русскими и польскими революционерами. От польских социал-демократов и здесь в главной роли выступал Пилсудский.

С окончанием русско-японской войны финансирование Японией ППС прекратилось. Перед Пилсудским встал вопрос о дальнейшем финансировании своей политической деятельности. Откровенная шпионско-диверсионная деятельность ППС не проходит для партии даром. В 1906 году в ППС начинается раскол. В ноябре 1906 года на Девятом съезде ППС Пилсудский и его сторонники окончательно раскалывают партию, выходят из ППС и образуют собственную "Революционную фракцию ППС". Значительное число членов боевой организации ППС, намеренных заниматься не столько теоретической и литературной деятельностью, сколько вооруженной борьбой, террористическими актами и экспроприациями, уходит с Пилсудским.

Последней крупной экспроприацией ППС следует считать нападение на почтовый поезд у Бездан, под Вильно, состоявшееся в ноябре 1908 года. В нем принимает участие сам Пилсудский. Было захвачено 200 тысяч рублей. И все-таки это были копейки, на которые нельзя было взорвать российскую монархию и освободить Польшу. Постепенно Пилсудский приходил к выводу, что революционную базу нужно готовить за границей, заручившись поддержкой очередного внешнеполитического врага России. Самым естественным выбором казалась Австро-Венгрия, в состав которой входила Галиция - восточная часть Польши, пользовавшаяся известной автономией.

Первые переговоры Пилсудского с австрийцами относятся к 1906 году. 29 сентября вместе с Иодко-Наркевичем Пилсудский встретился с полковником Францем Каником, начальником штаба 10-го корпуса в Пшемьсле. В рапорте на имя начальника генерального штаба в Вену Каник писал об этой встрече следующее:

"Они предложили нам всякого рода разведывательные услуги против России взамен за определенные услуги с нашей стороны. Под этими взаимными услугами подразумевается поддержка борьбы против русского правительства следующим образом: содействие в приобретении оружия, терпимое отношение к тайным складам оружия и партийным агентам в Галиции, неприменение репрессий по отношению к австрийским резервистам, которые

примут участие в борьбе против России, и к революционерам в случае возможной интервенции нашей монархии".

К лету 1908 года были установлены прочные контакты с майором австрийского генерального штаба начальником политико-разведывательного отдела Львовского корпуса Густавом Ишковским. С 1908 года Пилсудский с ведома и разрешения австрийских властей приступил к формированию в Галиции польских военных частей. В конце июня во Львове Пилсудский создает "Союз активной борьбы", боевую организацию, насчитывающую к июню 1909 года 147 членов. Однако конспиративный характер работы противоречил задачам создания массовой польской армии. И тогда в 1910 году Пилсудский добился от австрийского правительства разрешения на создание в соответствии с австрийским законом о союзах стрелков легальных военнизированных организаций: "Стрелок" в Кракове и "Союз стрелков" во Львове. "Союз активной борьбы" оставался их тайным руководящим центром.

Летом 1912 года Пилсудский организует "Польское военное казначейство", занимавшееся финансированием военно-политической деятельности Пилсудского. Понятно, что основные деньги в казначейство поступали от австрийских властей. Пилсудский в это время ворочал суммами, о которых нищий эмигрант Ленин и мечтать не мог. Вопрос в том, помогал ли Пилсудский через посредников Ленину(54). Похоже, что помогал. Краков был центром движения Пилсудского. И переезд Ленина в штаб-квартиру политической и военной деятельности Пилсудского в 1912 году не мог быть случайным, не мог произойти без согласия австрийского правительства, без разрешения Пилсудского и без выгоды для Ленина, причем речь шла о переезде Ленина именно под крылышко Пилсудского в Краков, небольшой город с населением меньше 100.000 человек, а не под контроль австрийцев в абстрактную Галицию.

Не все в революционном лагере поддерживали такую политику. Ленин, безусловно, был в курсе "сотрудничества" с австро-венгерским правительством и, находя его выгодным, стоял за него. Однако с 1904 года часть руководства польской социалистической партии, прежде всего Роза Люксембург, чей авторитет был велик не только в польской социал-демократической организации, но и в германской, высказываются против сотрудничества сначала с японским генштабом, а затем -- против сотрудничества Пилсудского и Ганецкого с правительственными органами Австро-Венгрии. Именно по вопросу об "австрийской ориентации" Пилсудского и происходит окончательный раскол в польской социал-демократии. Ганецкий выступил "за". Люксембург, Тышко, Варский, Дзержинский и другие -- против. Примерно в то же время, формально по совсем другому поводу, из польской социал-демократической партии по инициативе Люксембург был исключен Карл Радек. Подлинной причиной исключения Радека из партии были имевшиеся у Люксембург подозрения в том, что Радек (как и Ганецкий), сотрудничает с военной разведкой Австрии.

О сомнительных связях польских и русских революционеров с правительством Австро-Венгрии знали или догадывались австрийские социал-демократы. Они делали все возможное, чтобы не оказаться замешанными в историю, которая рано или поздно непременно должна была бы закончиться скандалом. Но и выступать с разоблачениями связей социалистов других стран с собственным правительством австрийские социал-демократы не хотели. При этом в частных беседах они высказывали "агентам" австрийского правительства свое недовольство. О. Бауэр рассказывал меньшевику Ф. Дану в 1925 году о своем разговоре на эту тему с Пилсудским, когда тот пришел в правление австрийских социал-демократов:

"Я понимаю, -- сказал Бауэр, -- что Вы, как польский социалист, можете хотеть поддерживать дружеские сношения с социалистами австрийскими; я могу допустить, что Вы, как польский националист, можете считать нужным поддерживать сношения с австрийским штабом. Но я не понимаю, как Вы не видите, что поддерживать сношения одновременно и с австрийскими социалистами, и с австрийским штабом невозможно."

Пилсудский отлично это видел. Просто, как и Ленин, он находил такую игру выгодной. Можно добавить, что, как и Ленин, он извлек тройную выгоду из этой двойной игры. С

началом первой мировой войны сотрудничество Пилсудского с австрийским правительством правильнее назвать открытым военно-политическим союзом. При поддержке австро-венгерского генштаба после начала первой мировой войны Пилсудский организовал разведывательную деятельность и создал в Галиции диверсионно-террористическую организацию "Стрелец". Тогда же, в августе 1914 года, по инициативе Пилсудского создается "Польска организация войскова" (ПОВ). В разгар войны Пилсудский командовал польским легионом, сражавшимся на стороне Австро-Венгрии. Когда постановлением от 5 ноября 1916 года оккупационные власти Германии и Австро-Венгрии провозгласили создание в Восточной Польше Польского государства, Пилсудский стал членом "Временного государственного совета королевства Польского", а в 1917 г. стал начальником военного департамента в правительстве "независимого" польского государства, созданного оккупационными властями Германии и Австро-Венгрии.

После победы февральской революции в России Пилсудский еще раз меняет фронт. Признание Временным правительством России права Польши на независимость сняло необходимость ориентации на Австрию, не желавшую передавать Галицию Польше. После вступления в войну США стало ясно, что странам Четверного союза скорее всего не видать победы. А с победой Антанты приходил конец политической карьере проавстрийского Пилсудского. Пилсудский начал искать повод для разрыва с Австрией. В июле 1917 года он его, наконец, нашел: 22 числа Пилсудского арестовывают за призыв к польским легионерам отказаться от принесения присяги Австро-Венгрии и заключают в Магдебургскую крепость в Германии. Из сторонника немцев и австрийцев Пилсудский превращается в жертву оккупантов, его политический вес возрастает с каждым днем пребывания в тюрьме.

В ноябре 1918 года новое германское правительство освобождает Пилсудского, он с триумфом возвращается в Варшаву и в феврале 1919 года решением Сейма назначается Начальником польского государства и Верховным вождем, каковым, с трехгодичным перерывом (1923-26), остается фактически до своей смерти, последовавшей в 1935 году. Шпионско-диверсионное прошлое не повредило его карьере.

После начала первой мировой войны военная разведка Австрии передала контакты с революционерами немецкой разведке. Самое позднее в 1915 году Ганецкий начинает сотрудничество с видным германо-русским революционером и агентом германского правительства А. Парвусом (Гельфандом). Тогда же в эту работу включаются со стороны Парвуса -- Георг Скларц; со стороны Ганецкого -- Карл Радек. Не все и не всегда проходит гладко. В Копенгагене Ганецкого арестовывают за контрабанду, во время следствия и суда всплывают документы, подтверждающие сотрудничество с Парвусом. Столь же очевидным становится и то, что получаемые Ганецким от Парвуса деньги немецкого правительства идут Ленину, что на них закупаются типографии, ведется пропаганда, кормится эмигрантский актив большевистской партии. Сам Ганецкий настолько был скомпрометирован связью с Парвусом и немцами, что в начале 1918 года был исключен из партии (и восстановлен лишь после вмешательства Ленина).

Юридических доказательств сотрудничества большевиков и германского правительства крайне мало. И все-таки они есть. Так, 24 июля 1917 г. Парвусу в Берн были посланы две телеграммы. Одна -- за подписью "Куба" (псевдоним Ганецкого). Другая -- от имени Заграничной делегации большевиков. Обе телеграммы ушли Парвусу по каналам МИДа шифром германского министерства иностранных дел. Поскольку все телеграммы МИДа шли через Берлин, в архиве МИДа остались копии, скрепленные подписью помощника статс-секретаря Штумма. Обнаружены телеграммы были в архивах МИДа в 1961 году, когда основная волна "разоблачений" была уже позади. Между тем этими телеграммами доказывалась связь Заграничной делегации и Ганецкого с Парвусом, с одной стороны, и германским правительством, с другой.

Разумеется, ответы на многие загадки можно было бы найти в архивах германской и австро-венгерской разведок. Но германский архив погиб во время второй мировой войны, а австрийский, по мнению Б. И. Николаевского, был передан советскому правительству после

окончания второй мировой войны, причем передача архива была включена в тайные пункты договора о выводе советских войск из Австрии.

Одним из главных тайных посредников между революционерами и германским правительством был видный швейцарский социал-демократ австрийского происхождения, из знатной семьи. Он родился в 1853 году, из-за какого-то скандала молодым человеком вынужден был покинуть родину, поселился в Швейцарии, стал социалистом, взял себе псевдоним "Карл Моор". В документах германской разведки и донесениях МИДА он назывался конспиративной кличкой "Баер". Как и Парвуса, Моора безусловно можно назвать откровенным агентом германского правительства. С 1880-90-х годов слухи о связях Моора с германской разведкой ходили по социал-демократической партии, и к Моору относились с недоверием. Это не помешало ему, однако, ведя очевидно богатый образ жизни, стать одним из руководителей швейцарской социал-демократической партии и взять на себя практическую подготовку дела организации проезда русских большевиков через территорию Германии, Дании, Швеции и Финляндии в Россию. В июле-августе 1917 года через Моора большевистской партии шли крупные суммы денег, формально называемые займом из личных сбережений Моора. Деньги передавались Ганецкому и Воровскому. Это видно из опубликованной в 1993 году журнале "Отечественная история" (март-апрель, No 2, сс. 134--142) переписки Моора и членов советского правительства по вопросу о возвращении советским правительством "взятых в долг" у Моора денег. Очевидно, что в этой переписке не все называлось своими именами, что Моор "одадживал" большевикам деньги германского правительства и что большевики, знавшие об этом, именно по этой причине не спешили возвращать Моору "ссуду". Проследим эту любопытную историю по опубликованным документам.

10 мая 1922 г. Ганецкий послал в ЦК на имя В. М. Молотова письмо:

"До сих пор я не получил от Вас указаний, что делать с привезенными из Риги 83 513 датских крон. Если возражений нет, я попросил бы кассира ЦК взять их у меня. Однако напоминаю, что несколько раз было принято устное постановление возвратить деньги Моору. Указанные деньги фактически являются остатком от полученных сумм Моора. Старик все торчит в Москве под видом ожидания ответа относительно денег. Не считали бы Вы целесообразным дать ему эти деньги, закончив этим все счета с ним и таким образом избавиться от него".

В тот же день это письмо было передано Сталину. Последний послал запрос Ленину, и Ленин дал следующий ответ:

"Я смутно припоминаю, что в решении этого вопроса я участвовал. Но как и что, забыл. Знаю, что участвовал и Зиновьев. Прошу не решать без точной и подробной справки, дабы не ошибиться, и обязательно спросить у Зиновьева".

Больному и к тому времени забывчивому Ленину Ганецкий напомнил: "Вы были за то, чтобы Моору возвратить деньги. Во всяком случае, необходимо со стариком покончить".

Зиновьев 20 мая дал по этому вопросу следующий ответ Сталину: "По моему, деньги (сумма большая) надо отдать в Коминтерн. Моор все равно пропьет их. Я сговорился с Ганецким не решать до приезда Радека".

Это первый документ из которого следует со всей очевидностью, что советское правительство не считало, что оно действительно должно Моору деньги. И деньги Моору тогда не вернули, а привезенные Ганецким кроны были переданы в Финотдел.

Моор терпеливо ждал, писал, ходил по инстанциям и кабинетам, одадживал деньги у знакомых, в том числе у Радека, особенно хорошо знавшего и Моора, и существо дела. 23 августа 1923 года, т.е. по прошествии более чем года, Зиновьев попросил Сталина выдать Моору "100 червонцев, а то он доит лично Радека". В тот же день на заседании Секретариата ЦК было принято решение, поступившее на хранение в "особую папку" Политбюро, Секретариата и отделов ЦК, где лежали особо секретные постановления, не вносимые в общие протоколы заседаний (это было еще одно указание на то, что деньги, требуемые Моором, не были деньгами Моора): "Согласиться с предложением т. Зиновьева о

предварительной выдаче т. Моору 100 червонцев, но с тем, чтобы весь вопрос был решен совместно с т. Молотовым по его приезде".

Прошло еще два года. Моор так и сидел в Москве, клянча деньги. 23 сентября 1925 года он написал письмо на имя бывшего управляющего делами СНК Н. П. Горбунова:

"Убедительнейше прошу Вас сделать все, что возможно, чтобы была найдена нужная переписка и чтобы возврат 35 000 долларов был произведен мне до Вашего отъезда в 2-месячный отпуск.

Если Вы уедете прежде, чем будет разрешен этот вопрос, то у меня потеряна последняя надежда и я здесь погибну.

На всякий случай, прошу Вас настоятельно -- дайте мне несколько строк, что Ильич отдал Вам распоряжение, чтобы мне был возвращен заем, и что это должно было быть сделано в несколько дней, а также, что Вы это распоряжение передали дальше.

Эти несколько строк я у Вас, на всякий случай, убедительнейше прошу. Не оставьте меня в затруднительном положении".

Горбунов просьбу Моора выполнил. 26 сентября он составил памятную записку по этому вопросу для Ганецкого, помощника Генерального секретаря ЦК И. П. Товстухи и помощника управляющего делами СНК СССР, заместителя управляющего делами СНК СССР И. М. Мирошникова:

"Ко мне явился Карл Моор и снова поставил вопрос о выдаче ему той суммы денег, которую он в июле-августе 1917 г. одолжил партии. Его претензии сводятся к 35 000 долларов. Моор в 1921 г. был у тов. Ленина, свидания не получил, но Владимир Ильич прислал ему записку, в которой обласкал Моора и указал, чтобы по всем деловым вопросам он обратился ко мне. На основании личного указания Владимира Ильича я говорил тогда с Вами и тов. Радеком, передал мнение Владимира Ильича немедленно рассчитаться с Моором и направил К. Моора к Вам. Теперь Моор вновь появился у меня с заявлением о том, что он до сих пор не может добиться получения денег и считает себя в чрезвычайно тяжелом и унижительном положении, т. к. в этих деньгах он очень нуждается и не может от них отказаться. В разговоре со мной Моор просил дать ему в письменном виде справку о том, что в свое время Владимир Ильич дал указание о необходимости произвести с ним расчет. Я Моору отказался выдать такую справку, сославшись на то, что у меня никаких писем и документов нет и что на основании своей памяти я такой справки дать не могу. Вам же настоящим письмом подтверждаю, что фактически я от Владимира Ильича такое указание имел.

Так как Вы лучше всего это дело знаете и имеете данные, на основании которых можете проверить расчеты Моора и установить сумму, которую он должен получить от нас, и ввиду того, что я уезжаю в отпуск и не знаю обстоятельств, при которых Моор выдавал нам деньги, прошу Вас это дело взять на себя, получить необходимые директивы и через тов. Мирошникова довести дело до конца. Карла Моора я к Вам не направляю и думаю, что переговоры с ним лучше вести через тов. Мирошникова, которого я предупредил и которому посылаю копию этого письма.

Кроме того, я обратился в Секретариат РКП к тов. Товстухе и просил его доложить вопрос тов. Сталину и получить от него руководящие указания. Эти указания тов. Товстуха сообщит тов. Мирошникову, а тов. Мирошников -- Вам".

В самом конце сентября 1925 года Моор получил в ЦК очень важный для себя документ: "Справку об оказании К. Моором помощи русскому революционному движению":

"Тов. М[оор] более, чем кто-либо в его стране, занимался в течение 50 лет вопросами русского революционного движения. При каждом случае -- по поводу погромов, Кровавого воскресенья, событий 1905 г., дела шести думских депутатов, военно-полевых судов и прочих позорных деяний царизма -- он устраивал собрания и демонстрации. Он пробуждал симпатии рабочих и широких кругов, по мере сил поддерживал русское революционное движение, в особенности его левое течение.

Но также и материально он оказывал широчайшую поддержку движению и отдельным

его представителям. Так, например, в 1908 году он сразу уплатил свыше ста пятидесяти тысяч (150 000) швейцарских франков. Кроме того, много сотен тысяч швейцарских франков на революционные партийные нужды (Германии, Швейцарии, Италии, Скандинавии).

Тов. М[оор] был прибежищем всех русских революционеров в их нуждах и во всем был готов помочь советом и действием. Тов. Нахимсон написал на одной фотографической карточке: "Милому старому товарищу М[оору], вечному покровителю в нужде всех русских революционеров". Кто-то сказал, что тов. М[оор] воплощал в своей деятельности задачи МОПРа задолго до основания МОПРа.

Но здесь речь не обо всем этом.

Здесь речь идет о суммах, которые гг. Воровский и Ганецкий потребовали у тов. М[оора] и определенно назвали их ссудой, обещав, что ссуда эта будет ему возвращена сейчас же после завоевания политической власти. Тов. Ленин знал об этом и очень благодарил тов. М[оора] за это. Это была помощь в самое тяжелое время 1917 г. и требовалась для удовлетворения необходимейших потребностей.

В начале 1919 г. тов. Ленин предпринял шаги к возврату этой ссуды, но дело осталось лежать. В декабре 1921 г. тов. Ганецкий был очень удивлен, что вопрос этот еще не ликвидирован. По его совету тов. М[оор] написал Ленину, и последний ответил ему в очень дружеском письме от 11 декабря 1921 г., что дело будет улажено. Но распоряжение Ленина не было приведено в исполнение. После долгих стараний тов. М[оора] тов. Радек предпринял в августе 1923 г. один шаг. Об этом имеется постановление. Ряд попыток осенью 1924 г. опять-таки не имел успеха. Точно так же совершенно безрезультатными остались попытки в 1925 г. говорить по этому вопросу с тем или иным влиятельным товарищем.

В августе 1925 г. тов. Бухарин написал тов. Андрееву, что надо, наконец, вернуть тов. М[оору] следуемую ему долговую сумму, приблизительно в 35 000 долларов, а не отделяться от него время от времени несколькими грошами. Результат: выплата в сентябре незначительной суммы.

Тов. Горбунов, управляющий делами Совнаркома, был очень удивлен, узнав 23 сентября 1925 г., что заем не был возвращен уже давным-давно. Дело в том, что тов. Ленин отдал ему в декабре 1921 г. определенное распоряжение, что уплата должна быть произведена в течение нескольких дней. Тов. Горбунов передал дальше это распоряжение.

Следует упомянуть, что в августе 1923 г. выплачено тов. М[оору] одна тысяча рублей, осенью 1924 г. пять тысяч и недавно тысяча рублей (7000 руб. равняются 3608 долларам).

Кажется, что 8 (восемь) лет достаточный срок для того, чтобы окончательно было выполнено слово Ленина, Воровского, Ганецкого.

У тов. М[оора] были потребованы и им выданы, частями, с неодинаковыми промежутками, в зависимости от поступивших срочных запросов:

А. Шведские кроны: 8000, 9000, 15000, 8000, 12000, 6000, 8000, 7000. Итого: 73 000 швед. крон.

В. Швейцарские франки: 35000 швейц. франков = 25 926 швед. кронам.

С. Германские марки: 30 000 марок (2 марки = 1 швед. кроне) = 15 000 швед. кронам.

Всего: 73 000 + 25 926 + 15 000 = 113 926 швед. крон.

Об этой сумме долга, в круглых цифрах 114 000 шведских крон, был поставлен в известность тов. Ленин в феврале 1919 г. и он ее утвердил.

К этому еще присоединяется заем в 15 000 марок в 1919 г. Тов. Радек был тогда, благодаря сильнейшим стараниям тов. М[оора] выпущен из Лертерской тюрьмы в Берлине, где на него уже было произведено покушение стрельбой, и интернирован в частном доме для безопасности его жизни. Тов. Радек просил тов. М[оора] одолжить 15 000 марок для вдовы расстрелянного тов. Левине. Требовалось всего 25 000 марок, тов. Копп мог дать не больше 10 000 марок. Радек сказал, что сейчас же по своем возвращении в Москву он возбудит перед тов. Лениным вопрос о возвращении этой суммы. Тов. М[оор] дал вдове Левине, которую к нему направил Радек, 15 000 марок. Радек обо всем этом деле совершенно забыл.

Тов. Ленин узнал об этом займе только в 1921 г. и признал его. Сумма долга, таким

образом, увеличилась с 113 926 шведских крон на 7500 шведских крон (= 15 000 германским маркам) до 121 426 шведских крон (= 32 837 долларов).

Вследствие затяжки возврата тов-у М[оору] произошло осложнение; в связи с истечением срока обязательств и поручительства, которые тов. М[оор] выдал на большие суммы, он был вынужден в начале 1920 г. заложить ценные бумаги на 100 000 швейцарских франков, за что должен платить проценты, комиссии, провизии и т. д. 9%. Так как заложенные бумаги в среднем превосходят нарицательную стоимость на 4%, то он все же должен платить 5%. Это составляет с начала 1920 г. до конца 1925 г. -- 6 лет -- 6 x 5000 франков = 30 000 швейцарских франков (= 5850 долларам).

Нужно отметить следующее: тов. М[оор] считает неполные 9%, которые он вынужден платить вследствие оттяжки, не им вызванной, т. е. он считает неполную сумму своей потери, равную 54 000 швейц. франкам (= 10 550 долларам), но он просит о возврате ему только 5%, т. е. 30 000 швейц. франков (= 5 850 дол.), которые он должен уплатить наличными сверх процентов, приносимых заложенными ценными бумагами.

Справедливо и достойно ли, чтобы тов. М[оор] один понес эту сумму? М[оор] не виноват в затяжке дела в течение 8-ми лет. Наоборот, в течение 7-ми лет он делал все возможное, чтобы дело было ликвидировано. Но напрасно. Если бы Ильич сохранил свое здоровье, это крайне мучительное дело было бы давным-давно устранено. Затяжка этого дела в течение последних четырех лет очень повредила здоровью тов. М[оора] (сердцу и нервам). Кроме того, он не мог подвергнуть себя систематическому лечению и улучшить свои нездоровые жилищные условия. В его преклонном возрасте столь много потерянного времени имеет большое значение.

Итак, за "бескорыстные большие услуги, которые он оказал партии в самое тяжелое для нее время", как выразился такими словами тов. Ленин, не следовало бы еще материально ему повредить и помешать ему выполнить многочисленные свои обязанности и привести в порядок свое финансовое положение.

Следует отметить, что все вышеизложенное соответствует правде и действительности фактами и цифрами. Счет, само собой разумеется, велся в валюте страны, где была потребована и выдана ссуда, т. е. в шведских (не датских) кронах.

Результат, значит, следующий:

32 837 дол. (121 426 шв. крон) составляет сумма ссуды, 5850 дол. (30 000 шв. франков) -- потеря из-за проволоочки, 38 687 дол. составляет требуемый к возврату долг. 3608 дол. (7000 рублей) возвращено. 35 039 дол. составляет остаток долга.

Принимая во внимание продолжительность дела и ввиду политических выборов, которые должны произойти в октябре текущего года и в которых тов. М[оор] желает принять деятельное участие, надлежало бы выплатить вышеуказанную сумму в возможно более кратчайший срок, чтобы тов. М[оор] мог бы к началу октября вернуться в свою страну".

Очевидно, что секретариат ЦК запросил по этому вопросу мнение Ганецкого, и 16 октября Ганецкий составил письмо, аналогичное письму Горбунова, на имя секретаря ЦК А. С. Бубнова и Мирошникова:

"По поводу письма т. Горбунова от 26 сентября, касающегося Моора, могу сообщить следующее.

Полибюро давно уже решило вернуть Моору деньги (еще раньше на этом настаивал Владимир Ильич), было лишь указано, по предложению т. Зиновьева, чтобы не сразу дать ему все деньги. Если я не ошибаюсь, ему тогда было выдано несколько тысяч рублей. Думаю, поэтому, что ему следовало бы сейчас выдать опять тысяч десять и в последующие годы постепенно выплачивать такую же сумму.

Точный расчет полученных от Моора денег был в свое время мною представлен в ЦК и, вероятно, хранится в архивах последнего. Насколько мне память не изменяет, сумма эта составляла около 70 тысяч датских крон".

Таким образом, Ганецкий предлагал преобразовать "долг" Моору в своеобразную пенсию размером в 10.000 рублей в год, что он вряд ли предложил бы сделать, если бы речь

действительно шла о возврате Моору одолженных у него денег. В скором возвращении Моора в Швейцарию для участия в выборах советское правительство не было заинтересовано. Моор остался в Москве и, все еще надеясь получить деньги, потерял возможность участвовать в парламентских выборах и работать в швейцарском парламенте следующие три года.

30 октября 1925 года Моор "был приглашен в ЦК, где управляющий делами тов. Гузаков и заведующий финотделом тов. Иванов" сообщили ему о принципиальном решении его дела: "сумма в 25 000 долларов будет ему немедленно возвращена, т. е. как добавил т. Иванов, в течение недели. Остаток в 9600 долларов будет выплачен в дальнейшем, к 1 ноября 1926 г.". Однако никаких денег Моору не дали.

15 ноября, в ответ на очередной запрос Бубнова, Управление делами и финансовый отдел ЦК ВКП(б) составили объяснительную записку "о задолженности К. Моору". Из этой записки следует, что деньги у Моора "одалживались" под честное слово, без соответствующих расписок, что вновь указывает на темное происхождение даваемых Моором денег:

"В 1917 г. и последующие сроки Заграничное Бюро ЦК одолжило одновременно у Моора Карла денежные суммы, именно -- тт. Ганецким, Воровским и Радеком, всего -- 32 837 долларов.

Из представленного объяснения расчета Моора видно, что об этом долге знал т. Ленин, но с нашей стороны документальных данных не имеется, кроме как:

1. Письмо тов. Ганецкого к Вам.
2. Письмо тов. Горбунова к тт. Мирошникову и Товстухе.

Из них видно, что эти суммы действительно взяты как ссуда и с Моором нужно рассчитаться".

В записке предлагалось "учитывая настояния Моора, уплату произвести следующим порядком -- 22 000 долларов сейчас, из этих денег у него пойдет 20 000 долларов на выкуп ценных бумаг и 2000 на жизнь, а остальную сумму в 13 079 долларов -- в первом месяце следующего бюджетного года".

Все это время Моор жил в Москве "в маленькой сырой комнате, без телефона, без всяких удобств". В ноябре 1921 г. он приехал в Россию за деньгами уже в третий после Октябрьской революции раз, здоровым человеком. 11 декабря 1925 года в Москве он отпраздновал свое 73-летие человеком с больным сердцем, расшатанными нервами и сильнейшей грыжей. В конце года он получил воспаление легких (и был любезно помещен в Кремлевскую больницу, Воздвиженка, 6). Тем временем он пропустил еще одни швейцарские выборы -теперь уже кантональные, и возможность "кантональной парламентской работы на 4 года". Проценты же по его заложенным бумагам выросли за это время на 245 долларов (а сумма долга с 35 079 до 35 324 долларов).

К январю 1926 года 73-летний Моор видимо помудрел и понял, наконец, что деньги ему возвращать не собираются. Тогда он пошел на примитивную хитрость и сообщил в ЦК о следующем:

"Тов. М[оор] решил возвращаемую ему сумму не трогать, но рассматривать ее, как капитал. Он хочет для своего существования и также для прокормления 6 человек, материально от него зависящих, использовать только проценты с этой суммы. Тов. М[оор] сделает соответствующее распоряжение, чтобы после его смерти эта сумма была применена для дела пролетариата в его стране. Проценты, даваемые этой суммой, составляют около 1500 долларов С. Ш. = 7650 швейц. франков в год. На эти деньги 7 человек могут жить очень скромно, даже недостаточно". "Не дайте мне погибнуть в России", -- напоминал Моор 26 января благодарному советскому правительству, одновременно увеличивая сумму долга (в письме на имя Молотова) с 35 324 до 40 226 долларов.

Нужно ли сомневаться в том, что и теперь Молотов не вернул Моору денег. Прошло еще почти два года, и 75-летний Моор, не выходящий из больниц и санаториев для ветеранов революции, неспособный уже ни просить, ни писать лично, обратился к Кларе Цеткин

(выполнявшей роль судьи при дележе денег Шмидта) с просьбой о содействии. 19 августа 1927 года та написала письмо Молотову:

"Идя навстречу заслуженному швейцарскому товарищу Карлу Моору, я сердечно прошу Вас помочь ему в его деле. В первую очередь, я прошу Вас принять и выслушать его представителя, т. к. он сам еще болен.

Нижеследующее служит аргументом моей просьбы к Вам:

Семидесятипятилетний тов. К. М[оор] был всю свою жизнь преданным и бескорыстным борцом в интересах интернационального революционного пролетариата. Он в особенности в самые тяжелые времена по отношению к русским нашим товарищам готов был на всякие жертвы, в одинаковой степени служил им политически и материально.

Наш незабвенный Ленин назвал его своим другом и мы знаем, что он в этом смысле скуп был.

Тов. К. М[оор] с нетерпением ждет окончательного решения своего дела, т. к. расшатанное здоровье его не переносит дольше этого климата. Он хочет у себя на родине применить свои последние силы и средства в интересах нашего революционного дела.

Впрочем в принципе его дело уже ведь решено.

В виду этого я надеюсь, что Вы, уважаемый тов. Молотов, поможете тов. Моору и пойдете навстречу ему.

В этой надежде я благодарю Вас заранее и приветствую Вас с искренним уважением и симпатией".

Под влиянием этого письма 9 сентября 1927 года Секретариат ЦК ВКП(б) принял решение "выплатить К. Моору оставшиеся 8254 дол. и считать этим вопрос об уплате долга Моора ликвидированным". Это все, на что мог рассчитывать теперь старик Моор. И поскольку Моор так и не покинул России, а умер в 1932 году в санатории для партийных работников, можно предложить, что он не увидел даже этой суммы. Надежда вернуть 40 226 долларов было последним, что покинуло душу этого скупого человека, никогда бы не выдавшего большевикам ни в 1917 году, ни до, ни после, ни единого франка, доллара, марки и кроны своих собственных денег. Животная беспредельная жадность Моора на деньги довела его до того, что одиннадцать лет (оказавшиеся последними годами его жизни) он выклянчивал "долг" у советского правительства, живя в коморке без туалета и ванной комнаты. Кто же поверит в то, что эти деньги не были немецкими? Или даже в то, что Моор требовал от советского правительства обещанный ему комиссионный процент за переданные большевикам куда более крупные суммы?

Но вернемся в годы первой мировой войны. Очевидно, что два Остапа Бендера русской революции -- Ганецкий и Радек -- были связаны с Парвусом и Моором. Только лишенный какой-либо, в том числе и социалистической, морали Ленин мог взять себе в подручные столь скомпрометированных, но до поры до времени выгодных работников. "Революция -- дело тяжелое, -- говорил Ленин по воспоминаниям Войтинского. -- В беленьких перчаточках, чистенькими ручками ее не сделаешь... Партия не пансион для благородных девиц. Нельзя в оценке партийных работников подходить с узенькой меркой мещанской морали. Иной мерзавец может быть для нас именно тем и полезен, что он мерзавец. [...] У нас хозяйство большое, а в большом хозяйстве всякая дрянь пригодится"(55).

Такой "дрянью" были прежде всего Радек и Ганецкий. "Я, конечно, считаю Радека способным на сообщничество", -- писала итальянская коммунистка Анжелика Балабанова. -- "Когда Парвус приехал в Стокгольм я отказалась встречаться с ним и запретила Радеку приходить с ним в циммервальдское бюро, находившееся на моей квартире. Что касается Ганецкого, то я хотя имела с ним сношения на Циммервальдской конференции, но принципиально отказывалась бывать у него (он с семьей жил в роскошной квартире, куда по воскресеньям приезжали гости, в частности Радек). Что касается Воровского, то я полагаю, что он, несмотря на свою личную честность, способен был прибегать к большевистским методам для достижения фракционных результатов. Меня эта двойственность поражала, так как у меня с ним лично были хорошие отношения"(56).

Оставляя в стороне вопрос о том, насколько существенной была роль Германии и Австро-Венгрии в деле организации большевистского переворота и смог бы произойти этот переворот без германских и австрийских субсидий, следует указать, что подрывная работа Германии в отношении России была лишь частью общей германской политики, направленной на ослабление противника. На так называемую "мирную пропаганду" Германия потратила по крайней мере 382 млн. марок (причем до мая 1917 года на Румынию или Италию денег было потрачено больше, чем на Россию, что не помешало и Румынии, и Италии выступить в войне на стороне Антанты). Десятки миллионов марок были истрачены на подкуп четырех газет во Франции. В России же ни одной газеты немцам подкупить, видимо, не удалось, и финансирование Германией ленинской "Правды" в 1917 году было, кажется, единственным исключением.

Эта деятельность Германии не была секретом для контразведок Англии, Франции и России. После неудавшейся попытки большевистского переворота в июле 1917 года Временное правительство, заинтересованное в дискредитации большевиков, опубликовало кой-какую информацию о германо-большевистских связях. Сделано это было, однако, наиболее нелепым образом. Серьезных намерений расправиться с большевиками у Временного правительства не было. И хотя ряд большевистских руководителей были объявлены вне закона, никто из арестованных убит не был. А избежавший ареста Ленин скрылся в район станции Разлив и в августе эмигрировал в Финляндию(57).

Примечания

1. А. В. Луначарский. Сияющий дорогой гений. Доклад, произнесенный 21 января 1929 г., на торжественно-траурном заседании, посвященном пятой годовщине смерти Ленина. Стенограмма. -- ж-л. Диалог, 1995, No 3, с. 66.

2. Я рад, что помог развалить всемогущий КГБ. Интервью Станислава Левченко с Олегом Калугиным. -- НРС, 26 апреля 1996 г. с. 12.

3. Архив Гуверовского института при Стенфордском университете, коллекция Б. И. Николаевского (далее: АГИН), ящик 392, папка 4. В. М. Зензинов. Страничка из истории раннего большевизма.

4. Письмо Ленина к А. И. Рыкову от 25 февраля 1911 г. -- в кн. В. И. Ленин. Сочинения, 4-е изд., т. 34, с. 389.

5. АГИ, коллекция Н. В. Вольского, ящик 4, папка Л. Дан, переписка. Письмо Л. Дан Н. В. Вольскому от 1 мая 1961 г., с. 2.

6. В. Валентинов. Малоизвестный Ленин. Париж, 1972, с. 82, 83, 84, 88.

7. Сегодня можно сообщить, что интервью бралось мною у О. А. Кавелиной -- внучки Анны Тимофеевны Карповой, урожденной Морозовой, сестры Саввы Тимофеевича Морозова.

8. Т. П. Морозова. Загадочная смерть Саввы Морозова. - Отечество. Краеведческий альманах. Москва, Профиздат, 1997, с. 243.

9. Там же, с. 238.

10. М. Ардов, Б. Ардов, А. Баталов. Легендарная Ордынка. Сборник воспоминаний. Инапресс. СПб, 1995, с. 211.

11. Н. Думова. Московские меценаты. М., Молодая гвардия, 1992, с. 139-141, 143, 144, 146, с. 148, 150-152

12. Русские писатели 1800-1917. Биографический словарь, т. 1. М., 1992, с. 649.

13. В. И. Ленин, ПСС, т. 5, с. 369-370.

14. АГИН, ящик 392, папка 4. В. М. Зензинов. Страничка из истории раннего большевизма.

15. Валентинов, указ. соч., с. 107; Думова, указ. соч., с. 161; Б. И. Николаевский. Тайные страницы истории. М., изд. Гуманитарной литературы, 1995, с. 12; Протоколы пятого съезда РСДРП. Изд. Института Маркса-Энгельса-Ленина, 1935, с. 631.

16. Морозова. Загадочная смерть Саввы Морозова, с. 245.

17. Думова, указ соч., с. 162.

18. Большая советская энциклопедия, 1-е изд., т. 62, с. 556.
19. Воспоминания А. И. Рыкова. -- Известия, 2 октября 1918, с. 2.
20. Валентинов, указ. соч., с. 109-110.
21. АГИН, ящик 392, папка 4. В. М. Зензинов. Страничка из истории раннего большевизма.
22. В. Войтинский. Годы побед и поражений, т. 2, 1924, с. 103.
23. Л. Мартов. Спасители или упразднители? Париж, 1911, с. 20-21.
24. См. С. П. Шестернин. Реализация наследства после Н. П. Шмидта и мои встречи с Лениным. -- в сб. Старый большевик. М., т. 5 (8), 1933, с. 153.
25. См. там же, с. 155.
26. Ю. Каменев. Две партии. Ленинград, 1924, с. 184; Валентинов, указ. соч., с. 116.
27. Он же. Две партии. С предисловием Н. Ленина. Изд. ред. "Рабочей газеты", Париж, 1911.
28. Цит. по кн. Валентинов, указ. соч., с. 117. В брошюре Каменева из конспиративных соображений Андриканис назван буквой "Z". Валентинов для удобства чтения письма "Z" заменил Андриканисом.
29. См. Мартов. Спасители или упразднители.
30. Там же, с. 20-21.
31. Валентинов, указ. соч., с. 102.
32. См. Шестернин, указ. соч., с. 155.
33. Судьба семьи Морозовых была трагична. После смерти С. Т. Морозова его жена Зинаида вышла замуж за генерала Рейнбота, бывшего одно время московским градоначальником. Зинаида скончалась при неизвестных обстоятельствах в годы советской власти. Сын Саввы Тимофеевича окончил юридический факультет Московского университета, в 1916 году был призван на военную службу офицером, служил в Туркестане. "В одно из первых же выступлений большевиков в Туркестане во время Октябрьской революции, - пишет Зензинов, -- он был убит большевиками в Душанбе. Находившиеся в это время там были уверены, что убийство это было совершено по заранее подготовленному плану". Тот же Зензинов приводит рассказ о судьбе младшего брата Саввы Сергея, одного из совладельцев огромного состояния Морозовых: „Директором одной из фабрик Морозова был англичанин (по фамилии, кажется, Чешер). Он прожил в России 30 лет, но после большевистской революции уехал в Англию. В 1926 году англичане предложили советскому правительству восстановить работу всех фабрик Морозова, причем готовы были вложить в дело до 20 миллионов фунтов. Об этом велись длительные переговоры (из которых, кстати сказать, ничего не вышло) -- их вел от имени английских капиталистов Чешер, который с этой целью был командирован в Россию. И вот, зимой 1927 года, в одно из посещений им города Никольска, где находилась главная группа бывших фабрик Морозова, подходя к одной из этих фабрик, он заметил сидевшего у ворот сторожа, закутанного в огромную овчинную шубу. Вглядевшись в него пристальнее, он с удивлением и ужасом убедился, что это был брат Саввы -Сергей Морозов. "Сергей Тимофеевич, -- воскликнул он, -- что Вы здесь делаете? Не могу ли я чем-нибудь быть Вам полезен?" -- Сергей Морозов поднял на него глаза. -- "Уйдите немедленно и никому не говорите о нашей встрече. Это единственное, что Вы можете для меня сделать"" (АГИН, ящик 392, папка 4. Зензинов. Страничка из истории раннего большевизма).
34. Ленин. Сочинения, 4-е изд., т. 34, с. 345.
35. См. Ем. Ярославский. Очерки по истории ВКП(б), т. 1. 1937, с. 204.
36. См. Валентинов, указ. соч., с. 118-120.
37. АИГН, ящик 786, папка 6. На эту запись указывал Николаевский в одном из своих писем В. Л. Бурцеву: "Рассказ его записан и хранится" (АИГН, ящик 475, папка 8. Б. И. Николаевский -- В. Л. Бурцеву, 6 июня 1931, с. 1).
38. Там же.
39. Там же.

40. АИГН, ящик 475, папка 8. Бурцев -- Николаевскому, 10 июня 1931, с. 2.
41. Русские издания этих книг: Вернер Хальвег. Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. Изд. Международные отношения, М., 1990; Германия и русские революционеры в годы первой мировой войны. -- в кн. Б. И. Николаевский. Тайные страницы истории, с. 238-390.
42. Д. Б. Павлов, С. А. Петров. Полковник Акаси и освободительное движение в России (1904-1905 гг.) -- История СССР, 1990, No 6, с. 53.
43. Там же, с. 58.
44. В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. 2. М., 1961, с. 329.
45. Запись беседы Г. А. Алексинского в Женеве, 1915 г. -- International Review of Social History (Amsterdam), 1981, vol. 26, No 3, p. 347. Публ. Самуэля Барона.
46. Павлов, Петров. Полковник Акаси, с. 54.
47. Там же.
48. Там же.
49. Там же, с. 65.
50. Там же, с. 62-63.
51. Там же, с. 71.
52. Там же, 65.
53. Там же, с. 65-66.
54. Этот вполне правомочный вопрос историки неоднократно ставили. Николаевский поднимал эту тему в переписке (не считая правильным и своевременным обсуждать этот вопрос публично): "Был ли Ганецкий лично связан с Пилсудским?", -- спрашивал Николаевский. "Ганецкий был главным по тайным связям польских социал-демократов и именно он сносился от польских социал-демократов с Лениным" (АИГН, ящик 508, папка 48. Письмо Николаевского Ричарду (Г. И.) Враге от 15 июля 1960 г.). "Вкратце мой вывод, -- писал Николаевский в другом своем письме, -- исключительно для Вас лично: Ганецкий был связан с немцами или австрийцами еще с 1910-11 гг. и переезд Ленина в Краков, произведенный при помощи Ганецкого, стоял в связи с новой политикой австро-немецких властей. Возможно, что как-то к этому был причастен и Пилсудский" (Международный институт социальной истории в Амстердаме (далее: МИСИ), коллекция Б. К. Суварина. Письмо Николаевского Суварину от 11 апреля 1957 г.). "Изучение материалов о связях большевиков с немцами привело меня к выводу о том, что настоящая линия связей идет не через немцев, а через австрийцев, и именно через австро-венгерский генеральный штаб и организации Пилсудского, причем линия к Ленину шла через Ганецкого". "Ганецкий сначала был связан с пилсудчиками, а затем, с 1915 г., с Парвусом" (АИГН, ящик 496, папка 3. Письмо Николаевского М. Н. Павловскому от 21 октября 1961 г.).
55. Войтинский, указ. соч., с. 102--103.
56. АИГН, ящик 292, папка 2. А. Балабанова -- Николаевскому, 19 марта 1962.
57. В вышедшей в Германии биографии Г. Е. Распутина указывается, что от ареста в июле 1917 г. Ленина спас В. Бонч-Бруевич (см. Elisabeth Heresch. Rasputin. Das Geheimnis seiner Macht. Langen Muller, Munchen. 1995).

Заговор второй:

Брестский мир

Безупречный авторитет Ленина в партии большевиков -- одна из многочисленных не соответствующих истине легенд советской историографии. Игнорирующий директивы Ленина ЦК партии, Петроградский совет, во главе которого стоит межрайонец и очевидный конкурент на место Ленина в революции Троцкий; собирающийся в октябре 1917 года Второй Всероссийский съезд Советов: ни один из этих институтов не смотрел на Ленина как на своего вождя и руководителя, ни один из этих составных элементов октябрьского вооруженного восстания в Петрограде не собирался подчиняться его воле.

Но Ленин и его конкуренты были в неравных позициях. Последним предстояло решать, что правильнее предпринять в интересах русской и международной революции. Ленину же требовалось определить, какие должны быть сделаны шаги для того, чтобы встать во главе

первого советского правительства. Неудивительно, что в то время, как противники Ленина спорили и сомневались, Ленин, впервые появившийся легально и публично на съезде Советов только 26 октября, после осуществленного Петросоветом Троцкого в ночь на 25 октября переворота, провозгласил создание правительства -- Совета народных комиссаров -- под своим руководством.

Впрочем, декларация Ленина о создании Совнаркома никого не воодушевила. Она вносила раскол в и без того слабое и неоднородное социалистическое движение, провозглашала свержение Временного и создание советского правительства не волею съезда Советов, избранного хоть и узким кругом избирателей, но все-таки -- избранного, а волею партии большевиков. И даже не всей партии, так как вопрос этот в партии не обсуждался и мнение партии по этому поводу известно не было, и даже не всего большевистского ЦК, и даже не всей большевистской фракции съезда Советов, а только волею поддержавшей в этом вопросе Ленина небольшой группы партийных функционеров.

В самые первые часы и дни власти большевистского правительства Ленин отработал тактику, с успехом применяемую им все последующие годы. Угрозами и шантажом, вплоть до заявления об уходе в отставку, он добивался поддержки своей резолюции с перевесом пусть в один голос, проводя повторные голосования до тех пор, пока изможденный противник не уступал ему, наконец, большинства. Затем проводил резолюцию о том, что ЦК (или фракция) в полном составе непременно поддерживают это большинство (а на самом деле Ленина и незначительное меньшинство) во всей партийной политике. Потом навязывал партийную политику меньшинства от имени большевистской партии ВЦИКу Советов, или очередному съезду, раскалывая или разгоняя съезды, где у левого сектора не было большинства. Идее "однородного социалистического правительства", формируемого относительно широким кругом советских избирателей, идее "хозяина земли русской" -- всенародного Учредительного собрания -- которое избиралось еще более широким кругом населения (хотя и здесь нельзя было говорить о всеобщем, равном и тайном голосовании, тем более, что перед самым созывом Собрания была разгромлена партия кадетов), Ленин противопоставил диктатуру даже не партии, и не Центрального комитета, а свою собственную, неоднократно давая понять и врагам, и друзьям, что живым он этой власти никогда никому не отдаст.

Провозгласив создание Совнаркома, Ленин один за другим преодолевает многочисленные кризисы. Пользуясь уходом со съезда Советов своих противников, он проводит большевистские резолюции. Заручившись поддержкой ЦК в вопросе о создании однопартийного правительства -- начинает переговоры с левыми эсерами, стоявшими на близкой к большевикам политической платформе и добивается смещения председателя ВЦИКа Л. Б. Каменева, выступившего против ленинского диктата. Крупская вспоминала:

"21 ноября [по старому стилю] 1917 вместо смененного Л. Б. Каменева Председателем ВЦИК был выбран Яков Михайлович Свердлов. Его кандидатуру выдвинул Ильич. Выбор был исключительно удачен. Яков Михайлович был человеком очень твердым. [...] Он был незаменим. [...] Тут нужен был организатор крупнейшего масштаба. Именно таким организатором был Яков Михайлович"(1).

Свердлов был совсем не случайным человеком, "продвинутым" Лениным. Со времени 7-й (апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) Свердлов фактически руководил Секретариатом ЦК партии -- рабочим органом ЦК. 6 (19) августа Секретариат ЦК РСДРП(б) был формально образован узким составом ЦК: Ф. Е. Дзержинским, А. А. Иоффе, М. К. Мурановым, Е. Д. Стасовой и Я. М. Свердловым. Руководителем секретариата остался Свердлов. Энциклопедия революции указывает, что Секретариат "поддерживал регулярную связь с местными партийными организациями", "непосредственно руководил военными организациями РСДРП(б) и местными партийными организациями", организовал "коллегию разъездных агентов ЦК РСДРП(б) для инструктирования местных партийных организаций"(2). Иными словами, секретариат уже с августа 1917 года руководил партийной работой и партийными кадрами. И во главе этого учреждения стоял Свердлов.

Для борьбы с противниками вне партии уже в декабре 1917 года образуется ВЧК. Во главе этого важного института, на базе которого позже будет создаваться ГПУ и НКВД, встает один из организаторов Секретариата - Дзержинский. А организационное политическое и идеологическое руководство армией и внешней политикой советской России берет на себя Троцкий (формально наркомом по военным делам он становится в марте).

Виднейший русский и международный революционер Л. Д. Троцкий, один из идеологов первой русской революции и председатель Петербургского совета, после поражения революции 1905-07 годов эмигрировал. Вернувшись в Петроград в начале мая 1917 года, Троцкий стал фактическим организатором октябрьского переворота в столице. Очевидно, что буквально в день переворота, 24 октября 1917 г., между Лениным и Троцким было заключено соглашение. Троцкий руководил Петросоветом -- основным рычагом революции. Однако у Троцкого не было своей организации. "Межрайонцы", возглавляемые Троцким, в июле-августе 1917 года окончательно влились в партию большевиков. Собственной мафиозной структуры, подобной ленинской, у Троцкого тоже не было. Его интересовала революция, для которой он был вождем. (Ленина интересовала власть, захватив которую он планировал начать руководить революцией). Наконец, Троцкий понимал, что, будучи евреем, может возглавить восстание, но не может встать во главе правительства русской России.

Блок Троцкого с Лениным был естественным и взаимовыгодным шагом. Отдав большевикам своих "межрайонцев", сделав Петросовет орудием ленинской политики, полностью поддержав Ленина в крайне рискованном и по существу авантюристическом деле захвата власти и формирования СНК в обход воли Второго съезда Советов, влиятельных социалистических партий и профсоюзов, Троцкий получил партбилет большевистской партии, членство в ее ЦК и портфель министра иностранных дел в Совнаркоме. Именно потому, что Троцкий имел дело с людьми, верящими во власть и ценившими ее, такими как Ленин, Свердлов и Дзержинский, его личное восхождение к власти следует считать блистательным. Без мелкой и суетливой извечной борьбы со своими мнимыми и действительными врагами, чем всегда был так занят и обеспокоен Ленин, без темных "немецких денег", без компрометации себя проездом через вражескую Германию, Троцкий стал вторым человеком в государстве -- с легкостью, которой можно было позавидовать. Но именно этого высокомерного жеста -- подчеркиваемого Троцким безразличия к личной власти; легкости, с которой так все давалось счастливчику Троцкому; популярности, которой Троцкий пользовался у коммунистического актива -- ему не могли простить и не простили члены большевистской верхушки, обойденные октябрьской революцией -- Сталин, Зиновьев, Каменев и Бухарин.

Троцкий так и не стал полноправным членом ленинской мафиозной структуры. Его место в правительстве было гарантировано личным соглашением с Лениным. Было ясно, что с уходом Ленина неизбежно от власти будет отеснен и "не большевик" Троцкий. Не зная о соглашении Ленина с Троцким и об очевидной слабости позиции Троцкого, опирающейся исключительно на личную власть Ленина, нельзя правильно объяснить поведение Троцкого во внутрипартийной борьбе 1918-1924 годов.

Первым и самым важным испытанием лояльности Троцкого Ленину стала его политика в вопросе о мире с Германией. Из-за десятилетий очевидной клеветы и фальсификаций, обрушенных на Троцкого сначала Сталиным, а затем послесталинским советским руководством, правдиво описать поведение Троцкого на брестских переговорах в январе-марте 1918 года крайне сложно. Сам Троцкий, до конца своих дней оставаясь лояльным Ленину, не рассказал всего в своих многочисленных статьях, книгах, дневниках и мемуарах. Но поскольку в вину Троцкому, как пример очевидного его небольшевизма и даже предательства, вменялась именно его брестская линия, рассказ о Троцком не может обойтись без разъяснения этой проблемы: Брестского соглашения.

Поскольку до 1917 года лидером революционного движения казалась Германия с ее самой сильной в мире социал-демократической партией, мировая революция подразумевала,

конечно же, непрременную революцию в Германии. Она не обязательно должна была начаться именно там, но победа ее в Германии казалась всем революционерам непрременным залогом успеха. Иной трактовки мировой революции социал-демократическая риторика тех лет не допускала. А русский революционер Ленин до февраля 1917 года не предполагал себе роли большей, чем руководителя экстремистского крыла русского социал-демократического движения, безусловно вторичного и подсобного, если иметь в виду коммунистическое движение в Германии.

В дни, предшествовавшие объявлению войны, именно на германскую социал-демократию устремлены были взоры социалистов всего мира. Казалось, что, проголосовав в рейхстаге против предоставления правительству военных кредитов, германская социал-демократическая партия сможет остановить надвигающуюся трагедию. Однако германские социалисты проголосовали за предоставление своему правительству военных кредитов отчасти еще и потому, что надеялись благодаря войне свергнуть монархию в России, в которой они видели главного противника международного социалистического движения.

Большевистское крыло русской социал-демократической партии, как и меньшевистское, верило в конечную победу социализма в мире. Это казалось столь же очевидным, как сегодня, скажем, неизбежность крушения колониальных империй. Ответ на вопрос о том, придет ли мировая революция -- непременно позитивный -- строился исключительно на вере в конечную победу. Однако после октября 1917 этот когда-то теоретический вопрос приходилось рассматривать с практической точки зрения: что важнее, сохранить любой ценой советскую власть в России, где революция уже произошла, или же пытаться организовать революцию в Германии, пусть и ценой падения советской власти в России.

В 1918 году ответ на этот вопрос был не столь очевиден, как могло бы показаться сегодня. Общее мнение социалистических лидеров Европы сводилось к тому, что в отсталой России нельзя будет без помощи европейских социалистических революций ни построить социализм, ни удержать власть на какой-либо продолжительный срок, хотя бы уже потому, что (как считали коммунисты) "капиталистическое окружение" поставит своей непрременной целью свержение социалистического правительства в России. Таким образом, революция в Германии виделась революционерам единственной гарантией удержания власти русским советским правительством.

Иначе считал Ленин. В октябре 1917 года, прорвавшись из швейцарского небытия и молниеносно захватив власть в России, он показал своим многочисленным противникам, как недооценивали они этого уникального человека -- лидера немногочисленной экстремистской секты. Большевик не только захватил власть в России, но создал реальный и единственный плацдарм для наступления мировой революции, для организации коммунистического переворота в той самой Германии, от которой, как всеми предполагалось, будет зависеть конечная победа социализма в мире. Германская революция отходила для Ленина на второй план перед победившей революцией в России. Более того: Ленин не должен был торопиться с победой революции в Германии, поскольку в этом случае центр тяжести коммунистического мира перемещался в индустриальный Запад и Ленин оставался всего лишь главой правительства "неразвитой", "отсталой" и "некультурной" страны.

В свете изменившихся взглядов Ленина на революцию в Германии и необходимо рассматривать всю историю Брест-Литовских переговоров декабря 1917 -- марта 1918 года, закончившуюся подписанием мира с Германией и другими странами Четверного союза. Позиция Ленина на этих переговорах -- отстаивание им "тильзитского мира" ради "передышки" в войне с Германией -- кажется настолько разумной, что только и не перестаешь удивляться авантюризму, наивности и беспечному идеализму всех его противников -- от левых коммунистов, возглавляемых Бухариным, до Троцкого с его формулой "ни война, ни мир". Правда, позиция Ленина кажется правильной прежде всего потому, что апеллирует к привычным для большинства людей понятиям: слабая армия не может воевать против сильной; если невозможно сопротивляться, нужно подписывать ультимативный мир. Но это

была психология обывателя, а не революционера. С такой психологией нельзя было бы захватить власть в октябре 1917 и удержать ее против блока социалистических партий, как удержал Ленин в ноябрьские дни с помощью Троцкого. С такой психологией вообще нельзя было быть революционером. По каким-то причинам, кроме Ленина, весь актив партии был против подписания Брестского мира, причем большая часть партийных функционеров поддерживала "демагогическую" формулу Троцкого. И никто не смотрел на состояние дел столь пессимистично, как Ленин. Да ведь чем-то руководствовались все эти люди? На что они рассчитывали?

Революция и революционеры подчинялись собственным особым законам. Эти законы большинством населения воспринимались как непонятные, безумные и иррациональные. Но, отступив от этих законов, революция гибла. Только в них заключалась сила революции и залог ее победы. Ленин отступил от этих законов ради удержания собственной власти и лидерства в мировом коммунистическом движении. С точки зрения абсолютных коммунистических интересов Брестский мир был катастрофой. Он несомненно убивал шансы (сколько бы их не было) на революцию в Германии, а значит и на скорую революцию в Европе. Заключенный вопреки воле большинства революционной партии, Брестский мир стал первым оппортунистическим шагом советского руководства, предпринявшим всю дальнейшую беспринципную и непоследовательную политику СССР.

По иронии судьбы получалось, что для победы революции в России нужно было принести в жертву возможную революцию в Германии, а для успеха революции в Германии может быть пришлось бы пожертвовать советской властью в России. Именно эту альтернативу заключал в себе для советского правительства Брестский мир. Мирный договор с Германией давал германскому правительству известную передышку и улучшал общее положение страны. Наоборот, отказ советского правительства подписать мир ухудшал военное и общеполитическое положение Германии и увеличивал шансы германской революции. По крайней мере именно так считали, с одной стороны, немецкие коммунисты, а с другой - германское правительство. Немецкие левые уже в декабре 1917 года попытались помешать заключению сепаратного мира между Россией и Германией. Они распространили заявление, в котором указали, что переговоры о мире окажут разрушительное воздействие на вероятную германскую революцию и должны быть отменены.

Положение, в котором находились лидер германских коммунистов К. Либкнехт и глава советского правительства Ленин, не было равным. Германские коммунисты требовали революции в Германии ради мировой революции. Ленин выступал за сохранение власти любой ценой Советом народных комиссаров, чтобы удержать власть в собственных руках, а со временем, "господствовать над международным коммунистическим движением"(3). Если Либкнехт хотел удержать за собой руководство в будущем Коминтерне, то не вопреки интересам европейской революции.

Первоначально считалось, что переговоры с германским правительством большевики затевают исключительно из пропагандистских соображений и для оттяжки времени, а не ради подписания договора. Либкнехт при этом указывал, что если переговоры "не приведут к миру в социалистическом духе", необходимо "оборвать переговоры, даже если бы при этом пришлось пасть их [Ленина и Троцкого] правительству"(4). Однако Ленин вел на переговорах свою игру и стремился к временному союзу с имперским германским правительством, видя в этом единственный способ удержать власть в своих руках и расколоть единый капиталистический мир, т. е. заключить союз с империалистической Германией против Англии и Франции.

Либкнехт видел залог победы в германской революции. Ленин -- в игре на противоречиях между Четверным союзом и Антантой. Либкнехт был заинтересован в том, чтобы Германия как можно скорее проиграла войну. Ленин, подписывая сепаратный мир, хотел, чтобы Германия не проигрывала войны как можно дольше. Он боялся, что советская власть в России будет свергнута объединенными усилиями Германии и Антанты как только на Западном фронте будет подписан мир. Но заключая Брестский мир и оттягивая

германское поражение, Ленин делал именно то, в чем фактически обвинял его Либкнехт: саботировал германскую революцию.

В самой России в вопросе о переговорах с Германией большевистская партия не была едина даже тогда, когда под переговорами подразумевались подписание мира без аннексий и контрибуций, ведение революционной пропаганды и оттяжка времени при одновременной подготовке к революционной войне. Сторонники немедленной революционной войны (со временем их стали называть "левыми коммунистами") первоначально доминировали в двух столичных партийных организациях. Левым коммунистам принадлежало большинство на Втором московском областном съезде Советов, проходившем с 10 по 16 декабря 1917 года в Москве. Из 400 членов большевистской фракции Моссовета только 13 поддержали предложение Ленина подписать сепаратный мир с Германией. Остальные 387 голосовали за революционную войну.

28 декабря пленум Московского областного бюро принял резолюцию с требованием прекратить мирные переговоры с Германией и разорвать дипломатические отношения со всеми капиталистическими государствами. В тот же день против германских условий мира высказалось большинство Петроградского комитета партии. Обе столичные организации потребовали созыва партийной конференции для обсуждения линии ЦК в вопросе о мирных переговорах. Поскольку делегации на такую конференцию формировали сами комитеты, а не местные организации РСДРП(б), левым коммунистам было бы обеспечено большинство. И Ленин, во избежание поражения, стал оттягивать созыв конференции.

Собравшийся в Петрограде 15 (28) декабря общеармейский съезд по демобилизации армии, работавший до 3 (16) января 1918 г., также выступил против ленинской политики. 17 (30) декабря Ленин составил для съезда специальную анкету. Делегаты должны были ответить на 10 вопросов о состоянии армии и ее способности вести революционную войну с Германией. Ленин спрашивал, возможно ли наступление германской армии в зимних условиях, способны ли немецкие войска занять Петроград, сможет ли русская армия удержать фронт, следует ли затягивать мирные переговоры или же нужно оборвать их и начать революционную войну. Ленин надеялся заручиться согласием съезда на ведение переговоров. Но делегаты высказались за революционную войну: резолюция предлагала проводить усиленную пропаганду против аннексионистского мира, настаивать на перенесении переговоров в Стокгольм, "затягивать мирные переговоры", проводить все необходимые мероприятия для реорганизации армии и обороны Петрограда и вести пропаганду и агитацию за неизбежность революционной войны. Резолюция не подлежала публикации.

Одновременно против Ленина выступили возглавляемые левыми коммунистами Московский окружной и Московский городской комитеты партии, а также ряд крупнейших партийных комитетов -- Урала, Украины и Сибири. Только что вернувшийся из эмиграции Ленин, и без того не пользовавшийся авторитетом у "подпольщиков" типа Свердлова, Дзержинского, Сталина и Каменева, считавших (может быть справедливо), что революция была подготовлена ими, а не приехавшими на все готовое эмигрантами (Лениным и Троцким) -- терял над партией контроль. Вопрос о мире постепенно перерастал в вопрос о власти Ленина в партии большевиков, о весе его в правительстве советской России. И Ленин развернул отчаянную кампанию против своих оппонентов за подписание мира, за руководство в партии, за власть.

Исходная позиция Ленина была слабой. Большинство партийного актива выступило против германских требований, за разрыв переговоров и объявление революционной войны германскому империализму с целью установления коммунистического режима в Европе. К тому же докладывавший 7 (20) января в Совнаркоме Троцкий сообщил, что на мир без аннексий Германия не согласна. Но на аннексионистский мир, казалось, не должны были согласиться лидеры русской революции. Однако неожиданно для всей партии глава советского правительства Ленин снова выступил "за" -- теперь уже за принятие германских аннексионистских условий. Свою точку зрения он изложил в написанных в тот же день

"Тезисах по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира". Тезисы обсуждались на специальном партийном совещании 8 (21) января 1918 г., где присутствовало 63 человека, в основном делегаты Третьего съезда Советов, который должен был открыться через два дня.

Ленин пытался убедить слушателей в том, что без заключения немедленного мира большевистское правительство падет под нажимом крестьянской армии. Но если угроза большевикам исходила от крестьянской армии, то тогда ее нужно было поскорее распустить, а не оставлять под ружьем, как пытался сделать Ленин и до и после подписания мира. Если армия была никуда не годной, ее нужно было немедленно демобилизовать, как предлагал сделать Троцкий. Если Ленин боялся свержения большевиков русской армией в январе 1918, когда армия была так слаба, что не могла, по словам того же Ленина, хоть как-то сопротивляться Германии, как мог отважиться Ленин брать власть в октябре 1917, когда армия Временного правительства была намного сильнее нынешней, а большевистское правительство даже еще не было сформировано. Известное высказывание Ленина о том, что в случае отказа большевиков подписать мир немцы подпишут его с другим правительством, вряд ли было откровенным. Ленин должен был понимать, что никакое другое правительство не пойдет на подписание с Германией сепаратного аннексионистского мира, как не пойдет и на разрыв дипломатического, военного и экономического союза с Антантой. Хотя бы уже по этим причинам у Германии не могло быть лучшего, чем Ленин, союзника.

В первый период Брестских переговоров поддержку Ленину в Брестском вопросе оказывал Троцкий. Однако Троцкий был за мир до тех пор, пока речь шла о мире "без аннексий и контрибуций". И стал против него, когда выяснилось, что придется подписывать аннексионистское соглашение. Троцкому с первого до последнего дня переговоров было очевидно, что советская власть не в состоянии вести революционную войну. В этом у него с Лениным не было разногласий. Одновременно Троцкий считал, что немцы не смогут "наступить на революцию, которая заявит о прекращении войны"(5). И здесь он с Лениным расходился. Ленин делал ставку на соглашение с Германией и готов был капитулировать перед немцами при одном условии: если немцы не будут требовать отставки ленинского правительства.

В начале 1918 года казалось, что расчеты Троцкого правильны. Под влиянием затягивающихся переговоров о мире и из-за ухудшения продовольственной ситуации в Германии и Австро-Венгрии резко возросло забастовочное движение, переросшее в Австро-Венгрии во всеобщую стачку. По русской модели в ряде районов были образованы Советы. 9 (22) января, после того, как правительство дало обещание подписать мир с Россией и улучшить продовольственную ситуацию, стачечники возобновили работу.

Через неделю, 15 (28) января, забастовки парализовали берлинскую оборонную промышленность, быстро охватили другие отрасли производства и распространилась по всей стране. Центром стачечного движения был Берлин, где, согласно официальным сообщениям, бастовало около полумиллиона рабочих. Как и в Австро-Венгрии, в Германии были образованы Советы, требовавшие в первую очередь заключения мира и установления республики. В контексте этих событий Троцкий и ставил вопрос о том, "не нужно ли попытаться поставить немецкий рабочий класс и немецкую армию перед испытанием: с одной стороны -рабочая революция, объявляющая войну прекращенной; с другой стороны -гогенцоллернское правительство, приказывающее на эту революцию наступать"(6).

Ленин считал, что план Троцкого "заманчив", но рискован, так как немцы могут перейти в наступление. Рисковать же, по мнению Ленина, было нельзя, поскольку не было "ничего важнее" русской революции. Здесь Ленин снова расходился и с Троцким, и с левыми коммунистами, и левыми эсерами, союзниками большевиков, которые считали, что только победа революции в Германии гарантирует удержание власти Советами в отсталой сельскохозяйственной России. Ленин же верил в успех только тех дел, во главе которых стоял сам, и поэтому революция в России была для него куда важнее революции в Германии. Риск в позиции Троцкого был не в том, что немцы начнут наступать, а в том, что при

формальном подписании мира с Германией Ленин оставался у власти, в то время как без формального соглашения с немцами Ленин мог эту власть потерять.

На партийном совещании 21 января, посвященном проблеме мира с Германией, Ленин вновь потерпел поражение. Его тезисы, написанные 7 января, одобрены не были, несмотря на то, что в день совещания Ленин дополнил их еще одним пунктом, призывавшим затягивать подписание мира. Протокольная запись совещания оказалась "не сохранившейся". Сами тезисы, видимо, запретили печатать. При итоговом голосовании за предложение Ленина подписать сепаратный мир голосовало только 15 человек, в то время как 32 поддержали левых коммунистов, а 16 -- Троцкого, впервые предложившего в тот день не подписывать формального мира и во всеуслышание заявить, что Россия не будет вести войну и демобилизует армию.

Известная как формула "ни война, ни мир", установка Троцкого вызвала споры и нарекания. Чаще всего она преподносится как что-то несурзкое. Между тем формула Троцкого имела вполне конкретный практический смысл. Троцкий исходил из того, что Германия не в состоянии вести крупные наступательные действия на русском фронте (иначе бы немцы не сели за стол переговоров) и что "в моральном смысле" большевики должны быть "чисты перед рабочим классом всех стран"(7). Кроме того, важно было опровергнуть всеобщее убеждение, что большевики просто подкуплены немцами и все происходящее в Брест-Литовске -не более как хорошо разыгранная комедия, в которой уже давно распределены роли. По этим причинам Троцкий предлагал теперь прибегнуть к политической демонстрации -- прекратить военные действия за невозможностью далее вести их, но мира с Четверным союзом по принципиальным соображениям не подписывать. Безусловным преимуществом позиции Троцкого было то, что формула "ни мира, ни войны" не связывала руки в вопросе революционной войны и давала возможность в любой момент начать военные действия. Вот что писал об этом сам Троцкий по прошествии многих лет, уже в эмиграции:

"Многие умники по каждому подходящему поводу изошряются насчет лозунга "ни мира, ни войны". Он кажется им, по-видимому, противоречащим самой природе вещей. Между тем [...] несколько месяцев спустя после Бреста, когда революционная ситуация в Германии определилась полностью, мы объявили Брестский мир расторгнутым, отнюдь не открывая войны с Германией"(8).

Однако, расторгнув Брестский мир и не объявив войны, Красная армия повела в те дни (и притом успешно) наступление на Запад. Если именно это -ведение войны без ее объявления -- и называлось "средней линией Троцкого" -"ни война, ни мир", понятно, что за нее со временем стало голосовать большинство партийного актива. Левые коммунисты с Бухариным во главе предлагали вести войну по-джентельменски, заблаговременно объявив о ней. Троцкий предлагал объявить о мире, выжидать до тех пор, пока появятся силы, а затем начать военные действия, никому о том не объявляя.

Традиционно война рассматривалась человечеством с точки зрения потери или приобретения территорий. Поражение в войне означало потерю их. Победа -приобретение. Этот старинный подход, конечно же, был отвергнут революционерами. Ни Ленин, ни Троцкий, ни Бухарин не видели победы или поражения в приобретении или потере земель, тем более, что большевики всегда выступали за раскол Российской империи и самоопределение народов. Левым коммунистам было важнее сохранить чистоту коммунистического принципа бескомпромиссности с империалистами, даже если за это нужно было заплатить поражением революции в России. Троцкий нашел более спокойный выход, не поступался принципами, но и не рисковал объявлением революционной войны, не оставляющей Германии иного выхода как свалить советское правительство.

В формулировке Троцкого, таким образом, не было ни приписываемой ей всей советской историографией демагогии (как раз демагогией оказалась ленинская теория "мира"), ни авантюризма сторонников немедленной революционной войны, возглавляемых Бухариным. По стандартам революционного времени позиция Троцкого была умеренной.

Вместе с левыми коммунистами Троцкий считал, что подписание бумаги о мире не гарантирует прекращения военных действий, что революционеры не в праве верить "империалистам", что Германия все равно будет наступать, где сможет. И в этих условиях лучше вообще не подписывать документа, а апеллировать к пролетариату всех стран и даже использовать помощь Антанты. К тому же в революционной среде в те месяцы распространено было мнение, что Германия не в состоянии наступать, а если и сможет наступать -- не сможет удержать оккупированные территории без того, чтобы заплатить за это восстанием в Берлине.

Только Ленин упрямо настаивал на сепаратном соглашении с немцами на условиях, продиктованных Германией. На заседании ЦК 11 (24) января он выступил с тезисами о заключении мира и -- потерпел поражение. Бухарин, подвергнув речь Ленина острой критике, заявил, что "самая правильная" позиция -- это позиция Троцкого. Формула Троцкого "войну прекращаем, мира не заключаем, армию демобилизуем" была принята 9 голосами против 7. Вместе с тем 12 голосами против одного было принято внесенное Лениным (для спасения своего лица) предложение "всячески затягивать подписание мира": Ленин предлагал проголосовать за очевидную для всех истину, чтобы формально именно его, Ленина, резолюция получила большинство голосов. Вопрос о подписании мира в тот день Ленин не осмелился поставить на голосование. С другой стороны, 11 голосами против двух при одном воздержавшемся была отклонена резолюция левых коммунистов, призывавшая к революционной войне. Собравшееся на следующий день объединенное заседание центральных комитетов РСДРП(б) и партии левых социалистов-революционеров также высказалось в своем большинстве за формулу Троцкого.

Большинство шло за Троцким. Второй раз с октября 1917 года судьба Ленина находилась в руках этого счастливица, которому все очень легко давалось и который поэтому так никогда и не научился ценить власть. Троцкий был слишком увлеченным революционером и столь же негодным тактиком. Ничего этого не видя, не подозревая, что распоряжается еще и личной властью Ленина, без труда отстояв в партии проведение своей политической линии -- "ни война, ни мир", в конце января по новому стилю он выехал в Брест -- чтобы разорвать мирные переговоры.

Благодаря усилиям советской историографии, перепечатававшей десятилетиями из книги в книгу одну и ту же ложь, общепринято мнение, что, возвратившись в Брест для возобновления переговоров с Германией Троцкий имел директиву ЦК и СНК подписать мир. Эта легенда основывается на заявлении Ленина, сделанном на Седьмом партийном съезде, состоявшемся 6-8 марта 1918 г.: "Было условлено, что мы держимся до ультиматума немцев, после ультиматума мы сдаем"(9).

Похоже, однако, что Ленин оклеветал Троцкого в глазах съезда, пытаясь свалить на него вину за срыв мира и начавшееся германское наступление. За это говорит как отсутствие документов, подтверждающих слова Ленина, так и наличие материалов, их опровергающих. В воспоминаниях Троцкого о Ленине, опубликованных в 1924 году сначала в "Правде", а затем отдельной книгой, Троцкий разъясняет смысл и содержание соглашения:

"Ленин: -- Допустим, что принят Ваш план. Мы отказались подписать мир, а немцы после этого переходят в наступление. Что вы тогда делаете?"

Троцкий: -- Подписываем мир под штыками. Тогда картина ясна рабочему классу всего мира.

-- А вы не поддержите тогда лозунг революционной войны?

-- Ни в коем случае.

-- При такой постановке опыт может показаться не столь уж опасным. Мы рискуем потерять Эстонию и Латвию [...]. Очень будет жаль пожертвовать социалистической Эстонией, -- шутил Ленин, -- но уж придется, пожалуй, для доброго мира пойти на этот компромисс.

-- А в случае немедленного подписания мира разве исключена возможность немецкой военной интервенции в Эстонии и Латвии?

-- Положим, что так, но там только возможность, а здесь почти наверняка"(10).

Таким образом, Троцкий и Ленин действительно договорились о том, что мир будет подписан, но не после предъявления ультиматума, а после начала наступления германских войск.

Более откровенно Троцкий коснулся этого вопроса в ноябре 1924 года в статье "Наши разногласия", оставшейся в те годы неопубликованной. Касательно брестских переговоров он писал:

"Не могу, однако, здесь не отметить совершенно безобразных извращений брест-литовской истории [...]. [...] Выходит так: уехав в Брест-Литовск с партийной инструкцией в случае ультиматума -- подписать договор, я самостоятельно нарушил эту инструкцию и отказался дать свою подпись. Эта ложь переходит уже всякие пределы. Я уехал в Брест-Литовск с единственной инструкцией: затягивать переговоры как можно дольше, а в случае ультиматума выторговать отсрочку и приехать в Москву для участия в решении ЦК. Один лишь тов. Зиновьев предлагал дать мне инструкцию о немедленном подписании договора. Но это было отвергнуто всеми остальными, в том числе и голосом Ленина. Все соглашались, разумеется, что дальнейшая затяжка переговоров будет ухудшать условия договора, но считали, что этот минус перевешивается агитационным плюсом. Как я поступил в Брест-Литовске? Когда дело дошло до ультиматума, я сторговался насчет перерыва, вернулся в Москву и вопрос решался в ЦК. Не я самолично, а большинство ЦК по моему предложению решило мира не подписывать. Таково же было решение большинства всероссийского партийного совещания. В Брест-Литовск я уехал в последний раз с совершенно определенным решением партии: договора не подписывать. Все это можно без труда проверить по протоколам ЦК"(11).

То же самое следует и из директив, переданных в Брест Лениным по поручению ЦК. Директивы предусматривали разрыв переговоров в случае, если немцы к уже известным пунктам соглашения прибавят еще один -- признание независимости Украины под управлением "буржуазной" Рады.

Однако в брестском вопросе Троцкий так и остался ошельмованным. При жизни Ленина он не смог начать оправдываться из-за лояльного отношения к Ленину. После смерти Ленина оправдываться было уже поздно. Те, кто боролся с Троцким за власть, не были заинтересованы в исторической правде.

5 февраля по н. ст. Троцкий встретился с Черниным. Глава советской делегации в Бресте был готов к разрыву и в общем провоцировал немцев и австрийцев на предъявление неприемлемых требований, заявляя, что "никогда не согласится" на заключение странами Четверного союза отдельного мирного договора с Украиной. Немцы приняли вызов. 5 февраля по н. ст. на совещании в Берлине под председательством рейхсканцлера Г. Гертлинга и с участием Людендорфа было принято решение "достичь мира с Украиной, а затем свести к концу переговоры с Троцким независимо от того, положительным или отрицательным будет результат". Форма разрыва (ультимативная или нет) оставлялась на усмотрение германской делегации в Бресте.

27 января (9 февраля), открывая утреннее заседание, Кюльман, а затем и Чернин предложили советской делегации подписать мир. Тогда же на заседании политической комиссии представители Четверного союза объявили о подписании ими сепаратного договора с Украинской республикой. Согласно договору Рада признавалась единственным законным правительством Украины, причем Германия обязалась оказать Украине военную и политическую помощь для стабилизации режима страны. Правительство Рады, со своей стороны, обязалось продать Германии и Австро-Венгрии до 31 июля 1918 года 1 млн. тонн хлеба, до 500 тыс. тонн мяса, 400 млн. штук яиц и другие виды продовольствия и сырья. Договор о поставках одного миллиона тонн зерна считался секретным. Предусматривалось также, что договор не будет ратифицирован германским правительством, если Украина нарушит соглашение о поставках.

Вечером 27 января (9 февраля) Троцкий доносил из Брест-Литовска в Смольный, что

Кюльман и Чернин "предложили завтра окончательно решить основной вопрос". Историк А. О. Чубарьян расшифровывает, что в этой телеграмме Троцкого речь шла о подписании мирного договора между Германией и Австро-Венгрией, с одной стороны, и Украиной, с другой. "Таким образом, повторяю, -- продолжал Троцкий, -- окончательное решение будет вынесено завтра вечером". Тем временем в Киеве большевиками предпринимались судорожные попытки сформировать правительство и объявить о захвате власти. "Если мы до пяти часов вечера получим от вас точное и проверенное сообщение, что Киев в руках советского народа,-- телеграфировал в Петроград Троцкий,-это может иметь крупное значение для переговоров"(12). Через несколько часов просьба Троцкого была уважена и ему телеграфировали из Петрограда о победе в Киеве советской власти. Троцкий уведомил об этом делегации Четверного союза. Но очевидно, что даже в том случае, если бы Троцкий говорил правду, немцы и австрийцы не собирались следовать его совету и отказываться от соглашения, которое было нужно еще и как средство давления на большевиков.

Обмен мнениями по украинскому вопросу был назначен на 6 часов вечера 28 января (10 февраля). "Сегодня около 6 часов нами будет дан окончательный ответ, -- телеграфировал в этот день в Петроград Троцкий. -- Необходимо, чтобы он в существе своем стал известен всему миру. Примите необходимые к тому меры"(13). Историк С. Майоров комментирует:

"Однако, ни в первом, ни во втором донесении Троцкий не сообщал, в чем же будет состоять существо того ответа, который он собирался дать на ультиматум германской делегации [...] Ему даны были совершенно точные инструкции, как поступить в случае предъявления ультиматума с немецкой стороны. [...] Троцкий должен был, руководствуясь этими инструкциями, принять предложенные немецкими империалистами условия мира"(14).

Такой вывод безоснователен. Майоров ошибочно считает, что "28 января (10 февраля) В. И. Ленин и И. В. Сталин(15) от имени ЦК партии, еще раз подтверждая неизменность указаний партии и правительства о необходимости заключения мира, телеграфировали в Брест-Литовск Троцкому [...] Но Троцкий [...] нарушил директиву партии и правительства и совершил акт величайшего предательства"(16).

В телеграмме, посланной Троцкому в 6.30 утра в ответ на запрос Троцкого, Ленин писал:

"Наша точка зрения Вам известна; она только укрепилась за последнее время(17) и особенно после письма Иоффе. Повторяем еще раз, что от киевской Рады ничего не осталось и что немцы вынуждены будут признать факт, если они еще не признали его. Информировать нас почаще"(18).

О мире Ленин ничего не писал. Между тем, если бы известной Троцкому "точкой зрения" было согласие на германский ультиматум и подписание мирного договора, Ленину не нужно было бы выражаться эзоповым языком. Можно было дать открытым текстом директиву подписать мир. Разгадка, конечно же, находится там, где оборвал цитирование ленинской телеграммы С. Майоров: в письме Иоффе. Касалось оно не мира, а попытки советского правительства добиться от Германии признания в качестве полноправной участницы переговоров в Бресте советской украинской делегации. Именно по этому вопросу известна была Троцкому точка зрения ЦК: никаких уступок, отказ от признания киевской "буржуазной" Рады, в случае упорства немцев -- разрыв мирных переговоров. В этот решающий для судеб украинской коммунистической революции момент советское правительство не могло признать Украинскую Раду даже ради сепаратного мира с Германией, даже если на этом настаивал Ленин.

Разногласия по вопросу о мире в те дни охватили не только большевиков, но и немцев. 9 февраля по н. ст. император Вильгельм послал в Брест Кюльману телеграмму с директивой завершить переговоры в 24 часа на продиктованных немцами (и неприемлемых для большевиков) условиях. Кюльман торговался. В телеграмме канцлеру он указал, что положение должно полностью разъясниться 10 февраля по н. ст., на воскресном заседании,

где советская делегация должна будет принять или отвергнуть германские условия. Если случится второе -- переговоры будут разорваны в 24 часа; затем будет разорвано и перемирие. Если же Троцкий примет германские условия, срывать мир будет крайне неразумно, так как это приведет к конфликту с Австро-Венгрией и к беспорядкам в Германии. Требования Вильгельма Кюльман назвал "неприемлемыми ни с точки зрения политики, ни с позиции прав народов", указав к тому же, что будет абсолютно невозможно привлечь союзников Германии к защите этих требований.

10 февраля Кюльман обсуждал возникшие сложности с Черниным, который полностью поддержал германского министра иностранных дел и указал, что в случае изменения немцами курса на достижение мира с большевиками Австро-Венгрия не сможет поддержать Германию и пойдет своей дорогой. Кюльман на это ответил, что проведение МИДом нового жесткого курса "совершенно невозможно" и если Берлин будет настаивать на ультиматуме, Кюльман уйдет в отставку. Для ответа он предоставил императору и канцлеру четыре часа: если ответа не последует, Кюльман останется на своем посту и ультиматума Троцкому предъявлять не будет. Прошло четыре часа. Ответа от императора не последовало. Кюльман остался в должности. Переговоры были продолжены.

Вечером 28 января (10 февраля), в ответ на вновь повторенное требование Германии "обсуждать только пункты, дающие возможность придти к определенным результатам", в соответствии с директивами ЦК РСДРП(б) и телеграммой Ленина, Троцкий от имени советской делегации заявил о разрыве переговоров: "Мы выходим из войны, но вынуждены отказаться от подписания мирного договора".

Генерал Гофман вспоминает, что после заявления Троцкого в зале заседаний воцарилось молчание. "Смушение было всеобщее". В тот же вечер между австро-венгерскими и германскими дипломатами состоялось совещание, на которое был приглашен Гофман. Кюльман считал, что предложение генерала Гофмана о разрыве переговоров и объявлении войны -- "совершенно неприемлемо", и намного разумнее, как и предложил Троцкий, "сохранять состояние войны, не прерывая перемирия".

"Мы можем при удачном стечении обстоятельств, -- указал Кюльман, [...] в течение нескольких месяцев продвинуться до окрестностей Петербурга. Однако я думаю, что это ничего не даст. Ничто не помешает тому, чтобы [новое] революционное правительство, которое, может быть, сменит к тому времени большевиков, переместилось в другой город или даже за Урал. [...] При столь огромных размерах России мы можем очень долго вести кампанию против нее [...] но при этом не добьемся своей цели, т. е. не усадим людей за стол переговоров и не заставим их подписать договор. Степень военного давления, которая воздействует на людей, т. е. максимальная степень [...] уже достигнута. Дальнейшая война не имеет более какой-либо высокой цели, чем простое уничтожение военных сил противника. Мы знаем на примере малых стран, в частности Сербии, что даже после оккупации всей территории государства находящееся в эмиграции правительство [...] продолжает являться правительством страны. При этом никакая степень военного давления (увеличение этой степени уже невозможно, так как все, что можно было оккупировать уже оккупировано) не в состоянии заставить людей подписать мир. [...] Война не может быть признана пригодным средством для того, чтобы достичь желаемого нами подписания мирного договора".

После речи Кюльмана дипломаты Германии и Австро-Венгрии, Турции и Болгарии единогласно заявили, что принимают предложение Троцкого: "Хотя декларацией мир и не заключен, но все же восстановлено состояние мира между обеими сторонами". Гофман остался в полном одиночестве: "Мне не удалось убедить дипломатов в правильности моего мнения", -- пишет он. Формула Троцкого "ни мира, ни войны" была принята конференцией, констатирует Чернин(19). И австрийская делегация первой поспешила телеграфировать в Вену, что "мир с Россией уже заключен"(20).

Гофман не остался пассивен, а немедленно сообщил о результатах совещания в Ставку. Германское главнокомандование, давно искавшее повода для новых конфликтов с МИДом, решило поддержать Гофмана против Кюльмана. Почувствовав за собой силу, Гофман начал

настаивать, что на заявление Троцкого необходимо ответить прекращением перемирия, походом на Петербург и открытой поддержкой Украины против России. Но 10-11 февраля по новому стилю требование Гофмана было проигнорировано. И в торжественном заключительном заседании 11 февраля по н. ст. Кюльман "встал полностью на точку зрения, выраженную большинством мирных делегаций и поддержал ее в очень внушительной речи"(21). Троцкий победил. Его расчет оказался верен. Состояние "ни мира, ни войны" стало фактом. Оставалось только распустить старую русскую антибольшевистскую армию, не контролируемую центром. И Троцкий отдал приказ о демобилизации.

В это время в Берлине проходили события, судьбоносные для германской истории. Гертлинг, в целом поддерживавший верховное главнокомандование, обратился к Вильгельму, настаивая на том, что заявление Троцкого -- это "фактический разрыв перемирия". Правда, Гертлинг, в отличие от Гофмана, не предполагал объявлять о возобновлении войны, но он намеревался сделать заявление о прекращении 10 февраля действия перемирия (по условиям соглашения о перемирии это дало бы Германии с 18 февраля свободу рук). И хотя Гертлинг еще не объявлял о начале военных действий против России, было очевидно, что он клонит именно к этому.

МИД, как и прежде, выступал против, выдвигая теперь на первый план соображения внутривнутриполитического характера. Тем не менее 13 февраля на состоявшемся рано утром в Гамбурге Коронном совете под председательством кайзера, было окончательно решено продолжать военные действия против России и считать заявление Троцкого фактическим разрывом перемирия с 17 февраля (поскольку Троцкий делал заявление 10-го). Предполагалось, что официальное заявление о разрыве будет сделано германским правительством сразу же после того, как пределы советской России покинет находившаяся в Петрограде германская дипломатическая миссия во главе с графом В. Мирбахом (наступление немцев действительно началось 18 февраля -- немедленно после отъезда германской дипломатической миссии).

По возвращении в Петроград Троцкий выступил на заседании Петроградского совета. Он указал, что Германия скорее всего не сумеет "выслать войска против социалистической республики. 90 шансов из 100 за то, что наступление не удастся и только 10 шансов за наступление. Но я уверен, что наступления не будет"(22). "Это был единственно правильный выход, -- комментировал Зиновьев. -- [...] Мы, несмотря на все [...] крики отчаяния "правых", глубоко убеждены, что наступления со стороны немецких империалистов быть в данный момент не может"(23).

Петросовет поддержал решение советской делегации в Бресте большинством голосов. Днем раньше Исполком петроградского комитета партии также высказался за разрыв переговоров с немцами, против политики "похабного мира"(24). 30 января (по ст. ст.) за разрыв переговоров выступил Моссовет. Позиция Троцкого была поддержана левыми эсерами и одобрена немецкими коммунистами. Последние, как и Троцкий, считали, что "при крушении переговоров Центральные империи вряд ли будут в состоянии причинить России новый крупный военный ущерб, несмотря на нынешнее состояние русских армий. Война на русской границе все больше должна была бы сходиться на нет"(25).

Политические деятели Австро-Венгрии, уведомленные о намерениях немцев объявить перемирие прекращенным с 17 февраля, были повергнуты в растерянность. "Наше мнение о том, что 17 февраля истекает срок перемирия, в большинстве случаев не разделяется здесь даже правительственными кругами", -- сообщал из Вены в МИД Германии 15 февраля Ведель. Германский посол в Австро-Венгрии барон фон Мерей был буквально "ошеломлен" и считал, что без формального ответа на заявление Троцкого, чего сделано пока еще не было, разрывать перемирие, исчисляя от 10 февраля, невозможно. Тогда 16 февраля в телеграфное бюро Вольфа было передано для публикации официальное сообщение германского правительства о том, что заявление Троцкого рассматривается Германией как разрыв переговоров и перемирия. "Датой разрыва перемирия, - указывалось в сообщении, -- следует рассматривать 10 февраля" и "по истечении предусмотренного договором семидневного

срока германское правительство считает себя свободным действовать в любом направлении".

Копия сообщения была переслана командованию германского Восточного фронта. Последнее 16 февраля в 7.30 вечера известило русское командование, что "с 12 часов дня 18 февраля между Германией и Россией возобновляется состояние войны". По крайней мере именно так 17 февраля передал по прямому проводу из Бреста в Петроград генерал А. А. Самойло. В 13.42 Троцкий послал спешный запрос в Берлин, где указал, что советское правительство считает телеграмму провокационной, поскольку даже в том случае, если Германия решила отказаться от перемирия, "оповещение об этом должно происходить по условиям перемирия за семь дней, а не за два, как это сделано". Советское правительство в связи с этим просило немедленно разъяснить недоразумение.

18 февраля германское главнокомандование в разъяснении за подписью Гофмана указало что "предусмотренный в договоре о перемирии семидневный срок начался [...] 10 февраля и истек вчера. В связи с тем, что русское правительство отказалось заключить мир с Германией, Германия считает себя свободной от любых обязательств и оставляет за собою право прибегнуть к тем мероприятиям, которые она сочтет нужными".

Германский ультиматум не был поддержан союзником Германии Австро-Венгрией, чье правительство высказалось против возобновления военных действий и передало по этому поводу Германии официальный протест. Немцы, впрочем, попросили австрийцев "подождать с провозглашением своей позиции" до тех пор, пока о германских условиях не будут формально уведомлены Советы. Чернин, разумеется, ответил согласием, обещав "ничего не предпринимать", не связавшись предварительно с Берлином. В это время на столе Чернина уже лежала радиограмма Троцкого с вопросом, "считает ли австро-венгерское правительство, что оно также находится в состоянии войны с Россией", и если нет, то находит ли оно "возможным вступить в практическую договоренность". Кроме того, было хорошо известно, что немцы провели передислокацию всех боеспособных частей с Восточного фронта на Западный. Наконец, в Петрограде оставались пока германские посланники, прибывшие с дипломатическими поручениями 16 (29) декабря: граф Мирбах, возглавлявший германскую экономическую миссию, и вице-адмирал Кейзерлинг, начальник военно-морской миссии. Таким образом, оставалась надежда, что самими немцами вопрос о наступлении окончательно не решен.

Исходя из этого состоявшееся вечером 17 февраля заседание ЦК отвергло 6 голосами против 5 предложение Ленина о немедленном согласии подписать германские условия и поддержало формулу Троцкого, постановив обождать с возобновлением мирных переговоров до тех пор, пока не проявится германское наступление и не обнаружится его влияние на пролетарское движение Запада. Против немедленного возобновления переговоров даже под угрозой германского нашествия голосовали Троцкий, Бухарин, Ломов, Урицкий, Иоффе и Крестинский. За предложение Ленина -- Свердлов, Сталин, Сокольников, Смилга и сам Ленин.

На заседании ЦК РСДРП(б) утром 18 февраля резолюция Ленина снова была провалена перевесом в один голос: 6 против 7. Новое заседание назначили на вечер. Только вечером, после продолжительных споров и под воздействием германского наступления, 7 голосами против 5 предложение Ленина было принято. За него голосовали Ленин, Троцкий, Сталин, Свердлов, Зиновьев, Сокольников и Смилга. Против -- Урицкий, Иоффе, Ломов, Бухарин, Крестинский. Подготовка текста обращения к правительству Германии поручалась Ленину и Троцкому. Пока же ЦК постановил немедленно послать немцам радиосообщение о согласии подписать мир. Свердлов между тем должен был отправиться к левым эсерам, известить их о решении большевистского ЦК и о том, что решением советского правительства будет считаться совместное постановление центральных комитетов РСДРП(б) и ПЛСР.

На состоявшемся 18 февраля объединенном заседании центральных комитетов РСДРП(б) и ПЛСР последняя проголосовала за принятие германских условий. Ленин поэтому поспешил назначить на 19 февраля совместное заседание большевистской и левоэсеровской фракций ВЦИКа, согласившись считать вынесенное решение

окончательным. Уверенный в своей победе, Ленин вместе с Троцким (согласно постановлению ЦК) в ночь на 19 февраля составил текст радиообращения к немцам. Совнарком выражал протест по поводу германского наступления, начатого против республики, "объявившей состояние войны прекращенным и начавшей демобилизацию армии на всех фронтах", но заявлял "о своем согласии подписать мир на тех условиях, которые были предложены делегациями Четверного союза в Брест-Литовске"(26).

Радиотелеграмма за подписями Ленина и Троцкого была передана утром 19 февраля и уже в 9.12 получена немцами, о чем был немедленно информирован генерал Гофман. Все это Ленин проделал еще до того, как было принято формальное совместное решение большевистской и левозэсеровской фракций ВЦИКа. Но там, где Ленин смог обойти формальную сторону с левыми эсерами, он не смог сделать того же с немцами. Последние, не заинтересованные в приостановке успешного наступления, потребовали официального письменного документа; и Ленин ответил, что курьер находится в пути. Германия приняла заявление к сведению, но наступления не прекратила.

Немцами были заняты в те дни несколько городов: 18 февраля -- Двинск; 19-го -- Минск; 20-го -- Полоцк; 21-го -- Режица и Орша; 22-го -- Вольмар, Венден, Валк и Гапсаль; в ночь на 24-е -- Псков и Юрьев; 25 февраля -Борисов и Ревель. Удивительным было то, что немцы наступали без армии. Они действовали небольшими разрозненными отрядами в 100-200 человек, собранными из добровольцев. Из-за царившей у большевиков паники и слухов о приближении мифических германских войск города и станции оставались без боя еще до прибытия противника. Двинск, например, был взят немецким отрядом в 60-100 человек. Псков был занят небольшим отрядом немцев, приехавших на мотоциклах. В Режице германский отряд был столь малочислен, что не смог занять телеграф, который работал еще целые сутки. Немцы не столько брали города, сколько объявляли занятыми оставленные в панике поспешно отступавшей русской армией местности. 22 февраля 1918 г. военный комиссар В. Н. Подбельский сообщал с фронта по прямому проводу: "Проверенных новых сведений не имею, кроме того, что немцы, вообще говоря, продвигаются неукоснительно, ибо не встречают сопротивления"(27).

На Украине наступление шло в основном вдоль железнодорожных путей, принимая, по словам Гофмана, "темпы, впечатляющие даже военных"(28). Сопротивление оказывали кое-где войска советкой Красной гвардии, наступавшие для занятия Украины, и поддерживавшие Антанту чехословацкие части, бои с которыми были наиболее упорными. Тем не менее 21 февраля немцы вошли в Киев.

19 февраля Ленин выступил с защитой тезисов о подписании мира на объединенном заседании большевистской и левозэсеровской фракций ВЦИК с двухчасовой речью. Вероятно, он рассчитывал на победу. Но неожиданно для Ленина, как и для многих членов ЦК ПЛСР, большинство членов ВЦИК высказалось против принятия германских условий мира. Протокол заседания ВЦИК от 19 февраля "не сохранился", но на следующий день орган московской большевистской организации газета "Социал-демократ" поместила краткий отчет о заседании фракций: "Большинство стояло на той точке зрения, что русская революция выдержит испытание; решено сопротивляться до последней возможности"(29).

Тогда Ленин 19 февраля собрал заседание Совнаркома, на котором были обсуждены "вопросы внешней политики в связи с наступлением, начатым Германией, и телеграммой", посланной Лениным в Берлин. Большинство голосов против двух Совнарком содержание ночной телеграммы Ленина, посланной преждевременно и вопреки воле ВЦИК, одобрил. А так как Ленин провел в свое время резолюцию, передающую в ведение СНК вопросы, связанные с заключением мира, все необходимые формальности были выполнены.

Из-за состоявшегося только что решения подписать мир с Германией на заседании ЦК 22 февраля произошел фактический раскол большевистской партии. Бухарин вышел из состава ЦК и сложил с себя обязанности редактора "Правды". Группа в составе Ломова, Урицкого, Бубнова, В. Смирнова, Ин. Стукова, М. Бронского, В. Яковлевой, Спунде, М. Покровского и Г. Пятакова подала в ЦК заявление о своем несогласии с решением ЦК

обсуждать саму идею подписания мира и оставила за собой право вести в партийных кругах агитацию против политики ЦК. Иоффе, Держинский и Крестинский также заявили о своем несогласии с решением ЦК подписать мир, но воздержались от присоединения к группе Бухарина, так как это значило расколоть партию, на что они идти не решались.

23 февраля в 10.30 утра немцы предъявили ультиматум, срок которого истекал через 48 часов. На заседании ЦК ультиматум огласил Свердлов. Советское правительство должно было согласиться на независимость Курляндии, Лифляндии и Эстляндии, Финляндии и Украины, с которой обязано было заключить мир; способствовать передаче Турции анатолийских провинций, признать невыгодный для России русско-германский торговый договор 1904 года, дать Германии право наибольшего благоприятствования в торговле до 1925 года, предоставить право свободного и беспошлинного вывоза в Германию руды и другого сырья; отказаться от всякой агитации и пропаганды против Центральных держав и на оккупированных ими территориях. Договор должен был быть ратифицирован в течение двух недель. Гофман считал, что ультиматум содержал все требования, какие только можно было выставить.

Ленин потребовал немедленного согласия на германские условия и заявил, что в противном случае уйдет в отставку. Тогда, видимо по предварительному соглашению с Лениным, слово взял Троцкий:

"Вести революционную войну при расколе в партии мы не можем. [...] При создавшихся условиях наша партия не в силах руководить войной [...] Доводы В. И. (Ленина) далеко не убедительны; если мы имели бы единодушие, могли бы взять на себя задачу организации обороны, мы могли бы справиться с этим [...] если бы даже принуждены были сдать Питер и Москву. Мы бы держали весь мир в напряжении. Если мы подпишем сегодня германский ультиматум, то мы завтра же можем иметь новый ультиматум. Все формулировки построены так, чтобы дать возможность дальнейших ультиматумов. [...] С точки зрения международной, можно было бы многое выиграть. Но нужно было бы максимальное единодушие; раз его нет, я на себя не возьму ответственность голосовать за войну"(30).

Вслед за Троцким отказались голосовать против Ленина еще два левых коммуниста: Держинский и Иоффе. Урицкий, Бухарин и Ломов твердо высказались против. Сталин первоначально не высказался за мир: "Можно не подписывать, но начать мирные переговоры"(31). В результате, Троцкий, Держинский, Крестинский и Иоффе -- противники Брестского мира -- воздержались при голосовании. Урицкий, Бухарин, Ломов и Бубнов голосовали против. А Свердлов, Сталин, Зиновьев, Сокольников, Смилга и Стасова поддержали Ленина. 7 голосами против 4 при 4 воздержавшихся германский ультиматум был принят. Вместе с тем ЦК единогласно принял решение "готовить немедленно революционную войну"(32). Это была очередная словесная уступка Ленина.

Однако победа ленинского меньшинства при голосовании по столь важному вопросу повергла ЦК в еще большее смятение. Урицкий от своего имени и от имени членов ЦК Бухарина, Ломова, Бубнова, кандидата в члены ЦК Яковлевой, а также Пятакова и Смирнова, заявил, что не желает нести ответственности за принятое меньшинством ЦК решение, поскольку воздержавшиеся члены ЦК были против подписания мира, и пригрозил отставкой всех указанных большевистских работников. Началась паника. Сталин сказал, что оставление оппозицией "постов есть зарез для партии". Троцкий -- что он "голосовал бы иначе, если бы знал, что его воздержание поведет к уходу товарищей". Ленин соглашался теперь на "немую или открытую агитацию против подписания" -- только чтоб не уходили с постов и пока что подписали мир. Но левые коммунисты ушли, оговорив за собой право агитировать за войну в партийной прессе.

Совместное заседание ЦК РСДРП(б) и ЦК ПЛСР было назначено на вечер 23 февраля. Протокол его числится в ненайденных и о том, как проходило заседание, ничего не известно. Ряд сведений говорит за то, что большинство ПЛСР поддержало Троцкого. Вопрос затем был передан на обсуждение фракций ВЦИК, заседавших всю ночь с 23 на 24 февраля то порознь,

то совместно. Небольшой зал, отведенный для фракции большевиков, был забит до отказа. Кроме фракции там находились члены Петроградского совета и партийный актив города. Заседание вел Свердлов. Ленин пришел позже и выступил с речью, в которой доказывал, что все пути оттяжки и саботажа мирных переговоров уже испробованы и пройдены.

Большинством голосов фракция РСДРП(б) во ВЦИКе приняла резолюцию о согласии на германские условия мира. Левые коммунисты пробовали добиться от фракции права свободного голосования, но потерпели поражение: в ответ была принята резолюция о дисциплине, обязывающая всех членов фракции большевиков либо голосовать за мир, либо не участвовать в голосовании. На объединенном заседании большевистской и левозэсеровской фракций ВЦИКа левые коммунисты вновь высказались против подписания мира, но большинства голосов не собрали.

Наконец, в три часа утра 24 февраля в большом зале Таврического дворца открылось заседание ВЦИК. Главных фракций было пять: большевики, левые эсеры, эсеры, меньшевики и анархисты. Ранним утром приступили к поименному голосованию. Каждого из присутствовавших вызывали на трибуну, и вышедший, повернувшись лицом к залу, должен был высказаться за мир или войну. Сцены разыгрывались самые разные. Бухарин, несмотря на директиву большевистской фракции не голосовать против подписания мира, выступает против, "и слова его тонут в аплодисментах половины зала"(33). Его поддерживает Рязанов. Луначарский до самой последней секунды не знает, что сказать: как левый коммунист, он должен быть против, как дисциплинированный большевик -- за. Выйдя на трибуну, он произносит "да" и, "закрывая руками судорожно дергающееся лицо, сбегает с трибуны"(34). Кажется, он плачет. Большинство левых коммунистов, не желая голосовать за подписание мира, но не смея нарушить партийную дисциплину, покидает зал еще до голосования (и этим решает исход в пользу Ленина).

У левых эсеров происходит такой же раскол, с той только разницей, что фракция в целом решает голосовать против Брестского мира и обязывает сторонников Ленина воздержаться от голосования. Как и у большевиков, не все соглашались соблюдать партийную дисциплину в ущерб собственным принципам. За подписание мира голосует Спиридонова, Малкин и ряд других видных членов ЦК. Эсеры и меньшевики голосуют против. Но Ленин все-таки собирает необходимое ему большинство голосов: за ленинскую резолюцию голосует 116 членов ВЦИК, против -- 85 (эсеры, меньшевики, анархисты, левые эсеры, левые коммунисты), 26 человек -- левые эсеры, сторонники подписания мира -- воздерживаются.

В 5.25 утра заседание закрылось. Через полтора часа в Берлин, Вену, Софию и Константинополь передали сообщение Совнаркома о принятии германских условий и отправке в Брест-Литовск полномочной делегации. Для передачи советского согласия в письменной форме из Петрограда в Брест отправился курьер. К 10 часам вечера германское главнокомандование Восточного фронта в ответ на радиограмму о принятии германских условий потребовало подписания мира в течение трех дней с момента прибытия советской делегации в Брест.

24 февраля ушло на обсуждение того, кто войдет в состав делегации по подписанию мира. Ехать никто не хотел. Иоффе отказывался. Зиновьев предлагал кандидатуру Сокольников. Сокольников -- Зиновьева. Все вместе -- Иоффе. Иоффе оговаривал свою поездку сотнями "если", Сокольников грозил отставкой (если его пошлют). Ленин просил "товарищей не нервничать", указывая, что "может поехать товарищ Петровский как народный комиссар". Ломов, Смирнов, Урицкий, Пятаков, Боголепов и Спунде подали заявление об уходе с занимаемых ими постов в Совнаркоме. Троцкий вспомнил, что еще пять дней назад подал заявление об уходе в отставку с поста наркома иностранных дел и теперь настаивал на ней. Зиновьев просил Троцкого "остаться до подписания мирного договора, ибо кризис еще не разрешился". Сталин говорил о "боли, которую он испытывает по отношению к товарищам", уходящим с постов, тем более, что "их нечем заменить". Троцкий заявлял, что "не хочет больше нести ответственности" за мирную политику НКВД,

но, не желая раскалывать партию, готов сделать заявление о сложении полномочий "в самой недемонстративной форме"; "текущую работу может вести Чичерин, а политическое руководство должен взять Ленин". Зиновьев просил Троцкого "отложить уход на 2-3 дня". Сталин тоже просил "выждать пару дней". Ленин указал, что отставка Троцкого неприемлема. Споры возобновились. Троцкий констатировал раскол в партии:

"В партии сейчас два очень резко отмежеванных друг от друга крыла. Если смотреть с точки зрения парламентской, то у нас есть две партии, и в смысле парламентском надо было бы меньшинству уступить, но у нас этого нет, так как у нас идет борьба групп. Мы не можем сдавать позиции левым эсерам"(35).

После долгих споров подпись под договором согласился поставить Сокольников. Делегация выехала в ночь с 24 на 25 февраля. С Сокольниковым поехали Г. И. Петровский, Г. В. Чичерин, Л. М. Карахан и Иоффе. Последнего удалось уговорить поехать в качестве консультанта, не несущего ответственности за подписание договора.

28 февраля советская делегация прибыла в Брест, чтобы узнать, что германское правительство идет в своих требованиях еще дальше. Немцы требовали теперь передачи Турции Карса, Ардагана и Батума (хотя в течение войны эти территории ни разу не занимались турецкими войсками). Сокольников пробовал было возражать, но Гофман дал понять, что какие-либо обсуждения ультиматума исключаются. Трехдневный срок, в течение которого должен был быть подписан мир, немцы определили с 11 часов утра 1 марта, когда должно было состояться первое официальное заседание в Бресте.

1 марта конференция возобновила работу. С обеих сторон в переговорах участвовали второстепенные лица. Министры иностранных дел Кюльман, Чернин, Талаат (Турция) и Радославов (Болгария) в это время находились на мирных переговорах в Бухаресте и в Брест прислали своих заместителей. От Германии договор должен был подписать посланник Розенберг. На первом же заседании он предложил советской делегации обсудить мирный договор, проект которого привез с собой. Сокольников попросил зачитать весь проект и после прочтения объявил, что отказывается "от всякого его обсуждения как совершенно бесполезного при создавшихся условиях"(36), тем более, что уже грядет мировая пролетарская революция.

Брестский мир был ярким и буквально единственным пунктом разногласия Троцкого с Лениным в первые, самые важные для советской власти годы. История этих разногласий крайне показательна: во время голосования в ЦК 23 февраля 1918 года, когда решался вопрос не столько о Брестском мире, сколько о власти Ленина в партии, Троцкий отказался выступить против подписания договора и тем обеспечил Ленину перевес голосов. Было бы нелепо считать, что Троцкий руководствовался джентельменскими соображениями. Оставляя Ленина у власти он прежде всего заботился о самом себе, понимая, что без Ленина не удержится в правительстве и будет оттеснен конкурентами. Так что иного пути у Троцкого не было. Великий партийный стратег Ленин это, конечно же, понимал. Тем более, что Троцкий поддерживал Ленина не бескорыстно: уже на следующий день после подписания Брестского мира, 4 марта 1918 года, Троцкий был назначен председателем Высшего военного совета, а 13 марта -- наркомом по военным делам. Трудно предположить, что эти назначения, происшедшие сразу же после заключения мира, не были ленинским вознаграждением Троцкому за результаты голосования 23 февраля. Не исключено, что еще до самого голосования Ленин заручился обещанием Троцкого не выступать против в обмен на важные министерские посты, значительно укрепляющие положение Троцкого в правительстве.

Настаивая на Брестском мире, Ленин четко понимал, что делает. В то время как противники Ленина в вопросе подписания мира пытались вычислить, что лучше для интересов мировой революции, Ленин должен был просчитать, где больше шансов лично ему остаться у власти. Не подписывая мира с немцами Ленин очевидно, терял руководство, так как продолжение германо-русской войны могло привести к свержению правительства СНК. В то же время победа над немцами могла быть достигнута только национальным

единением, а для этого Ленин должен был отказаться от единоличного руководства и пойти на союз с другими социалистическими партиями. В случае же подписания мира Ленин должен был преодолеть только одну оппозицию: внутри собственной партии. Для этого, по уже знакомой ему схеме, нужно было перебороть сопротивление большинства собственного ЦК. Для этого, что тоже было Ленину хорошо известно, достаточно было пригрозить отставкой. Именно так поступил Ленин. Уступив немцам во всех пунктах, подписав условия, названные современниками "унизительными", Ленин остался председателем Совнаркома. Однако оппозиция сепаратному миру в партии и советском аппарате заставила Ленина изменить тактику. Он постепенно переместил акцент с "мира" на "передышку". Вместо мирного соглашения с Четверным союзом Ленин ратовал теперь за подписание ни к чему не обязывающего бумажного договора ради короткой, пусть хоть в два дня, паузы, необходимой для подготовки к революционной войне. При такой постановке вопроса Ленин почти стирал грань между собою и левыми коммунистами. Расхождение было теперь в сроках. Бухарин выступал за немедленную войну. Ленин -- за войну после короткой передышки. Сепаратный мир исчез из лексикона Ленина.

Как и формула Троцкого "ни война, ни мир", ленинская "передышка" была средней линией. Она позволяла, не отказываясь от лозунга революционной войны, оттягивать ее начало сколь угодно долгое время. Оставляя левым коммунистам надежду на скорое объявление войны, "передышка" давала возможность Ленину добиться столь важного для него подписания Брестского соглашения. С точки зрения выполнения внешнеполитических задач советской власти формула "передышки" также оказалась более удобной, чем сепаратный мир. Подписывая мир, большевики компрометировали себя и перед германскими социалистами, и перед Антантой, провоцируя последнюю на вмешательство. "Передышка" давала и тем и другим надежду на скорое возобновление войны между Россией и Германией. Негативной, с точки зрения Ленина, стороной, были возникшие у Германии опасения того, что большевики не имеют серьезных намерений соблюдать мир. Но поскольку более выгодного мира не дало бы Германии никакое другое российское правительство, Ленин понимал, что Германия останется заинтересованной в Совнаркоме.

Что касается Антанты, то первоначальное намерение большевиков заключить сепаратный мир и разорвать таким образом союз с Англией и Францией казалось в 1918 году актом беспрецедентного коварства. Не желая, с одной стороны, иметь дело с правительством "максималистов" в России, не веря в его способность удержаться у власти, Антанта, с другой стороны, пыталась поддерживать контакты с советской властью хотя бы на неофициальном уровне с целью убедить советское правительство сначала не подписывать, а после подписания -- не ратифицировать Брестский договор.

В глазах Антанты Ленин, проехавший через Германию в plombированном вагоне, получавший от немцев деньги (в чем по крайней мере были убеждены в Англии и Франции), был, конечно же, ставленником германского правительства, если не прямым его агентом. Именно так англичане с французами объясняли прогерманскую политику Ленина. Очевидно, что формула Троцкого "ни война, ни мир" не отделяла Россию от Антанты столь категорично, как ленинское мирное предложение. Ленин, подписывая мир, толкал Антанту на войну с Россией. Троцкий пытался сохранить баланс между двумя враждебными лагерями. После 3 марта, однако, удержаться на этой линии было крайне трудно. Ленинская "передышка", не избавив Россию от германской оккупации, спровоцировала на интервенцию в гражданскую войну в России мировые державы -- Англию, Францию, Японию и США.

Можно понять причины, по которым Ленин, казалось бы, и здесь выбрал самый рискованный для революции (и наименее опасный для себя) вариант. Немцы требовали территорий. Но они не требовали ухода Ленина от власти, а наоборот -- были заинтересованы в Ленине, так как понимали, что лучшего союзника в деле сепаратного мира не получают. Антанту же не интересовали территории. Она должна была сохранить действующим Восточный фронт. В союзе с Германией Ленин удерживал личную власть. В союзе с Антантой он терял ее безусловно как сторонник ориентации на Германию.

Брест-Литовский договор мог войти в силу только после ратификации его тремя инстанциями: партийными съездами, съездом Советов и германским рейхстагом. В распоряжении сторонников и противников мира оставалось, таким образом, две недели (оговоренные немцами как предельный срок ратификации). Ленин ранее всего попробовал добиться отмены резолюции Московского областного бюро партии о недоверии ЦК. Случай для этого представился на московской общегородской конференции РСДРП(б), созванной вскоре после подписания мира, в ночь с 4 на 5 марта. В докладах участников конференции были представлены все три точки зрения: Ленина, Троцкого и Бухарина. Ленинскую позицию защищали Зиновьев и Свердлов. От имени левых коммунистов выступил Оболенский (Осинский), предложивший конференции подтвердить резолюцию о недоверии ЦК. Левые коммунисты потерпели поражение: за резолюцию Осинского голосовало только 5 человек; 65 делегатов конференции одобрили резолюцию, выражавшую доверие ЦК, и высказались за сохранение во что бы то ни стало единства партии. Однако в самом важном для Ленина вопросе победил Троцкий: большинство участников конференции, 46 человек, проголосовало против подписания мира (резолюция Покровского).

Ленин всегда ясно видел взаимосвязь мелочей в борьбе. Это отличало его от Троцкого, извечно стремившегося к недостигаемому горизонту и не ставившего перед собой цели дня. Такой целью для Ленина в марте 1918 года была ратификация Брестского договора на предстоящем Седьмом партийном съезде. К этому времени большевистская партия фактически раскололась на две. Самым ярким проявлением этого раскола стало издание левыми коммунистами с 5 марта газеты "Коммунист" под редакцией Бухарина, Радека и Урицкого -- органа Петербургского комитета и Петербургского окружного комитета РСДРП(б). В Москве ими стал издаваться журнал под тем же названием. Ленин пробовал противостоять левым, в основном через "Правду". Так, перед открытием съезда, 6 марта, он опубликовал статью "Серьезный урок и серьезная ответственность", не казавшуюся убедительной. Основная ее мысль сводилась к тому, что "с 3 марта, когда в 1 час дня прекращены были германцами военные действия, и до 5-го марта 7 час. вечера", когда Ленин писал статью, советская власть имеет передышку, которой она уже с успехом воспользовалась(37). Такой аргумент мог вызвать только улыбку. Говорить о прекращении военных действий со стороны Германии было преждевременно. Кроме того, было очевидно, что за два дня никаких мероприятий по охране государства провести нельзя.

6 марта в 8.45 вечера, вскоре после объединенного заседания президиума ВЦИК и СНК, на котором с отчетом мирной делегации выступил Сокольников, Седьмой экстренный съезд партии, созданный специально для ратификации мирного договора с Германией, открылся в Таврическом дворце. Съезд не был представительным. В его выборах могли "принять участие лишь члены партии, состоявшие в ней более трех месяцев"(38), т. е. только те, кто вступил в ряды РСДРП(б) до октябрьского переворота. Кроме того, делегатов съехалось мало. Даже 5 марта не было ясно, откроется съезд или нет, будет ли он правомочным. Свердлов на предварительном совещании признал, что "это конференция, совещание, но не съезд"(39). И поскольку такой "съезд" никак нельзя было назвать "очередным", он получил титул "экстренного".

Собирался он в страшной спешке. Нет точных данных о числе делегатов, можно предположить, что в нем участвовало 47 делегатов с решающим голосом и 59 с совещательным, формально представлявшие 169.200 членов РКП(б). Всего же, по данным непроверенным и неточным, в партии большевиков насчитывалось в то время до 300.000 членов, не так уж много, если учесть, что к моменту созыва Шестого съезда в июле 1917, когда партия еще не была правящей, в ее рядах числилось уже около 240 тысяч, причем с апреля по июль 1917 года партия возросла в три раза. Теперь же Ларин вынужден был указать, что "многие организации фактически за последнее время не выросли"(40). А Свердлов, выступивший на Седьмом съезде с отчетом ЦК, обратил внимание партийного актива еще на два прискорбных обстоятельства: "членские взносы поступали крайне неаккуратно", а тираж "Правды" упал с 220 тысяч в октябре 1917 г. до 85 тысяч, причем

распространялась газета фактически только в Петрограде и окрестностях(41).

7 марта в 12 часов дня с первым докладом съезда -- о Брестском мире -выступил Ленин, попытавшийся убедить делегатов в необходимости ратифицировать соглашение. Поистине удивительным можно считать тот факт, что текст договора держался в тайне и делегатам съезда сообщен не был. Между тем за знакомым сегодня каждому Брестским мирным договором стояли условия более тяжкие, чем Версальский договор. В смысле территориальных изменений Брест-Литовское соглашение предусматривало, очищение Россией провинций Восточной Анатолии, Ардаганского, Карсского и Батумского округов "и их упорядоченное возвращение Турции"; подписание немедленного мира с Украинской народной республикой и признание мирного договора между Украиной и странами Четверного союза. Фактически это означало передачу Украины, из которой должны были быть выведены все русские и красногвардейские части, под контроль Германии. Эстляндия и Лифляндия также очищались от русских войск и Красной гвардии. Восточная граница Эстляндии проходила теперь примерно по реке Нарве. Восточная граница Лифляндии -- через Чудское и Псковское озера. Финляндия и Аландские острова тоже освобождались от русских войск и Красной гвардии, а финские порты -- от русского флота и военно-морских сил.

На отторгнутых территориях общей площадью в 780 тыс. кв. км с населением 56 миллионов человек (треть населения Российской империи) до революции находилось 27% обрабатываемой в стране земли, 26% всей железнодорожной сети, 33% текстильной промышленности, выплавлялось 73% железа и стали, добывалось 89% каменного угля, находилось 90% сахарной промышленности, 918 текстильных фабрик, 574 пивоваренных заводов, 133 табачных фабрик, 1685 винокуренных заводов, 244 химических предприятий, 615 целлюлозных фабрик, 1073 машиностроительных заводов и, главное, 40% промышленных рабочих, которые уходили теперь "под иго капитала". Очевидно, что без всего этого нельзя было "построить социалистического хозяйства"(42) (ради чего заключалась брестская передышка). Ленин сравнил этот мир с Тильзитским: по Тильзитскому миру Пруссия лишилась примерно половины своей территории и 50% населения. Россия -- лишь трети. Но в абсолютных цифрах территориальные и людские потери были несравнимы. Территория России была теперь меньше, чем в допетровскую эпоху.

Именно этот мир и стал защищать Ленин. Он зачитывал свой доклад, как классический сторонник мировой революции, говоря прежде всего о надежде на революцию в Германии и о принципиальной невозможности сосуществования социалистических и капиталистических государств. По существу, Ленин солидаризировался с левыми коммунистами по всем основным пунктам: приветствовал революционную войну, партизанскую борьбу, мировую революцию, признавал, что война с Германией неизбежна, что невозможно сосуществование с капиталистическими странами, что Петроград и Москву скорее всего придется отдать немцам, подготавливающимся для очередного прыжка, что "передышка" всего-то может продлиться -- день. Но левые коммунисты из этого выводили, что следует объявлять революционную войну. Ленин же считал, что передышка, пусть и в один день, стоит трети России и, что более существенно -- отхода от революционных догм. В этом левые коммунисты никак не могли сойтись с Лениным.

С ответной речью выступил Бухарин. Он указал, что русская революция будет либо "спасена международной революцией, либо погибнет под ударами международного капитала". О мирном сосуществовании, поэтому, говорить не приходится. Выгоды от мирного договора с Германией -- иллюзорны. Прежде чем подписывать договор, нужно понимать, зачем нужна предлагаемая Лениным передышка. Ленин утверждает, что она "нужна для упорядочения железных дорог", для организации экономики и "налаживания того самого советского аппарата", который "не могли наладить в течение четырех месяцев".

Бухарин считал, что "если бы была возможность такой передышки", левые коммунисты согласились бы подписать мир. Но если передышка берется только на несколько дней, то "овчинка выделки не стоит", потому что в несколько дней разрешить те задачи, которые

перечислил Ленин, нельзя: на это требуется минимум несколько месяцев, а такого срока не предоставит ни Гофман, ни Либкнехт. "Дело вовсе не в том, что мы протестуем против позорных и прочих условий мира как таковых, -- продолжал Бухарин, -- а мы протестуем против этих условий, потому что они фактически этой передышки нам не дают", так как отрезают от России Украину (и хлеб), Донецкий бассейн (и уголь), раскалывают и ослабляют рабочих и рабочее движение. Такие просоветски настроенные территории как Латвия отдаются под германскую оккупацию. Фактически аннулируются мероприятия советской власти по национализации иностранной промышленности, поскольку "в условиях мира имеются пункты относительно соблюдения интересов иностранных подданных". Затем, по договору запрещается коммунистическая агитация советским правительством в странах Четверного союза и на занимаемых ими территориях, что, по мнению Бухарина, сводило "на нет" международное значение русской революции, в конечном итоге зависящей от того, "победит или не победит международная революция", поскольку только в ней и есть "спасение".

Наконец, Бухарин категорически протестовал против нового пункта Брестского договора, "добавленного уже после", согласно которому "Россия обязана сохранить независимость Персии и Афганистана". Бухарин считал, что уже из-за этого не стоит подписывать договора о двухнедельной передышке. Единственный выход Бухарин видел в том, чтобы начать против "германского империализма" революционную войну, которая, несмотря на неизбежные поражения первого этапа такой войны, принесет в конечном итоге победу, поскольку "чем дальше неприятель будет продвигаться в глубь России, тем в более невыгодные для него условия он будет попадать"(43).

После речи Бухарина заседание было закрыто. Вечером в прениях по докладам Ленина и Бухарина выступил Урицкий, сказавший, что Ленин "в правоте своей позиции" не убедил. Можно было бы добиваться продолжительной передышки. Но "успокоиться на передышке в два-три дня", которая "ничего не даст, а угрожает разрушить оставшиеся железные дороги и ту небольшую армию", которую только что начали создавать, это значит согласиться на "никому не нужную, бесполезную и вредную передышку с тем, чтобы на другой день, при гораздо более скверных условиях", возобновлять войну, отступая "до бесконечности", вплоть до Урала, эвакуируя "не только Петроград, но и Москву", поскольку, как всякому очевидно, "общее положение может значительно ухудшиться".

Урицкий не согласился с ленинским сравнением Брестского мира с Тильзитским. "Не немецкий рабочий класс заключал мир в Тильзите, -- сказал он, -- подписала его другая сторона. Немцам пришлось принять его как совершившийся факт". Урицкий предложил поэтому "отказаться от ратификации договора", хотя и понимал, что разрыв с Германией "принесет вначале на поле брани целый ряд поражений", которые, впрочем, "могут гораздо больше содействовать развязке социалистической революции в Западной Европе" чем "похабный мир" Ленина(44).

Бубнов указал, что в момент, когда "уже назрел революционный кризис в Западной Европе" и "международная революция готовится перейти в самую острую, самую развернутую форму гражданской войны, согласие заключить мир" наносит непоправимый "удар делу международного пролетариата", перед которым в настоящее время "встала задача развития гражданской войны в международном масштабе", задача "не фантастическая, а вполне реальная". В этом и заключается содержание лозунга "революционная война". Ленин же с левых позиций октября 1917 перешел на правые и ссылается теперь на то, что "массы воевать не хотят, крестьянство хочет мира". "С каких это пор мы ставим вопрос так, как ставит его сейчас тов. Ленин?" -- спрашивал Бубнов, намекая на лицемерие(45).

Точку зрения сторонников передышки подверг критике Радек. Он назвал политику Ленина невозможной и неприемлемой, указав, что большевики никогда не надеялись на то, что "немецкий империализм оставит нас в покое". Наоборот, все исходило из неизбежности войны с Германией и поэтому "стояли на точке зрения демонстративной политики мира, политики возбуждения масс в Европе". Такая политика советского правительства "вызвала

всеобщую забастовку в Германии" и "стачки в Австрии".

Даже сейчас, после совершившегося германского наступления, Радек считал, что противники подписания мира были правы, когда утверждали, будто "крупных сил у немцев нет" и будто немцы готовы пойти на соглашение "без заключения формального мира" (о чем писала германская пресса). Радек сказал, что планы объявления партизанской войны против германских оккупационных войск не были фразой, и если бы большевики оставили Петроград и отступили вглубь страны, они смогли бы "создать новые военные кадры" за три месяца, в течение которых немцы не смогли бы продвигаться вглубь России "ввиду международного положения, ввиду положения дел на Западе"(46).

Выступивший против подписания мира и за революционную войну Рязанов фактически обвинил Ленина в измене. Эвакуация Петрограда возможна как эвакуация учреждений, сказал он. "Всякая попытка сдать этот Питер без сопротивления, подписав и ратифицировав этот мир", была бы "неизбежной изменой по отношению к русскому пролетариату", поскольку "провоцировала бы немцев на дальнейшее наступление". Ленин, продолжал Рязанов, готов отдать "Питер, Москву, Урал, он не боится пойти во Владивосток, если японцы его примут", готов отступать и отступать; "этому отступлению есть предел"(47).

Противник подписания мира Коллонтай указала, что никакого мира не будет, даже если договор ратифицируют; Брестское соглашение останется на бумаге. Доказательством этому служит тот факт, что после подписания перемирия война все равно продолжалась. Коллонтай считала, что возможности для передышки нет, что мир с Германией невероятен, что создавшуюся ситуацию следует использовать для формирования "интернациональной революционной армии", и если советская власть в России падет, знамя коммунизма "поднимут другие"(48).

Седьмой партийный съезд был знаменателен тем, что большинство его делегатов высказалось за ратификацию мира, в то время как большинство ораторов выступало против, а поддерживающее Ленина меньшинство говоривших, да и сам Ленин, выступали за принятие договора с многочисленными оговорками (Зиновьев, Смилга, Сокольников и др.). Свердлов, еще один сторонник ратификации мира, выступил в защиту Троцкого, оклеветанного Лениным, разъясняя, что политика Троцкого на Брестских переговорах была политикой ЦК:

"Все мы одинаково стояли за то, что нужно затягивать переговоры до последнего момента [...] Все мы отстаивали как раз ту позицию, которую вела вначале наша Брестская делегация во главе с тов. Троцким [...] Так что все упреки, что Центральный комитет вел неправильную политику, не соответствуют действительности. Мы и до сих пор говорим, что при известных условиях нам революционную войну придется неизбежно вести"(49).

После этого Троцкий изложил на съезде "третью позицию" -- ни мира, ни войны -- и сказал, что воздержался от голосования по вопросу о подписании мира в ЦК, так как не считал "решающим для судеб революции то или другое отношение к этому вопросу". Он признал, что шансов победить больше "не на той стороне, на которой стоит" Ленин, и указал, что переговоры с Германией преследовали прежде всего цели пропаганды, и если бы нужно было заключать действительный мир, то не стоило оттягивать соглашения, а надо было подписывать договор в ноябре, когда немцы пошли на наиболее выгодные для советского правительства условия.

Троцкий отвел довод о том, что немцы в случае отказа советского правительства ратифицировать мир захватят Петроград и сослался на свой разговор с Лениным. Даже Ленин считал, указывал Троцкий, что "факт взятия Петрограда подействовал бы слишком революционизирующим образом на германских рабочих". "Все зависит от скорости пробуждения европейской революции"(50), заключил Троцкий, но не высказался против ратификации мира: "Я не буду предлагать вам не ратифицировать его", добавив, что "есть известный предел", дальше которого большевики идти не могут, так как "это уже будет предательством в полном смысле слова". Этот предел -- требование немцев к большевикам подписать мир с Украинской Радой(51). И поскольку содержание Брестского договора

делегатам съезда известно не было, никто не поправил Троцкого, что заключение мира с Украинской республикой предусматривается Брестским соглашением, под которым уже стоит подпись советского правительства и которое должен ратифицировать слушающий Троцкого съезд.

В 9.45 вечера 7 марта, заседание закрылось. На следующий день в 11.40 дня открылось четвертое, предпоследнее заседание съезда. Вторично получил слово Бухарин, вновь призвавший к революционной войне: "Возможна ли теперь вообще война? Нужно решить, возможна ли она объективно или нет". Если возможна и если она все равно начнется "через два-три дня", для чего покупать "такой ценой этот договор", наносящий неисчислимый вред и шельмующий советскую власть "в глазах всего мирового пролетариата"(52)? В ответ Ленин признал, что "на девять десятых" согласен с Бухариным(53), что большевики маневрируют "в интересах революционной войны", и в этих пунктах имеется "согласие обеих частей партии", а спор только о том, "продолжать ли без всякой передышки войну или нет". Ленин указал также, что Бухарин напрасно пугается подписи под договором, который, мол, можно разорвать в любой момент: "Никогда в войне формальными соображениями связывать себя нельзя", "договор есть средство собирать силы". "Революционная война придет, тут у нас разногласий нет". Но пока что пригрозил отставкой в случае отказа съезда ратифицировать мир(54).

При поименном голосовании за ленинскую резолюцию высказалось 30 человек, против -- 12. Четверо воздержалось. За резолюцию левых коммунистов голосовало 9 человек, против -- 28. Правда, резолюция Ленина, получившая большинство, о мире не упоминала, а обговаривала передышку для подготовки к революционной войне. Публиковать такую резолюцию было совершенно невозможно, поскольку немцами она была бы воспринята как расторжение мира. Поэтому Ленин настоял на принятии съездом поправки: "Настоящая резолюция не публикуется в печати, а сообщается только о ратификации договора".

Ленину важно было подписать мир и добиться его ратификации. Во всем остальном он готов был уступить левым коммунистам. В частности, он предложил утвердить поправку о том, что ЦК в любое время будет иметь право разорвать соглашение: "Съезд дает полномочия ЦК партии как порвать все мирные договоры, так и объявить войну любой империалистической державе и всему миру, когда ЦК партии признает для этого момент подходящим". Разумеется, такая поправка нарушала не только прерогативы ВЦИКа, но и Совнаркома. Но она развязывала руки большевистскому активу, имевшему теперь право не созывать специального съезда для расторжения договора. Очевидно, что сам Ленин в этой поправке заинтересован не был, но победив при голосовании по вопросу о ратификации, он пытался усыпить оппозицию, уступив во всех возможных (и ничего не значащих) пунктах. Впрочем, Свердлов отказался ставить на голосование ленинскую поправку на том основании, что ЦК, "само собою разумеется" имеет право в период между съездами принимать те или иные принципиально важные решения, в том числе касающиеся войны и мира(55).

Поскольку съезд принял резолюцию не о мире, а о передышке, т. е. объявлял о том, что скоро возобновит с Германией войну, Ленин попытался сделать все, что в его силах, для предотвращения утечки информации за стены Таврического дворца. В конце концов он мог опасаться и прямого саботажа со стороны левых коммунистов (например, публикации ими резолюции съезда в "Коммунисте"). Ленин потребовал поэтому "взять на этот счет личную подписку с каждого находящегося в зале" ввиду "государственной важности вопроса"(56). Съезд утвердил и эту поправку. И только требование Ленина к делегатам съезда вернуть текст резолюции о мире ради "сохранения военной тайны" встретило сопротивление прежде всего Свердлова: "Каждый вернувшийся домой должен сделать отчет в своей организации, по крайней мере центрам, и вы должны будете иметь эти резолюции". Ленин пытался настаивать, утверждая, что "сообщения, содержащие военную тайну, делаются устно"(57). Но при голосовании проиграл. Эту поправку Ленина съезд по инициативе Свердлова отверг.

Заставив партию подписаться под Брестским договором, Ленин одержал блестящую

тактическую победу. Однако положение Ленина осложнялось тем, что в оппозиции по этому вопросу оказывались основные социалистические партии России, представленные во ВЦИКе: левые эсеры, меньшевики, эсеры и анархисты-коммунисты. С этими партиями еще только предстояло столкнуться во время ратификации Брестского договора съездом Советов. Ленин также должен был считаться с вероятностью того, что левые эсеры и левые коммунисты попробуют сформировать свою партию. Наконец, в пылу борьбы за Брестский мир Ленин просмотрел еще одну комбинацию: выдвинувшийся в те месяцы Свердлов, отесняя терявшего власть, авторитет и контроль Ленина, предотвращая блок между левыми коммунистами и ПЛСР, попытался в марте-апреле 1918 объединить большевиков и левых эсеров для неизбежной и скорой революционной войны с Германией.

Германское правительство в целом было осведомлено о внутрипартийной борьбе у большевиков в связи с вопросом о подписании мира. 11 марта статс-секретарь иностранных дел Германии Кюльман в телеграмме МИДу указывал, что общая ситуация крайне "неопределенна" и предлагал "воздержаться от каких бы то ни было комментариев по поводу" предстоящей на съезде Советов ратификации договоров. Перенос столицы России из Петрограда в Москву (где и должен был собраться съезд Советов), подальше от линии фронта, также говорил отнюдь не о мирных намерениях советского правительства.

После переезда в Москву началась подготовка к съезду, открывшемуся 14 марта. Как и Седьмой партийный съезд, съезд Советов не был представительным и получил название "Чрезвычайного". На съезде Советов присутствовало 1172 делегата, в том числе 814 большевиков и 238 левых эсеров. Впервые и специально для делегатов съезда в количестве 1000 экз. был отпечатан текст Брест-Литовского мирного договора. При итоговом голосовании Брест-Литовский мирный договор был ратифицирован большинством в 784 голоса против 261 при 115 воздержавшихся. Следствием этого голосования, однако, явился выход левых эсеров из правительства, хотя решение это было принято левозсеровской фракцией далеко не единодушно. Против выхода из СНК и за подписание Брестского мира высказались по крайней мере 78 левозсеровских делегатов съезда. Тем не менее 15 марта все наркомы -- члены ПЛСР покинули свои посты. Выйдя из правительства, они, подобно левым коммунистам, оставили за собой право критиковать Брестскую политику Совнаркома.

В связи с выходом из советского правительства всех левых эсеров и некоторых левых коммунистов Совнарком 18 марта, через день после окончания работы Четвертого съезда Советов, рассмотрел вопрос "об общеминистерском кризисе". С сообщением по этому поводу выступил Свердлов, формально членом СНК не являвшийся, но постепенно начинавший перенимать у Ленина работу по Совнаркому (на съездах и конференциях того времени Свердлов давно уже был докладчиком или содокладчиком председателя СНК; или же выступал с отчетом ЦК, как на Седьмом съезде партии, что в будущем, по должности, станет делать генсек). По инициативе Свердлова Совнарком начал переговоры о вхождении в правительство вышедших из него ранее членов Московского областного комитета РКП(б), стоявшего в оппозиции к Брестской политике. Свердлов же начал переговоры с рядом большевиков, чьи кандидатуры намечались на посты наркомов земледелия, имуществ, юстиции и на пост председателя ВСНХ вместо ушедших в отставку левых эсеров и левых коммунистов (обсуждавших в свою очередь вопрос об отстранении Ленина от власти и формировании нового правительства из блока левых эсеров и левых коммунистов). На том же заседании СНК было заслушано сообщение Свердлова о Высшем военном совете республики, откуда в связи с уходом левых эсеров из СНК был выведен левый эсер П. П. Прошьян.

Чем дольше длилась "передышка", тем очевиднее становились просчеты Ленина. Брестский мир остался бумажной декларацией. Ни одна из сторон не смотрела на него как на деловой, выполнимый и окончательный. В случае победы Германии Брестский мир должен был быть пересмотрен и конкретизирован в рамках общего европейского соглашения. В случае поражения Германии в мировой войне договор, очевидно, потерял бы силу и потому, что его расторгла бы Россия, и потому, что не допустила бы Антанта. Неподконтрольное

советской власти население бывшей Российской империи Брестского мира вообще не признавало (если не было оккупировано Германией, Австро-Венгрией или Турцией). Внутри советского лагеря и те, кто голосовал за договор под давлением Ленина, и те, кто поддерживал соглашение с немцами под влиянием обстоятельств, рассматривали Брестский мир именно как на передышку. Неудивительно, что вскоре после ратификации Брестского соглашения помощник Свердлова секретарь ЦК РКП(б) Стасова указала в письме местным организациям: "Нет сомнения в том, что Германия, хотя и заключила мир, приложит все усилия к ликвидации советской власти"(58).

С военной точки зрения Брестский договор не принес желаемого облегчения ни Германии, ни РСФСР. Со дня на день ожидалось падение Петрограда, занятие его немцами. 4 марта, на следующий день после подписания мирного договора, Петроградский комитет РСДРП(б) обратился в ЦК с письмом, в котором ставил вопрос о переходе петроградской организации партии на нелегальное положение в связи с угрозой занятия города немцами -- настолько никто не верил в только что подписанное соглашение. На случай ведения работы в условиях подполья Петроградский комитет просил выделить ему несколько сот тысяч рублей. Комитет также предлагал не собирать Седьмой партийный съезд в Петрограде, а перенести его в Москву и эвакуировать туда всех прибывших на съезд делегатов, чтобы не "потерять своих лучших товарищей" в случае захвата города(59). Впрочем, председатель Петросовета Зиновьев старался быть спокойным:

"Реальное соотношение сил показывает, что немецкий империализм в настоящий момент в силе потребовать от нас беспощадно фунт мяса, но все же он не имеет возможности требовать выдачу головы Совета. [...] Германия не пойдет на дальнейшее наступление, как ни соблазнительна перспектива оккупации Петрограда и разгром Смольного(60)[...]. А если Вильгельм все-таки будет в силах продолжать наступление против нас, что тогда? Тогда нам ничего не останется, кроме как продолжать войну, причем эта война впервые приобретает действительное революционное значение"(61).

Ни на договор, ни на факт ратификации его съездом никто не обращал внимания. Так, одновременно с работой Седьмого съезда партии в том же Петрограде проходила городская конференция РКП(б). Как и московская конференция, проведенная ранее, конференция в Петрограде была посвящена двум вопросам: Брестскому миру и предотвращению раскола в рядах большевистской партии. Как и в Москве, большинством голосов конференция высказалась против раскола, потребовав от левых коммунистов "прекращения обособленного организационного существования", и постановила прекратить издание органа левых "Коммунист"(62); органом Петроградской партийной организации была объявлена "Петроградская правда"(63). Однако в вопросе о ленинской средней линии -- передышке -- Ленина снова ожидало разочарование. Даже Зиновьев, представлявший на конференции его позицию, закончил речь компромиссным заявлением:

"Ни одну секунду нельзя создавать впечатление, будто наступил мирный период. Передышка есть передышка. Надо бить в набат. Надо готовиться, надо мобилизовать наши силы. Под перекрестным огнем наших врагов необходимо создавать армию революции"(64).

Большинством голосов конференция проголосовала за формулу Троцкого "ни мира, ни войны".

Главным провалом в планах Ленина было то, что Брестский мир оказался безоговорочной капитуляцией в неограниченных пределах. Чем ближе к демаркационной линии (или к районам интервенции), тем очевиднее становилось, что подписанный Лениным договор был только началом всех проблем, связанных с вопросами войны и мира. Это относилось прежде всего к районам, отданным под турецкую и германскую оккупацию: Закавказью и Украине (в Закавказье Ленин уступил не три закавказских округа -- Карс, Батум и Ардаган, а все Закавказье). Но если революционеры, устремившие свой взор на запад, готовы были простить Ленину потерю южных территорий, годных разве что для броска на Индию, Турцию, Иран и Афганистан, они восприняли как откровенную измену делу революции согласие Ленина на отдачу под германскую оккупацию почти уже советской

Украины. Это был тот самый "известный предел", дальше которого на Седьмом съезде партии Троцкий обещал не идти. Это было "предательство в полном смысле слова"(65).

С точки зрения экономической, политической, военной или эмоциональной передача Украины под германскую оккупацию была для революционеров шагом исключительно драматичным. Уже побеждающая на Украине советская власть (а может быть так только казалось легковерным коммунистам?) была принесена в жертву все той же ленинской прихоти: получить передышку для советской России. Будучи самым искренним интернационалистом трудно было отделаться от ощущения, что русские большевики предадут украинцев, которые уже с декабря 1917 года предпринимали попытки захватить в свои руки власть.

Как и в Петрограде, киевские большевики первоначально пробовали организовать переворот, опираясь на съезд Советов солдатских и рабочих депутатов. Однако украинский "Крестьянский союз" своевременно влив в число делегатов съезда крестьянских делегатов, нейтрализовал эту первую попытку. Тогда большевики покинули Киев, перебрались в Харьков и там провозгласили себя органом советской власти Украины. Из России Совнарком на помощь украинским большевикам послал войска. Советские части успешно наступали, вот-вот могли занять Киев, и правительству "Украинской народной республики" ничего не оставалось делать, как срочно, 9 (22) января 1918 года, провозгласить независимость и подписать сепаратный мир со странами Четверного союза, дабы избежать советской оккупации (и променять ее на немецкую).

Как и в случае с Закавказьем, Россия теряла намного больше, чем предусматривал Брестский договор. Первоначально считалось, что под определение "Украина" подпадают 9 губерний: Киевская, Черниговская, Полтавская, Харьковская, Херсонская, Волынская, Подольская, Екатеринославская и Таврическая. Вскоре, однако, от РСФСР были отторгнуты в пользу Украины Курская и Воронежская губернии, область войска Донского и Крым.

Германия взяла на себя роль защитницы Украины от анархии и большевиков. Однако мир, который она заключала с Радой, был "хлебный", а не политический. И тот факт, что немцы и австрийцы вывозили из страны продовольствие, делал Германию и Австро-Венгрию в глазах населения ответственными за экономические неурядицы (в которых немцы не обязательно были виноваты). Недавняя угроза советской оккупации была скоро забыта. Ревнителю украинской независимости были настроены теперь антигермански, так как видели в немцах оккупантов. Сторонники воссоединения с Россией были настроены антигермански, поскольку справедливо считали, что именно под давлением Германии Украина провозгласила независимость и отделилась от России. В скором времени антинемецки были настроены все слои украинского населения.

Если на Украине считали, что Германия грабит ее продовольственные запасы, в России царил всеобщее убеждение, что голод и недостаток топлива является следствием германской оккупации Украины. Соответствовало ли это действительности или нет -- не имело значения. Важно было, что причину голода в России усматривали в германской оккупации Украины и в брестской политике Совнаркома.

К объективным факторам прибавлялись субъективные. Германские войска на Украине вели себя как в оккупированной стране (отчасти провоцируемые на это противниками Брестского мира). Самым ярким подтверждением этому было введение на Украине германских военно-полевых судов, которые по германским законам могли действовать только во время войны на оккупированной территории врага. Были случаи разоружения германскими войсками украинских частей, хотя согласно украино-германским соглашениям такие части имели право на существование. Разрешение на празднование 1 мая украинское правительство должно было получать у командующего германскими войсками на Украине. Более красноречивых доказательств отсутствия реального мира трудно было представить: Украина была не под союзной, а под вражеской оккупацией.

Очевидно, что ужесточение оккупационного режима на Украине было связано прежде всего с продовольственным вопросом внутри Германии. Именно для обеспечения

нормального вывоза украинских продуктов проводила германская армия те или иные военные мероприятия на Украине. "Хлебный мир" был слишком легкомысленно разрекламирован перед общественным мнением Германии и Австро-Венгрии. Украинский хлеб стал легендой. В его спасительную силу в Германии и Австро-Венгрии верили все, от членов правительства до простых рабочих. Поэтому военная политика Германии на Украине была подчинена продовольственным целям. Для организации дела вывоза продуктов из Украины нужно было создать там стабильный режим, ввести туда войска, обеспечить непрерывную работу транспорта. Многие земли пустовали. Засеивались далеко не все обрабатываемые ранее поля. Это крайне волновало германское руководство. Немцы и тут встали на путь принуждения: по распоряжению главнокомандующего германскими войсками на Украине генерала Эйхгорна крестьяне обязаны были засеивать все имеющиеся земли.

Приказ предусматривал принудительную запашку крестьянами полей, военную реквизицию сельскохозяйственных продуктов с уплатой "справедливого вознаграждения" собственникам; вменял помещикам в обязанность следить за крестьянскими посевами, а в случае отказа крестьян производить посев, обращаться к военным властям. Для обработки таких полей местным земельным комитетам предписывалось под угрозой наказания предоставлять необходимый рабочий скот, сельскохозяйственные машины и семена. Но поскольку распоряжение не указывало, кто именно должен засеивать земли, оно привело главным образом к самочинным захватам чужих полей. Немецкие же офицеры на местах толковали распоряжение по-разному, "в иных случаях прогоняя, а в других поощряя захватчиков"(66). И это, разумеется, приводило лишь к росту аграрного бандитизма на Украине, т.е. к целям, прямо противоположным тем, которые изначально ставило перед собою германское правительство: стабилизировать режим Украины для обеспечения спокойного вывоза продуктов в Германию.

Такую политику нельзя было назвать ни мудрой, ни разумной, ни последовательной. Со временем против нее стало выступать даже зависимое от Германии правительство Рады. По причинам политической целесообразности оно критиковало прежде всего главнокомандующего германскими войсками на Украине Эйхгорна, а апеллировать пыталось к германскому правительству и Рейхстагу. Решающие заседания, посвященные германской политике на Украине, происходили в Киеве 27 и 28 апреля, вскоре после обнародования на Украине приказа Эйхгорна о введении германских военно-полевых судов и смертной казни. Критика была всеобщей. На заседании 27 апреля Любинский, подписавший в свое время в Бресте германо-украинское соглашение о мире, предлагал на этот раз быть решительным и требовать отозвания Эйхгорна и посланника Мумма. В противовес приказу Эйхгорна он предлагал издать указ украинского правительства, аннулирующий приказ германского командующего. На следующий день с критикой немцев выступил на заседании Малой Рады председатель Совета народных министров Украины В. А. Голубович, указавший, что согласно имевшейся между германским и украинским правительствами договоренности "все приказы должны объявляться с обоюдного соглашения и после совместного обсуждения"; между тем приказы Эйхгорна вводились в одностороннем порядке.

Если учесть, что еще 17 апреля украинское правительство отказалось подписать украино-германскую военную конвенцию, на которой настаивали немцы, становилось очевидно, что оно уже не было лояльно Германии. Германское правительство сделало из этого соответствующие выводы: 28 апреля, во время заседания Малой Рады, в 3 часа 45 минут дня, правительство Украины было арестовано вошедшими в зал немецкими войсками. Германия, не заинтересованная в сохранении руководства, саботировавшего (по ее мнению) выполнение продовольственных соглашений, совершила на Украине государственный переворот. К власти пришло правительство гетмана Скоропадского, придерживавшееся более прогерманского курса.

Брестский мир стал ахилесовой пятой большевистского правительства. В конечном итоге большевики должны были либо уступить своим политическим противникам, признав их критику правильной, и формально или фактически разорвать передышку, либо пойти еще

дальше по пути углубления контактов с германским правительством, по пути усиления зависимости от Германии. В первом случае Ленин мог быть отстранен от власти как инициатор порочной политики. Очевидно, что он предпочитал второй путь. Под его давлением ЦК согласился обменяться послами с "империалистической Германией". Сегодня шаг этот не кажется из ряда вон выходящим. Но в апреле 1918 года, когда германская революция могла разразиться в любой момент, официальное признание советским правительством "гогенцоллернов", никак не оправдываемое необходимостью сохранения ленинской "передышки", с точки зрения интересов германской (и мировой) революции было уже не просто ошибкой: это было преступлением. И если бы стороннику мировой революции и противнику Брестского мира левому коммунисту Иоффе в марте 1918 года сказали, что он станет первым полномочным представителем советской России в империалистической Германии, он, вероятно, счел бы это неудачной шуткой, а сама идея обмена посольствами советской республики и кайзеровской Германии показалась бы ему откровенной издевкой.

Получалось, однако, что, несогласный с Лениным в вопросах, касающихся Германии и германской революции, ЦК все-таки уступал ему, шаг за шагом, во всех практических делах. Очевидно, что на установлении дипломатических отношений между РСФСР и Германией настаивал в первую очередь Ленин. Очевидно также, что посылка в Германию ярого противника Брестского мира и левого коммуниста была компромиссом, при котором большинство ЦК соглашалось на установление дипломатических отношений с империалистической державой: Иоффе ехал в Германию для координации действий немецких и русских коммунистов по организации германской революции.

Немцы назначили послом в РСФСР графа Мирбаха, уже проводшего ранее в Петрограде несколько недель, а потому знакомого в общих чертах с ситуацией. Мирбах прибыл в Москву 23 апреля. Посольство разместилось в двухэтажном особняке, принадлежавшем вдове сахарозаводчика и коллежского советника фон Берга (ныне улица Веснина, дом No 5). Приезд посла совпадал по времени с переворотом на Украине, с занятием германскими войсками Финляндии, с планомерным (пусть и постепенным) продвижением немецких войск восточнее линии, очерченной Брестским соглашением. Разумеется, советское правительство дало знать Мирбаху о своем недовольстве как только для этого представился случай -- при вручении верительных грамот 26 апреля. Через три дня Мирбах сообщал Гертлингу, что германское наступление на Украине "стало первой причиной осложнений". Финляндия стояла на втором месте. Чичерин высказал недовольство в достаточно дипломатичной форме; резче был Свердлов, выразивший надежду, что Мирбах сможет "устранить препятствия, которые все еще мешают установлению подлинного мира". Вручение верительных грамот посла проходило в самой простой и холодной обстановке. По окончании официальной церемонии Свердлов не предложил ему сесть и не удостоил личной беседы(67).

Как дипломат Мирбах был объективен и тонок. Его донесения Гертлингу и статс-секретарю по иностранным делам Р. Кюльману в целом говорят о верном понимании им ситуации в советской России. 30 апреля, в отчете о политической ситуации в РСФСР, Мирбах незамедлил описать главное -- состояние анархии в стране и слабость большевистского правительства, не имеющего поддержки населения:

"Москва, священный город, символ царской власти, святыня православной церкви, -- писал Мирбах, -- в руках у большевиков стала символом самого вопиющего нарушения вкуса и стиля, вызванного русской революцией. Тот, кто знал столицу в дни ее славы, с трудом узнает ее сейчас. Во всех районах города, а особенно в центральном торговом квартале, стены домов испещрены дырками от пуль - свидетельство боев, которые велись здесь. Замечательная гостиница Метрополь превращена артиллерийским огнем в груды развалин, и даже Кремль жестоко пострадал. Сильно повреждены отдельные ворота.

На улицах жизнь бьет ключом, но впечатление, что они населены исключительно пролетариатом. Хорошо одетых людей почти не видно - словно все представители бывшего

правлящего класса и буржуазии разом исчезли с лица земли. Может быть, это отчасти объясняется фактом, что большинство из них пытается внешне приспособиться к нынешнему виду улиц, чтобы не разжигать страсти к наживе и непредсказуемых эксцессов со стороны нового правящего класса. Православные священники, раньше составлявшие значительную часть прохожих, тоже исчезли из виду. В магазинах почти ничего не купишь, разве что пыльные остатки былой роскоши, да и то по неслыханным ценам. Главным лейтмотивом всей картины является нежелание работать и праздничное шатание. Так как заводы все еще не работают, а земля все еще не возделывается - по крайней мере, так мне показалось во время моего путешествия - Россия, похоже, движется к еще более страшной катастрофе, чем та, которая уже вызвана революцией. С безопасностью дело обстоит довольно скверно, но днем можно свободно всюду ходить без провожатых. Однако выходить вечером неразумно, да и днем тоже то и дело слышны оружейные выстрелы и постоянно происходят какие-то более или менее серьезные столкновения.

Бывший класс имущих впал в состояние глубочайшего беспокойства: довольно одного приказа правительства, чтобы лишить их всего имущества. Почти на всех дворцах и больших особняках висят зловещие приказы о реквизиции, по которым хозяин, часто в считанные часы, оказывается на улице. Отчаяние представителей старого правящего класса беспредельно, но они не в состоянии собрать достаточно сил, чтобы положить конец тому организованному грабежу, которому подвергаются. Желание внести какой-то порядок распространяется вплоть до низших слоев, а ощущение собственного бессилия заставляет их надеяться, что спасение придет от Германии. Те же самые круги, которые раньше громче всех возводили на нас напраслину, теперь видят в нас если не ангелов, то по меньшей мере полицейскую силу. [...]

Власть большевиков в Москве обеспечивается в основном латышскими батальонами, а также большим числом автомобилей, реквизированных правительством, которые постоянно кружат по городу и могут в случае необходимости доставить войска туда, где возникают беспорядки.

Предсказать, куда все это приведет, невозможно. В настоящий момент можно лишь предположить, что ситуация в основном не изменится".

Мирбах при этом считал, что интересы Германии по-прежнему требуют ориентации на ленинское правительство, так как те, кто сменяет большевиков, будут стремиться с помощью Антанты воссоединиться с отторгнутыми по Брестскому миру территориями, прежде всего с Украиной, и поэтому Германии выгоднее всего снабжать большевиков необходимым минимумом товаров и поддерживать их у власти, так как никакое другое правительство не согласилось бы на соблюдение столь выгодного для Германии договора.

В этом лишний раз убеждал Мирбаха сам Ленин во время встречи с германским послом 16 мая в Кремле. Ленин признал, что число его противников растет и что ситуация в стране более серьезная, чем месяц назад. Он указал также, что состав его противников за последнее время изменился. Раньше это были представители правых партий; теперь же у него появились противники в собственном лагере, где сформировалось левое крыло. Главный довод этой оппозиции, продолжал Ленин, это то, что Брестский мир, который он все еще готов упорно отстаивать, был ошибкой. Все большие районы русской территории оказываются под германской оккупацией; не ратифицирован до сих пор мир с Финляндией, нет мира с Украиной; усиливается голод. До действительного мира, указал Ленин, очень далеко, а ряд событий последнего времени подтверждает правильность выдвинутых левой оппозицией доводов. Сам он, поэтому, прежде всего стремится к достижению мирных соглашений с Финляндией и Украиной. Мирбах особенно отметил то обстоятельство, что Ленин не стал угрожать ему возможной переориентацией советской политики в сторону Антанты. Он просто подчеркнул, что лично его, Ленина, положение в партии и правительстве крайне шатко.

Отчет Мирбаха о беседе с Лениным буквально единственный документ, содержащий признание Лениным провала брестской политики. Теоретические и идеологические ошибки

были, однако, заметны куда меньше практических. Брестский мир, несмотря на то, что все германские требования были большевиками приняты, не принес ни заветного мира, ни обещанной Лениным "передышки". С точки зрения германского руководства, Брестское соглашение было военным мероприятием и служило средством помощи Западному фронту с одновременным использованием восточных районов в экономическом отношении для продолжения войны. Если так, то с ухудшением положения Германии на Западе увеличивались ее аппетиты на Востоке. После подписания мирного соглашения военные действия не прекращались ни на день на большей части территории бывшей Российской империи. Германия предъявляла все новые и новые ультиматумы, занимала целые районы и города, находящиеся восточнее установленной Брестским договором границы.

Брестский мир оказался бумажным именно потому, что два основных партнера на переговорах, советское и германское правительства, не смотрели на договор серьезно, не считали его окончательным, и, главное -- подписывали не из-за желания получить мир, а лишь для того, чтобы продолжать войну, но только в более выгодных для себя условиях. Большевики -- войну революционную; немцы -- войну за стабильный мир. Получалось, что Брестский мир если и дал передышку, то только Германии, да и то лишь до ноября 1918 года.

Нет смысла утверждать, что Ленин мог предвидеть последствия подписания Брестского мира. Но очевидно, что оправдались худшие из опасений большинства партийного актива, до подписания мира поддерживавшего формулу Троцкого "ни война, ни мир", а после -- вступившего в период кризиса, приведшего, по выражению того же Троцкого, к "стратегии отчаяния". Сами большевики в тот период считали, что дни их власти сочтены. За исключением столиц, они не имели опоры в стране. 22 мая в опубликованном в "Правде" циркулярном письме ЦК, написанном, очевидно, по инициативе Свердлова, признавалось, что большевистская партия переживает "крайне острый критический период", острота которого усугубляется помимо всего тяжелым "внутрипартийным состоянием", поскольку "в силу ухода массы ответственных партийных работников" многие партийные организации ослабли. Одной из основных причин кризиса в партии был откол левого крыла РКП(б), указывали авторы письма ЦК и заключали: "Никогда еще мы не переживали столь тяжелого момента"(68). Двумя днями позже в статье "О голоде (Письмо питерским рабочим)" Ленин писал, что из-за продовольственных трудностей и охватившего громадные районы страны голода советская власть близка к гибели(69). Он отказывался, однако, признавать, что и то и другое было результатом его брестской политики.

29 мая ЦК обратился к членам партии с еще одним письмом, написанном, видимо, также по инициативе Свердлова, где подчеркивалось, что "кризис", переживаемый партией, "очень и очень силен", число членов уменьшается, идет упадок качественный, участились случаи внутренних конфликтов, "нередки конфликты между партийными организациями и фракциями" партии в Советах и исполнительных комитетах. "Стройность и цельность партийного аппарата нарушены. Нет прежнего единства действий. Дисциплина, всегда столь крепкая", ослабла. "Общий упадок партийной работы, распад в организациях безусловны"(70).

Предсмертное состояние советской власти стало причиной все более усиливающейся в рядах большевиков паники. "Как это ни странно, -- вспоминает Вацетис, -- настроение умов тогда было такое, "что центр советской России делается театром междоусобной войны и что большевики едва ли удержатся у власти и сделаются жертвой голода и общего недовольства внутри страны". Была не исключена и "возможность движения на Москву германцев, донских казаков и белочехов. Эта последняя версия была в то время распространена особенно широко"(71). О царившей в рядах большевиков летом 1918 года растерянности писал в своих воспоминаниях близко стоявший к большевикам Г. Соломон, доверенный Красина и хороший его знакомый. Соломон указывал, что примерно в эти месяцы один из видных советских дипломатов в Берлине (вероятно, Иоффе) признался в своей уверенности в поражении большевистской революции в России и предложил Соломону поскорее скрыться(72).

Вопрос о катастрофическом состоянии советской республики обсуждался на заседании ВЦИК 4 июня. С речами выступали многие видные большевики, в том числе Ленин и Троцкий. Ленин признал, что "перед нами теперь, летом 1918 года, может быть, один из самых трудных, из самых тяжелых и самых критических переходов нашей революции", причем не только "с точки зрения международной", но и внутренней: "приходится испытывать величайшие трудности внутри страны [...] мучительный продовольственный кризис, мучительнейший голод". Троцкий вторил: "Мы входим в два-три наиболее критических месяца русской революции"(73). А за стенами ВЦИКа был даже более пессимистичен: "Мы уже фактически покойники; теперь дело за гробовщиком"(74).

15 июня в заседании Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов Зиновьев делал сообщение о положении в Западной Сибири, на Урале и на востоке европейской России в связи с наступлением чехословаков. "Мы побеждены, -- закончил он, - - но не ползаем у ног. Если суждено быть войне, мы предпочитаем, чтобы в крови захлебнулись [и] наши классовые противники". Присутствовавший там же М. М. Лашевич после речей оппозиции -- меньшевиков и эсеров -- выступил с ответной речью, во время которой вынул браунинг и закончил выступление словами: "Помните только одно, чтобы ни случилось, может быть нам и суждено погибнуть, но 14 патронов вам, а пятнадцатый себе"(75). Этих четырнадцати патронов хватило на то, чтобы месяц спустя по приказу Ленина и Свердлова уничтожить российскую императорскую династию.

Майско-июньский кризис советской власти был, безусловно, результатом ленинской брестской политики, которая привела ко всеобщему недовольству. Все устали. В советскую власть не верили теперь даже те, кто изначально имел иллюзии. В оппозиционной социалистической прессе особенно резко выступали меньшевики, бывшие когда-то частью единой с большевиками социал-демократической организации, во многом понимавшие Ленина лучше других политических противников. Не отставали и "правые". На одной из конференций того времени оратор, видимо принадлежавший к кадетам, в докладе о внешней политике указал, что ему приходится говорить "о международном положении страны, относительно которой неизвестно, находится ли она в состоянии войны или мира", и имеющей во главе правительство, признаваемое "только ее врагами". "Как убедила история Брестского договора, -- указал докладчик, -центральным вопросом не в подписанном договоре, а в гарантиях его исполнения". И очевидно, "что всякие новые бумажные соглашения с Германией, всякие улучшения Брестского мира" не стеснят Германию "в ее дальнейших захватах". В конце концов, Украина, Белоруссия, Кавказ, Крым и Черноморский флот были заняты немцами не в соответствии с подписанным соглашением(76).

Резкой и чувствительной была критика в адрес большевиков левых эсеров, имевших возможность, будучи советской и правящей партией, выступать против брестской политики легально. В 1918 году критике Брестского мира была посвящена целая серия брошюр, написанных видными противниками передышки. Левые эсеры указывали, что ленинская передышка была изменой делу революции, ничего не давшей советской власти: "ни хлеба, ни мира, ни возможности продолжать социалистическое строительство"(77); что Брестский мир принес с собой "угашение", "обессиление, омерзение духа", так как "не в последней решительной схватке и не под занесенным над головой ударом ножа сдалась российская революция", а "без попытки боя"(78); что из-за подписания мира во внешней политике РСФСР "произошел резкий перелом", поскольку путь принятия германских ультиматумов, путь компромиссов, "есть поворот от того прямого пути, которым так победоносно шла революция" и ведет не просто к территориальным и экономическим потерям, но к гибели, поскольку от передышки, "даже потерявши невинность рабоче-крестьянская Россия никакого капитала" не приобрела, а между тем германская армия "все глубже и глубже" проникает на территорию России и "власть буржуазии" теперь восстановлена "больше, чем на одной трети федерации"(79).

Левые эсеры считали, что Брестская политика большевиков погубит не только русскую, но и мировую революцию. РСФСР, писал Штейнберг, "хочет свои соединенные штаты

постепенно расширять и распространять сначала на Европу, потом на Америку, потом на весь мир". Брестский мир "от этой задачи саморасширения оторвал", лишил Россию "помощи и революционного содействия" других стран, а западный мир -- "помощи и содействия" советской России(80). "Все естественные богатства Украины, Дона, Кавказа" попали в распоряжение германского правительства; и этим Совнарком оказал воюющей Германии огромную услугу: "приток свежих естественных продуктов с востока" ослабил "революционную волю" германского населения; "одна из самых страшных угроз" -- "угроза голода, истощения, обнищания" -- серьезно ослабляется соглашениями о поставках продуктов Германии и Австро-Венгрии(81). "Таковы последствия Брестского мира", который "нельзя назвать иначе, как миром контрреволюционным", резюмировал Штейнберг; "ясно становится, что его нельзя было подписывать". По прошествии "каких-нибудь трех месяцев со дня его подписания странными и безжизненными кажутся все доводы, которые приводились в пользу его". Говорили о "передышке", об "отдыхе". Но "отдых" оказался "пустой надеждой": "со всех сторон напирают на советскую Россию ее империалистические враги" и не дают "ни отдыха, ни сроку"(82).

Единственным выходом из сложившейся ситуации левые эсеры считали общенародное восстание против оккупантов. Речь, разумеется, шла о восстании на занятых немцами и австрийцами территориях, прежде всего об Украине. "Разлагающей проповеди усталости, бессилья, беспомощности, проповеди неизбежности соглашения с германской буржуазией" левые эсеры предлагали "противопоставить революционную идею восстания и вооруженного сопротивления домогательствам иностранной буржуазии"(83), идею партизанской и гражданской войны против "эксплуататоров и оккупантов", пока не подспеют революции в Германии, Австрии и других странах(84). Что касается шансов на успех такого восстания, то, по мнению левых эсеров, "никакое регулярное войско, всегда идущее из-под палки" не могло бы сравниться "с самим восставшим народом, когда за каждым кустом, в каждом овраге" грозила бы "пришедшей карательной экспедиции мстящая рука восставших". Только после этого "народ германский, измученный долгой войной и полуголодным существованием, терроризированный партизанской борьбой всего восставшего народа России", поймет, наконец, что "идет на народ, открывший свои границы, вышедший из войны"; и тогда "дула ружей и пушек в конце концов направятся в сторону вдохновителей и вождей карательной экспедиции", в сторону германского и австро-венгерского правительств(85).

И хотя предложение поджидать противника "за каждым кустом" с военной точки зрения могло показаться наивным, публично отвергать идею восстания летом 1918 года, когда партизанские выступления и саботаж стали фактом на Украине, большевики не стали.

Всей этой критике было бы, вероятно, недостаточно, чтобы считать положение кризисным, если бы ситуация не усугублялась тем обстоятельством, что ленинским Брестским миром были недовольны большевики. А поскольку при сплошном противостоянии Брестскому договору реализация ленинской политики стала практически невозможной, Брестским миром была теперь недовольна страна, ради которой шел на уступки Ленин -- Брестским миром была неудовлетворена Германия.

И раньше не жаловавший идею сотрудничества с большевиками Людендорф был искренне раздражен происходящим. "Советское правительство, -- писал Людендорф Кюльману, -- насколько каждый может видеть, заняло по отношению к нам ту же позицию, что в начале переговоров в Бресте. Оно всячески затягивает все важные для нас решения и, насколько это возможно, действует против нас. Нам нечего ожидать от этого правительства, хотя оно и существует по нашей милости. Для нас это постоянная опасность, которая уменьшится только, если оно безоговорочно признает нас высшей державой и покорится нам из страха перед Германией и из опасений за свое собственное существование".

Подписывая договор, Германия надеялась иметь в своем тылу "мирно настроенную Россию, из которой изголовавшиеся Центральные державы могли бы извлекать продовольствие и сырье". Реальность оказалась прямо противоположной. "Слухи, шедшие из

России, с каждым днем становились все печальнее" -- ни спокойствия, ни продовольствия немцы не получили. "Настоящего мира на Восточном фронте не было". Германия, "хотя и со слабыми силами", сохраняла фронт(86). Германское правительство нервничало не меньше ленинского, не понимая, как добиться выполнения тех или иных ультимативных требований от в общем-то беспомощного Совнаркома.

13 мая Кюльман, Людендорф и заместитель Кюльмана Бусше, принимая во внимание, что "большевики находятся под серьезной угрозой слева, то есть со стороны партии, исповедующей еще более радикальные взгляды, чем большевики" (левых эсеров и левых коммунистов), нашли нужным в интересах Германии "объявить раз и навсегда, что наши операции в России окончены", "демаркационная линия проведена" и "тем самым наступление завершено". Не очевидно, однако, что это заверение действительно было сделано советскому правительству. Тем более не очевидно, что в это заявление кто-либо мог поверить, поскольку германское продвижение все-таки продолжалось и после 13 мая. Радек даже в начале июня считал, что соотношение сил, созданное Брестским миром, "угрожает нам дальнейшими глубокими потрясениями и большими экономическими потерями", что "территориальные потери, являющиеся следствием Брестского мира, еще не кончены", что именно в смысле территорий советской власти предстоит "период тяжелой борьбы"(87). (И действительно, через несколько дней началась эвакуация Курска.)

Понятно, что при таком развале Ленина могла согревать лишь мысль о дальнейшем отступлении вглубь России. Когда Троцкий спросил его, что он думает делать, "если немцы будут все же наступать" и "двинутся на Москву", Ленин ответил:

"Отступим дальше, на восток, на Урал... Кузнецкий бассейн богат углем. Создадим Урало-Кузнецкую республику, опираясь на уральскую промышленность и на кузнецкий уголь, на уральский пролетариат и на ту часть московских и питерских рабочих, которых удастся увезти с собой... В случае нужды уйдем еще дальше на восток, за Урал. До Камчатки дойдем, но будем держаться. Международная обстановка будет меняться десятки раз, и мы из пределов Урало-Кузнецкой республики снова расширится и вернемся в Москву и Петербург".

Троцкий объяснял, что "концепция Урало-Кузнецкой республики" Ленину была "органически необходима", чтобы "укрепить себя и других в убеждении, что ничто еще не потеряно и что для стратегии отчаяния нет и не может быть места"(88). Да, Ленину было важнее стоять во главе правительства Камчатской республики, чем уступить власть, пусть даже ради революции в Европе. Но верил ли в Камчатскую советскую республику кто-нибудь, кроме Ленина? Видимо, нет. Во всяком случае, идея отступления до Камчатки (когда Дальний Восток был под угрозой японской оккупации) никого не вдохновляла. И 10 мая Сокольников на заседании ЦК предложил резолюцию о разрыве Брестского мира:

"ЦК полагает, что государственный переворот на Украине означает создание нового политического положения, характеризующегося союзом русской буржуазии с германским империализмом. В этих условиях война с Германией является неизбежной, передышка -- данная Брестским миром -- оконченной. Задачей партии является приступить к немедленной открытой и массовой подготовке военных действий и организации сопротивления путем широких мобилизаций. В то же время необходимо заключить военное соглашение с англо-французской коалицией на предмет военной кооперации на определенных условиях"(89).

До апреля 1989 года резолюция эта считалась "ненайденной"(90). Зато никогда не терялись "Тезисы о современном политическом положении", проект которых написал Ленин для обсуждения в заседании 10 мая:

"Внешняя политика советской власти никоим образом не должна быть изменяема. Нам по прежнему реальнейшим образом грозит -- и в данный момент сильнее и ближе, чем вчера, -- движение японских войск с целью отвлечь германские войска продвижением вглубь европейской России, а с другой стороны -- движение германских войск против Петрограда и Москвы, в случае победы немецкой военной партии. Нам по прежнему надо отвечать на эти опасности тактикой отступления, выжидания и лавирования, продолжая самую усиленную

военную подготовку"(91).

Резолюция Сокольников была провалена. За нее голосовал только сам Сокольников. Сталин воздержался, а Ленин, Свердлов, Шмидт и Владимирский выступили против. Правда, тезисы Ленина в тот день даже не были поставлены на голосование. Сокольников проиграл. Но и Ленин не вышел победителем. Повторное обсуждение тезисов Ленина произошло на следующем заседании ЦК, 13 мая. Вторично обсуждалась и резолюция Сокольников, текст которой не сохранился и в бумагах этого заседания(92). ЦК собрался в том же составе и пришел к мнению, что военная опасность со стороны Германии Лениным сильно преувеличена. Тем не менее тезисы Ленина с некоторыми поправками были приняты. Резолюция Сокольников с предложением разорвать Брестский мир и опереться на Антанту в борьбе с Германией не собрала ни одного голоса, кроме голоса ее автора. Сталин голосовал против Ленина (но Сокольников не поддержал). Отсутствовавшие на заседании Троцкий и Зиновьев (находившиеся в Петрограде), подали голоса за тезисы Ленина.

В мае-июне 1918 года очевидно возрастает роль Свердлова. В марте-апреле Свердлов в основном занят координацией сотрудничества различных политических группировок. В мае-июне он берет на себя всю партийную работу и функции "генсека"; назначается ЦК содокладчиком Ленина, т.е. начинает играть при Ленине роль партийного комиссара. Именно Свердлов зачитывал вместо Ленина на Московской общегородской партийной конференции 13 мая "Тезисы ЦК о современном политическом положении". В протоколе заседания ЦК от 18 мая Свердлов в списке присутствующих стоит на первом месте. Заседание ЦК 19 мая -- полный триумф Свердлова. Ему поручают абсолютно все партийные дела. В протоколе ЦК, впервые опубликованном в апреле 1989 года, записано:

"Заслушано сообщение т. Дзержинского о необходимости дать в Чрезвычайную комиссию ответственных товарищей, могущих заменить его". Постановили перевести в ВЧК из НКВД Лациса. "Туда же привлечь для заведывания отделом контрреволюции тт. Яковлеву и Стукова. Переговорить с ними поручено Свердлову". Троцкий делает заявление "о конфликте, возникшем у него с представителями Замоскворецкого районного Совета". Свердлов "сообщает, что им уже сделано указание Московскому комитету на необходимость подтянуть дисциплину в районах". Свердлов "сообщает, что в президиуме ЦИК стоит вопрос о дальнейшей участи Николая, тот же вопрос ставят и уральцы и [левые] эсеры. Необходимо решить, что делать с Николаем. Принимается решение не предпринимать пока ничего по отношению к Николаю, озаботившись лишь принятием необходимых мер предосторожности. Переговорить об этом с уральцами поручается Свердлову."

Обсуждался и вопрос о военных специалистах, в связи с чем было подчеркнута "крупное недовольство в низах, партийных массах, предоставлением старым контрреволюционным офицерам и генералам слишком широких прав", в то время как изначально предполагалось поставить их "в положение консультантов". Решено созвать специальное заседание ЦК 26 мая и посвятить его этому вопросу, пригласив на него некоторых видных большевиков, работавших и в дореволюционной и в советской армии. "Созвать совещание, подобрать военных товарищей поручается тт. Троцкому и Свердлову". Решено предложить Московскому комитету партии созвать общегородскую конференцию "для обсуждения вопроса о положении партийных организаций и задач партии. От ЦК на конференцию делегируются тт. Троцкий и Свердлов". Решено создать Верховный революционный трибунал. Поручается "Свердлову переговорить с т. Стучкой и Крыленко о внесении соответствующего проекта в Совнарком в самый кратчайший срок". Решено "ввести в практику приговоры к смертной казни за определенные преступления". Поручено Свердлову переговорить со Стучкой "о подготовке соответствующего проекта вначале в ЦК, а затем в Совнаркоме и ЦИК"(93).

Ленину на этом заседании дали лишь одно задание, которое трудно назвать ответственным: "провести через Совнарком разрешение т. Стеклову на присутствие там"(94).

Проследить дальнейший рост влияния Свердлова (и падение авторитета Ленина) по протоколам ЦК не представляется возможным, так как протоколы за период с 19 мая по 16

сентября 1918 года не обнаружены. Очевидно, что многочисленные протоколы ЦК того времени "не сохранились" именно потому, что в них в крайне невыгодном свете выглядела позиция Ленина. Об этом имеются лишь отрывочные сведения. Так, 26 июня ЦК обсуждало вопрос о подготовке проекта конституции РСФСР для утверждения его на Пятом съезде Советов. ЦК признал работу по подготовке проекта неудовлетворительной и Ленин, поддержанный некоторыми другими членами ЦК, предложил "снять этот вопрос с порядка дня съезда Советов". Но Свердлов "настоял на том, чтобы вопрос остался"(95) (т.е. пошел против Ленина и других членов ЦК) и победил, а позже принял активное участие в работе над написанием конституции).

По линии секретариата ЦК (т.е. Свердлова) вопреки воле Ленина, с мая месяца ведется усиленная подрывная антигерманская деятельность на Украине. 3 мая для ослабления военной мощи Германии и подготовки коммунистического переворота на Украине ЦК большевистской партии принял две резолюции о создании украинской компартии(96). Текстов этих резолюций в протоколе заседания ЦК нет, но 9 мая "Правда" опубликовала следующее сообщение:

"Центральный комитет РКП, обсудив вопрос о выделении особой Украинской коммунистической партии из Российской коммунистической партии, не находит никаких возражений против создания Украинской коммунистической партии, поскольку Украина представляет собой самостоятельное государство".

Это была одна из резолюций, принятых на заседании ЦК 3 мая -подлежащая публикации. Вторая резолюция обнаружению не подлежала и считается "найденной", так как "в ней говорилось о том, что РКП(б) компартия Украины является составной частью РКП(б)"(97), т. е. прямо противоположное тому, на что указывала первая резолюция, опубликованная в "Правде". Смысл этого маневра понятен: громогласно заявив о независимости украинской компартии, ЦК снял с себя формальную ответственность за подрывную деятельность, к которой готовились большевики на оккупированной немцами Украине. Антигерманские акты могли проводиться теперь фактически открыто, без риска осложнить худые советско-германские или советско-украинские отношения. Получаемые в связи с этим германские протесты Чичерин отклонял на том основании, что большевики России к украинским большевикам отношения не имеют. Вместе с тем в запасе оставалась вторая резолюция, напоминая украинским большевикам, что самостоятельной партией они не являются, а подчинены единому ЦК российской компартии.

Летом 1918 года вырисовалась неизбежность поражения Германии в мировой войне в связи с провалом последнего крупного немецкого наступления на Западном фронте и массовым прибытием американских войск во Францию. Именно поэтому германским руководителям стало ясно, что наступление вглубь России теперь нецелесообразно не только с политической, но и с военной точки зрения. Обычно самоуверенный Людендорф в меморандуме статс-секретарю иностранных дел 9 июня указал, что из-за нехватки кадров на Западном фронте командование армией вынуждено было еще больше ослабить дивизии на Восточном. "Они достаточно сильны, чтобы выполнять задачи оккупационного порядка, - продолжал Людендорф, -- но если положение на востоке ухудшится, они не справятся с ним". В случае же падения большевиков перспективы, открывавшиеся Германии, были и того хуже. С небольшевистской Россией снова объединилась бы Украина и, как считал Рицлер, Германия могла оказаться "в крайне сложном положении" и должна была бы "либо противостоять мощному движению, имея всего несколько дивизий", либо "принять это движение", т.е. уступить требованию нового правительства и пересмотреть Брестский мир.

После провала мартовского наступления немцев на реке Сомме и в районе города Амьена, по словам Гофмана, "хороших пополнений больше не было, и верховное командование набирало людей отовсюду и составляло пополнения, считаясь только с численностью и не принимая во внимание никаких других соображений". Именно так "были выбраны все солдаты младших возрастов из восточных дивизий и переправлены на Западный фронт". Особенно сказался этот недостаток в артиллерии: "из батарей Восточного

фронта были взяты все сколько-нибудь способные к службе люди". Оставшиеся на Восточном фронте дивизии по мнению Гофмана были непригодны для каких-либо серьезных боев(98).

Если даже Людендорф и Гофман сознавались в невозможности для германской армии вести активные наступательные действия на Востоке, если становилось очевидно, что с новым правительством, каким бы оно ни было, разговаривать придется не с позиции военной силы, решение следовало искать в области политической. И Кюльман инструктировал Мирбаха продолжать оказывать финансовую помощь большевикам, чтобы поддержать их у власти. "Отсюда очень трудно сказать, кого следует поддерживать в случае падения большевиков, - писал Кюльман. -- Если будет действительно сильный нажим, левые эсеры падут вместе с большевиками", а это "единственные партии, которые основывают свои позиции на Брест-Литовском мире". Кадеты и монархисты -- против Брестского договора. Последние выступают за единую Россию и поэтому "не в наших интересах поддерживать монархическую идею, которая воссоединит" страну. Наоборот, насколько возможно, следует мешать "консолидации России, и с этой целью надо поддерживать крайне левые партии" (большевиков и левых эсеров).

Похоже, что Мирбах не считал поставленную МИДом задачу выполнимой. Наблюдая происходящий развал из окна посольства, Мирбах был уверен, что большевики доживают последние дни. На случай падения Совнаркома Мирбах предложил заблаговременно подстраховаться и сформировать правительство прогерманской ориентации. МИД ответил на предложение Мирбаха согласием. "Говоря конкретно, -- указывал Рицлер 4 июня, -- это означает, что мы должны протянуть нить к Оренбургу и Сибири над головой генерала Краснова", держать в боевой готовности "кавалерию, ориентируя ее на Москву, подготовить будущее правительство", с которым Германия могла бы пойти на соглашение; пересмотреть пункты Брестского договора, направленные против экономической гегемонии Германии над Россией; присоединить к России Украину, а возможно Эстонию и Латвию. "Помогать возрождению России, которая снова станет империалистической, -- заключал Рицлер, -- перспектива не из приятных, но такое развитие событий может оказаться неизбежным"(99). Рицлер считал, что изменение германской восточной политики должно последовать в ближайшие 6-8 недель.

Аналогичное донесение посол Мирбах направил в те дни Гертлингу. Учитывая "все возрастающую неустойчивость положения большевиков", он рекомендовал подготовиться к "к перегруппировке сил, которая, возможно, станет необходимой", и предлагал опереться на группу кадетов, "преимущественно правой ориентации", часто называемую "монархистами". Эти люди, по мнению Мирбаха, могли бы составить "ядро будущего нового порядка", а потому с ними стоило бы наладить связь и предоставить им необходимые денежные средства.

5 июня за перемену германской восточной политики высказался советник министерства иностранных дел Траутман, предполагавший, однако, для Германии более пассивную роль. Он считал, что следует поддерживать большевиков "всеми возможными средствами" и так удерживать их "от ориентации в другом направлении", несмотря на те препятствия, которые созданы немецкими же требованиями. Тем не менее Траутман советовал считаться с возможностью падения большевиков, не разрывать отношения с другими политическими партиями и "обеспечить себе максимально безопасный переход"(100).

Примерно то же предлагал Людендорф: несмотря на наличие дипломатических отношений с советским правительством, поддерживать в то же время "отношения с другими движениями в России, чтобы не оказаться вдруг в полном одиночестве"; "установить контакты с монархистскими группами правого крыла и влиять на них так, чтобы монархистское движение, как только оно получит какое-то влияние", было подчинено интересам Германии.

Интересы германского политического руководства, МИДа и генштаба, наконец-то совпали. Переориентация германской восточной политики произошла. 13 июня Мирбах

сообщил в Берлин, что к нему давно уже напрямую или через посредников обращаются разные политические деятели, прощупывавшие почву на предмет готовности германского правительства оказать помощь антисоветским силам в деле свержения большевиков при условии, однако, еще и пересмотра статей Брестского мира. Самым серьезным Мирбах считал блок правых организаций во главе с бывшим министром земледелия Кривошеиным. Через членов октябристской партии Кривошеин запросил Мирбаха, согласен ли тот установить контакты с членами организации Кривошеина, и, получив утвердительный ответ, поручил предпринять дальнейшие шаги двум членам ЦК кадетской партии -барону Нольде, бывшему помощнику министра иностранных дел в кабинете Львова, и Леонтьеву, бывшему помощнику министра внутренних дел в том же кабинете.

25 июня в письме Кюльману Мирбах подвел черту под большевистским периодом правления в России, указав, что "после двухмесячного внимательного наблюдения" уже не может "поставить большевизму благоприятного диагноза. Мы, несомненно, стоим у постели опасно больного человека, состояние которого может иной раз и улучшиться, но который обречен", писал Мирбах. Исходя из этого он предложил заполнить "образовавшуюся пустоту" новыми "правительственными органами, которые мы будем держать наготове и которые будут целиком и полностью состоять у нас на службе". Поскольку было очевидно, что никакое новое правительство не согласится на соблюдение Брестского договора, Мирбах предлагал существенное его смягчение, прежде всего присоединение к России Украины и Эстонии. 28 июня посол в последнем своем донесении из Москвы писал о том, что следит за переворотом, который готовит группа Кривошеина и который должен произойти буквально через несколько недель.

Изменение позиции Германии не осталось незамеченным в России. Уже с середины мая "правые" круги отмечали, что "немцы, которых большевики привели в Россию, мир с которыми составил единственную основу их существования, готовы сами свергнуть большевиков"(101). Об антисоветской деятельности германского посольства были осведомлены дипломатические представители Антанты. При столь обширной утечке информации не приходится удивляться, что об изменении настроения германского посольства знало советское правительство. По приказу свыше или без такового в первых числах июня, как раз когда Мирбах и Рицлер отсылали в Берлин свои предложения о необходимости изменения германской восточной политики, в ВЧК, возглавляемой левым коммунистом Держинским, был создан отдел по наблюдению "за возможной преступной деятельностью посольства". На должность заведующего этого отдела был назначен будущий убийца германского посла левый эсер Яков Григорьевич Блюмкин, молодой человек 19-20 лет.

Следует отметить, что сотрудники германского посольства давно уже жили в предчувствии неприятных и непредвиденных происшествий. 4 июня Рицлер в поразительном по своей прозорливости послании в Берлин в самых черных красках описывал будущее:

"За последние две недели положение резко обострилось. На нас надвигается голод, его пытаются задушить террором. Большевистский кулак громит всех подряд. Людей спокойно расстреливают сотнями. Все это само по себе еще не так плохо, но теперь уже не может быть никаких сомнений в том, что материальные ресурсы большевиков на исходе. Запасы горючего для машин иссякают, и даже на латышских солдат, сидящих в грузовиках, больше нельзя полагаться -- не говоря уже о рабочих и крестьянах. Большевики страшно нервничают, вероятно, чувствуя приближение конца, и поэтому крысы начинают заблаговременно покидать тонущий корабль. [...] Карахан засунул оригинал Брестского договора в свой письменный стол. Он собирается захватить его с собой в Америку и там продать, заработав огромные деньги на подписи императора. [...]"

Никто не в состоянии предсказать, как они [большевики] встретят свой конец, а их агония может продлиться еще несколько недель. Может быть, они попытаются бежать в Нижний или в Екатеринбург. Может быть, они собираются в отчаянии упиться собственной кровью, а может, они предложат нам убраться, чтобы разорвать Брестский договор (который

они называют "передышкой") -- их компромисс с типичным империализмом, спасши таким образом в свой смертный миг свое революционное сознание. Поступки этих людей абсолютно непредсказуемы, особенно в состоянии отчаяния. Кроме того, они снова уверовали, что все более обнажающаяся "военная диктатура" в Германии вызывает огромное сопротивление, особенно в результате дальнейшего продвижения на восток, и что это должно привести к революции. Это недавно написал Сокольников, основываясь, очевидно, на сообщениях Иоффе. [...] Прошу извинить меня за это лирическое отступление о состоянии хаоса, который, даже со здешней точки зрения, уже совершенно невыносим"(102).

Примерно такое же впечатление вынес Траутман, писавший днем позже, что "в ближайшие месяцы может вспыхнуть внутривластная борьба. Она даже может привести к падению большевиков". Траутман добавил, что по его сведениям "один или даже два" большевистских руководителя "уже достигли определенной степени отчаяния относительно собственной судьбы".

В эти недели обычно динамичный Ленин бездействовал как парализованный. Правда, Ленин все чаще и чаще заговаривал о слабости Германии. 1 июля в интервью одной из шведских газет он фактически признал провал брестской политики на Украине из-за недооценки силы партизанского движения: "Немцам нужен мир. Показательно, что на Украине немцы больше хотят мира, чем сами украинцы". Между тем "положение немцев на Украине очень тяжелое. Они совсем не получают хлеба от крестьян. Крестьяне вооружаются и большими группами нападают на немецких солдат", причем "это движение разрастается".

Любой левый коммунист посчитал бы, что именно по этой причине следует разорвать Брестский мир. Но Ленин думал иначе. "Нам в России нужно теперь ждать развития революционного движения в Европе, -- сказал Ленин. -- Рано или поздно дело повсюду должно дойти до политического и социального краха". Ленин подчеркнул, что время работает на большевиков еще и потому, что "благодаря немецкой оккупации большевизм на Украине стал своего рода национальным движением" и что "если бы немцы оккупировали всю Россию, результат был бы тот же самый"(103). Снова и снова Ленин предлагал отступить перед германскими требованиями и бездействовать даже в том случае, если немцы оккупируют "всю Россию". Эта же тема была продолжена им в выступлении на Пятом съезде Советов в первых числах июля:

"Бешеные силы империализма продолжают бороться, находясь уже три месяца, протекшие с предыдущего съезда, на несколько шагов ближе к пропасти [...]. Эта пропасть за три с половиной месяца [...] несомненно подошла ближе [...]. Державы Запада сделали громадный шаг вперед к той пропасти, в которую империализм падает тем быстрее, чем идет дальше каждая неделя войны [...]. За три с половиной месяца [...] войны империалистические государства приблизились к этой пропасти [...]. У нас этот истекающий зверь [Германия] оторвал массу кусков живого организма. Наши враги так быстро приближаются к этой пропасти, что если бы им даже было предоставлено больше трех с половиной месяцев и если бы империалистическая бойня нанесла нам снова такие же потери, погибнут они, а не мы, потому что быстрота, с которой падает их сопротивление, быстро ведет их к пропасти".

Но и в этой шизофренической речи с многократным повторением почти одинаковых фраз Ленин умудрился призвать советский актив к тому же, к чему призывал в марте -- выжидать, не разрывая Брестского мира, бездействовать: "Наше положение не может быть иное, как дожидаться [...] что эти бешеные группы империалистов, сейчас еще сильные, свалятся в эту пропасть, к которой они подходят -- это все видят"(104).

Только трудно было удержаться от вопроса: если Германия оказалась на краю гибели через три с половиной месяца после заключения Брестского мира, ведя крупномасштабные боевые действия лишь на одном фронте, получая продовольственную помощь России и Украины и используя Красную армию в борьбе с чехословацким корпусом, который, не задержи его большевики, давно бы уже воевал в Европе против немцев, как глубоко на дне этой пропасти лежала бы кайзеровская Германия, вынужденная воевать на два фронта? В каком состоянии находились бы теперь страны Четверного союза? Где проходили бы

границы коммунистических государств?

Заведенная Лениным в тупик, доведенная до кризиса, расколотая и слабеющая большевистская партия могла ухватиться теперь лишь за соломинку, которую в марте 1918 года протягивал ей Троцкий: "Сколько бы мы ни мудрили, какую бы тактику ни изобрели, спасти нас в полном смысле слова может только европейская революция"(105). А для ее стимулирования нужно было, во-первых, разорвать Брестский мир, а, во-вторых, сформировать Красную армию. 22 апреля вопрос о создании регулярной армии был поднят Троцким на заседании ВЦИК, причем Троцкий подчеркнул, что эта новая дисциплинированная и обученная армия необходима прежде всего для борьбы с внешним врагом(106) - "специально для возобновления мировой войны совместно с Францией и Англией против Германии". Тогда же Троцкий и М. Д. Бонч-Бруевич начали обсуждение с представителями Антанты планов совместных военных действий. Эта новая армия стала называться "Народной". К лету 1918 года она составляла ядро войск Московского гарнизона, набиралась на договорных началах, считалась аполитичной и находилась в ведении Высшего военного совета под председательством Троцкого и под военным руководством бывшего офицера генштаба царской армии М. Д. Бонч-Бруевича. Непосредственно войска подчинялись Муралову, командующему войсками округа. В июне в состав Народной армии приказом Троцкого должны были зачислить латышскую стрелковую дивизию(107).

Разрубить затянутый узел советско-германских отношений и сплотить расколотую большевистскую партию мог, казалось, лишь разрыв Брестского мира. Возможно, начинать войну летом 1918 г. было не менее рискованно, чем продолжать ее в марте. Но в июне большевикам уже не из чего было выбирать. Ленинская политика "передышки" была испробована и не дала положительных для революционеров результатов. В июне уже не имело значения, прав ли был Ленин в марте. Революция за три месяца передышки потеряла свой бескомпромиссный динамичный бег. Агония и отчаяние большевистского режима достигли своей высшей точки. Ее можно определить с точностью до дня -- 6 июля 1918 года -когда приехавшие с мандатом Дзержинского и Ксенофонтова в особняк германского посольства чекисты потребовали встречи с послом Германии Мирбахом по чрезвычайно важному делу. В этот миг было спасено большевистское правительство, а вместе с ним, по еще большей иронии судьбы -- ленинская брестская "передышка".

Примечания

1. Цит. по кн. Известия ЦК КПСС, январь 1989, No 1, с. 233.
2. Великая октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1987, с. 464-465.
3. В. Баумгарт. Брест-Литовск и "разумный" мир с Западом. - в кн. Versailles - St. Germain - Trianon. Umbruch in Europa vor funfzig Jahren. R. Oldenbourg, Munchen und Wien, 1971, с. 60.
4. Архив Троцкого, Хогтонская библиотека Гарвардского университета, bMs Russ 13. T-3742.
5. Л. Троцкий. О Ленине. Материалы для биографа. М., 1924, с. 78-79.
6. Там же, с. 79.
7. АИГН, ящик 198, папка 23, с. 12.
8. Троцкий. Сталинская школа фальсификаций. Изд. Гранит, Берлин, 1932, с. 39.
9. Седьмой экстренный съезд РКП/б/. Март 1918 года. Стенографический отчет, М., 1962, с. 111.
10. Троцкий. О Ленине, с. 82-83.
11. Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923-1927, т. 1. М., 1990, с. 138-139.
12. М. Майоров. Борьба советской России за выход из империалистической войны. М., 1959, с. 210; А. О. Чубарьян. Брестский мир. Изд. Наука, М., 1964, с. 140-141.
13. Майоров. Борьба советской России, с. 211; Чубарьян. Брестский мир, с. 141.
14. Майоров. Борьба советской России, с. 211.

15. В четвертом издании собрания сочинений Ленина, которым пользуется Майоров, телеграмма подписана "Ленин. Сталин" (Ленин, Сочинения. 4-е изд., т. 26, с. 471). В пятом издании сочинений Ленина подпись Сталина под телеграммой убрали.
16. Майоров. Борьба советской России, с. 211.
17. Здесь обрывает цитирование Майоров (там же).
18. Ленин. ПСС, т. 35, с. 332.
19. Архив Троцкого, Т-3742; О. Чернин. Брест-Литовск. - Грани, кн. 153, 1989, с. 173.
20. Генерал Гофман. Война упущенных возможностей. ГИЗ, М.-Л., 1925, с. 186; Архив Троцкого, Т-3742. П.Фрелих. К истории германской революции, т. 1, с. 225.
21. Чернин. Брест-Литовск, с. 173.
22. Архив Троцкого, Т-3742. Л. Ступоченко. Пролетарская революция, 1923, кн. 4, с. 97-98.
23. Г. Зиновьев. Сочинения, т. 7, Л., 1925, ч. 1, с. 499-500.
24. Чубарьян. Брестский мир, с. 220-221.
25. Архив Троцкого, Т-3742.
26. Документы внешней политики СССР (далее: ДВП), т. 1. М., 1959, с. 106; L'Allemagne et les problemes de la paix pendant la premiere guerre mondiale. Documents extraits des archives de l'Office allemand des Affaires etrangeres, pub. Et ann. Par A. Scherer et J. Grunewald. Liv. III. De la revolution Sovietique a la paix de Brest-Litovsk (9 novembre 1917 - mars 1918) [далее: Германия]. Paris, 1976, док. No 263 от 19 февраля 1918 г. Тел. Бусше в германское посольство в Вене.
27. Г. А. Орлов. Брест-Литовский мир и день основания Красной армиию. Русская мысль, 25 марта 1958.
28. Германия, док. No 278 от 21 февраля 1918 г. Тел. Шюлера в МИД Германии.
29. Социал-демократ, 20 февраля 1918, No 28.
30. Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 - февраль 1918 г. ГИЗ, М., 1958, с. 211-212.
31. Там же, с. 212-213.
32. Там же, с. 215.
33. К. Т. Свердлова. Яков Михайлович Свердлов. М., 1976, с. 312-313.
34. Там же, с. 314.
35. Протоколы ЦК РСДРП(б), с. 219-228.
36. ДВП, т. 1, с. 119.
37. Ленин. Сочинения, 4 изд., т. 27, с. 57.
38. Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 года. Стенографический отчет. М., 1962, с. 235.
39. Там же, с. 191.
40. Там же, с. 192.
41. Протоколы съездов и конференций Всероссийской коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 года. Под ред. Д. Кина и В. Сорокина. М.--Л. 1928, с. 4.
42. G. Rauch. A History of Soviet Russia, 6th edition, New York, 1976, p. 76; Чубарьян. Брестский мир, с. 189-190; Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства. 26 мая -- 4 июня 1918 г. (Стенографический отчет), М., 1918, с. 15. Выступление К. Радека.
43. Седьмой экстренный съезд РКП(б), с. 33-50.
44. Там же, с. 41-44.
45. Там же, с. 49-51.
46. Там же, с. 57-61.
47. Там же, с. 76.
48. Там же, с. 88-89.
49. Там же, с. 77-78.
50. Архив Троцкого, Т-3742. Л.Троцкий. Советская республика и капиталистический мир, т. 17, ч. 1, с. 138. Речь на Седьмом съезде Российской коммунистической партии.

51. Седьмой экстренный съезд РКП(б), с. 65-69, 71-72.
52. Там же, с. 101-103.
53. Там же, с. 109.
54. Там же, с. 110-114.
55. Там же, с. 123-124.
56. Там же, с. 125-126.
57. Там же, с. 127.
58. Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. Март-июль 1918 г. Сб. док., т. 3. М., 1967, с. 32.
59. Там же, с. 136.
60. Зиновьев. Сочинения, т. 7, ч. 1, с. 511.
61. Архив Троцкого, Т-3742. Г. Зиновьев. Год революции, с. 269. В чем же выход?
62. Одиннадцать номеров "Коммуниста" все-таки было выпущено. Закрылась газета 19 марта (Протоколы съездов и конференций, с. 258).
63. С 20 апреля Бухарин, Радек, Смирнов и Оболенский (Осинский) стали выпускать в Москве еженедельный журнал "Коммунист", но вышло только четыре номера, и в июне журнал закрыли.
64. Зиновьев. Сочинения. т. 7, ч. 1, с. 535.
65. Седьмой экстренный съезд РКП(б), с. 65-69, 71-72.
66. АИГН, ящик 157, папка 2. В.[Г.] Колокольцев [министр земледелия Украины с 15 мая по 19 октября 1918 г.] Краткие сведения о мероприятиях на Украине по аграрному вопросу во время гетманского правительства с 1 мая 1918 года по 15 декабря 1918 года. с. 1.
66. АИГН, ящик 157, папка 3. Киевская мысль, No 64, 29 апреля 1918 г. Заседание малой Рады от 27 апреля. Речь премьер-министра.
67. Документы германского посла в Москве Мирбаха. Публ. С. М. Дробиной. -- Вопросы истории. 1971, No 9, с. 123-124; И. Горохов, Л. Замятин, И. Земсков, Г. В. Чичерин - дипломат ленинской школы. 2-е изд., доп., под общей ред. А. А. Громько. М., 1974, с. 87.
68. Деятельность Центрального комитета партии в документах (события и факты). -- Известия ЦК КПСС, 1989, No 4, с. 148-149.
69. Правда, 24 мая 1918, No 101. Письмо написано 22 мая; Ленин, ПСС, т. 36, с. 375-376.
70. Деятельность ЦК партии в документах, с. 150.
71. И. И. Вацетис. Июльское восстание в Москве 6 и 7 июля 1918 г. -- в сб. Память, т. 2. М., 1977 -- Париж, 1979, с. 43.
72. Г. Соломон. Среди красных вождей, т. 1. Париж, 1930, с. 85.
73. Протоколы заседаний ВЦИК IV созыва. (Стенографический отчет.) М., 1920, с. 376, 388.
74. Карл фон Ботмер. С графом Мирбахом в Москве. М., 1996, с. 64. Запись от 13 июня 1918 г.
75. Голос Киева, No 54, пятница, 21 июня 1918 г., "Сообщения с севера".
76. АИГН, ящик 18, папка 1. Протокольная запись доклада по внешней политике на конференции [кадетов в Екатеринодаре?] 14 мая 1918 г., с. 8-10, 12. Автор не указан.
77. А. Измайлович. Послеоктябрьские ошибки. Изд. "Революционный социализм", М., 1918, с. 13.
78. И. З. Штейнберг. Почему мы против Брестского мира. Изд. "Революционный социализм", М., 1918, с. 26, 27.
79. Б. Камков. Две тактики. Изд. "Революционный социализм", М., 1918, с. 27-28.
80. Штейнберг, указ. соч., с. 15.
81. Там же, с. 24-25.
82. Там же, с. 27.
83. Б. Камков, указ. соч., с. 28-29.
84. Штейнберг, указ. соч., с. 12.

85. Измайлович, указ. соч., с. 13.
86. Гофман. Война упущенных возможностей, с. 194.
87. Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства, с. 15-16.
88. Троцкий. О Ленине, с. 88-89.
89. Деятельность ЦК партии в документах, с. 142.
90. Протоколы заседаний ЦК от 6 и 10 мая не обнаружены (там же, с. 141; В. В. Аникеев. Деятельность ЦК РСДРП(б)-РКП(б) в 1917-1918 годах. М., 1974, с. 268).
91. Ленин. ПСС, т. 36, с. 322-326, 608; Деятельность ЦК партии в документах, с. 142.
92. Аникеев, указ. соч., с. 271; Деятельность ЦК партии в документах, с. 155, прим. 8.
93. Деятельность ЦК партии в документах, с. 146-148.
94. Там же.
95. Там же, с. 140.
96. Аникеев, указ. соч., с. 263.
97. Там же.
98. Гофман. Война упущенных возможностей, с. 199-200.
99. Цит. По кн. Николаевский. Тайные страницы истории, с. 385. Донесение Рицлера от 4 июня 1918 года.
100. Документы германского посла в Москве Мирбаха, с. 125.
101. АИГН, ящик 18, папка 1. Протокольная запись доклада по внешней политике на конференции 14 мая 1918 г.
102. Николаевский. Тайные страницы истории, с. 384-386.
103. Ленин. ПСС, т. 36, с. 483-486.
104. Там же, с. 493, 495, 497.
105. Седьмой экстренный съезд РКП(б), с. 63.
106. Протоколы заседаний ВЦИК IV созыва. Стенографический отчет, М., 1920, с. 171.
107. Вацетис. Июльское восстание в Москве 6 и 7 июля, с. 24, 25.

Заговор третий:

Убийство Мирбаха и разгром партии левых эсеров

Июльский заговор 1918 года был, возможно, одним из самых многоплановых заговоров того времени. Можно сказать иначе: 6-7 июля 1918 года произошло сразу несколько заговоров. Назовем их.

Прежде всего, речь идет о заговоре Держинского против Ленина: убийство сотрудниками Держинского Блюмкиным и Андреевым германского посла графа Мирбаха с целью спровоцировать немцев на разрыв ленинского Брестского мира.

Вторым заговором следует назвать подготовку большевистским руководством, прежде всего Свердловым, Лениным и, возможно, Троцким, операции по аресту фракции левых эсеров, в том числе почти всех членов ЦК ПЛСР, на съезде Советов, проходившем в Большом театре. Речь шла в буквальном смысле слова о новом перевороте (июльском), в результате которого в советской России была бы установлена однопартийная большевистская диктатура (что и случилось 6 июля). Третьим заговором 6 июля был заговор Блюмкина с некоторыми членами ЦК ПЛСР (не знавшими, что за спиной Блюмкина стоит Держинский) в тайне от общего состава ЦК ПЛСР, как и ЦК РКП(б), убить в Москве германского посла графа Мирбаха, а в Петрограде -- германского консула. Для совершения этого теракта в Петрограде Блюмкиным задолго до 6 июля туда были посланы два члена боевой организации эсеров "Михаил" -- М. А. Богданов, и "Барон" -- Е. Н. Мальм. Вот что пишет об этом известный левоэсеровский активист, вставший затем на сторону большевиков, С. Мстиславский:

„Арестованы они были в Петрограде 8-го, по подозрению в подготовке покушения на тамошнего германского консула. То, что они рассказывали, а потом по моей просьбе и записали на всякий случай -- проливает несколько иной свет на июльские события. Для меня лично -- ясно одно: Мария Александровна [Спиридонова] знала далеко не все, что в ЦК или около него делается. Ибо в прямой разрез с ее толкованием июльского акта (а в искренности

ее я не сомневаюсь ни секунды) "Барон" и Михаил высланы были в Петроград задолго до убийства Мирбаха с поручением заняться германским консулом, дабы в дальнейшем действовать без задержки по "сигналу" [...], при этом, по их словам, Блюмкин заблаговременно дал в питерские газеты сообщение о том, что в Петрограде скрылись из Москвы два белогвардейских конспиратора, [...] подозреваемые, помимо всего, еще и в шпионаже в пользу Германии. Предполагалось, что заметка эта, касаясь германских дел, обязательно будет взята на учет немецким консульством. И действительно, когда "Барон" и Михаил явились в Петроград и вступили, острожно, в связь с консульством -- под теми самыми именами, которые были опубликованы в заметке, их "встретили", как старых знакомых, и, став постепенно частыми посетителями консульства, они смогли довольно быстро установить все данные, необходимые им для выполнения акта. [...] Для изложения дальнейшего -- предоставляю слово непосредственно им самим:

"События развивались быстро. 6-го числа мы пришли к товарищу председателя Чрезвычайной Комиссии Бокию просить разрешения вне очереди переговорить с Москвой (мы давно не имели вестей от товарища Блюмкина). Вместо разрешения Бокий, бледный, сообщил нам, что только что получено по телефону из Москвы известие об убийстве графа Мирбаха, и провод больше не работает. Узнав эту долгожданную весть, мы сейчас же бросились в германское консульство, но там узнали, что консул уехал на совещание других консулов, а оттуда поедет в Москву. Обсудив создавшееся положение, мы решили на другой день ехать в Москву, чтобы получить от ЦК дальнейшие директивы. 7-го, около 6--7 часов мы были в городе, слышали оружейную стрельбу, узнали о разоружении левых с.-р. и о дальнейших вытекающих из него последствиях""(1).

Таким образом очевидно, что подготовка Блюмкиным убийства посла в Москве и консула в Петрограде была начата не в первых числах июля, а много раньше.

Не исключено, что был и четвертый заговор: заговор ЦК ПЛСР с целью противостоять возможным попыткам большевиков арестовать фракцию левых эсеров в Большом театре. По-видимому именно для этого началось стягивание в столицу из провинции левоэсеровских отрядов (так и не успевших, впрочем, прибыть в город).

Основными заговорами дня были, конечно же, убийство людьми Дзержинского графа Мирбаха и арест Свердловым, Лениным и Троцким фракции левых эсеров на съезде Советов в Большом театре. Итак...

Утром 6 июля 1918 г. сотрудник ВЧК Я. Г. Блюмкин, согласно данным им позже показаниям, пошел в Чрезвычайную комиссию, взял у дежурной пустой бланк ВЧК и напечатал на нем, что он и представитель ревтрибунала Николай Андреев уполномочиваются "войти непосредственно в переговоры" с германским послом графом Мирбахом "по делу, имеющему непосредственное отношение" к послу. Подпись Дзержинского на бланке, по словам Блюмкина, была поддельной, причем подделал ее "один из членов ЦК" ПЛСР. Подпись Ксенофонтова тоже была поддельной -- за него подписался сам Блюмкин. Дождавшись "ничего не знавшего" заместителя Дзержинского члена ЦК ПЛСР В. Александровича Блюмкин "попросил его поставить на мандате печать Комиссии". У Александровича же Блюмкин получил разрешение на пользование автомобилем и отправился в Первый дом Советов, где на "квартире одного члена ЦК" его ждал Андреев. Получив две толовые бомбы, револьверы и последние указания, злоумышленники около двух часов дня покинули "Националь", приказали шоферу остановиться у здания германского посольства, ожидать их, не выключая мотора, и не удивляться шуму и стрельбе. Тут же в машине сидел второй шофер, матрос из отряда ВЧК под командованием Попова. Матроса "привез один из членов ЦК" ПЛСР, и он, видимо, знал, что затевается покушение на Мирбаха. Как и террористы, матрос был вооружен бомбой.

Примерно в два с четвертью Блюмкин и Андреев позвонили в дверь германского посольства. Пришедших впустили. По предъявлении мандата от Дзержинского и после некоторого ожидания, для разговора к ним вышли два сотрудника посольства -- Рицлер и лейтенант Мюллер (в качестве переводчика). Все четверо прошли в приемную и уселись

вокруг большого мраморного стола. Блюмкин заявил Рицлеру, что ему необходимо поговорить с Мирбахом по личному делу посла, причем, сославшись на строгое предписание Дзержинского, продолжал настаивать на личной беседе с графом несмотря на возражения Рицлера, что посол не принимает.

В конце концов Рицлер вернулся в сопровождении графа, согласившегося лично переговорить с чекистами. Блюмкин сообщил Мирбаху, что явился для переговоров по делу "Роберта Мирбаха, лично графу незнакомого члена отдаленной венгерской ветви его семьи", замешанного в "деле о шпионаже". В подтверждение Блюмкин предъявил какие-то документы. Мирбах ответил, что "не имеет ничего общего с упомянутым офицером" и что "дело это для него совершенно чуждо". На это Блюмкин заметил, что через десять дней дело будет рассматриваться революционным трибуналом. Андреев, все это время не участвовавший в беседе, спросил, не хотели бы германские дипломаты узнать, какие меры будут приняты трибуналом по делу Роберта Мирбаха. Тот же вопрос повторил Блюмкин. Видимо, это был условный сигнал. Ничего не подозревавший Мирбах ответил утвердительно. Со словами "это я вам сейчас покажу" Блюмкин, стоявший за большим мраморным столом, выхватил револьвер и выстрелил через стол сперва в Мирбаха, а затем в Мюллера и Рицлера (но промахнулся). Те были настолько ошеломлены, что остались сидеть в своих глубоких креслах (вооружены они не были). Затем Мирбах вскочил, выбежал в соседний с приемной зал, но в этот момент его сразила пуля, выпущенная Андреевым. Блюмкин между тем продолжал стрелять в Рицлера и Мюллера, но промахивался. Затем раздался взрыв бомбы, после чего террористы выскочили в окно и уехали в поджидавшем их автомобиле. Когда очнувшиеся от замешательства Рицлер и Мюллер бросились к Мирбаху, тот лежал уже мертвый в луже крови. Рядом с ним они увидели неразорвавшуюся бомбу (а на расстоянии двух-трех шагов от посла -- большое отверстие в полу -- следы другой бомбы, взорвавшейся).

За рулем уносившей террористов машины сидел матрос из отряда Попова. Может быть именно поэтому террористов повезли в Трехсвятительский переулок, в штаб войск ВЧК (о чем террористы не знали). С этого момента Блюмкин, повредивший ногу во время прыжка из окна и раненный в ногу же часовым, открывшим стрельбу по убегавшим террористам, не принимал в событиях непосредственного участия. Несколько раньше из поля зрения исчез Андреев - убийца германского посла. И по непонятным причинам лавры Андреева были отданы Блюмкину.

Но убийство не было совершено чисто. В суматохе террористы забыли в здании посольства портфель, в котором лежали "дело Роберта Мирбаха" и удостоверение на имя Блюмкина и Андреева, подписанное Дзержинским и Ксенофонтовым. Наконец, два опаснейших свидетеля преступления -- Рицлер и Мюллер, которых упорно пытался застрелить Блюмкин -- остались живы. Можно только гадать, как развивались бы события 6 июля, если бы не эти случайные промахи террористов.

Кем и когда начата была подготовка убийства Мирбаха? Кто стоял за убийством германского посла? На эти вопросы ответить не так просто, как пытается представить имеющаяся историография. Дело в том, что никаких документов, подтверждающих причастность ЦК ПЛСР к организации убийства германского посла, нет. Самый полный сборник материалов о событиях 6 -- 7 июля был издан в 1920 г. под названием "Красная книга ВЧК"(2). Но и в нем нет документов, подтверждающих выдвинутые против левых эсеров, прежде всего -- против ЦК ПЛСР, обвинения в организации убийства Мирбаха и в "восстании". Историки, поэтому, до сих пор прибегали к вольному пересказу документов "Красной книги ВЧК", а не к прямому цитированию. Вот что пишет известный историк эсеровской партии К. В. Гусев: "ЦК партии левых эсеров 24 июня 1918 г. принял официальное решение об убийстве германского посла в Москве, графа Мирбаха, и начале контрреволюционного мятежа". Гусеву вторит академик И. И. Минц:

"24 июня, как явствует из захваченных и опубликованных после подавления авантюры документов, ЦК левых эсеров, далеко не в полном составе, принял постановление о

решительном выступлении. В нем говорилось, что ЦК партии левых эсеров признал необходимым в интересах русской и международной революции положить конец передышке, являющейся результатом заключения Брестского мира. Для этого необходимо предпринять ряд террористических актов против представителей германского империализма -- в Москве против посла Мирбаха, в Киеве против фельдмаршала Эйхгорна, командующего германскими войсками на Украине, и др. С этой целью, указывалось в постановлении, следовало организовать боевые силы"(3).

Между тем, в протоколе заседания ЦК ПЛСР от 24 июня, на который ссылаются историки, ни о чем конкретном не говорилось. Приведем текст протокола полностью:

"В своем заседании от 24 июня ЦК ПЛСР-интернационалистов, обсудив настоящее политическое положение республики, нашел, что в интересах русской и международной революции необходимо в самый короткий срок положить конец так называемой передышке, создавшейся благодаря ратификации большевистским правительством Брестского мира. В этих целях Ц. Комитет партии считает возможным и целесообразным организовать ряд террористических актов в отношении виднейших представителей германского империализма; одновременно с этим ЦК партии постановил организовать для проведения своего решения мобилизацию надежных военных сил и приложить все меры к тому, чтобы трудовое крестьянство и рабочий класс примкнули к восстанию и активно поддержали партию в этом выступлении. С этой целью к террористическим актам приурочить объявление в газетах участия нашей партии в украинских событиях в последнее время, как-то: агитацию кр[естьян] и взрыв оружейных арсеналов.

Время проведения в жизнь намеченных первых двух постановлений предполагается установить на следующем заседании ЦК партии.

Кроме того, постановлено подготовить к настоящей тактике партии все местные организации, призывая их к решительным действиям против настоящей политики СНК.

Что касается формы осуществления настоящей линии поведения в первый момент, то постановлено, что осуществление террора должно произойти по сигналу из Москвы. Сигналом таким может быть и террористический акт, хотя это может быть заменено и другой формой.

Для учета и распределения всех партийных сил и приведения [в исполнение] этого плана ЦК партии организует Бюро из трех лиц (Спиридонова, Голубовский, Майоров).

Ввиду того, что настоящая политика может привести ее помимо собственного желания к столкновению с п. большевиков, ЦК партии, обсудив это, постановил следующее:

Мы рассматриваем свои действия как борьбу против настоящей политики СН Комиссаров и ни в коем случае как борьбу против большевиков.

Однако, ввиду того, что со стороны последних возможны агрессивные действия против нашей партии, постановлено в таком случае прибегнуть к вооруженной обороне занятых позиций.

А чтобы в этой схватке партия не была использована контрреволюционными элементами, постановлено немедленно приступить к выявлению позиции партии, к широкой пропаганде необходимости твердой, последовательной интерн. и революционно-социалистической политики в Советской России.

В частности, предлагается комиссии из четырех товарищей: Камкова, Трутовского, Карелина... выработать лозунги нашей тактики и очередной политики и поместить статьи в центр. органе партии.

Голосование было в некоторых пунктах единогласное, в некоторых против 1 или при одном воздержавшемся.

М. Спиридонова"(4).

Таким образом, прямых указаний на намерение левых эсеров убить Мирбаха в протоколе от 24 июня нет. Следовательно, протокол, сам по себе, не доказывает причастности ПЛСР к убийству. Более того, в протоколе указано, что время проведения террористических актов будет определено на следующем заседании ЦК ПЛСР. Но до 6 июля,

как известно совершенно точно, такого заседания не было. Из текста протокола следует, что левые эсеры боялись подвергнуться разгрому со стороны большевиков; а однажды упомянутое в протоколе слово "восстание" подразумевало, безусловно, не мятеж против советской власти, а восстание на Украине против германской оккупации. Таким образом нет оснований считать, что ПЛСР готовила выступление против Совнаркома.

Кто конкретно стоял за организацией убийства германского посла? Блюмкин считал, что ЦК ПЛСР. 4 июля, перед вечерним заседанием съезда Советов, он был приглашен "из Большого театра одним из членов ЦК для политической беседы". Член ЦК заявил Блюмкину, что ЦК ПЛСР решил убить Мирбаха, "чтобы апеллировать к солидарности германского пролетариата" и, "поставив правительство перед совершившимся фактом разрыва Брестского договора, добиться от него долгожданной определенности и непримиримости в борьбе за международную революцию". После этого "член ЦК" попросил Блюмкина, как левого эсера, в рамках соблюдения партийной дисциплины, сообщить имеющиеся у него сведения о Мирбахе. Блюмкин считал поэтому, что "решение совершить убийство графа Мирбаха было принято неожиданно 4 июля". Однако на заседании ЦК ПЛСР, где, по сведениям Блюмкина, было принято решение убить посла, Блюмкин не присутствовал. Вечером 4 июля его пригласил к себе все тот же "один член ЦК" и вторично попросил его "сообщить все сведения о Мирбахе", которыми Блюмкин располагал будучи заведующим отделом "по борьбе с немецким шпионажем", причем ему сказали, что "эти сведения необходимы для совершения убийства". Вот тут-то Блюмкин и вызвался убить посла. Заговорщики в ту же ночь решили совершить покушение 5 июля. Однако исполнение акта было отложено на один день, поскольку "в такой короткий срок нельзя было произвести надлежащих приготовлений"(5).

Таким образом, действиями Блюмкина и Андреева, еще одного члена партии левых эсеров, фотографа подведомственного Блюмкину отдела по борьбе со шпионажем, руководил не ЦК ПЛСР, а кто-то, называемый Блюмкиным "один член ЦК". Что это был за член ЦК, Блюмкин не указывает. Но удивительно другое: во время дачи Блюмкиным показаний в киевской ЧК в 1919 году чекисты так и не поинтересовались именем члена ЦК ПЛСР, явного организатора убийства. Возможно, большевики знали, о ком идет речь, но были не заинтересованы в огласке. Кто же был этот член ЦК ПЛСР?

Есть основания полагать, что им был Прошьян, "шутя" предлагавший в марте в разговоре с левым коммунистом Радеком арестовать Ленина и объявить Германии войну. Спиридонова писала о причастности Прошьяна к организации убийства германского посла совершенно открыто: "Инициатива акта с Мирбахом, первый почин в этом направлении, принадлежит ему"(6). Прошьян всегда стоял на левом фланге революционного спектра. Вероятно, именно поэтому он импонировал таким разным людям как Ленин и Спиридонова. Ленин писал о Прошьяне, что тот "выделялся сразу глубокой преданностью революции и социализму", что в нем был виден "убежденный социалист", решительно становившийся "на сторону большевиков-коммунистов против своих коллег, левых социалистов-революционеров". И только вопрос о Брестском мире привел к "полному расхождению" между Прошьяном и Лениным(7).

Прошьян мог воспользоваться постановлением ЦК ПЛСР от 24 июня и самолично организовать убийство Мирбаха. Косвенным доказательством этому может служить тот факт, что имя Прошьяна (и никого больше) упоминается в показаниях Блюмкина в связи с письмами Блюмкина Прошьяну "с требованием объяснения поведения партии после убийства Мирбаха" и "ответными письмами Прошьяна". Что же было в этих письмах, и на каком основании рядовой член левоэсеровской партии предъявлял члену ЦК какие-то требования? "Красная книга ВЧК" на этот вопрос не дает ответа. Этими письмами чекисты тоже не поинтересовались. Но о требованиях Блюмкина к Прошьяну легко догадаться. Оказывается, таинственный член ЦК ПЛСР, с которым договаривался Блюмкин об убийстве Мирбаха, заверил эсеровского боевика, что в задачу ЦК ПЛСР "входит только убийство германского посла". Блюмкин показал:

"Общего вопроса о последствиях убийства графа Мирбаха во время моей беседы с упомянутым членом ЦК не поднималось, я же лично поставил резко два вопроса, которым придавал огромное значение и на которые требовал исчерпывающего ответа, а именно: 1) угрожает ли, по мнению ЦК, в том случае, если будет убит гр. Мирбах, опасность представителю Советской России в Германии тов. Иоффе и 2) гарантирует ли ЦК, что в его задачу входит только убийство германского посла. Меня заверили, что опасность тов. Иоффе, по мнению ЦК, не угрожает... В ответ на второй вопрос мне было официально и категорически заявлено, что в задачу ЦК входит только убийство германского посла с целью поставить советское правительство перед фактом разрыва Брестского договора".

Если встречавшимся с Блюмкиным членом ЦК был Прошьян, становится понятным требование к нему Блюмкина объяснить поведение партии левых эсеров после убийства Мирбаха. Ведь у Блюмкина, пролежавшего 6 -- 7 июля в госпитале, информация о событиях тех дней была лишь из советских газет, где большевики однозначно указывали на восстание, то есть на то, чего по представлениям Блюмкина никак не могло быть. Блюмкин показал:

"В сентябре, когда июльские события четко скомпоновались, когда проводились репрессии правительства против партии левых с.-р. и все это сделалось событием, знаменующим целую эпоху в русской советской революции - даже тогда я писал к одному члену ЦК, что меня пугает легенда о восстании и мне необходимо выдать себя правительству, чтобы ее разрушить".

Но "один член ЦК" запретил, и Блюмкин, подчиняясь партийной дисциплине, послушался. Только в начале апреля 1919, после скоропостижной смерти Прошьяна в декабре 1918, Блюмкин нарушил запрет покойного и явился в ЦК, чтобы раскрыть "тайну" левоэсеровского заговора(8).

Есть и совсем незначительные указания на Прошьяна. Спиридонова писала в записке, переданной уже из тюрьмы арестованной подруге левой эсерке А. Измайлович, что к "N..." -- одному члену ЦК ПЛСР -- Блюмкина отвез ничего не подозревавший Александрович. Прописная буква N", приведенная в источнике, в написанной Спиридоновой записке могла быть русской буквой "П" -- заглавной буквой имени и фамилии Проша Прошьяна(9).

Однако это -- лишь одна гипотеза, одна из возможных линий покушения. И самый серьезный аргумент против тот, что согласно показаниям лидера левых эсеров Саблина Прошьян во втором часу дня находился в здании отряда Попова, в то время как согласно показаниям Блюмкина примерно в это время 6 июля Блюмкин и Андреев находились в "Национале" на квартире у "одного члена ЦК" и получали там бомбы и последние инструкции(10). Правда, Блюмкин не утверждает, что "один член ЦК" был в тот час у себя дома (а Саблин мог ошибиться); но это заставляет искать внутри ПЛСР других заговорщиков. Внешне самые серьезные обвинения падают на Спиридонову. Она дала на себя показания на допросе 10 июля:

"У нас состоялось постановление о необходимости убить германского посла графа Мирбаха, в осуществление принятого нами плана расторгнуть Брестский мирный договор. ЦК партии выделил из себя очень небольшую группу лиц с диктаторскими полномочиями, которые занялись осуществлением этого плана при условии строгой конспирации. Остальные члены ЦК никакого касательства к этой группе не имели. Я организовала дело убийства Мирбаха с начала и до конца [...] С постановлением ЦК партии об убийстве Мирбаха связаны только постановившие и выполнявшие это постановление [...] ЦК партии выделил для приведения в исполнение решения ЦК "тройку", фактически же из этой тройки этим делом ведала я одна. Блюмкин действовал по поручению моему. Во всей исценировке приема у Мирбаха я принимала участие, совместно обсуждая весь план покушения с т.т. террористами и принимая решения, обязательные для всех. Блюмкин должен был говорить с Мирбахом о деле племянника Мирбаха"(11).

Разумеется, этих показаний достаточно для того, чтобы свалить на Спиридонову всю ответственность за убийство Мирбаха, забыв о Прошьяне. Однако есть все основания полагать, что Спиридонова наговаривала на себя лишнее и уж по крайней мере не была тем

"одним членом ЦК", на которого ссылался Блюмкин. Прежде всего, постановления ЦК ПЛСР об убийстве Мирбаха, на которое ссылается Спиридонова, не существовало. На это указывает историк Спириин: "никакого заседания ЦК левых эсеров в ночь на 5 июля 1918 г. не было"(12). Значит, не было именно того заседания, на которое ссылался в разговоре с Блюмкиным "один член ЦК" и о котором, в свою очередь, сообщил Блюмкин на допросе. Блюмкин кроме того указал, что Александрович узнал о предстоящем покушении от самого Блюмкина(13). Между тем, если постановление об убийстве Мирбаха, как утверждала Спиридонова, действительно было вынесено ЦК ПЛСР до 6 июля, Александрович, как член ЦК, не зная об этом не мог. Штейнберг, бывший нарком юстиции, эмигрировавший из советской России и оставивший мемуары, также не упоминает о заседании ЦК и решении убить Мирбаха(14).

Многочисленные указания на непричастность тех или иных активистов ПЛСР к убийству и событиям 6-7 июля имеются даже в советской литературе. Так, по мнению коменданта Кремля Малькова, к ним не имели отношения Устинов и Коллегаев(15). Академик Минц пишет, что "решение о выступлении" ЦК ПЛСР принял "далеко не в полном составе". Гусев, рассказывая о Третьем съезде ПЛСР, открывшемся через четыре дня после заседания ЦК 24 июня, отмечает, что "в решениях съезда прямо не говорилось об убийстве Мирбаха и вооруженном мятеже"(16). Получается, что ни на заседании ЦК ПЛСР 24 июня, ни на съезде ПЛСР, проходившем с 28 июня по 1 июля, ЦК ПЛСР не указал ни сроков террористического акта, ни будущую жертву его, хотя посла убили через несколько дней после заседания ЦК и закрытия съезда. Ни слова не говорилось в постановлении и о планируемом "восстании" против большевистского правительства. Гусев в связи с этим указывает, что "подготовка к мятежу тщательно скрывалась не только от органов советской власти, но и от рядовых членов левозеро-эсеро-партии"(17). Однако, приняв на себя вину по организации убийства, Спиридонова в показаниях 10 июля наотрез отказалась взять на себя ответственность за "восстание", указав, что в "постановлениях ЦК партии" левых эсеров "свержение большевистского правительства ни разу не намечалось"(18).

Спириин указывает, что в те дни "состоялось лишь совещание небольшой группы членов ЦК, созданной еще 24 июня 1918 г. с целью организации убийства представителей германского империализма"(19). Он имеет в виду упомянутое в показаниях Спиридоновой и в постановлении ЦК ПЛСР Бюро из трех человек: Спиридонову, Голубовского и Майорова. Но Майоров, связанный с Украиной и работавший именно там, равно как и Голубовский, своего участия в июльских событиях в Москве никак не проявили. Да и Спиридонова показала, что делом убийства Мирбаха ведала она одна, а Майоров с Голубовским никакого отношения к покушению не имели(20). Тогда по-иному читаются показания Спиридоновой. Если ЦК ПЛСР "сначала выделил очень небольшую группу с диктаторскими полномочиями", если потом из этой группы в три человека двое к событиям отношения не имели, то вся ответственность за организацию убийства Мирбаха действительно падает не на ЦК ПЛСР, повинный лишь в теоретическом одобрении террора в постановлении от 24 июня, а на Спиридонову.

И все-таки есть косвенное указание на то, что не Спиридонова была "одним членом ЦК", с которым встречались Блюмкин и Андреев. Блюмкин упоминает в своих показаниях письмо, написанное им к "одному члену ЦК" в сентябре 1918 г. Но в это время Спиридонова находилась под следствием (и была освобождена только 29 ноября). Поэтому письмо Блюмкина никак не могло быть адресовано ей. А вот в апреле-мае 1919 г., когда давал свои показания явившийся с повинной в киевскую ЧК Блюмкин, Спиридонова находилась на свободе: в ночь на 2 апреля по подложному пропуску она бежала из Кремля, где содержалась под арестом(21). Очевидно, что именно в апреле-мае большевики очень нуждались в свежих обвинениях против Спиридоновой, которую разыскивали по всей стране. И если б "одним членом ЦК" действительно была Спиридонова, большевики, безусловно, заставили бы Блюмкина произнести это имя вслух.

Именами Прошьяна и Спиридоновой не ограничивается список подозреваемых в

организации убийства Мирбаха. Искать их нужно не только среди членов ПЛСР, но и среди левых коммунистов. В этой связи обращает на себя внимание поведение левого коммуниста и председателя ВЧК Держинского. Именно в стенах его Комиссии, с ведома и согласия самого Держинского, в начале июня сотрудником ВЧК Блюмкиным, было заведено дело на "племянника германского посла" -- Роберта Мирбаха. Это было первое "дело" Блюмкина, введенного в ЧК в начале июня на должность "заведующего немецким шпионажем" -- отдела контрразведки "по наблюдению за охраной посольства и за возможной преступной деятельностью посольства". Как показал впоследствии Лацис, "Блюмкин обнаружил большое стремление к расширению отделения" по борьбе со шпионажем "и не раз подавал в комиссию проекты". Однако единственное "дело", которым Блюмкин действительно занимался, было "дело Мирбаха-австрийского", причем Блюмкин "целиком ушел в это дело" и просиживал "над допросами свидетелей целые ночи"(22).

Здесь было где развернуться молодому чекисту. Дело оказалось не банальным прежде всего потому, что Роберт Мирбах, кажется, не был ни только племянником германского посла, но и австрийцем. Насколько позволяют судить источники(23), мирно жил в революционном Петрограде "исполняющий должность члена Совета по хозяйственной части Смольного института" обрусевший барон Р. Р. Мирбах. Увы, почти никаких сведений не просочилось о нем в историю(24). Знать об обрусевшем бароне мог только В. М. Бонч-Бруевич, который в то время имел со Смольным постоянный контакт, в том числе и хозяйственного характера. Можно предположить, что от Бонч-Бруевича через Держинского пришли к Блюмкину сведения о русском Мирбахе. Исчез обрусевший барон, член Совета по хозяйственной части Смольного института, и появился вместо него племянник германского посла, военнопленный австрийский офицер, дальний родственник графа-посла Мирбаха, с которым, посол никогда не встречался. По данным чекистов, Роберт Мирбах служил в 37-м пехотном полку австрийской армии, был пленен, попал в лагерь, но освободился из заключения после ратификации Брест-Литовского мирного договора. В ожидании отъезда на родину он снял комнату в одной из московских гостиниц, где жил до начала июня, когда остановившаяся в той же гостинице шведская актриса Ландстрем неожиданно наложила на себя руки. Было ли это самоубийство подстроено чекистами или нет, судить трудно. ВЧК, тем временем, заявила, что Ландстрем покончила с собой в связи с ее контрреволюционной деятельностью, и арестовала всех обитателей гостиницы. Среди них, дескать, оказался "племянник германского посла" Р. Мирбах.

Дальнейшие действия чекистов, в первую очередь Блюмкина, следует признать находчивыми. Об аресте Роберта Мирбаха ВЧК незамедлительно сообщила датскому консульству, представлявшему в России интересы Австро-Венгрии. 15 июня датское консульство начало с ВЧК переговоры "по делу арестованного офицера австрийской армии графа Мирбаха". Во время этих переговоров чекисты подсказали представителю консульства Евгению Янейке версию о родственности Роберта Мирбаха и германского посла. 17 июня, через день после начала переговоров, датское консульство вручило чекистам документ, которого те так ждали:

"Настоящим королевское датское генеральное консульство доводит до сведения Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, что арестованный офицер Австро-Венгерской армии граф Роберт Мирбах, согласно письменному сообщению германского дипломатического представительства в Москве, адресованному на имя датского генерального консульства, в действительности состоит членом семьи, родственной германскому послу графу Мирбаху, поселившейся в Австрии"(25).

Поскольку первый документ датского консульства датирован 15 июня, а второй -- 17-м, правильно предположить, что письменный ответ германского посольства на запрос датчан был дан 16 июня, сразу после получения датского запроса, и преследовал гуманные цели: в германском посольстве решили посчитать неведомого графа Роберта Мирбаха родственником германского посла в надежде, что это облегчит участь несчастного австрийского офицера и он будет немедленно освобожден, тем более, что выдвинутые

против него обвинения казались Рицлеру несерьезными. Причастность же германского посла к делу "племянника" ограничилась, видимо, данным им разрешением зачислить Роберта Мирбаха в родственники.

В германском посольстве о деле уже забыли. В датском -- ожидали освобождения Роберта Мирбаха из ВЧК. Но прошло больше недели, а Роберта Мирбаха не освобождали. Тогда 26 июня генеральный консул Дании Гакстгаузен обратился в ВЧК с официальной просьбой "освободить из-под ареста австрийского военнопленного графа Мирбаха при условии гарантии со стороны консульства о том, что упомянутый граф Мирбах по первому требованию впредь до окончания следствия [по делу Ландстрем] явится в Чрезвычайную Комиссию"(26).

Однако просьба Гакстгаузена удовлетворена не была. И не случайно: "дело племянника посла" легло в основу досье против германского посольства и лично посла. Основной уликой в руках Блюмкина стал документ, подписанный (добровольно или по принуждению) Робертом Мирбахом: "Я, нижеподписавшийся, германский подданный, военнопленный офицер австрийской армии Роберт Мирбах, обязуюсь добровольно, по личному желанию" сообщить ВЧК "секретные сведения о Германии и германском посольстве в России"(27).

Правда, ни австрийский офицер, ни хозяйственник Смольного не мог считаться "германским подданным" и сообщить чекистам секретную информацию о Германии и германском посольстве в России. Именно по этой причине при переиздании "Красной книги ВЧК" Политиздатом в 1989 году редактор тома проф. А. С. Велидов исправил "германский" на "венгерский", наивно полагая, что чекистами была сделана случайная ошибка(28). Между тем речь шла явной фабрикацией. Само "обязательство" было написано на русском одним человеком. Подпись на русском и немецком -- другим. Г. Аронсон в книге "На заре красного террора" (Париж, 1929) утверждает, что в этой немецкой подписи графом была сделана ошибка, что по мнению Аронсона трудно объяснить иначе как незнанием "племянником" немецкого языка. Возможно, однако, что Роберт Мирбах вообще этого документа не видел, не читал и не подписывал, а подпись подделали сами чекисты. Подписанного текста "обязательства" на немецком языке вообще не существовало.

Все это заставило заволноваться немцев. Германский посол отрицал теперь родственную связь с Робертом Мирбахом, а в фабрикацией "дела" усматривал провокацию. О суете чекистов вокруг германского посольства и о заведенном деле теперь знали даже в Берлине. И вскоре после убийства Мирбаха в советском полпредстве в Германии стало известно, "что германское правительство не сомневается, что граф Мирбах убит самими большевиками"(29). "Покушение готовилось заранее, -- сообщило тогда же в Берлин германское посольство в Москве. -- Дело об австрийском офицере Роберте Мирбахе было только предлогом для работников ВЧК проникнуть к послу кайзера"(30). Сам Блюмкин, однако, отрицал это, утверждая, что "вся организация акта над Мирбахом была исключительно поспешная и отняла всего два дня, промежуток времени между вечером 4-го и полднем 6 июля". Блюмкин привел косвенные тому доказательства: утром 4 июля он передал заведующему отделом по борьбе с контрреволюцией Лацису дело арестованного в середине июня Роберта Мирбаха. "Таким образом, вне всякого сомнения, -- продолжал Блюмкин, -- что за два дня до акта я не имел о нем" представления. Кроме того, как утверждал Блюмкин, его работа в ВЧК по борьбе с немецким шпионажем, "очевидно в силу своего значения, проходила под непосредственным наблюдением" Дзержинского и Лациса, а обо всех своих мероприятиях, как, например, "внутренняя разведка" в посольстве, Блюмкин, по его словам, "постоянно советовался" с президиумом ВЧК, с заместителем наркома иностранных дел Караханом и с председателем Пленбежа Уншлихтом(31).

Однако противоречия в германском донесении и показаниях Блюмкина нет. Вечером 4 июля в заговор вовлекли Блюмкина, но подготовка всего мероприятия могла начаться раньше, в первых числах июня, когда Блюмкину поручили заняться фабрикацией "дела" против германского посольства, отстранив по инициативе большевиков, прежде всего Лациса, от всей остальной работы, чтобы Блюмкин мог сосредоточиться на одном деле. О

том, что в планы стоящих за спиной Блюмкина противников Брестского мира входило убийство, Блюмкин мог не знать до вечера 4 июля, причем его заявление о том, что он работал под непосредственным наблюдением Дзержинского и Лациса, при консультациях с Караханом и Уншлихтом, лишний раз убеждает, что к убийству Мирбаха мог быть причастен кто-то из большевиков.

После убийства Мирбаха Дзержинский попробовал снять с ВЧК ответственность за смерть германского посла. Он утверждал, что в самом начале июля (непонятно, когда именно) Блюмкин был отстранен от ведения дела Роберта Мирбаха. Основанием для отстранения Блюмкина Дзержинский назвал жалобу на произвол Блюмкина, с которой пришли к Дзержинскому за несколько дней до убийства посла Осип Мандельштам и Лариса Рейснер (жена Раскольников). Впрочем, эту часть показаний Дзержинский начал с неточности. Для придания веса разговору о произволе Блюмкина Дзержинский представил все так, будто с жалобой приходил сам нарком Раскольников, а не его жена. Между тем, Раскольников только устраивал встречу Мандельштама и Рейснер(32).

Дзержинский показал, что примерно за неделю до покушения им от Раскольникова и Мандельштама были получены сведения о злоупотреблении Блюмкиным властью -- возможностью подписывать смертные приговоры. Когда услышавший об этом Мандельштам "запротестовал, Блюмкин стал ему угрожать". Сразу же после разговора с Мандельштамом и Рейснер Дзержинский на собрании в ВЧК предложил, по показаниям Дзержинского, "отдел контрразведки распустить, а Блюмкина пока оставить без должности", до получения объяснений от ЦК ПЛСР(33).

На снятие Блюмкина с работы указывал также Лацис, подчеркивавший (правда уже после убийства Мирбаха), что "особенно недолюбливал" Блюмкина и "после первых жалоб на него со стороны сотрудников решил его от работы удалить". За неделю до 6 июля, показывал Лацис, Блюмкин в отделе уже не числился, "ибо отделение было расформировано по постановлению Комиссии, а Блюмкин оставлен без определенных занятий", причем в протоколах заседаний президиума ВЧК должна была быть о том соответствующая запись. Тем не менее в показаниях Лациса Блюмкин назван "заведующим секретным отделом", а не "бывшим заведующим". Выписки из протоколов об исключении Блюмкина "Красная книга ВЧК" не опубликовала, а, наоборот, взяла Блюмкина под свою защиту: убрала из книги компрометирующий лично Блюмкина материал. В заметке "От редактора" указывалось, что "показания Зайцева вовсе не поместили" в виду того, что "свидетель говорит исключительно о личности Якова Блюмкина, причем факты, компрометирующие личность Блюмкина, проверке не поддаются", а "несколько строк из показаний Ф. Э. Дзержинского" опущены, так как передают "рассказы третьих лиц о том же Блюмкине, также не поддающиеся проверке". Большевикам важно было представить Блюмкина (с 1920 года -- коммуниста) не анархистом-авантюристом, а дисциплинированным членом левозероградской партии, совершившим террористический акт по постановлению ЦК ПЛСР.

Расформирование за несколько дней до убийства Мирбаха отдела "немецкого шпионажа" не может казаться случайным. Похоже, что речь шла о простой формальности: Блюмкин выполнял ту же работу, что и раньше. 6 июля в 11 часов утра он получил у Лациса из сейфа дело Роберта Мирбаха, чего, конечно же, никак не могло бы произойти, если бы Блюмкин был отстранен от работы(34). Скорее права Н. Мандельштам, вспоминая, что "жалоба Мандельштама на террористические замашки Блюмкина" была оставлена без внимания. "Если бы тогда Блюмкиным заинтересовались, -- продолжает она, -- знаменитое убийство германского посла могло бы сорваться, но этого не случилось: Блюмкин осуществил свои планы без малейшей помехи"(35).

Блюмкиным не заинтересовались, так как это было не в интересах Дзержинского. Последний, видимо, знал о готовившемся покушении на Мирбаха уже потому, что дважды об этом извещало его германское посольство. Так, примерно в середине июня представители германского посольства сообщили Карахану и через него Дзержинскому "о готовящемся покушении на жизнь членов германского посольства". Дело было передано для

расследования Петерсу и Лацису. "Я был уверен, -- показал позднее Дзержинский, -- что членам германского посольства кто-то умышленно дает ложные сведения для шантажирования их или для других более сложных целей". 28 июня Карахан передал Дзержинскому "новый материал, полученный им от германского посольства, о готовящихся заговорах". Дзержинского, однако, заинтересовали не заговорщики, а имена информаторов германского посольства; и председатель ВЧК сказал германским дипломатам, что, не зная имен информаторов, не сможет помочь посольству в разоблачении готовящихся заговоров. Не удивительно, что Рицлер был после этого убежден, что Дзержинский смотрит "сквозь пальцы на заговоры, направленные непосредственно против безопасности членов германского посольства". Но поскольку Дзержинскому было важно узнать об источнике сведений "о готовящихся покушениях" (т.е. об источнике утечки информации), он через Карахана договорился о личной встрече с Рицлером и Мюллером. Во время состоявшегося разговора Рицлер указал Дзержинскому, что "денег дающие ему сведения лица от него не получают" и информаторам своим он поэтому доверяет. Дзержинский возразил, что "могут быть политические мотивы" и что "здесь какая-то интрига", имеющая целью помешать ему найти "настоящих заговорщиков, о существовании которых, на основании всех имеющихся" данных он не сомневался. "Я опасался покушений на жизнь гр. Мирбаха", показал Дзержинский, но "недоверие ко мне со стороны дающих мне материал связывало мне руки".

Поддавшись на уговоры Дзержинского, Рицлер назвал имя одного из осведомителей и устроил Дзержинскому встречу с другим. Первым информатором была "некая Бендерская". Вторым -- В. И. Гинч, с которым Дзержинский встретился в "Метрополе" в присутствии Рицлера и Мюллера примерно за два дня до покушения. Гинч где-то в начале июня (т.е. тогда, когда началось "дело Роберта Мирбаха") сообщил заведующему канцелярией германского посольства Вухерфенику, что на Мирбаха партией "Союз союзов" готовится покушение. Несколько раз затем он приходил в ВЧК, чтобы сообщить об этом, был даже в отряде Попова, "но его не хотели выслушивать". Рицлер, со своей стороны, получив от Гинча сведения о планируемом террористическом акте, сообщил об этом в НКВД, откуда информация была передана в ВЧК, где предупреждению опять не придали значения. Тогда Гинч вторично предупредил посольство, причем примерно за десять дней до покушения назвал конкретную дату террористического акта -- между 5 и 6 июля, а во время встречи с Дзержинским в "Метрополе" открыто сказал ему, что в деле замешаны некоторые сотрудники ВЧК.

Дзержинский объявил все это провокацией и, покинув "Метрополь", через Карахана затребовал разрешения германского посольства на арест Бендерской и Гинча(36). Немцы на это ничего не ответили, но в первой половине дня 6 июля, незадолго до убийства Мирбаха, Рицлер поехал в НКВД и просил Карахана предпринять что-нибудь, поскольку со всех сторон в посольство приходят слухи о предстоящем покушении на Мирбаха. Карахан указал, что сообщит обо всем в ВЧК.

Ряд косвенных улик говорит за то, что Дзержинский знал о планах убийства Мирбаха Блюмкиным. Так, согласно показаниям Лациса, когда в 3.30 6 июля он, находясь в НКВД, услышал о покушении на посла и отправился в ВЧК, там уже знали, что Дзержинский "подозревает в убийстве Мирбаха Блюмкина". Дзержинского в ВЧК не было, он "отправился на место преступления", откуда Лациса вскоре запросили, закончено ли "дело Мирбаха, племянника посла, и у кого оно находится, ибо оно обнаружено на месте преступления". Только тут Лацис понял, что "покушение на Мирбаха произведено действительно Блюмкиным"(37). Но Дзержинский каким-то образом догадался об этом еще до поездки в посольство.

В самом большом выигрыше от убийства Мирбаха оказался Ленин. О готовившемся акте он скорее всего не знал. Никаких, даже косвенных, указаний на его причастность к покушению нет. Наоборот, Ленину должно было быть очевидно, что провокационное покушение было организовано противниками Брестского мира -- левыми коммунистами и левыми эсерами -- но не партией левых эсеров или же их ЦК (хотя именно так утверждали

затем большевики и историки). Столь же очевидно, что заговор против Мирбаха был задуман как удар по Ленину(38) и что одним из главных организаторов этого удара был глава ВЧК левый коммунист Дзержинский(39).

Но удивительно, что большевики оказались подготовлены к этому неожиданному происшествию, лучше левых эсеров, которые, по заявлению большевиков, этот террористический акт готовили. Так или иначе, с момента первого сообщения о покушении на Мирбаха роль Ленина в разгроме ПЛСР была однозначна: он решил использовать убийство Мирбаха и покончить с партией левых эсеров. Сотрудник советского полпредства в Берлине Г. А. Соломон рассказывает по этому поводу, как вернувшийся в Германию из Москвы вскоре после июльских событий Л. Б. Красин "с глубоким отвращением" сообщил ему, что "такого глубокого и жестокого цинизма" он в Ленине "не подозревал". 6 июля, рассказывая Красину о том, как он предполагает выкрутиться из кризиса, созданного убийством Мирбаха, Ленин "с улыбочкой, заметьте, с улыбочкой" прибавил: "Словом, мы произведем среди товарищей [левых] эсеров внутренний заем [...] и таким образом и невинность соблюдем, и капитал приобретем". Соломон пишет далее, что "в этот свой приезд Красин неоднократно в разговорах" с ним, "точно не имея сил отделаться от тяжелого кошмарного впечатления, возвращался к этому вопросу и несколько раз повторял" ему слова Ленина. К этой теме Красин в беседах с Соломоном возвращался и позже:

"И если бы я не помнил во всех деталях этот разговор с Красиным, если бы и теперь, через несколько лет, передо мной не вставали его глаза, в которые я в упор смотрел в то время, как он, повторяю, с глубоким отвращением передавал мне эти подробности, я не решился бы привести их здесь"(40).

Как справедливо указывает Д. Кармайкл, "внутренним займом" было "обвинение простодушных левых эсеров в убийстве Мирбаха"(41). Но свидетельство Соломона отнюдь не единственное. Вот что пишет в своих воспоминаниях Айно Куусинен (жена Отто Куусинена):

"На самом деле [левые] эсеры не были виновны. Когда я однажды вернулась домой, Отто был у себя в кабинете с высоким бородатым молодым человеком, который был представлен мне как товарищ Сафир. После того, как он ушел, Отто сообщил мне, что я только что видела убийцу графа Мирбаха, настоящее имя которого -- Блюмкин. Он был сотрудником ЧК и вот-вот собирался ехать за границу с важным поручением от Коминтерна. Когда я заметила, что Мирбах был убит [левыми] эсерами, Отто разразился громким смехом. Несомненно, убийство было только поводом для того, чтобы убрать [левых] эсеров с пути, поскольку они были самыми серьезными оппонентами Ленина"(42).

Настолько серьезными, что в местных советах летом 1918 года большевиков по сравнению с мартом снизилось с 66 до 44,8%(43), а на очередном, Пятом, съезде Советов фактическое большинство оказалось у ПЛСР. Необходимо было любым способом укрепить шаткие позиции. Самым простым решением казался арест фракции ПЛСР на съезде Советов и объявление вне закона партии левых эсеров (как это было сделано в июне 1918 г. с эсерами и меньшевиками). Именно так и поступил Ленин 6-7 июля. Можно только подивиться его находчивости и решимости: услышав об убийстве германского посла, обвинить левых эсеров в восстании против советской власти, в восстании, которого не было.

В первые пятнадцать минут после убийства в посольстве царил неразбериха. Полковник Шуберт, глава комиссии по репатриации военнопленных, взял на себя организацию защиты здания, которое довольно скоро превратили в небольшую крепость (немцы не исключали, что покушение на Мирбаха -- начало намеченного революционерами разгрома посольства). Попытки сообщить представителям советской власти о случившемся остались безрезультатными: телефон посольства почему-то не работал (и это вряд ли показалось случайностью). Затем, в начале четвертого, сотрудник посольства Карл фон Ботмер и переводчик Мюллер на посольской машине поехали в наркомат иностранных дел, в гостиницу "Метрополь", к Карахану.

При виде германских дипломатов Карахан вскочил со своего кресла и выбежал в

комнату секретаря(44). Предупрежденный немцами о возможном покушении на германского посла, Карахан по возбужденному виду вошедших понял, что что-то случилось. Вскоре он вернулся в свой кабинет, выслушал пришедших и заверил их, что представители советского правительства немедленно придут в германское посольство. Карахан позвонил Чичерину, тот -- управляющему делами СНК В. Д. Бонч-Бруевичу. Последний спросил, известны ли подробности. Чичерин ответил, что нет(45). Бонч-Бруевич телефонировал о случившемся Ленину и получил приказ поехать с отрядом латышей в германское посольство и обо всем, что узнает, сообщить по телефону. Тем временем Ленин позвонил Дзержинскому и сообщил ему о начавшемся "мятеже"(46).

Затем Ленин вызвал к себе Свердлова; позвонил Троцкому в военный комиссариат и уже по телефону сказал ему, что "левые эсеры бросили бомбу в Мирбаха"(47). Откуда же Ленин узнал, что к террористическому акту причастны левые эсеры? О постановлении ЦК ПЛСР от 24 июня большевики могли не знать (поскольку об этом постановлении не имели представления даже такие левые эсеры, не члены ЦК, как Саблин)(48). О партийной принадлежности и именах террористов мог знать только Дзержинский (и лишь в том случае, если он был соучастником покушения и самолично подписывал мандат Блюмкина и Андреева). Можно предположить, что и в этом случае Дзержинский вряд ли раскрыл бы имя Блюмкина и тем выдал собственное участие в заговоре Ленину. Из подробностей покушения Ленину могло быть известно единственно то, что Мирбах ранен смертельно.

Через несколько минут к Ленину приехали Троцкий и Свердлов(49). А еще через какое-то время пришло сообщение, что Мирбах умер. Важно было "повлиять на характер немецкого донесения в Берлин"(50), поэтому Ленин, Свердлов и Чичерин отправились в германское посольство для выражения соболезнования по поводу убийства посла. Ленин при этом пошутил: „Я уж с Радеком об этом сговаривался. Хотел сказать "Mitleid", а надо сказать "Beileid"”(51). И "чуть-чуть засмеялся, вполтона", собственной шутке; потом "оделся и твердо сказал Свердлову: "Идем". Лицо Ленина "изменилось, стало каменно-серым, - вспоминал Троцкий. -- Недешево давалась эта поездка в гогенцоллернское посольство с выражением соболезнования по поводу гибели графа Мирбаха. В смысле внутренних переживаний это был, вероятно, один из самых тяжелых моментов" в жизни Ленина(52) -- очередная плата за передышку (Троцкий, противник ленинской политики, в посольство ехать отказался -- формула "ни мира, ни войны" этого и не требовала).

Однако в июле 1918 года, когда советская власть переживала серьезнейший кризис, убийство Мирбаха, как бы это ни казалось странным, облегчало положение ленинского правительства. Со смертью Мирбаха разрубался запутаннейший узел советско-германских отношений и открывалась возможность для ликвидации ПЛСР -- разрыва второго, не менее запутанного узла большевистско-левоэсеровских связей. Подготовившись к возможной конфронтации с левыми эсерами в самые первые дни работы Пятого съезда, Ленин, Свердлов и Троцкий с первыми известиями о покушении на германского посла начали принимать "срочные меры по подавлению и ликвидации мятежа"(53), хотя никак не могли еще знать, кто стоит за убийством Мирбаха, тем более, что признаков антиправительственного восстания с чьей бы то ни было стороны не было. Так, комендант Кремля Мальков, находившийся в те часы в Большом театре, писал, что около четырех к нему "подбежал запыхавшийся Стрижак" (комендант Большого театра) и передал приказ Свердлова "немедленно явиться в Кремль". Через пять минут Мальков был в Кремле и "из отрывочных фраз", которыми успел обменяться со встретившимися сотрудниками ВЦИК и Совнаркома, понял, что "левые эсеры подняли мятеж". "Все делалось удивительно быстро, четко, слаженно, - вспоминал Мальков. -- Владимир Ильич и Яков Михайлович тут же на листках блокнотов писали телефонограммы, распоряжения, приказы". Через пять минут в боевую готовность был приведен весь гарнизон Кремля(54). А левых эсеров, находившихся в Кремле в войсках гарнизона и среди служащих, немедленно арестовали.

Первым официальным правительственным объявлением об убийстве Мирбаха стала телефонограмма Ленина, переданная в 4.20 в организации, контролируемые большевиками: в

районные комитеты РКП(б), в районные Советы депутатов города Москвы (где левых эсеров практически не было) и в штабы Красной гвардии. В этой первой телефонограмме Ленин сообщал, что "около трех часов дня брошены две бомбы в немецком посольстве, тяжело ранившие Мирбаха". Ленин указывал, что за покушением стоят "монархисты и провокаторы", пытающиеся втянуть "Россию в войну в интересах англо-французских капиталистов", и требовал "мобилизовать все силы, поднять на ноги все немедленно для поимки преступников", "задерживать все автомобили и держать до тройной проверки"(55).

Таким образом, в официальной телефонограмме Ленина не было упоминания о левых эсерах, в то время как в распоряжениях, переданных конкретным партийным руководителям "мятеж левых эсеров" фигурировал как совершившийся факт. Это расхождение кажется подозрительным и не случайным. Если считать, что Ленин не догадывался о "мятеже" левых эсеров (и указания современников в мемуарах являются недоразумением), кажется удивительным, что он не сообщил о случившемся заседавшему в Большом театре съезду Советов. Если Ленин подозревал левых эсеров, непонятно его указание на "монархистов" и близких "провокаторов".

Смысл ленинских указаний разъясняет Бонч-Бруевич: "Здесь преследовался тактический прием, чтобы не спугнуть [левых] эсеров со своих мест и телеграммой о выступлении их в центре не подстрекнуть на периферии, в уездах их единомышленников к подобным же действиям"(56). Действительно, телеграмма Ленина должна была быть разослана по стране, но в уезды из-за грозы ее передали лишь в 5.30(57). Бонч-Бруевич, однако, не объясняет, почему Ленин не указал на восстание левых эсеров в какой-нибудь особой телефонограмме, предназначенной только для Москвы. Но очевидно -- по той же причине: нельзя было настораживать бездействовавших в Москве и за ее пределами левых эсеров(58). Пока не разработали окончательно плана военного разгрома ПЛСР, не окружили отряд Попова, не арестовали фракцию левых эсеров на съезде Советов, нельзя было говорить левым эсерам, что их рассматривают как восставшую партию. А конкретный план разгрома отряда Попова, аналогичный плану разгрома анархистов 12 апреля, был утвержден большевиками только около 5 часов вечера 6 июля.

До того часа Ленин не считал возможным объявлять о смерти германского посла (хотя за час до передачи первой телефонограммы Ленина, в 3 часа 15 минут, 47-летний граф скончался)(59), но и пытался умолчать о ранении Мирбаха. В черновике телефонограммы постскриптом была вписана зачеркнутая позже фраза: "Сейчас получено известие, что бомбы не взорвались и никто не ранен"(60). В этой попытке представить террористический акт провалившимся был виден тот же смысл: скрыть на какое-то время и от немцев, и от противников Брестского мира правду, поскольку шанс того, что известие о смерти Мирбаха вызовет аплодисменты всех делегатов съезда Советов, от левых эсеров до большевиков, что в порыве революционного энтузиазма съезд одобрит убийство и разорвет Брестский мир -- был слишком велик (как по крайней мере считал Ленин). Чтобы застраховать себя от возможного разрыва съездом Брестского мира, советское руководство решило арестовать левоэсеровскую фракцию съезда еще до того, как она узнает об убийстве германского посла. И это была вторая причина, по которой следовало держать известие о смерти Мирбаха в секрете и не давать понять левым эсерам, что события принимают серьезный оборот, так как посол убит, а Брестский мир, возможно, уже разорван.

В германское посольство первым прибыл вездесущий Радек. За ним последовали Карахан, нарком юстиции Стучка и Бонч-Бруевич, привезший с собой отряд латышских стрелков 9-го полка. Для расследования террористического акта в посольство прибыл Дзержинский, которого Мюллер встретил упреком: "Что вы теперь скажете"? -- и показал ему мандат Блюмкина и Андреева с подписью председателя ВЧК. В удостоверении указывалось:

"Всероссийская Чрезвычайная Комиссия уполномочивает ее члена Якова Блюмкина и представителя Революционного Трибунала Николая Андреева войти в переговоры с господином германским послом в Российской Республике по поводу дела, имевшего

непосредственное отношение к господину послу. Председатель Всероссийской Чрезвычайной Комиссии: Ф. Дзержинский. Секретарь: Ксенофонтов"(61).

Фотография этого документа была опубликована в книге Спирина и в "Красной книге ВЧК". Внешне подпись Дзержинского не выглядит поддельной. Проводилась ли следственной комиссией экспертиза подписи -- сказать трудно. Результаты такой экспертизы, по крайней мере, не попали в руки историков. "Такого удостоверения я не подписывал, -- показал позже Дзержинский, -всмотревшись в подпись мою и т. Ксенофонтова, я увидел, что подписи наши скопированы, подложны. Фигура Блюмкина [...] сразу выяснилась, как провокатора. Я распорядился немедленно отыскать и арестовать его (кто такой Андреев, я не знал)"(62). Ксенофонтову для опровержения собственной подписи понадобилось более трех недель. Только 31 июля он заявил, что "подпись секретаря на сем заявлении подложна: я такого заявления не подписывал"(63).

В пятом часу к главному подъезду здания СНК (бывшее здание Судебных установлений) подъехал личный шофер Ленина Гиль; Ленин, Свердлов и Чичерин сели в машину и поехали в посольство. О прибытии их немцам сообщил Бонч-Бруевич, указавший, что "главы правительства [...] желают официально переговорить с представителями германского посольства". Прибывших пригласили в парадную комнату посольства. Все сели. Ленин, сидя, "произнес краткую реплику на немецком языке, в которой принес извинения правительства по поводу случившегося внутри здания посольства", т.е. не на контролируемой советским правительством территории. Ленин прибавил, что "дело будет немедленно расследовано и виновные понесут заслуженную кару"(64).

"Реплика" Ленина, конечно же, не могла удовлетворить сотрудников германского посольства. По существу, Ленин снял с советских органов какую-либо ответственность за убийство германского посла, указав, что за происшедшее в стенах посольства советская власть не отвечает. Речь свою он произнес сидя. Немцы отметили "холодную вежливость" Ленина(65), но сделать по этому поводу ничего не могли. Члены советского правительства вышли затем во внутренний дворик посольства. В здании остался только Стучка, начавший производить "обследование" места преступления. Результаты этого самого первого расследования так никогда и не были оглашены советской властью. Но одно бесспорно: папка с "делом" Роберта Мирбаха, опрометчиво оставленная террористами в приемной посольства, и мандат ВЧК за подписями Дзержинского и Ксенофонтова, являвшиеся опасными уликами в руках германского правительства, оказались у большевиков.

В это время в ЦК ПЛСР, точнее в здании отряда ВЧК, у Попова, где в перерывах между заседаниями съезда Советов собиралась верхушка левозэсеровской партии, царило спокойствие, хотя "мятежная партия" должна была бы вести себя иначе, тем более, что к первой половине дня 6 июля слухи о предстоящем покушении на Мирбаха дошли не только до предупрежденных немцами Дзержинского (если он не был организатором заговора) и Карахана, но и до некоторых левых эсеров. Александровичу примерно в полдень о предстоящем покушении сообщил Блюмкин. Между часом и двумя о готовящемся акте узнали Прошьян (если, конечно, не он готовил покушение), Карелин, Черепанов и Камков(66).

Между тем террористы, убив Мирбаха, приехали в особняк Морозова в Трехсвятительском (ныне Большом Вузовском) переулке. Кажется, сам Попов не придавал происходящему особого значения. По крайней мере, отряд ВЧК работал как обычно. Попов в момент приезда Блюмкина и Андреева беседовал в своем кабинете с комиссаром ВЧК большевиком и сотрудником отдела по борьбе с преступлениями по должности Абрамом Беленьким, которому и были представлены только что исполнившие террористический акт Андреев и раненый Блюмкин. Из отряда Попова Беленький вскоре уехал и отправился искать Дзержинского. Когда Беленький, наконец, нашел его в германском посольстве в Денежном переулке, шел пятый час(67).

Ленин, Свердлов и Бонч-Бруевич, переговорив с Беленьким, уехали в Кремль. Начали обсуждать, как именно громить левых эсеров. "Дело такое ясное, -- сказал Ленин, -- а вот мы

обсуждали его более часа. Впрочем, ведь [левые] эсеры еще более любят поговорить, чем мы. У них наверно теперь дискуссия в полном разгаре. Это поможет нам, пока Подвойский раскачается", -- смеясь прибавил он(68). Действительно, в ЦК ПЛСР все это время шли споры о том, как реагировать на сообщение Блюмкина об убийстве им германского посла и (как ошибочно считал Блюмкин) Рицлера с Мюллером, и реагировать ли вообще. Между тем, было очевидно, что Блюмкина будут разыскивать, поскольку "выданные ему документы на его настоящее имя", т. е. мандат за подписью Дзержинского и Ксенофонтова, "остались в кабинете у графа Мирбаха". Было ясно, что "в ближайшем же будущем следует ожидать чьего-либо посещения с целью розыска Блюмкина в отряде Попова". Тем не менее в ЦК ПЛСР решено было ждать(69).

В шестом часу вечера в сопровождении трех чекистов-большевиков -Беленького, Трепалова и Хрусталева -- Дзержинский отправился в отряд Попова, чтобы арестовать "Блюмкина и тех, кто его укрывает"(70). К этому времени уже были известны фамилии террористов, и было естественно ожидать, что большевики эти фамилии распубликуют для облегчения розыска. Между тем имена Блюмкина и Андреева держались в секрете вплоть до разгрома ПЛСР. Впервые Блюмкин был назван по имени лишь в официальном сообщении от 8 июля, написанном Троцким. В нем указывалось, что "некий Блюмкин произвел по постановлению" ЦК ПЛСР "убийство германского посла графа Мирбаха"(71). Об Андрееве впервые упомянули 14 июля(72). Но сам Андреев, являвшийся в глазах сотрудников германского посольства фактическим убийцей Мирбаха, исчез.

Ленин, Свердлов и Троцкий, видимо, рассматривали происходящее как совместный заговор ПЛСР и ВЧК. Именно поэтому против ПЛСР по распоряжению Троцкого были двинуты "артиллерия и другие части", ВЧК была объявлена распушенной, Дзержинский с поста председателя ВЧК снят, а на его место назначен Лацис (который должен был по своему усмотрению набрать в Комиссию новых людей). Поскольку в ходе операции по разгрому ПЛСР предполагалось окружить Большой театр, на специально созданную для того должность начальника охраны наружного кольца театра Троцкий назначил Фомина. Петерс и Полукаров должны были арестовать фракцию левых эсеров съезда(73). Лацис тем временем пытался сменить обычный караул у здания ВЧК, состоящий из чекистов, самокатчиками. От Троцкого же, со ссылкой на решение Совнаркома, Лацис получил приказ арестовать всех левых эсеров -- членов ВЧК и объявить их заложниками. В ВЧК в это время находился заместитель Дзержинского левый эсер Загс (Закс), но он настолько искренне недоумевал по поводу происходящего, что Лацис арестовывать его не стал. А вот зашедшего в ВЧК члена коллегии левого эсера М. Ф. Емельянова "немедленно распорядился арестовать"(74) как заложника.

ЦК ПЛСР был извещен об успешном исполнении террористического акта самим Блюмкиным, приехавшим в отряд Попова примерно в три часа дня. Тем не менее до прибытия туда в шестом часу вечера Дзержинского с чекистами Беленьким, Трепаловым и Хрусталевым левые эсеры ничего не предприняли. Если бы ЦК ПЛСР действительно готовил террористический акт, он немедленно сообщил бы о его исполнении делегатам съезда Советов, так как через съезд можно было расторгнуть Брестский мирный договор (к чему и стремились левые эсеры). Вместо этого более двух часов, т. е. с момента приезда Блюмкина и до прибытия Дзержинского в здание отряда ВЧК, ЦК ПЛСР решал, как реагировать на убийство: взять ли ответственность за террористический акт на себя или отмежеваться от него и выдать Блюмкина большевикам.

Ответ на этот вопрос для ЦК не был легок. Многое зависело от того, как поведет себя лидер ПЛСР Спиридонова. Но Спиридонова в качестве политической деятельницы была "несдержанна, неделовита(75), "самолюбива, никого не хотела слушать"(76). Возможно, что именно она настояла на принятии ЦК ПЛСР ответственности за убийство Мирбаха. Д. Кармайкл считает, что Спиридонова сделала это из солидарности со своими партийными товарищами -- Блюмкиным и Андреевым(77). Похоже, что именно так. Даже советская историческая энциклопедия решается обвинять Спиридонову в "моральном руководстве

левоэсеровским мятежом", а не в практическом(78). Левым эсерам просто не оставалось ничего иного, как санкционировать задним числом уже совершенное убийство, тем более, что осуждение покушения на Мирбаха было бы для ПЛСР равносильно политическому самоубийству. В этом случае ЦК левых эсеров пришлось бы не только отмежеваться от убийства и выдать на расправу большевикам членов своей партии, но, главное, признать свою политику в отношении Брестского мира провокационной. Наконец, левым эсерам трудно было вообразить, что большевики подвергнут репрессиям всю партию за убийство одного или трех германских "империалистов".

Большевики переиграли левых эсеров, хотя во всеуслышание утверждали обратное. "Когда по первым непроверенным сведениям, -- указывал Троцкий, -- мы узнали, что речь идет об акте левых эсеров, мы еще были уверены в том, что не только партия", но и ее ЦК "ни в коем случае не захотят и не смогут солидаризироваться с этим актом". Именно поэтому "Дзержинский, узнав о том, что убийцей является Блюмкин, отправился не во фракцию левых эсеров, а в отряд Попова"(79).

Троцкий умолчал, однако, что в здании отряда ВЧК находилось к тому времени большинство членов ЦК ПЛСР, в то время как обезглавленная фракция ПЛСР находилась в самом театре. Большевикам важно было скомпрометировать ЦК партии, а не левоэсеровскую фракцию съезда. К тому же, Троцкий не указал, что после убийства Мирбаха Блюмкин поехал в отряд Попова. И если Дзержинский искал Блюмкина, ему нечего было делать в Большом театре.

Очередное заседание съезда Советов предполагалось открыть в 4 часа. Фракция левых эсеров, еще не знавшая об убийстве Мирбаха, заняла места в правой части партера и лож, но в президиуме съезда было пусто. Вопреки всеобщим ожиданиям, в театр не приехал Ленин. "Заседание не начиналось, -- вспоминает очевидец. -- В зале не был еще дан полный свет. На сцене пустовали столы. Сбоку томились стенографистки. В дипломатической ложе тоже никого не было"(80). В зале находились только немногие лидеры левых эсеров (в том числе Мстиславский и Коллегаев).

Предполагалось, что заседание съезда откроет Свердлов. Но Свердлов так и не открыл его. Вместо этого "он собрал самых доверенных товарищей из находившихся в этот момент в Большом театре" и изложил им план действий. Петерс, ответственный за арест фракции ПЛСР, проинструктированный Свердловым, вышел на сцену и объявил, что помещения за сценой состоится совещание фракции большевиков. Выход -- через оркестр (все остальные двери закрыты). У выхода часовые. мандаты проверяет заместитель секретаря ВЦИК Г. И. Окулова, выпускает только членов большевистской фракции и каждому приказывает отправляться на Малую Дмитровку 6, в школу агитации ВЦИК, где собираются большевики.

Делегаты-коммунисты прошли за сцену, спустились по черному ходу вниз и покинули театр. Левым эсерам было предложено провести свое фракционное собрание "в одном из обширных фойе", поэтому их даже не выпустили из зала. Об убийстве Мирбаха по-прежнему не знали. Кое-кто из левых эсеров начал волноваться, спрашивать, что происходит. Было ясно, что большевики покидают здание, оставляя их, меньшевиков-интернационалистов и беспартийных под охраной внутри, но левые эсеры "ничем на это не реагировали". Чтобы скоротать время Комаров попытался прочитать лекцию о втором интернационале, но его не слушали(81).

Примерно к шести часам вечера была убрана левоэсеровская охрана съезда, театр полностью находился в руках большевиков, окружен еще и внешним кольцом латышских стрелков и броневиков. Только теперь левым эсерам объявили, что они задержаны в связи с событиями в городе. Сразу же пополз слух, что убит Мирбах, что "Большой театр должен стать очагом и центром восстания левых эсеров, которые в количестве 300 человек расположены в левой части партера, вооружены бомбами и ждут сигнала". Люди устремились к выходу. В главном вестибюле образовалась большая толпа, стали требовать выпуска. "Но двери были закрыты, -- вспоминает очевидец, -- спинами к ним стояли красноармейцы, держа винтовки наизготовку и не подпуская к себе желающих уйти. Никому

не позволялось даже стоять на лестницах вестибюля". Все шумели, "препирались с красноармейцами, требовали выпуска, кричали, грозились"(82). Было между 6 и 7 часами вечера(83). Общее число задержанных составило 450 человек (кроме членов ПЛСР задержали и всех прочих делегатов, кроме большевиков). Члены фракции РКП(б), между тем, разбились на группы по 40 -- 50 человек и отправились в районные Советы Москвы для мобилизации сил в городе.

В событиях 6 июля роль Дзержинского была одной из самых важных. С отъездом из Денежного переуллка начиналась, возможно, ее главная часть. Приехавшего в отряд ВЧК Дзержинского встретил Попов и на вопрос председателя ВЧК, "где находится Блюмкин", ответил, что в отряде его нет "и что он поехал в какой-то госпиталь". Дзержинский потребовал, чтобы ему "привели дежурных, которые стояли у ворот и которые могли бы удостоверить, что, действительно, Блюмкин уехал"; но, заметив "шапку скрывавшегося Блюмкина на столе", "потребовал открытия всех помещений"(84).

Шапка, правда, не принадлежала Блюмкину -- головные уборы террористы забыли в посольстве, и Дзержинский, ехавший из посольства, об этом знал. Но ему нужен был предлог для осмотра помещения. С тремя своими спутниками Дзержинский обыскал весь дом, разбив при этом несколько дверей. Блюмкина, конечно же, не нашел, но обнаружил в одной из комнат заседавший в ней в неполном составе ЦК ПЛСР. На этой комнате Дзержинский осмотр здания закончил, "объявил Прошьяна и Карелина арестованными" и заявил Попову, что если тот "не подчинится и не выдаст их", Дзержинский "моментально" пустит "ему пулю в лоб как изменнику"(85). О Прошьяне и Карелине Дзержинский сказал, что один из них должен стать "искупительной жертвой за Мирбаха"(86), т. е. будет казнен.

На что рассчитывал Дзержинский, прибывший в отряд ВЧК с малочисленной охраной "производить следствие по делу Мирбаха", но вместо этого объявивший арестованными двух членов ЦК, собиравшийся расстрелять одного из них, а члену ВЦИКа, члену коллегии ВЧК и начальнику чекистского отряда Д. И. Попову намеревавшийся "моментально пустить пулю в лоб"? Понятно, что такой альтернативе ЦК ПЛСР предпочел "задержание Дзержинского", да иначе и поступить не мог. Ни членов ЦК, ни Блюмкина Дзержинскому решили не выдавать, так как за убийство "империалиста" советская власть никогда никого не наказывала. Сам Блюмкин, судя по его показаниям, в этом вопросе оказался на высоте. Он попросил ЦК привести Дзержинского в лазарет. Правда, Блюмкин был уверен, что советское правительство не может казнить его "за убийство германского империалиста". ЦК, однако, решил не жертвовать Блюмкиным и выполнить его просьбу отказался(87).

Вместо этого в седьмом часу вечера, чтобы "загородить свою партию", к большевикам в осажденный Большой театр отправилась в сопровождении группы матросов из отряда Попова Мария Спиридонова. В ноябре 1918 г. в "Открытом письме ЦК партии большевиков" Спиридонова так объясняла свой очевидно опрометчивый поступок:

"Я пришла к вам 6 июля для того, чтобы был у вас кто-нибудь из членов ЦК нашей партии, на ком вы могли бы сорвать злобу и кем могли бы компенсировать Германию (об этом я писала вам в письме от того числа, переданном Аванесову в Большом театре). Это были мои личные соображения, о которых я считала себя вправе говорить своему ЦК, предложив взять представительство на себя [...] Я была уверена, что, сгоряча расправившись со мною, вы испытали бы потом неприятные минуты, так как, что ни говори, а этот ваш акт был бы чудовищным, и вы, быть может, потом скорее опомнились и приобрели бы необходимое в то время хладнокровие. Случайность ли, ваша ли воля или еще что, но вышло все не так, как я предлагала вам в письме от 6 июля"(88).

Большевики удовлетворили просьбу Спиридоновой и арестовали ее, известив о том, что фракция ПЛСР на съезде Советов задержана. Тем не менее Спиридонова заявила большевикам, что ЦК ПЛСР берет на себя ответственность за убийство германского посла и что Дзержинский задержан. С этой минуты большевики имели полное право обвинять левых эсеров в заговоре. Услышав про арест Дзержинского, Свердлов поехал в Кремль, где информировал обо всем Бонч-Бруевича, а тот -- Ленина. Когда сопровождавшие

Спиридонову матросы Попова вернулись в здание отряда ВЧК и рассказали о задержании Спиридоновой и левоэсеровской фракции съезда, это повергло ЦК ПЛСР в растерянность, "настроение в отряде с каждым известием становилось все более подавленным"(89).

"Для нас было ясно, -- показал впоследствии Саблин, -- что агрессивные действия против нас начаты. Это подтвердилось появлением вблизи отряда Попова патрулей, остановкой автомобильного движения, кроме тех, кто имел специальный пропуск, подписанный Лениным, Троцким, Свердловым"(90).

Но именно арест левоэсеровской фракции съезда во главе со Спиридоновой переполнил чашу терпения Попова и оставшихся на свободе членов ЦК ПЛСР; они решили что-нибудь предпринять. Прежде всего левые эсеры издали "Бюллетень No 1", где сообщили, что в три часа дня "летучим отрядом" ПЛСР "был убит посланник германского империализма граф Мирбах и два его ближайших помощника". В Бюллетене далее говорилось о задержании Держинского, об аресте большевиками фракции ПЛСР на съезде Советов и о взятии Спиридоновой заложницей(91). В то же время в ВЧК прибыла группа матросов из отряда Попова во главе с Жаровым и увела с собой Лациса и еще нескольких большевиков. По дороге освобожденный левыми эсерами Емельянов допытывался у Лациса, кто и почему отдал приказ о его аресте. Лацис молчал. В штабе Попов задал Лацису тот же вопрос: "Кто распорядился арестовать Емельянова". Лацис ответил, что арестовал его по распоряжению Совнаркома. Тогда Попов объявил Лациса задержанным по постановлению ЦК ПЛСР и начал упрекать в том, что большевики заступаются "за мерзавцев Мирбахов", а задерживают тех, кто помог избавиться "от этого мерзавца"(92).

В три часа ночи левые эсеры задержали на автомобиле около Почтамта председателя Моссовета П. Г. Смидовича, показавшего днем позже, что встретили его "изумленно и вежливо" и не обыскали, но все-таки отвели "в качестве заложника в то же помещение, где находилось уже около 20 коммунистов вместе с Держинским и Лацисом". В отряде ВЧК Прошьян объяснил Смидовичу, что его "задерживают как заложника, ввиду того, что по распоряжению Совнаркома задержана Спиридонова и ряд других членов партии" левых эсеров(93).

К утру 7 июля число арестованных левыми эсерами большевиков достигло 27. Но посторонний наблюдатель не мог не обратить внимание на то, что у "мятежников" не сходились концы с концами. 10 июля Смидович указал следственной комиссии, что, по его мнению, "люди эти не управляли ходом событий, а логика событий захватила их, и они не отдавали себе отчета в том, что они сделали. Ни системы, ни плана у них не было"(94). Отряд Попова по существу бездействовал. Это не осталось незамеченным для Вацетиса, который писал что "сведения о восставших были крайне скудны и сбивчивы", "левоэсеровские вожди пропустили момент для решительных действий" и положение большевиков было "весьма прочным". У левых эсеров, по мнению Вацетиса, сил "было мало, особенной боеспособностью таковые не отличались, энергичного и талантливое командира у них не оказалось; если бы таковой у них был, то он и левые эсеры не провели бы в бездействии 6 июля и всю ночь на 7 июля. Кремль для левых эсеров был неприступной твердыней"(95).

Левые эсеры в действительности не помышляли о наступательных акциях. Саблин показал, что в ответ на предложения "об активном поведении по отношению к Совнаркому, предпринимавшему явно враждебные" против ЦК ПЛСР и отряда Попова шаги, "ЦК отвечал заявлениями о необходимости придерживаться строго оборонительных действий, ни в коем случае не выходя из пределов обороны района, занятого отрядом". На эту пассивность левых эсеров и отсутствие каких-либо наступательных действий обратили внимание как западные историки, так и советские. Томан, например, пишет, что "главные силы мятежников находились всего в километре от Кремля и Большого театра, где проходил Пятый съезд Советов"(96) и где была арестована левоэсеровская фракция съезда в 353 человека. Но ни сразу же после убийства Мирбаха, ни позже "восставшие" не пытались атаковать не только Кремль, что можно было бы объяснить военными соображениями, но и Большой театр (для

освобождения арестованных). Все это приводит С. Далинского к выводу, который напрашивается сам собою: действия левых эсеров после убийства Мирбаха "нельзя рассматривать иначе, как самозащиту от большевиков"(97). А левый эсер Штейнберг считал, что "если бы левые эсеры в самом деле готовили восстание против большевистской партии, они действовали бы совсем иначе"(98). Большевики же, используя в качестве формального повода для репрессий убийство Мирбаха и неосторожные шаги Попова, громили партию левых эсеров.

Ночь в Москве прошла спокойно. Активных действий "мятежники" не предпринимали. Редкие перестрелки в городе были привычным явлением. В пять часов утра, как и планировалось, началось наступление латышей. Трудно судить о том, происходили ли военные столкновения между поповцами и латышами на подступах к Трехсвятительскому переулку. Историк Томан считает, что происходили(99). Между тем в ночь с 6 на 7 июля был проливной дождь с грозой. Утром 7 июля был густой туман, "покрывший город серой непроницаемой завесой. Видеть вперед можно было шагов на 15 -- 20, а отличить своих от противников было совершенно невозможно, так как и те и другие были в сером"(100). Какое-то сопротивление отряд Попова, возможно, оказал. Но доказательством упорного сопротивления левых эсеров были бы, конечно, жертвы, понесенные "мятежниками" или латышами. Между тем, в сделанном вечером 7 июля докладе о подавлении "мятежа" Подвойский и Муралов указывали, что раненых и убитых у большевиков -- "единичные случаи"(101). Немногочисленны были жертвы у Попова: к 10 часам утра 7 июля его отряд потерял 2-3 человека убитыми и 20 ранеными.

О слабом сопротивлении "восставших" говорило и то, что они пробовали вступить с большевиками в переговоры: вскоре после начала наступления большевистских частей Попов попробовал уладить конфликт мирным путем. Четверо парламентариев из отряда Попова пришли в дивизию, указали, что отряд стоит "за советскую власть во главе с Лениным" и ему "совершенно неясны и непонятны причины восстания".

Латыши запросили Вацетиса, но тот приказал парламентариев прогнать. О происшедшем доложили Троцкому, и Склянский начал переговоры с левыми эсерами. Их вел вышедший из особняка Морозова Саблин. Большевики предъявили левым эсерам ультиматум, срок которого истек в 11.30. Обсуждавший в особняке Морозова условия ультиматума левозеровский актив отказался сдаться и попробовал улизнуть из осажденного здания. Именно в этот момент, видимо по истечении срока ультиматума, Склянский приказал командиру батареи латышских стрелков Э. П. Берзину начать обстрел, прямой наводкой с двухсотметрового расстояния. За несколько минут по обоим домам, в которых засели левые эсеры, было выпущено "16 снарядов с замедлителями, которые великолепно пробивали стены и разрывались внутри". Всего было выпущено 55 -- 60 снарядов. После артобстрела сопротивления со стороны отряда Попова уже не было(102). Из заложников-большевиков во время обстрела никто не пострадал. Через 15 -- 20 минут после начала атаки Дзержинский уже находился среди артиллеристов латышского дивизиона. Жертв было мало. У латышей -- один убит и трое ранены. В отряде Попова в результате артобстрела погибли 14 человек и ранены были 40(103).

7 июля, независимо от участия в "восстании", левых эсеров арестовывали во всем городе на основании приказа специально созданной для разгрома ПЛСР Чрезвычайной пятерки, в которую, видимо, входили Ленин, Троцкий, Свердлов, Подвойский и Муралов. В войска рассылались политические комиссары из числа большевиков, образовывались революционные комитеты. В полдень 7 июля все было кончено: отряд Попова был разбит и бежал к Курскому вокзалу. Вацетис был награжден денежной премией: "Вы разгромили одну из самых больших политических комбинаций и не знаете, кого вы громили", -- сказал Троцкий двусмысленно, вручая Вацетису пакет с деньгами(104).

В 4 часа дня Совнарком объявил населению, что "восстание левых эсеров в Москве ликвидировано", а "левозеровские отряды" обратились в бегство. Общее число арестованных достигло в Москве 444 человек(105). Когда вечером 7 июля Мальков доложил

Ленину о результатах операции по преследованию левых эсеров, Ленин выслушал доклад внимательно, но спокойно, без особого интереса. "Было очевидно, что для него левоэсеровский мятеж уже прошлое"(106).

7 июля приказом члена президиума Моссовета Фельдмана всех левых эсеров, занимавших ответственные посты, сместили и заменили большевиками(107). В тот же день СНК образовал особую следственную комиссию в составе Стучки, члена ВЦИК и члена следственного отдела Ревтрибунала при ВЦИК В. Э. Кингисеппа и председателя Казанского совета и делегата Пятого съезда Я. С. Шейнкмана(108). Следователем комиссии назначалась Розмирович. В комиссию поступали все документы и материалы, относившиеся к событиям 6 -- 7 июля, а также сведения об арестах. Освобождение арестованных производилось только с ведома комиссии(109).

Когда утром 7 июля в театр прибыл Каменев, левые эсеры потребовали немедленного освобождения и прекращения огня с обеих сторон. Спиридонова обвинила большевиков в насилии. Ее поддержал Колегаев, заявивший, что партия большевиков нарушала конституционные права. Каменев ответил, что речи о конституционных правах быть не может, так как "идет вооруженная борьба за власть", во время которой действует лишь один закон -- "закон войны", и задержанные "вовсе не являются сейчас фракцией Пятого съезда Советов или ВЦИКа, а членами партии, поднявшей мятеж против советской власти"(110).

Беседа не дала результатов. Нужно было как-то провести день, и арестованные устроили концерт самодеятельности. В ночь на 8 июля большевики провели регистрацию арестованных, причем у всех конфисковали оружие. Спиридонову подвергли обыску и револьвер забрали насильно. 8 июля Свердлов, Троцкий и Ленин (именно в таком порядке стояли подписи)(111) постановлением ЦК РКП(б) решили "произвести в течение ночи с 8 на 9 выяснение отношения делегатов V съезда л[евых] эсеров к авантюре". Все материалы подлежали передаче в следственную комиссию. За заполнением этой анкеты (которая называлась "Вопросы особой следственной комиссии") левые эсеры провели третью ночь своего заточения. Историк Спирин насчитал в архиве 173 такие анкеты. Примерно 40% делегатов, по его сведениям, осудили убийство Мирбаха; половина дала уклончивый, неопределенный ответ, а остальные отказались отвечать. Подавляющее большинство арестованных делегатов высказалось против войны с Германией, считая, что советская Россия к этой войне еще не готова(112). После всего, становилось ясно, что съезд Советов не разорвал бы Брестской передышки, как того опасался Ленин.

Поскольку в Большом театре 9 июля намечалось возобновление работы съезда, левых эсеров поместили в Малый театр. Лишенные права участвовать в заседаниях, исключенные из правительства, частью арестованные, политически уничтоженные, левые эсеры уже не были опасны большевикам. 9 июля Троцкий объявил о том, что партия левых эсеров "совершила окончательное политическое самоубийство" и "уже не может воскреснуть"(113). В тот же день съезд Советов, на котором остались фактически одни большевики, потребовал "суровой кары для преступников" и заявил, что левым эсерам "не может быть места в Советах"(114). Все это позволило Свердлову уже 10 июля заверить большевистских делегатов Пятого съезда, что большинство арестованных "завтра, самое позднее послезавтра будут освобождены как явно непричастные к выступлениям". Большевики уже не обвиняли в восстании против советской власти всех левых эсеров, как партию.

Помягчение отношения советского правительства к ПЛСР 10 июля, возможно, имело свою целью расколоть левых эсеров. Так, Свердлов в речи во ВЦИК указал, что из ВЦИКа не будет исключены только те члены ПЛСР, которые "подадут заявления о своей несолидарности с действиями" ЦК(115). В целом, маневр Свердлова был успешен: 15 июля "целый ряд организаций сделал соответствующие заявления"(116). 18 июля Московский областной совет исключил из своего состава всех левых эсеров (их было десять человек), членов Исполкома, отказавшихся осудить убийство Мирбаха. По аналогичным причинам исключения подверглись эсеры Московского городского и районных Советов. Тогда же Московский губернский совет постановил "считать фракцию левых эсеров исключенной в

целом", а левых эсеров Филиппова и Павлова, "выразивших осуждение авантюры" и "свою солидарность с партией пролетариата, считать полноправными членами президиума"(117). Здесь тоже с успехом была применена тактика раскола. К концу июля ПЛСР сдала практически все позиции в управлении страной.

Из большевиков под подозрением оставался только Дзержинский. Задержание его левыми эсерами не снимал с повестки дня вопрос о причастности Дзержинского к убийству германского посла. Показания Дзержинского о его связях с германским посольством были весьма сумбурны, а оправдательные аргументы -- сомнительны(118). Дзержинский, например, утверждал, что осведомители германского посольства Гинч и Бендерская были провокаторами, но замалчивал, что информация их была достоверной, и не уточнял, на кого эти "провокаторы" работали. Между тем очевидно, что Гинч и Бендерская не сотрудничали с большевиками или ВЧК. По делу об убийстве Мирбаха они к суду не привлекались и вряд ли работали на левых эсеров. Они, очевидно, были информаторами германского посольства. Но поскольку по договоренности с немцами ВЧК не могла арестовывать осведомителей Мирбаха, Бендерскую и Гинча арестовали лишь 6 июля, вскоре после убийства германского посла¹⁴⁹, когда, судя по всему, чекисты уже не боялись действовать вопреки интересам германского посольства. Материалы дознания по делу этих осведомителей опубликованы не были, а сами Гинч и Бендерская в тот же день навсегда исчезли из поля зрения и немцев, и большевиков.

Подозрения, павшие на Дзержинского, заставили Свердлова, Троцкого и Ленина, во избежание невыгодных разоблачений, снять Дзержинского с поста председателя ВЧК. Вопрос об этом рассматривался на специальном заседании ЦК РКП(б). 7 июля Дзержинский подал официальное заявление в СНК об освобождении его от должности ввиду того, что он является "одним из главных свидетелей по делу об убийстве германского посланника графа Мирбаха"(119). Видимо для того, чтобы несколько успокоить немцев, постановлению о снятии Дзержинского придали демонстративный характер: оно "было напечатано не только в газетах, но и расклеено всюду по городу"(120). Временным председателем ВЧК назначался Петерс. Коллегия ЧК объявлялась распущенной и в недельный срок должна была быть реорганизована. Все те, кто "прямо или косвенно были прикосновенны к провокационно-азефской деятельности" Блюмкина, подлежали "устранению"(121). Правда, снятие Дзержинского, было фикцией. Как вспоминал шесть лет спустя Петерс, Дзержинский фактически "оставался руководителем ВЧК, и коллегия была сформирована при его непосредственном участии"(122).

14 июля газеты сообщили о расстреле В. А. Александровича. Его арестовали днем 7 июля "при попытке сесть в автомобиль и удрать"(123). Перед расстрелом с Александровичем долго наедине разговаривал Петерс. Тот показал, что, как член ЦК ПЛСР, подчинялся партийной дисциплине, и это было его единственное оправдание. "Он плакал, долго плакал, - вспоминал Петерс, -- и мне стало тяжело, быть может потому, что он из всех левых эсеров оставил наилучшее впечатление"(124). На допросе Александрович сказал, что отданные им приказы, в частности об аресте Лациса и Петерса, основывались на указаниях ЦК ПЛСР. На остальные вопросы он отвечать отказался(125). В ночь на 8 июля он был застрелен, видимо, лично Дзержинским(126), причем не исключено, что Александровича расстреляли "для удовлетворения требований немцев"(127), т. е., сделали из него "искупительную жертву", принесенную германскому правительству. Может быть, именно поэтому уже казненному Александровичу большевики пели дифирамбы. "Он был революционер, и мне рассказывали, что он умер мужественно", проронил Троцкий на съезде 9 июля. "Александровичу я доверял вполне, -- указывал Дзержинский, "всегда почти он соглашался со мною", "это меня обмануло и было источником всех бед. Без этого доверия я [...] не поручил бы ему расследовать жалобы, поступавшие иногда на отряд Попова, не доверял бы ему, когда он ручался за Попова в тех случаях, когда у меня возникли сомнения в связи со слухами о его попойках. Я и теперь не могу примириться с мыслью, что это сознательный предатель, хотя все факты налицо и не может быть после всего двух мнений о нем"(128).

Коварный Александрович обманул доверчивого Дзержинского. За это доверчивый Дзержинский коварного Александровича расстрелял. Только кто же поверит в наивность Дзержинского? Уж по крайней мере не арестованная Спиридонова. "Александрович в этот день только по Блюмкину догадался, что затевается акт против Мирбаха, -- писала она в ноябре 1918 г., -- и события завертели его раньше, чем он успел опомниться. Мы от него скрывали весь мирбаховский акт, а другого ведь ничего и не готовилось. Он выполнял некоторые наши поручения, как партийный солдат, не зная их конспиративной сущности. О других расстрелянных и подавно нечего говорить"(129).

До окончания разгрома ПЛСР 6 и 7 июля один из главных инициаторов расправы с левыми эсерами -- Ленин -- был хладнокровен и жесток. Но очевидно, он не мог не испытывать душевного неудобства, поскольку в соответствии с его приказами артиллерийским огнем прямой наводкой расстреливались партийные друзья большевиков, вчерашние союзники, поговаривавшие о слиянии с РКП(б), преданные революции левые эсеры. Только этим можно объяснить странный факт приезда Лениным вечером 7 июля в особняк Морозова, где отсиживались левые эсеры(130). Вместе с Крупской, единственной свидетельницей столь странного для Ленина поступка, он ходил по комнатам разрушенного дома в Трехсвятительском переулке, дробя подошвами ботинок куски лежавшей на полу обвалившейся штукатурки и разбитого стекла. Он молча думал и скоро попросил увезти его обратно в Кремль(131).

10 июля особая следственная комиссия приступила к расследованию террористического акта и "восстания" левых эсеров. Убийц Мирбаха комиссия найти не пыталась. Об Андрееве все странным образом забыли. В постановлении Пятого съезда Советов, принятом 9 июля по докладу Троцкого, -- "Об убийстве Мирбаха и вооруженном восстании левых эсеров" -- упоминался только Блюмкин, тоже не арестованный. По этому поводу германским правительством неоднократно посылались протесты, что "убийство графа Мирбаха не было искуплено соответствующими карами виновников и конспираторов преступления", а террористы "не были задержаны"(132).

За неимением убийц Мирбаха, Особая следственная комиссия, располагавшая лишь признанием Спиридоновой, пыталась убедить кого-нибудь из руководителей ПЛСР "пожалеть Спиридонову, которая, как мученица, взяла все на себя" и признаться в заговоре ЦК(133); однако ЦК ПЛСР, вообще отказался принять на себя ответственность за столкновения 6 -- 7 июля, и утверждал, что "не руководил этими военными действиями"(134). Не добившись признаний от членов ЦК ПЛСР, комиссия стала допрашивать прочих участников "мятежа" -- рядовых левых эсеров и бойцов отряда Попова, которые также отрицали факт "восстания" и намерение свергнуть советскую власть(135). Всего особая следственная комиссия допросила около 650 человек, но ее выводы полностью разошлись с заявлениями Свердлова, Ленина и Троцкого о "восстании против советской власти". Из показаний членов отряда Попова со всей очевидностью следовала абсурдность обвинений в восстании. Выслушав признания сотен участников "восстания", члены комиссии подтвердили их невиновность. Кингисепп писал по этому поводу, что "значительная часть вооруженных сил Трехсвятительского Пьемонта(136) находилась в полном неведении и непонимании происходящего даже 7 июля, когда среди них разрывались снаряды. Все финны в составе более двух рот так и были убеждены, что они защищаются против австро-германцев, которые, облачившись в красноармейские мундиры, восстали для свержения советской власти"(137).

Если к подобным выводам приходили члены комиссии -- большевики, что же оставалось думать левым эсерам. Выступавший от их имени 15 июля на заседании ВЦИК Светлов был в полной растерянности и недоумении. Он указал на безосновательность обвинений ПЛСР в попытке свержения советской власти и поставил под сомнение причастность партии в целом к убийству Мирбаха, указав, что результаты расследования, произведенного следственной комиссией, еще не обнародованы, и "более спокойная оценка того, что произошло" побуждает "откинуть квалификацию действий" ЦК ПЛСР "как

попытку захвата или свержения советской власти". "Здесь совершенно определенно был террористический акт", сказал Светлов, "попытки захвата или свержения советской власти не было"(138).

Следственная комиссия, фактически, пришла к аналогичному заключению. Но таких результатов расследования больше всего опасались руководители РКП(б). Поэтому комиссию, только что начавшую работу, спешно распустили. Стучку в начале сентября послали в Берлин. Шейнкмана вернули в Казань (где 8 августа он был расстрелян освобожденными город Бельми)(139). 13 сентября коллегия наркомата юстиции вынесла постановление о передаче дела в следственную комиссию Ревтрибунала при ВЦИК. Но дальнейшее расследование по существу прекратилось, хотя главный обвиняемый -- Блюмкин -- еще не был заслушан. Свои показания об июльских событиях он дал только в апреле-мае 1919 г. На вопрос о восстании левых эсеров Блюмкин ответил:

"Я знаю только одно, что ни я, ни Андреев ни в коем случае не согласились бы совершить убийство германского посла в качестве повстанческого сигнала. Обманул ли нас ЦК и за нашей спиной произвел попытку восстания? Я [...] знаю, что подобного действия он не мог совершить. Партию [...] всегда занимала мысль о том, что необходимо во что бы то ни стало объединиться с коммунистами. Все сознательные работники и такие члены партии, как М. А. Спиридонова, тогда искали этого объединения и если не нашли его, то не по своей вине. В Трехсвятительском пер. 6-го и 7-го, по-моему, осуществлялась только самооборона революционеров. Да и ее не было бы, если бы ЦК [ПЛСР] согласился меня выдать власти. [...] Восстания не было [...] Убийство Мирбаха завершилось совершенно неожиданными политическими последствиями. Из акта протеста против вожелений германского империализма, из акта революционной самозащиты Советской России убийство Мирбаха было превращено в акт партийной вражды левых эсеров с коммунистами и в действие, враждебное советской власти. Мало того, этот акт был истолкован советской властью как сигнал к восстанию левых эсеров против нее. Вместо выступления против германского империализма он был превращен в вооруженное столкновение двух советских партий"(140).

В 1922 году было впервые опубликовано письмо Спиридоновой, написанное 17 июля 1918 года, тоже отрицающее заговор против советской власти и восстание:

"Газеты читаю с отвращением. Сегодня меня взял безумный хохот. Я представила себе -- как это они ловко устроили. Сами изобрели "заговор". Сами ведут следствие и допрос. Сами свидетели и сами назначают главных деятелей -- и их расстреливают [...]. Ведь хоть бы одного "заговорщика" убили, а то ведь невинных, невинных. [...] Как их убедить, что заговора не было, свержения не было [...]. Я начинаю думать, они убедили сами себя, и если раньше знали, что раздувают и муссируют [слухи], теперь они верят сами, что "заговор" [был]. Они ведь маньяки. У них ведь правозэсеровские заговоры пеклись как блины"(141).

Однако и Блюмкина, и Спиридонова со своими признаниями опоздали. 6 июля началось стремительное падение партии левых эсеров, от которого она уже не оправилась. Если на Пятом съезде Советов ПЛСР располагала более чем 30% всех мандатов, то на Шестом, состоявшемся всего лишь через четыре месяца, левые эсеры владели лишь одним процентом голосов, 98% депутатских мест принадлежали теперь большевикам, причем члены левоэсеровской партии винули в июльских событиях самих себя и ЦК собственной партии; комплекс того, что большевики были преданы ими в критический для коммунистической революции момент, не покидал многих левоэсеровских лидеров, а низы партии, критикуя ЦК ПЛСР, встали на позиции большевизма.

Убийство германского посла удивительным образом на сутки сплотило расколотых до того брестским вопросом большевистских руководителей: Ленина, Троцкого и Свердлова. Находчивыми и решительными действиями они разгромили своего главного политического противника -- партию левых эсеров и фактически ликвидировали фракцию левых коммунистов, молчаливо склонивших голову перед угрозой новых "антисоветских" выступлений (в чем была обвинена ПЛСР). Это не означало, однако, что актив большевистской партии смирился с "тильзитским" миром. В июле-августе 1918 года резче,

чем когда-либо, проступила угроза личной власти Ленина. На политическом горизонте вырисовывалась фигура нового партийного руководителя: не оратора и идеолога, каким был Троцкий, и не авторитетного вождя, кем был Ленин; а незаметного партаппаратчика, функционера, известного лишь в узких кругах партии -- фигура Я. М. Свердлова.

Председатель ВЦИК, член ЦК, секретарь ЦК, Свердлов постепенно сосредотачивает в своих руках всю партийную работу. Его подпись чаще других мелькает под документами. С июля 1918 года он подписывается титулами: секретарь ЦК РКП(б) или даже просто "секретарь"; "за секретаря" подписывается К. Новгородцева -- жена Свердлова; все чаще и чаще на места идут письма от имени "Секретариата ЦК" (а не ЦК, как это было принято до августа 1918 и после сентября 1918 г.). 26 августа 1918 года Свердлов направляет письмо Вологодскому комитету РКП(б), подписав его новым титулом: "Председатель ЦК РКП Я. Свердлов"(142). Иными словами, за несколько недель до покушения на Ленина Свердлов принимает на себя функции, которые через несколько лет перейдут его приятелю по ссылке в Туруханском крае, еще одной серой ломовой лошадке революции -- Иосифу Сталину. Функции генерального секретаря партии.

Примечания

1. Дантоны и Робеспьеры русской революции. Из истории левозсеровского мятежа. Публ. Я. Леонтьева. -- Независимая газета, 26 июля 1996 г., с. 5.
2. Красная книга ВЧК, т. 1. Изд. 2-е, уточненное. Политиздат, 1989. Первое издание книги вышло в 1920 году и было немедленно конфисковано. До переиздания книги в 1989 году историки могли пользоваться лишь машинописной копией книги, хранящейся на микрофильме в главных архивах США.
3. К. Гусев. Крах партии эсеров. М., 1963, с. 193 -- 194; И. И. Минц. Год 1918-й. М., 1982, с. 408 -- 409.
4. Красная книга ВЧК, с. 185-186.
5. Там же, с. 295-298, 308.
6. М. Спиридонова. Прошь Прошьян. К биографии Прошьяна. -- ж-л. Каторга и ссылка, кн. 9, М., 1924, с. 222.
7. Ленин. Памяти Прошьяна. Правда, 20 декабря 1918 г.
8. Красная книга ВЧК, с. 295-309.
9. См. Кремль за решеткой. (Подпольная Россия.) Изд. Скифы, Берлин, 1922, с. 13.
10. Красная книга ВЧК, с. 271, 299.
11. Там же, с. 268-269.
12. Л. М. Спирин. Крах одной авантюры. (Мятеж левых эсеров в Москве 6 -- 7 июля 1918 г.) М., 1971, с. 85.
13. Красная книга ВЧК, с. 298-299.
14. См. неопубликованную рукопись Штейнберга, хранящуюся в архиве Гуверовского института: I. Steinberg. The Events of July 1918, p. 1, а также брошюру Штейнберга: Socialist Russia. The Events of July 1918, Geneva, 1918, 70 pp.). Наличие восстания Штейнберг отрицал и в написанной им биографии Марии Спиридоновой, вышедшей на английском языке в 1934 г.
15. П. Мальков. Записки коменданта Кремля. М., 1967, с. 216 -- 217.
16. Гусев. Крах партии эсеров, с. 195.
17. Там же, с. 193.
18. Красная книга ВЧК, с. 269.
19. Спирин. Крах одной авантюры, с. 85.
20. К 1996 году некоторые российские историки уже "пришли к выводу, что контрреволюционный антисоветский и антибольшевистский мятеж [левых эсеров] не был ни контрреволюционным, ни антисоветским, ни антибольшевистским. Более того, „мятеж" не был мятежом". (Левые эсеры и ВЧК. Сборник документов. Казань, 1996, с. 10).
21. Подробнее о Спиридоновой см. Ю. Фельштинский. Вина и расплата. -газ. Новое русское слово, 4 декабря 1982 г.

22. Красная книга ВЧК, с. 264.
23. М. П. Ирошников. Создание советского центрального государственного аппарата. Совет народных комиссаров и народные комиссариаты, октябрь 1917 -январь 1918 г. Изд. 2-е. Л., 1967, с. 73.
24. Согласно адресной книге "Весь Петроград на 1916 г." барон Роман Романович Мирбах в 1916 г. проживал на Фурштадской, 9 и был чиновником особых поручений при Главном управлении собственной его императорского величества канцелярии по учреждению императрицы Марии. (Весь Петроград на 1916 год. Адресная и справочная книга г. Петрограда, двадцать третий год издания, под ред. А. П. Шашковского, с. 448.) Проследить дальнейшее местопребывание Р. Р. Мирбаха не удастся: в послереволюционных адресных книгах он уже не числится. Катков, впрочем, указывает в своей статье, что "по слухам племянник германского посла" проживал потом во Франции. Но это были только слухи, никем не проверенные.
25. Красная книга ВЧК, с. 197.
26. Там же, с. 198.
27. Там же, с. 200.
28. Там же.
29. Соломон. Среди красных вождей, с. 81. Переиздана в Москве в 1995 г. (по переизданию: с. 55).
30. Цит. по кн. Спирин. Крах одной авантюры, с. 75.
31. Красная книга ВЧК, с. 297.
32. Н. Мандельштам. Воспоминания. Нью-Йорк, 1970, с. 112 -- 113.
33. Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии, 1917 -- 1921 гг. Сб. док. М., 1958, с. 154.
34. Красная книга ВЧК, с. 264, 183, 261.
35. Н. Мандельштам. Воспоминания, с. 113.
36. Из истории ВЧК, с. 151 -- 154. По соглашению с германским правительством ЧК не имело права арестовывать сотрудников германского посольства (хоть и советских граждан) без санкции посольства. Ответа на свой запрос об аресте Дзержинский получить не успел.
37. Красная книга ВЧК, с. 261.
38. М. Геллер, А. Некрич. Утопия у власти. Изд. 2-е, 1986, с. 69. Глава написана М. Геллером.
39. Подробнее об этом см. Ю. Г. Фельштинский. Большевики и левые эсеры. Октябрь 1917, июль 1918. На пути к однопартийной диктатуре. Париж, 1985, с. 164-257; Ю. Фельштинский. Крушение мировой революции. Брестский мир. Октябрь 1917 - ноябрь 1918. М., изд. Терра, 1992, с. 432-512.
40. Соломон. Среди красных вождей, с. 83 (по переизданию: с. 56-57).
41. Д. Кармайкл. Троцкий. Иерусалим, 1980, с. 143.
42. O. Kuusinen. Before and After Stalin. 1974, pp. 36-37.
43. Л. М. Спирин. Классы и партии в гражданской войне в России. 1917--1920 гг. М., 1968. С. 29, 174.
44. Ботмер. С графом Мирбахом в Москве, с. 80.
45. В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине. Изд. 2-е, дополненное. М., 1969, с. 299.
46. См. Ф. Э. Дзержинский. Избранные статьи и речи. М., 1947, с. 112, прим. ред.
47. Троцкий. О Ленине, с. 117.
48. Красная книга ВЧК, с. 270.
49. Троцкий. О Ленине, с. 118.
50. Там же.
51. Mitleid и Weileid -- близкие по смыслу слова. Но первое скорее переводится как "симпатия", а второе как "соблезнование".
52. Троцкий. О Ленине, с. 118 -- 119.

53. Дзержинский. Избранные статьи и речи, с. 112, примечание; Свердлов. Яков Михайлович Свердлов, с. 362.
54. Мальков. Записки коменданта Кремля, с. 208, 209; Спирин. Крах одной авантюры, с. 40; Б. А. Томан. За свободную Россию, за свободную Латвию. Латышские стрелки и красноармейцы в первый год советской власти. М., 1976, с. 180.
55. Записки института Ленина, т. 3. М., 1928, с. 42; Ленин. ПСС, т. 50, с. 112 -- 113.
56. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, с. 308.
57. Сообщение телефонистки Борисовой. Опубл. в кн.: Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, с. 308.
58. Позже к обширным инструкциям районным Советам Москвы о разгроме ПЛСР была сделана приписка: "Настоящее объявление не подлежит пока опубликованию, а предназначается исключительно для внутреннего употребления" (Красная книга ВЧК, с. 243).
59. Спирин. Крах одной авантюры, с. 14.
60. На эту зачеркнутую строчку историки не обратили должного внимания. Она приводится лишь в одном издании работ Ленина: "Записках института Ленина", т. 3, с. 42.
61. Красная книга ВЧК, с. 195.
62. Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии, с. 155.
63. Красная книга ВЧК, с. 195-196.
64. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, с. 303 -- 304.
65. G. Hilger, A. Meyer. The Incompatible Allies. A Memoir-History of Soviet German Relations 1918-1941. New York, 1953, p. 7.
66. Красная книга ВЧК, с. 271.
67. С. Г. Тихомолов. Восемь лет с Дзержинским. В кн.: О Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. Воспоминания, статьи, очерки современников. М., 1977, с. 139.
68. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, с. 309.
69. Красная книга ВЧК, с. 271.
70. Спирин. Крах одной авантюры, с. 15.
71. Известия ВЦИК, 8 июля 1918.
72. Там же, 14 июля 1918.
73. Я. Петерс. Воспоминания о работе ВЧК в первый год революции. Былое, No 2, 1933 (Париж), с. 107 -- 108; Красная книга ВЧК, с. 261-262.
74. Там же.
75. Р. Локкарт. Буря над Россией. Исповедь английского дипломата. Рига, 1933, с. 288.
76. Мальков. Записки коменданта Кремля, с. 216.
77. J. Carmichiel. Trotsky. An Appreciation of His Life. New York, 1975, p. 498.
78. Советская историческая энциклопедия, т. 13. М., 1971, с. 751, статья "Спиридонова".
79. Л. Троцкий. Сочинения. М., 1923 -- 1927, т. 17, ч. 1, с. 467-468.
80. Прожектор, No 27 (145), 1928, с. 12. 6 июля -- в Большом театре. За подписью "Е."
81. Свердлов. Яков Михайлович Свердлов, с. 361; Петерс. Воспоминания о работе ВЧК в первый год революции, с. 107 -- 108.
82. Прожектор, No 27 (145), 1928, с. 12. 6 июля -- в Большом театре. За подписью "Е."
83. Гусев. Крах партии эсеров, с. 207; Прожектор, No 27 (145), 1928, с. 12.
84. Дзержинский. Избранные статьи и речи, с. 113.
85. Ф. Э. Дзержинский. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1957, с. 268 -- 269; там же, т. 1. 2-е изд., 1967, с. 264 -- 265.
86. Красная книга ВЧК, с. 286.
87. Там же, с. 301.
88. М. Спиридонова. Открытое письмо Центральному комитету партии большевиков. -- Грани, 1986, No 139, с. 194.
89. Дзержинский. Избранные статьи и речи, с. 116.

90. Красная книга ВЧК, с. 271-172.
91. Там же, с. 209-210.
92. Там же, с. 263.
93. Известия ВЦИК, 8 июля 1918.
94. Красная книга ВЧК, с. 265, 272, 266.
95. Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 27 -- 28.
96. Томан. За свободную Россию, с. 179.
97. С. Далинский. -- в сб. Память, No 2, с. 79.
98. Штейнберг. July Events of 1918.
99. Томан. За свободную Россию, с. 183.
100. Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 32.
101. Красная книга ВЧК, с. 237.
102. Спирин. Крах одной авантюры, с. 66.
103. Томан. За свободную Россию, с. 183 -- 184.
104. Вацетис. Июльское восстание в Москве, с. 38. Ленин, видимо, тяготился услугой, оказанной большевикам Вацетисом. Кто знает, быть может именно поэтому 30 августа 1918 г. он предложил Троцкому Вацетиса расстрелять (The Trotsky's Papers 1917-1922, v. 1. Гаага, 1964, стр. 116). Но Вацетиса спасло покушение на Ленина, происшедшее в тот же день; и вопрос о расстреле отпал сам по себе. Только в 1937 году Сталин привел в исполнение ленинский приговор -- Вацетиса расстреляли.
105. Согласно сообщению Московского окружного военного комиссариата от 11 июля 1918 г.
106. Мальков. Записки коменданта Кремля, с. 211.
107. Упрочение советской власти в Москве и Московской губернии. М., 1958, с. 142.
108. Декреты советской власти, т. 2. М., 1959, с. 536 -- 537.
109. Упрочение советской власти в Москве и Московской губернии, с. 142.
110. Спирин. Крах одной авантюры, с. 53.
111. Известия ЦК КПСС, No 5, 1989, стр. 145, 146. Документ написал рукою Свердлова.
112. Спирин. Крах одной авантюры, с. 54.
113. Цит. по кн.: Кармайкл. Троцкий, с. 43.
114. Стенографический отчет Пятого Всероссийского съезда Советов. М., 1918, с. 209.
115. Я. М. Свердлов. Избранные произведения. Т. 2. М., 1959, с. 246.
116. РСФСР. ВЦИК. Созыв V. Стенографический отчет. М., 1919, с. 57, 58, 61, 62.
117. Цит. по кн.: Ю. И. Шестак. Тактика большевиков по отношению к партии левых эсеров и отколовшимся от нее партиям "революционных коммунистов" и "народников-коммунистов". М., 1971, с. 101.
118. Дзержинский. Избранные статьи и речи, с. 111 -- 116.
119. Правда, 8 июля 1918, No 139.
120. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, с. 316.
121. Известия ВЦИК, 8 июля 1918, No 141.
122. Петерс. Воспоминания о работе ВЧК в первый год революции, с. 110. 22 августа 1918 г. Дзержинскому был возвращен пост руководителя ВЧК (см. В борьбе за победу Октября. Сб. статей. М., 1957, с. 297 -- 298).
123. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, с. 316.
124. Петерс. Воспоминания о работе ВЧК в первый год революции, с. 109.
125. Спирин. Крах одной авантюры, с. 79.
126. Steinberg. In Workshop of the Revolution, 1953, p. 222.
127. Г. Соломон. Среди красных вождей, с. 82 -- 83. Показания Александровича советскими чекистами опубликованы не были. Между тем есть все основания полагать, что данные им показания, равно как и показания Спиридоновой, опубликованные в "Красной книге ВЧК", были пересланы немцам в Берлин. На это указывает то обстоятельство, что в "Красной книге ВЧК" показаниям Спиридоновой предшествует пометка "Берлин". В новом

издании 1989 года, с. 268, эта пометка была редакторами снята, но она имеется в машинописной копии "Красной книги ВЧК", хранящейся в архиве Гуверовского института и на микрофильме этой копии, хранящейся в библиотеке Гарвардского университета в Бостоне (с. 319 копии). То, что какие-то показания Спиридоновой и Александровича в Берлин в те дни пересланы были, следует из документа, хранящихся в архиве Троцкого (Архив Троцкого, Т-564). Кроме того, показания Спиридоновой напечатаны пунктом "б". Пункт "а" чекисты не опубликовали (см. с. 319 копии).

128. Красная книга ВЧК, с. 159.

129. Спиридонова. Открытое письмо Центральному комитету партии большевиков, с. 194.

130. Достоевский замечательно описывает состояние, в котором, должно быть, пребывал в те минуты Ленин, в эпизоде возвращения Раскольников на место убийства старухи-процентщицы и Лизаветы.

"[...] Он шел и смотрел в землю. Вдруг, как-будто кто шепнул ему что-то на ухо. Он поднял голову и увидел, что стоит у того дома, у самых ворот [...] Неотразимое и необъяснимое желание повлекло его. Он вошел в дом, прошел всю подворотню, потом в первый вход справа и стал подниматься по знакомой лестнице [...] Ему представлялось почему-то, что он все встретит точно так же [...] даже, может быть, трупы на тех же местах на полу. А теперь: голые стены, никакой мебели; странно как-то! Он подошел к окну и сел на подоконник".

131. Н. К. Крупская. Переезд Ильича в Москву и первые месяцы его работы в Москве. - в кн. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 2. М., 1957, с. 192-193. Советские историки не слишком убедительно объясняют поведение Ленина. Вот что пишут составители книги "Ленин в Москве": "После разгрома "лево"-эсеровского мятежа в Москве Владимир Ильич решил осмотреть особняк Морозова, в котором находился штаб "левых" эсеров. По воспоминаниям Н. К. Крупской, Владимира Ильича заинтересовало, почему эсеры выбрали этот особняк своим штабом и как организовали его защиту". (Ленин в Москве. М., 1957, с. 61 -- 62.) Но левые эсеры не "выбирали" особняк Морозова -- там расквартировывался отряд Попова. И никакой "организации защиты" проведено не было. Ленина тянуло к особняку увидеть результаты своего деяния. Визит Ленина в особняк был произведен в такой тайне, что о нем не знали даже охранявшие подступы к особняку солдаты. И появление в вечерние часы неизвестного автомобиля, направлявшегося к особняку, настолько удивило их, что по машине Ленина был открыт огонь. (М. И. Ульянова. О Ленине. М., 1969, с. 128.)

132. РСФСР. ВЦИК. Созыв V. Стенографический отчет, с. 89 -- 90. Из речи Чичерина. В то, что Блюмкин так и останется не арестованным было очень трудно поверить. И одна одна из французских газет в статье о Блюмкине много лет спустя с уверенностью писала, что после покушения на Мирбаха Блюмкин "был арестован и заключен в тюрьму". (Статья "Я. Г. Блюмкин" в газ. La Lutte Ouvrière, 12 июня 1936, No 1, с. 1). Иное ведь и предположить было трудно.

133. Кремль за решеткой, с. 10.

134. РСФСР. ВЦИК. Созыв V. Стенографический отчет, с. 61.

135. Саблин объявил действия левых эсеров, начиная с ареста Дзержинского, актом самозащиты. Спиридонова обвинения в "восстании" также отвергла: "Все происшедшее является результатом стремительной защиты русским правительством убитых агентов германского империализма и самозащиты ЦК партии, совершившего это убийство" (Красная книга ВЧК, с. 269).

136. Пьемонт -- бывшее королевство, ныне провинция северо-западной Италии. В 1821 г. в Пьемонте началась революция, которая, однако, потерпела поражение. Но с этого момента Пьемонт стал играть ведущую роль в деле создания единого национального итальянского государства, и название "Пьемонт" вскоре стало нарицательным, чем-то вроде "фронды".

137. Цит. по ст. Д. Рубнев. С. Цыпков. Следователь республики. -Волга, 1967, No 5, с.

138. РСФСР. ВЦИК. Созыв V. Стенографический отчет, стр. 58.

139. В книге "В. И. Ленин и ВЧК" ошибочно указано, что Шейнкман погиб в 1919 г. (Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917-1922 гг.). М., 1975, с. 649). В его фамилии иногда встречаются разночтения: Шейман, Шейнман, Шейкман.

140. Красная книга ВЧК, с. 304-307.

141. Кремль за решеткой, с. 12 -- 13.

142. Известия ЦК КПСС, 1989, № 5, с. 155.

Заговор четвертый:

Ленин и Свердлов

Яков рос озорным, неугомонным мальчиком, организатором забав ребятишек всей улицы.

(К. Т. Свердлова.

Яков Михайлович Свердлов.

М., 1976, с. 60).

Из осторожности назовем эту главу -- гипотезой. Гипотезой, имеющей точно такое-же право на существование, как, например, гипотеза о дружбе Я. М. Свердлова и В. И. Ленина; или же гипотеза о дружбе В. И. Ленина и И. В. Сталина. Или, наконец, гипотеза о том, что в Ленина стреляла Ф. Каплан и что Свердлов умер от "испанки". Вся советская история -- сплошные версии и гипотезы. Осталось только понять, какие из них правильные, а какие нет.

Эта глава об очередном заговоре Дзержинского против Ленина. Только теперь, в августе 1918 года, Дзержинский, не сумевший сорвать Брестский мир через убийство Мирбаха, пробовал избавиться от Брестского мира, устранив проводника этой политики -- председателя СНК. В историографии этот заговор известен как покушение Каплан 30 августа 1918 года. Как и июльское убийство посла, покушение на Ленина производилось чужими руками и, как будет показано в этой главе, было результатом широкого антиленинского заговора в верхах партии, настолько широкого, что в планы устранения Ленина, очевидно, был посвящен Свердлов, который, в свою очередь, был затем устранен оправившимся от ранения Лениным или же другими заговорщиками, которые в марте 1919 года в межпартийной войне Ленина и Свердлова, после разрыва Брестского мира и окончания первой мировой войны, предпочли остаться с Лениным, а не со Свердловым.

Тех, кто не понимает, каким образом Свердлов мог планировать устранение Ленина в разгар смертельной борьбы с "международным империализмом", и как Ленин мог позволить себе сводить счеты со Свердловым, когда на нем держалась вся партия, отсылаем к приводимому выше высказыванию Ленина, цитированному Луначарским в речи "Сияющий дорогой гений": "Представьте себе, полководец ведет борьбу с врагом, а в лагере у него враг. Прежде, чем идти на фронт, на борьбу с врагом, нужно, чтобы в самом лагере было чисто, чтобы не было врагов"(1).

В этом была суть отношений большевистских руководителей. В 1918-19 годах советский полководец Ленин только и делал, что шел на фронт, только и чистил от врагов собственный лагерь. И Свердлов чистил -- просто не так удачно. Его недоверие к окружающим было столь серьезно, что после его смерти ключей от личного сейфа Свердлова найти не смогли. Несгораемый шкаф отправили на инвентарный склад коменданта Кремля П. Д. Малькова, где сейф простоял до 26 июля 1935 года, когда его, наконец, открыли. 27 июля нарком внутренних дел СССР Г. Ягода подал Сталину записку о содержании сейфа. В сейфе оказались: золотые монеты царской чеканки на сумму 108 525 рублей; золотые изделия, многие из которых с драгоценными камнями, -- 705 предметов; семь чистых бланков паспортов царского образца; кредитных царских билетов на 750 тысяч рублей(2).

В сейфе, кроме того, были обнаружены заграничные паспорта, выписанные на следующие имена: Яков Михайлович Свердлов; Цецилия-Ольга Гуревич; Екатерина Сергеевна Григорьева; Княгиня Елена Михайловна Барятинская; Сергей Константинович Ползиков; Анна Петровна Романюк; Иван Григорьевич Кленочкин; Адам Антонович Горен

(годовой паспорт); Елена Сталь (германский паспорт)(3).

Редакция альманаха "Источник", где была опубликована фотокопия записки Ягоды, поместила документ в разделе "Исторические сенсации". Однако сенсация тут была относительная. Сотрудники германского посольства в России сообщали по дипломатическим каналам, что в августе 1918 года, еще до покушения на Ленина, в Москве сложилось "нечто, вроде панических настроений". 1 августа 1918 г. из посольства сообщали в Берлин, что руководство Советской России переводит в швейцарские банки "значительные денежные средства"; 14 августа -- что оформляются заграничные паспорта, что "воздух Москвы... пропитан покушением как никогда"(4).

В изданных в 1957 году воспоминаниях члена и секретаря ЦК, помощника Свердлова Е. Д. Стасовой можно прочесть о том, что и в 1919 году большевики пребывали в паническом настроении:

"1919 год был очень тяжелым годом. Наступление 14 держав на советскую республику создало столь опасное положение, что не исключена была для партии необходимость вновь уйти в подполье, если бы силы внутренней контрреволюции и иностранные интервенты временно взяли вверх. И вот пришлось заботиться о паспортах для всех членов ЦК и для В. И. Ленина в первую очередь. Нужно было обеспечить партию и материальными средствами. С этой целью было отпечатано большое количество бумажных денег царских времен (так называемых "екатеринок", т. е. сторублевок с портретом Екатерины). Для обеспечения их сохранности были сделаны оцинкованные ящики, в которые эти деньги были упакованы и переданы Николаю Евгеньевичу Буренину для сохранения их в Петрограде. Он закопал их, насколько я знаю, под Питером, где-то в Лесном, а впоследствии даже сфотографировал их раскопку, когда советская власть окончательно утвердилась. Тогда же на имя Буренина (купца по происхождению) был оформлен документ о том, что он является владельцем гостиницы "Метрополь". Сделано это было с целью обеспечить партию материально"(5).

В 1957 году откровения Стасовой вызвали удивление, так как большевики не любили рассказывать о царившей у них панике. Видный меньшевик Р. А. Абрамович, получив воспоминания Стасовой, немедленно сообщил о прочитанном другому меньшевику и автору нескольких книг Н. В. Валентинову-Вольскому(6). „Об истории с паспортами и деньгами в начале 1919 года, в самый опасный момент для большевизма в гражданской войне, -- отвечал Валентинов-Вольский, -- знаю не только я, как один из основных членов тогдашнего ЦК меньшевиков, но и независимо от меня еще четыре человека в Нью-Йорке: Л. О. [Дан], Б. И. Николаевский, [Ю. П.] Денике и Б. Двинов. Мы тогда сами получили предложение от Енукидзе и от Каменева взять паспорта, которые для нас и для Бунда будут приготовлены, а Бунд, который работал тогда в Белоруссии, получил даже довольно значительную сумму теми самыми сторублевками, о которых Вы говорите. [...] Знаю я, как, вероятно, знаете и Вы, и [Б. К.] Суварин, что одновременно или за некоторое время до этого они выслали за границу через Марка Натансона большое количество золота, которое должно было быть депонировано в швейцарских банках на указанные большевистской партией имена. Некоторую часть этого золота они дали левым эсерам натансоновского толка, которые на эти деньги потом в Берлине устроили издательство "Скифы"(7).

Не чужд был паники и Ленин. Бухарин вспоминает:

„Деникин, Колчак, голод... Границы советского государства сузились до последнего предела. Заговоры внутри, революция становится дыбом. Вот-вот опрокинется все на голову. Ильич считает. Спокойно. Видит возможность поражения. Шутливо называет это по-французски "culbutage" ("перекувыркивание"). На всякий случай распоряжается принять такие-то и такие-то меры, чтобы начать сызнова подпольную работу. Ни капли не сомневается, что в случае поражения он погиб. Все это -- "culbutage". Но вот он подходит к партийным рядам, и его голос звучит несокрушимой энергией: "паникеров -- расстреливать!" И каждый чувствует, что мы победим: черт возьми, разве с Ильичем можно проиграть сражение?"(8).

Таким образом, считать, что к бегству за границу из руководителей государства

готовился только Свердлов, ни в коем случае нельзя. Но именно секретариат ЦК, и в первую очередь Свердлов, были ответственны за подготовку перевода партии на нелегальное положение --добавим: из-за пораженческой брестской политики Ленина, заведшей партию в тупик, приведшей большевиков на край гибели.

Поразительно, что в уже цитированной нами речи Луначарского о Ленине докладчика все время тянуло говорить о другом гении -- Свердлове. Сначала Луначарский объяснил тоскующей аудитории, что именно Свердлов руководил отбором партийных работников, т. е. выполнял функции генерального секретаря партии:

"Вот, товарищи, под этим страшным нажимом, под этим гнетом в несколько тысяч атмосфер жило наше большевистское подполье, и тут можно было наблюдать человека, активен ли он, энергичен ли он, организатор ли он, кристаллизуются ли около него кружки. Все эти типы очень хорошо знал Я. М. Свердлов. Скажем, Иванов или Петров -- кто он такой? Свердлов знал, что он тогда-то вступил в партию, тогда-то бегал, тогда-то его освободили и т. д. То, что у Я. М. Свердлова было развито с такой феноменальной силой, об этом все мы знали в партии, поэтому, когда мы выбирали наш ЦК и редакцию нашего центрального органа, то мы туда выбирали людей не потому, что нам нравился нос того или иного, а выбирали после огромнейшей проверки. И на этих руководящих постах этим людям нужно было дать выдержать жизненный экзамен, самый суровый, самый беспощадный. Так в нашей стране, в этом лучшем штабе лучшие люди из интеллигенции и из пролетариата постепенно отсеивались, создавали великих вождей позже наступившей революции. Совершенно ясно, что нигде в мире подобного штаба и подобных вождей быть не могло".

Свердлова Луначарский подчеркнуто ставил на один уровень с "сияющим дорогим гением" Лениным:

"Владимир Ильич, когда умер Свердлов, которого он очень высоко ценил, и который, как вы знаете, в истории партии сыграл большую роль,-- был и секретарем ЦК, занимался подбором, сортировкой сил и стоял, таким образом, во главе советской власти, вместе с Владимиром Ильичем делал громадное количество ответственной работы -- Владимир Ильич сказал [...]: Умер человек, которого заменить некем. Другого такого человека мы в партии не имеем. [...] Надо его заменить подходящим коллективом"(9).

Иными словами, уже в 1919 году Ленин обвинял Свердлова в том, в чем в своем завещании он будет обвинять Сталина: в сосредоточении необъятной власти. Мы знаем, в общих чертах, как протекала и чьей победой закончилась борьба с Лениным в 1922-1924 годах. Как же протекала и чем закончилась борьба Ленина с предыдущим "генсеком" партии Свердловым?

30 августа 1918 года историки обычно рассматривали как дату начала широкой кампании "красного террора", последовавшего в ответ на покушение на жизнь Ленина. Считалось, что в Ленина стреляла эсерка Каплан, задержанная, во всем сознавшаяся и то ли расстрелянная, то ли, по другой версии, тайно помилованная, и что организаторами теракта были руководители эсеровской боевой группы. Однако 30 августа стало этапом в истории большевистской партии по совсем другой причине. Впервые с момента захвата власти большевики расправлялись с одним из собственных лидеров: в Ленина стреляли свои.

Первую серьезную статью на эту тему написал израильский историк, эмигрант из России, Борис Орлов(10). Идеологически неприемлемая для советской историографии и неудобная для западной, статья "осталась незамеченной". После 1976 года, как и до него, несвободные советские и свободные западные историки продолжали хором утверждать, что в Ленина стреляла Каплан.

Перелом принес 1990 год. Под очевидным влиянием статьи Б. Орлова в августе 1990 года "Комсомольская правда" опубликовала две статьи, подвергавшие сомнению всеми признанную ранее версию(11). В том же году вышла брошюра "Фанни Каплан: Я стреляла в Ленина", составленная Б. М. Сударушкиным(12).

Осенью 1990 года в интервью ленинградской программе "Пятое колесо" в числе прочих вопросов я коснулся и покушения на Ленина 30 августа:

"Покушение на Ленина, так называемое покушение Каплан, видимо, было связано с оппозицией Ленину внутри партии. Совершенно очевидно сегодня, что не Каплан стреляла в Ленина. Есть серьезные основания предполагать, что к этому покушению имел отношение Свердлов. По крайней мере, после покушения Свердлов себя очень странно вел. Он забрал Каплан из тюрьмы ЧК и поместил ее в личную тюрьму, находившуюся в Кремле под его кабинетом. Он отдал Малькову, подчиняющемуся Свердлову коменданту Кремля, приказ о расстреле Каплан, хотя Мальков по должности не имел права расстреливать Каплан, комендант Кремля не имел никакого отношения к таким делам. [...] Видимо из-за несоответствия обвинения и того факта, что Каплан была почти совсем слепая, что у нее, по всем свидетельским показаниям, в одной руке была сумочка, в другой зонтик, что пистолета, из которого она якобы стреляла, не нашли, а Ленин, судя по всему, видел стрелявшего мужчину, потому что, судя по воспоминаниям, первые его слова после выстрела были: "Поймали ли его?" (а не ее), а Каплан была одета в фетровую шляпку и, кажется, в белое платье. Все эти несоответствия, видимо, говорят о том, что Каплан тут была ни при чем. То есть поведение Свердлова было крайне подозрительно. Ленин считал, что его убивают. По воспоминаниям Бонч-Бруевича, Ленин крайне недоверчиво относился к врачам, которые его лечили. Он устраивал им перекрестные допросы, как Свердлов пишет, "шутя", но, конечно же, не шутя. Ленин всерьез устраивал им эти допросы. Ленин понимал, что его лишают власти, что его убивают"(13).

С 1991 года публикации о покушении на Ленина стали довольно частым явлением(14), причем в дискуссию был вовлечен даже такой консервативный советский исследователь эсеровской партии как К. В. Гусев:

"Некоторые историки и публицисты, -- писал он, -- скрупулезно изучая расхождения и неточности, [...] усматривая чрезмерную (подразумевая умышленную) поспешность в расследовании дела в ВЧК и расстреле Каплан, ставят под сомнение роль этой последней в террористическом акте. Можно согласиться с тем, что история покушения нуждается в дальнейшем изучении, что есть не совсем ясные детали [...]. Допустим, что и заявление Каплан, и показания свидетелей не соответствуют действительности. Но тогда сразу возникает вопрос: если не Каплан, то кто? [...] Был ли вообще заговор, и если не эсеры, то кто организовал покушение, кому это было нужно?"(15)

Может быть, вслед за Гусевым, нам следует искать ответ на абсолютно правильный вопрос: кому это было нужно? Вопрос этот пришел в голову не одному Гусеву. Дважды генеральная прокуратура Российской Федерации поднимала вопрос о новом расследовании обстоятельств покушения на Ленина, совершенного 30 августа 1918 г. 19 июня 1992 г. Генеральная прокуратура РФ по заявлению писателя из Ульяновска А. Авдонина начавшая проверку обоснованности привлечения к уголовной ответственности, приговора и расстрела 3 сентября 1918 года по внесудебному постановлению Президиума ВЧК Фанни Каплан, приняла "Постановление о возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам":

"Прокурор отдела по реабилитации жертв политических репрессий Генеральной прокуратуры Российской Федерации старший советник юстиции Ю. И. Седов, рассмотрев материалы уголовного дела No Н-200 по обвинению Ф. Е. Каплан, установил:

По настоящему делу за покушение на террористический акт в отношении Председателя Совета Народных Комиссаров В. И. Ульянова (Ленина) привлечена к ответственности и в последующем расстреляна Ф. Е. Каплан (Ройдман).

Из материалов дела усматривается, что следствие проведено поверхностно. Не были проведены судебно-медицинская и баллистическая экспертизы; не допрошены свидетели и потерпевшие; не произведены другие следственные действия, необходимые для полного, всестороннего и объективного расследования обстоятельств совершенного преступления.

На основании изложенного, руководствуясь ст. ст. 384 и 386 УПК РСФСР, постановил: Возбудить производство по вновь открывшимся обстоятельствам"(16).

"Никаких обстоятельств, собственно, не было, -- отмечает с некоторой иронией Э.

Максимова. -- Были граждане в разных концах страны, правоведа, литераторы, историки, просто любознательные люди, которые, едва приоткрылись государственные архивы, уразумели по газетам и журналам бездоказательность и безответственность короткого трехдневного дознания, очевидные не только для юристов -- для любого грамотного человека"(17). Следствие ставило своей задачей установить, "стреляла ли Каплан, каковы мотивы и судьба стрелявшей"(18). Предполагалось, что будут изучены архивные дела Каплан и правых эсеров, осужденных в 1922 году в том числе и за покушение на Ленина. И поскольку дела хранились в архивах бывшего КГБ и оставались засекреченными до 1992 года, расследование дела поручалось следственному управлению Министерства безопасности Российской Федерации. После упразднения МБ РФ, в конце февраля -- начале марта 1994 г., дело Каплан принял прокурор-криминалист Генеральной прокуратуры Владимир Николаевич Соловьев(19).

До лета 1996 года дело Каплан, сменяя друг друга, дорасследовали шесть следователей (что не могло не сказаться отрицательно на работе). Идея дорасследования теракта не обрадовала ФСБ. Татьяна Андриасова пишет, что хотя "Генеральная прокуратура РФ поручила ФСБ выяснить наконец все обстоятельства покушения Фанни Каплан на Ленина 30 августа 1918 года на заводе Михельсона, когда председатель Совнаркома получил два огнестрельных ранения [...] у рядовых сотрудников ФСБ особого энтузиазма к поручению Генпрокуратуры не наблюдается. По словам одного из них, следственный аппарат перегружен серьезными делами, людей не хватает, а их еще отвлекают на событие давно минувших дней, в котором вряд ли [удастся] отыскать истину"(20).

Что же произошло 30 августа 1918 года? В. М. Бонч-Бруевич вспоминает: "Поздно ночью пришел тов. Козловский, которому, как члену коллегии комиссариата юстиции, было поручено произвести первый допрос эсерки Каплан [...]. Козловский рассказал мне, что Каплан производит крайне серое, ограниченное, нервно-возбужденное, почти истерическое впечатление. Держит себя растерянно, говорит несвязно и находится в подавленном состоянии. Козловский сказал, что несомненно это дело рук организации эсеров, хотя Каплан и отрицает это, и что здесь ясна связь с петербургскими событиями (убийство Володарского, Урицкого) и что, конечно, можно ожидать и других выступлений. Подробности картины покушения Козловский еще не знал"(21).

Немедленно после покушения, еще до первого допроса Каплан, начавшегося в 23 часа 30 минут, советское правительство обвинило в организации теракта партию эсеров. Постановление, как председатель ВЦИК, подписал Свердлов: "Всем советам рабочих, крестьянских, и красноармейских депутатов, всем армиям, всем, всем, всем": "Несколько часов тому назад совершено злодейское покушение на тов. Ленина. [...] Мы не сомневаемся в том, что и здесь будут найдены следы правых эсеров, следы наймитов англичан и французов"(22).

Следует отметить, что советский историк Н. Д. Костин, специализировавшийся на теме покушения, умудрился ни разу не включить в свои книги фразу "Мы не сомневаемся в том, что и здесь будут найдены следы правых эсеров..." В двух изданиях его сборника "Выстрел в сердце революции" (Политиздат, 1983 и 1989) обращение Свердлова просто опущено. А в выпущенной в период перестройки книге "Суд над террором" интересующая нас фраза у Костина скромно заменена тремя точками(23), так как иначе читателю было бы видно, что Свердлов знал о причастности эсеров и англо-французских наймитов к покушению до получения самой первой информации о выстрелах в Ленина. Свердлову важно было, воспользовавшись покушением на Ленина, расправиться с эсерами и начать "массовый террор против всех врагов революции"(24), точно также, как убийством Мирбаха воспользовались для расправы над партией левых эсеров.

Вслед за обращением Свердлова были изданы "Постановление ВЦИК о превращении советской республики в военный лагерь" и "Постановление СНК о красном терроре". 1 сентября заместитель председателя ВЧК и председатель ревтрибунала Я. Х. Петерс сообщил в "Известиях ВЦИК", что "арестованная, которая стреляла в товарища Ленина, состоит

членом партии правых социалистов-революционеров черновской группы", но что террористка (еще не названная по имени) "упорно отказывается давать сведения о своих соучастниках и скрывает, откуда получила найденные у нее деньги [...]. Из показаний свидетелей видно, что в покушении участвовала целая группа лиц, так как в момент, когда тов. Ленин подходил к автомобилю, он был задержан под видом разговоров несколькими лицами. При выходе был устроен затор публики".

Итак, в покушении участвовала целая группа лиц, но Каплан, впервые названная только 3 сентября в утреннем выпуске "Известий ВЦИК", почему-то 1 сентября была забрана из одиночной камеры тюрьмы ВЧК в кремлевскую тюрьму, и 3 сентября в 4 часа дня расстреляна собственноручно комендантом Кремля П. Д. Мальковым. 4 сентября "Известия ВЦИК" сообщили о том, что "по постановлению ВЧК расстреляна стрелявшая в тов. Ленина правая эсерка Фанни Ройдман (она же Каплан)"(25).

Описания покушения и ареста Каплан многочисленны и противоречивы. С. Н. Батулин, помощник военного комиссара 5-й московской советской пехотной дивизии, задержавший Каплан, показал, что Каплан была арестована далеко от места покушения и после погони:

"Подойдя к автомобилю, на котором должен был уехать тов. Ленин, я услышал три резких сухих звука, которые я принял не за револьверные выстрелы, а за обыкновенные моторные звуки. Вслед за этими звуками я увидел толпу народа, до этого спокойно стоявшую у автомобиля, разбегавшуюся в разные стороны, и увидел позади кареты-автомобиля тов. Ленина, неподвижно лежавшего лицом к земле. Я понял, что на жизнь тов. Ленина было произведено покушение. Человека, стрелявшего в тов. Ленина, я не видел. Я не растерялся и закричал: "Держите убийцу тов. Ленина!" и с этими криками я выбежал на Серпуховку, по которой одиночным порядком и группами бежали в различном направлении перепуганные выстрелами и общей сумятицей люди. [...] Добежавши до так называемой "Стрелки" на Серпухове [...] позади себя около дерева я увидел с портфелем и зонтиком в руках женщину, которая своим странным видом остановила мое внимание. Она имела вид человека, спасающегося от преследования, запуганного и затравленного. Я спросил эту женщину, зачем она сюда попала. На эти слова она ответила: "А зачем Вам это нужно". Тогда я, обыскав ее карманы и взяв ее портфель и зонтик, предложил ей идти за мной. [...] На Серпуховке кто-то из толпы в этой женщине узнал человека, стрелявшего в тов. Ленина. После этого я еще раз спросил: "Вы стреляли в тов. Ленина?", на что она утвердительно ответила, отказавшись указать партию, по поручению которой она стреляла. [...] В военном комиссариате Замоскворецкого района эта задержанная мною женщина на допросе назвала себя Каплан и призналась в покушении на жизнь тов. Ленина"(26).

Шофер Ленина Гиль покушавшейся не видел(27). Это приводит Б. Орлова к выводу, с которым нельзя не согласиться: "Ни один из допрошенных свидетелей, присутствовавших на месте покушения, стрелявшего в Ленина человека не видел в лицо и опознать Фанни Каплан как виновную в покушении не мог"(28). Такой же точки зрения придерживается Литвин: "Никто из свидетелей ее не опознал"(29). К аналогичному заключению приходит В. Войнов: "Террориста никто не видел. Фанни Каплан была схвачена комиссаром Батулиным поодаль от места покушения лишь по классовому наитию: Фанни стояла с зонтиком под деревом в вечернем полумраке, чем и вызвала подозрения комиссара"(30).

Против Каплан имелись лишь косвенные улики, причем в показаниях свидетелей было много противоречий:

"Одни замечают незнакомую женщину в какой-то шляпке, другие -- с непокрытой головой и косынкой на плечах; одни -- в коротком жакете, другие - в осеннем полупальто; большинство же помнит только руку с браунингом. Еще более значительны расхождения в оценке времени ее появления на заводе. Одни твердят, что она входит в здание через несколько минут после приезда вождя. По мнению других, неизвестная женщина, похожая на подпольную пропагандистку и обернувшаяся неожиданно экстремистской, возникает в цехе еще до митинга, непрерывно курит и долго демонстрирует себя группе рабочих. Но совсем туманны обстоятельства ее задержания: то ли ее берут тут же в заводском дворе, от

ли она успевает отбежать на порядочное расстояние. По одним сведениям, ее гонят по мостовой, точно борзые, пролетарские дети, по другим -- она спокойно идет по улице, потом останавливается, выбрасывает из портфеля какие-то бумаги и вдруг собирает их почему-то обратно. Кто-то различает даже, как она что-то рвет на глазах у преследующих"(31).

Первый допрос проводился в Замоскворецком военном комиссариате. Согласно этому допросу, протокол которого Каплан подписать отказалась, она признала себя виновной в покушении на жизнь Ленина: "Я сегодня стреляла в Ленина. Я стреляла по собственному побуждению"(32). Однако ответ этот следует признать крайне странным. Так мог ответить только человек, не знавший, когда именно совершено покушение. Допрос вели председатель Московского революционного трибунала А. М. Дьяконов, член коллегии ВЧК и будущий начальник охраны Ленина А. Я. Беленький. От Каплан требовали хоть каких-то доказательств того, что стреляла действительно она. Но никаких подробностей покушения Каплан сообщить не могла: "Сколько раз я выстрелила -- не помню". "Из какого револьвера я стреляла, не скажу, я не хотела бы говорить подробности"(33). Каплан далее сообщила, что была задержана "у входа на митинг". Не у выхода, как сказал бы человек, только что стрелявший в уходившего с митинга Ленина, а у входа. Само собой разумеется, что указание Каплан на арест "у входа" противоречило еще и воспоминаниям свидетелей, утверждавших, что Каплан задержана вдалеке от места покушения.

Из Замоскворецкого комиссариата, по требованию Петерса, Каплан и М. Г. Попову -- раненую вместе с Лениным женщину -- в разных машинах отвозят в ВЧК. С Каплан в автомобиле едет сотрудник ЧК Григорий Александров. С Поповой -- на грузовике Красного креста -- "чекистка-разведчица" Зинаида Легоньяка. На Лубянке арестованных ждали нарком юстиции Д. И. Курский, член коллегии наркомата юстиции М. Ю. Козловский, секретарь ВЦИК В. А. Аванесов, Петерс и заведующий отделом ВЧК по борьбе с контрреволюцией Н. А. Скрыпник. Позже прибыл Свердлов. В течение четырех дней -- с 30 августа по 2 сентября -- было допрошено более сорока свидетелей. Последний известный нам допрос Каплан датирован 31 августа.

Допросы Каплан в ВЧК велись сухо и формально. Все шесть допросов были проведены в течение 24 часов после задержания Каплан и были очень короткими. Она допрашивалась разными людьми, задававшими одинаковые вопросы. Сомнений в том, что стреляла Каплан, видимо, не было. Но все показания Каплан вынуждена была давать на себя сама. Никаких улик против Каплан в распоряжении следствия нет: опознать никто ее не может, оружия при ней не нашли. Подписать Каплан согласилась только два протокола допросов. Никакой интересующей чекистов информацией Каплан не располагала. Вот описание одного из допросов Костиным: "Допрос шел ровно, без осложнений, тщательно записывалось все сказанное. Каплан неохотно, но все же рассказала о своем детстве и семье [...]. И не сообщала ничего вразумительного о своем участии в покушении на В. И. Ленина. Как она проникла на митинг к михельсоновцам? Кто ею руководил и помогал вести слежку? Кто снабдил ее деньгами и оружием? Об этом -- ни слова"(34). И конечно же не потому, что чекисты не были в состоянии выбить из Каплан показания.

С обывательницей Поповой, задававшей Ленину у машины бытовые вопросы и раненой одной из пуль, поступают совсем иначе. Ее перевязывают в Павловской больнице, где Попова служит кастеляншей, отвозят в Замоскворецкий военкомат (куда отвезли и Каплан), а оттуда -- в тюрьму ВЧК на Лубянке. Причиной ареста Поповой послужили показания милиционера А. А. Сухотина:

"Шагах в 4-х от т. Ленина на земле лежала женщина на вид лет 40. Последняя кричала: "Я ранена. Я ранена" -- а из толпы кричали: "Она убийца" Я бросился к этой женщине вместе с т. Калабушкиным, подняли ее и отвели в Павловскую больницу"(35).

Уже утром 31 августа заложниками берут мужа и двух дочерей Поповой и тоже сажают в тюрьму ВЧК. "Известия ВЦИК" сообщают: "В день рокового покушения на тов. Ленина означенная Попова была ранена навывлет; пуля, пройдя левую грудь, раздробила левую кость. Две дочери ее и муж были арестованы, но вскоре освобождены"(36). Заведующий

отделом по борьбе с контрреволюцией и член коллегии ВЧК Н. А. Скрипник считает, что "отцов" за детей арестовывать можно, "но держать детей за то, что мать пострадала, немного неудобно"(37). И действительно, взятых заложниками мужа и дочерей уже в начале сентября освобождают, а в начале октября отпускают и саму Попову, прекратив ее дело за отсутствием улик, выдав ей в компенсацию единовременное пособие(38), а после смерти Ленина в 1924 году -- персональную пенсию в связи с нетрудоспособностью из-за полученной раны(39).

Итак, Попову в тюрьме держат и допрашивают больше месяца. А на допросы причастной к покушению и сознавшейся в теракте Каплан потрачены сутки! В чем же заключалась роль Каплан? Б. Орлов считает, что Каплан устанавливала для террористов место и время "выступления Ленина на митингах"(40), что она, согласно ее же показаниям, приехала "на митинг часов в восемь"(41), выслеживая Ленина, и именно в это время и попала на глаза многочисленным свидетелям. Получив информацию о том, что Ленин на заводе выступать будет, Каплан, "сама ушла до начала митинга и передала сообщение о приезде Ленина на завод районному исполнителю, дежурившему в условленном месте на Серпуховской улице. Сама же осталась ждать результата покушения там, где ее потом и обнаружил комиссар Батулин"(42). Войнов также считает, что Каплан использовалась "для организации слежки и осведомления исполнителя о месте и времени выступления В. И. Ленина на митинге"(43). Почему же выводы, к которым легко пришли историки и журналисты через много лет, не соблазнили следователей ВЧК в 1918 году? По каким-то неведомым нам причинам они предпочли считать террористом-одиночкой именно Каплан, задержанную с зонтиком в одной руке и портфелем в другой, с гвоздями в ботинках, причинявшими, видимо, боль(44). К тому же, как стало известно после допроса 31 августа подруги Каплан бывшей каторжанки Нерчинской каторги эсерки В. М. Тарасовой-Бобровой, отбывавшей вместе с Каплан наказание, Каплан была полуслепой. Тарасова показала:

"Фанни Каплан [...] в то время была слепа. Она ослепла, кажется, в январе 1909 года, причем до этого она хронически теряла зрение на 2-3-5 дней. Врачи разнообразно трактовали причины слепоты. Зрачки ее реагировали на свет. Это было связано с резкими головными болями. В Чите [...] думаю это было в 1912 году, она вновь прозрела"(45).

Эти показания были подтверждены Д. Пигинят, левой эсеркой, отбывавшей каторгу вместе с Каплан: "Знаю только, что она ослепла от взрыва бомбы, а потом вновь прозрела"(46). В этой связи интересно заключение журналиста, кандидата медицинских наук, В. Тополянского. В статье о покушении на Ленина Тополянский пишет:

"Переходящая внезапная слепота на фоне или сразу после значительного эмоционального напряжения обусловлена, скорее всего, истерическими расстройствами. В таком случае необходима судебно-психиатрическая экспертиза, поскольку подобные больные отличаются нередко патологической лживостью, склонностью к необычному фантазированию и позерству и способностью приписать себе чужое преступление"(47).

Вывод Тополянского подтверждается еще и свидетельским показанием. Эсерка Б. А. Бабина (1894--1983) встретила в Бутырской тюрьме в феврале 1922 г. Д. Д. Донского, члена ЦК партии эсеров(48), и задала ему вопрос: "Как могло случиться, что эсерка Фанни Каплан по заданию ЦК пошла убивать Ленина?" Донской ответил, что, прежде всего, Каплан не была эсеркой: „Женщина довольно красивая, но несомненно ненормальная, да еще с разными дефектами: глухая, полуслепая, экзальтированная вся какая-то. Словно юродивая! Меньше всего мне приходило в голову отнести к ее словам серьезно. Я ведь в конце концов не психиатр, а терапевт. Уверен был -- блажь на бабенку напала!.. Помню, похлопал ее по плечу и сказал ей: "Пойди-ка prospись, милая! Он -- не Марат, а ты не Шарлотта Корде. А главное, наш ЦК никогда на это не пойдет. Ты попала не по адресу. Даю добрый совет -- выкинь все это из головы и никому больше о том не рассказывай!"(49).

Могла ли полуслепая и, видимо, не вполне нормальная женщина поздно вечером произвести прицельно несколько выстрелов? -- спрашивает Войнов. "К тому же нет данных, подтверждающих ее умение владеть браунингом"(50). В самом деле, не на каторге же Каплан

училась стрельбе? О. Васильев пишет, что "посадить пули из пистолета (или револьвера) с такой кучностью" могла "только твердая натренированная рука профессионального стрелка"(51). 2 сентября 1918 г. следователем ВЧК Кингисеппом был произведен "следственный эксперимент" -- инсценировка покушения. Гиль играл себя. Н. Я. Иванов был "Лениным". Кингисепп был "Фанней Каплан", а работник профкома Сидоров - "Поповой"(52). В результате этого эксперимента было выяснено, что "стрелявшая находилась у переднего левого крыла машины, а Ленин -- в пределах одного аршина от заднего. Как считает Тополянский, "все четыре пули направлены одинаково: снизу вверх. Нехитрые расчеты с помощью теоремы Пифагора показывают, что стрельба велась с расстояния 4--4,5 метра, под углом 45--50 градусов и, скорее всего, с колеса"(53). Не похоже, чтобы так мог стрелять человек, не имевший опыта стрельбы из пистолета.

В деле за № 2162, о покушении на Ленина 30 августа 1918 года, отсутствуют листы 11, 84, 87, 90 и 94. Литвин, давно и пока безуспешно пытающийся получить доступ к этим листам, выделенным из общего дела, слышал, будто там содержатся показания свидетелей, утверждавших, что в Ленина стрелял мужчина(54). Похоже, что сам Ленин, оставшийся не допрошенным и не распрошенным, тоже видел стрелявшего в него мужчину(55). Важно заметить, что с расстрелом Каплан дело закрыто не было. Ряд показаний был дан уже после 3 сентября. На повторном показании Батулина от 5 сентября имелась пометка Кингисеппа от 24 сентября. 18 сентября участвовавший в следствии Скрыпник докладывал Кингисеппу, что пересылаемые Кингисеппу два документа по делу о покушении на Ленина, "долго" странствовали по ВЧК и только вчера попали к Скрыпнику. "Если они ничего не дают нового, переправьте их обратно ко мне для приобщения к делу Ройд-Каплан", заключает Скрыпник(56). Из этого следует сделать вывод, что было два дела: дело Каплан и дело о покушении на Ленина 30 августа 1918 года.

Отдельно следует поставить вопрос об охране Ленина. "День 30 августа 1918 года начался скверно, -- вспоминал Мальков. -- Из Петрограда было получено мрачное известие" - убит М. С. Урицкий. Дзержинский "сразу же выехал в Петроград, чтобы лично руководить расследованием". Ленин "должен был выступать в этот день на заводе быв. Мехельсона. Близкие, узнав о гибели Урицкого, пытались удержать Ленина, отговорить его от поездки на митинг. Чтобы их успокоить, Владимир Ильич сказал за обедом, что, может, он и не поедет, а сам вызвал машину и уехал"(57). Добавим -- уехал без охраны. Более того, охраны не оказалось и на заводе, где планировалось выступление Ленина.

Столь не типичное для осторожного Ленина поведение, видимо, диктовалось тем, что 29 июня Свердлов направил Ленину директиву, которая не была отменена, несмотря на убийство Урицкого:

"Владимир Ильич! Прошу назначить заседание Совнаркома завтра не ранее 9 часов вечера. Завтра по всем районам крупные митинги по плану, о котором мы с Вами уславливались; предупредите всех совнаркомщиков, что в случае получения [приглашения] или назначения на митинг, никто не имеет [права] отказываться. Митинги начинаются с 6 часов вечера"(58).

По приказу Свердлова "совнаркомщик" Ленин без охраны отправился на выступление, о котором заранее были извещены в районе(59). "Как-то получилось, что никто нас не встречал: ни члены завкома, ни кто-нибудь другой" -- свидетельствует шофер Ленина Гиль(60). Удивимся вместе с Гилем: как же так получилось, что в день убийства Урицкого Ленин на митинг прибыл без охраны?

Обратим внимание на то, как охранялся Ленин во время выступления на том же заводе 28 июня. Все в том же гранатном цехе завода те же несколько тысяч человек. Охрана митинга поручена военному комиссару и начальнику гарнизона Замоскворечья А. Д. Блохину. Он вооружен маузером и наганом. Ленина встречает по-военному, рапортом. Вместе с Блохиным -- красноармейцы. Вместе с Лениным они выходят на сцену. Ленина смущает столь откровенная охрана на заводе. Он просит увести солдат. Блохин не бросается исполнять требование председателя СНК, а звонит своему начальнику по вопросам охраны -

Дзержинскому, так как именно Дзержинский обязал районных военкомов и начальников гарнизонов организовывать охрану митингов. Дзержинский приказывает сообщить Ленину, что по распоряжению Дзержинского охрану со сцены он так и быть разрешает убрать. И это была единственная его уступка.

В деле определения организаторов покушения на Ленина крайне важным оказался вопрос о времени покушения. Этот внешне банальный сюжет оказался невероятно запутанным. Шофер Ленина С. К. Гиль показал в ночь на 31 августа, т.е. сразу же после покушения, что "приехал с Лениным около 10 часов вечера на завод Михельсона. [...] По окончании речи В. И. Ленина, которая длилась около 1 часа, из помещения, где был митинг, бросилась к автомобилю толпа человек 50 и окружила его"(61). Предположить, что Гиль ошибается и не помнит, во сколько привез Ленина к заводским воротам, трудно. Если так, то закончилось выступление между около 11 часов вечера. На это же время указывает в своих показаниях, данных в час ночи 31 августа, т.е. сразу же после покушения, еще один свидетель, А. Сухотин: "Часов в 9 приехал т. Ленин. Через 1-2 часа т. Ленин кончил свою речь и отправился к выходу"(62).

Кажется, именно в этот день часы переводились на час назад. "Попив чаю около 6 часов вечера по новому времени [...], я с Поповой отправилась к ней на квартиру ночевать",-- сообщает одна из свидетельниц(63). "Ленин говорил последним. Митинг начался около 7 часов по новому времени", -- сообщает другой(64). Ленин выступал на митинге последним оратором. Орлов пишет:

"Речь Ленина на митинге, по мнению Гиля, длилась около часа. Иными словами, покушение могло быть совершено не раньше 10 часов, а скорее около 11 часов вечера, когда окончательно стемнело и наступила ночь. По-видимому, показания Гиля ближе всего к достоверности, ибо протокол первого допроса Фанни Каплан имеет четкую запись -- 11 часов 30 минут вечера. Если считать, что задержание Каплан и доставка ее в ближайший военный комиссариат, где начались допросы, заняли 30-40 минут, то время, указанное Гилем, следует считать наиболее правильным. Трудно предположить, что подозреваемая в покушении Каплан в течение более чем трех часов оставалась недопрошенной в том случае, если покушение было совершено в 7 ч. 30 мин. вечера. [...] В пользу позднего часа покушения говорит и то обстоятельство, что митинг на заводе Михельсона был не первым, на котором выступал Ленин. До этого он побывал в противоположном конце Москвы, в Басманном районе на митинге в здании Хлебной биржи. Там выступало несколько ораторов, и речь Ленина продолжалась от получаса до часа. Дорога из одного конца Москвы в другой должна была занять не меньше часа"(65).

Таким образом, можно утверждать, что Ленин прибыл на завод приблизительно в 10 часов по старому и в 9 часов по новому времени и выступал примерно час, закончив выступление между 10 и 11 часами вечера по новому времени. К величайшему сожалению для историков более точно установить время покушения на Ленина невозможно. Между тем именно здесь находится разгадка еще одного ребуса об организаторах покушения. Понятно, что между выстрелами в Ленина и сообщением об этих выстрелах Свердлову должно было пройти какое-то время(66). А обращение Свердлова о покушении на Ленина подписано председателем ВЦИК в 22 часа 40 минут. Это могло произойти только в том случае, если обращение было написано заранее, если Свердлов был осведомлен о планируемом покушении, если он умышленно допустил теракт, а может быть, через ВЧК и Дзержинского, являлся его непосредственным организатором.

В обращении Свердлова, кроме времени его написания, смущает первая фраза. Четко определив врага революции -- правых эсеров и англо-французских наймитов, до минут указав время написания обращения -- 10 часов 40 минут вечера -- Свердлов был слишком неточен в том, где точность требовалась прежде всего: в указании времени самого покушения. "Несколько часов тому назад совершено злодейское покушение на тов. Ленина..." Между тем с момента покушения никак не могло пройти более получаса.

Сравним этот текст с телефонограммой Ленина, разосланной после убийства

германского посла графа Мирбаха 6 июля 1918 г., написанной в 4 часа 20 минут: "Около трех часов дня брошены две бомбы в немецком посольстве..."(67) Ленин отреагировал на убийство Мирбаха примерно через полтора часа. Когда же писал свое обращение Свердлов? Когда ему стало известно о планируемом или состоявшемся покушении?

Однако директива Свердлова Ленину обязательно отправиться 30 августа на митинг и время написания Свердловым "обращения" не единственные и даже не самые главные против него улики. Допросы Каплан в ЧК обрываются 31 августа. 1 сентября по приказу Свердлова она была забрана из тюрьмы ВЧК в кремлевскую комнату тюремного типа, находившуюся по его кабинетом. Детали перевозки Каплан в Кремль нам известны по воспоминаниям коменданта Кремля Малькова:

"Через день или два [после покушения] меня вызвал Варлам Александрович Аванесов.

-- Немедленно поезжай в ЧК и заberi Каплан. Поместишь ее здесь, в Кремле, под надежной охраной.

Я вызвал машину и поехал на Лубянку. Забрав Каплан, привез ее в Кремль в полуподвальную комнату под детской половиной Большого дворца. Комната была просторная, высокая. [...] Прошел еще день-два, вновь вызвал меня Аванесов и предъявил постановление ВЧК: Каплан -- расстрелять, приговор привести в исполнение коменданту Кремля Малькову. [...] -- Когда? -- коротко спросил я Аванесова. [...] -- Сегодня. Немедленно"(68).

Страницей позже Мальков укажет, что расстрелял Каплан 3 сентября в 4 часа дня(69). И хотя очень уж не хотелось Малькову в этом сознаваться, но легко вычислить, что самое позднее в ночь на 1 сентября, прервав допросы, Свердлов забрал Каплан в Кремль чтобы "немедленно" же ее расстрелять. Недоумение исследователей по этому поводу лучше всех сформулировал Сударушкин:

"Наверное, читатель убедился, что в деле о покушении на Ленина до сих пор остается много неясностей, которые подвергают общепринятую версию серьезным сомнениям. Удивляет та лихорадочная поспешность, с которой Фанни Каплан была осуждена и уничтожена при обстоятельствах до того мрачных и неестественных, что трудно найти им разумное объяснение. Почему из вполне надежных подвалов ВЧК на Лубянке ее перевели в Кремль? Даже принимая во внимание суровость того времени, невозможно понять необходимость уничтожения Каплан именно в Кремле, где располагалось Советское правительство. Почему постановление ВЧК о расстреле не исполнили сами чекисты? По какой причине организацию казни взял лично на себя председатель ВЦИК, назначив исполнителем коменданта Кремля? Создается впечатление, что организаторы этого расстрела чего-то опасались. Последний, зафиксированный допрос Каплан состоялся 31 августа, а расстреляли ее 3 сентября. Не начала ли она давать показания, которые не устраивали следствие, потому так поспешно ее и перевели из ВЧК в Кремль? Не появилась ли вероятность, что ее придется вернуть на Лубянку? Не связана ли эта вероятность с возвращением из Петрограда Дзержинского? Не потому ли и поторопились с расстрелом, совершив его в Кремле, где никто не мог помешать?"(70)

Попробуем разобрать причины столь странного поведения Свердлова. Фактическая сторона вопроса следующая. Некая женщина, называемая "Каплан" была арестована, подверглась нескольким коротким весьма общим допросам разными людьми, и, не ранее 31 августа и не позднее 3 сентября -- взята по приказу Аванесова, исходящему от Свердлова, в Кремль. В Кремле она то ли была, то ли не была подвергнута дополнительным допросам, а 3 сентября то ли была, то ли не была расстреляна Мальковым. А поскольку Свердлов по причинам достаточно мистическим дал указание "останки уничтожить без следа"(71), никакими вещественными доказательствами казни Каплан мы не располагаем, кроме утверждения писателя Юрия Давыдова, что труп Каплан был облит бензином и сожжен в железной бочке в Александровском саду(72). Правда, Мальков указывает, что свидетелем расстрела был поэт-большевик Демьян Бедный, живший в Кремле и вышедший на шум:

"К моему неудовольствию я застал здесь Демьяна Бедного, прибежавшего на шум

моторов. Квартира Демьяна Бедного находилась как раз над Авто-Боевым отрядом, и по лестнице черного хода, о котором я забыл, он спустился прямо во двор. Увидев меня вместе с Каплан, Демьян сразу понял, в чем дело, нервно закусил губу и молча отступил на шаг. Однако уходить он не собирался. Ну, что же! Пусть будет свидетелем"(73).

Но все, что мог увидеть Бедный, это расстрел некой женщины, про которую ему было сказано, что это и есть покушавшаяся на Ленина "Каплан".

Помня о том, что убийство германского посла Мирбаха 6 июля также было направлено против Ленина и осуществлено силами сотрудников ВЧК, советское правительство могло иметь основания и сейчас подозревать чекистов, прежде всего левого коммуниста и противника Брестского мира Ф. Э. Держинского, в организации заговора против Ленина. Возможно, что именно по этой причине Ленин, Свердлов и Троцкий сочли необходимым в июле 1918 г. держать арестованную верхушку левозеровской партии не в тюрьме ВЧК, подконтрольной ведомству Держинского, а за кремлевскими стенами, ключ от которых находился у коменданта Кремля Малькова. Кому подчинялся Мальков, известно. Рассказывая в воспоминаниях о незначительном конфликте с секретарем и помощником Ленина В. Д. Бонч-Бруевичем, Мальков пишет:

"-- Я подчиняюсь Владимиру Ильичу и Якову Михайловичу, а не вам, так что не приказывайте"(74).

Обратим внимание на субординацию. Помощником и секретарем Ленина был Бонч-Бруевич. Помощником и секретарем Свердлова -- Аванесов. Мальков подчинялся Ленину и Свердлову, но не подчинялся Бонч-Бруевичу и Аванесову, если приказ не исходил от Ленина или Свердлова. С Бонч-Бруевичем и Аванесовым Мальков был на равных(75). По причинам известного характера, Мальков опускает третьего человека, которому подчинялся непосредственно: Л. Д. Троцкого, и третьего секретаря, с которым решал обыденные вопросы. Но так как Троцкого во время покушения на Ленина в Москве не было, будем считать, что этот сюжет академическим.

Выполнял ли аналогичные поручения Мальков раньше? Да, выполнял. Вечером 7 июля 1918 г. Мальков забрал под арест в Кремль членов ЦК ПЛСР и членов ВЦИК Спиридонову и Саблина(76). Приказ Малькову забрать из ВЧК Каплан, причем до возвращения Держинского из Петрограда, был естественен, если Свердлов, не участвовавший в заговоре против Ленина, подозревал Держинского в организации теракта. Тогда, забирая Каплан из ЧК, Свердлов, во-первых, предотвращал убийство Каплан незаинтересованными в ее показаниях чекистами, прежде всего Держинским; во-вторых, не допускал встречу и допрос Каплан Держинским; в-третьих, получал возможность допросить Каплан в Кремле и разузнать, что же произошло на самом деле. Но получалось, что привезли Каплан в Кремль единственно для того, чтобы расстрелять. И здесь, конечно же, есть какое-то отсутствующее звено, мешающее понять, что же было на самом деле. Ведь если Каплан расстреливали в Кремле при свидетеле Д. Бедном значит действительно очень торопились.

Оставим на совести Малькова указание, что сделал он это по постановлению ВЧК. Никто этого постановления не видел. Литвин утверждает, что казнь Каплан не зафиксирована "даже в протоколах судебной коллегии ВЧК"(77). И не очень понятно, каким образом ВЧК могло постановить не просто расстрелять Каплан, а приказать коменданту Кремля Малькову привести приговор в исполнение. Слишком уж рядовое занятие для нерядового революционера. Но допустим, постановление ВЧК было. В каком случае нужно было Свердлову немедленно расстреливать Каплан и уничтожать ее останки? Только в одном: если важно было не просто заставить Каплан замолчать, но и недопустить процедуры опознания трупа Каплан свидетелями террористического акта: Лениным, Гилем, Батулиным и другими.

Если из описания ареста женщины с зонтиком и портфелем безошибочно следовало, что стреляла не задержанная, а кто-то еще, то из описаний Малькова получалось, что кому-то (очевидно, что Свердлову), важно было замести следы преступления: уничтоженный труп нельзя опознать. После 3 сентября определить нельзя уже было ничего: была ли задержанная

Батулиным женщина с зонтиком и портфелем -- Каплан; была ли задержанная Батулиным женщина той, что разговаривала с Гилем перед началом собрания, еще до покушения; была ли Каплан покушавшейся, т.е. женщиной, выстрелившей в Ленина; была ли расстрелянная в Кремле женщина -- Каплан; была ли расстрелянная в Кремле женщина той, которую задержал Батулин; была ли расстрелянная в Кремле женщина той, которую видел Гиль и какие-то другие свидетели у завода Михельсона; кого именно расстреляли в Кремле 3 сентября 1918 года? Список этих вопросов -- бесконечен. Не имея Каплан не только живой, но и мертвой, ответить на них было невозможно. Именно Свердлов закрыл дело Каплан, уничтожив наиболее важную улику -- саму арестованную. Он мог это сделать только в том случае, если лично был не заинтересован в расследовании и если лично был причастен к заговору. Других объяснений поведения Свердлова не существует.

Тем более нельзя было ответить без Каплан на вопрос о сообщниках. Между тем в Ленина были произведены четыре выстрела из двух pistols разного калибра(78), видимо, револьвера и браунинга. Именно четыре Гильзы и были обнаружены Кингисеппом во время осмотра места покушения и проведения следственного эксперимента(79). В понедельник, 2 сентября, Кингисеппу был доставлен пистолет из которого 30 августа стреляли в Ленина. По одним сведениям это был револьвер с расстрелянными тремя патронами, по другим - "браунинг за № 150489" с четырьмя неизрасходованными патронами(80). Именно этот браунинг и оказался в Историческом музее как орудие покушения(81). 23 апреля 1922 г. из тела Ленина была извлечена пуля "размером от среднего браунинга"(82), нужно думать, за № 150489. Все это означало, что из браунинга в Ленина могли быть произведены два или три выстрела, поскольку седьмая пуля в 6,35-миллиметровой модели браунинга образца 1906 года могла быть в стволе(83).

После открытия дела в 1992 году МБ РФ провело, по мнению Э. Максимовой, "комплексную криминалистическую экспертизу по браунингу № 150489, гильзам и пулям, попавшим в Ленина". Но результаты этой экспертизы не были исчерпывающими. Эксперты пришли к выводу, что из двух пуль "одна выстрелена, вероятно, из этого пистолета", но "установить, выстрелена ли из него вторая, не представляется возможным"(84). При проведении следственного эксперимента в 1996 году ФСБ запросила у Исторического музея пробитое пулями черное драповое демисезонное пальто Ленина, люстриновый черный пиджак, 4 гильзы, найденные на месте преступления, 2 пули и "браунинг". (Последний раз обследование ленинского пальто и пиджака проводилось в 1959 году; материалы этого обследования хранятся в Историческом музее)(85). Браунинг заклинило и он перестал работать. Но когда сравнили пули, "извлеченные при операции Ленина в 1922 г. и при бальзамировании тела вождя в 1924 г., выяснилось, что они разные(86). Это было новое указание на участие в покушении второго человека. Кто же он был?

Немедленно после выстрелов в Ленина был арестован и в ночь на 31 августа расстрелян бывший левый эсер Александр Протопопов. В марте 1918 г. Протопопов был начальником контрразведки отрядом ВЧК, в апреле стал заместителем командира отряда ВЧК Д. И. Попова. 6 июля, пишет Литвин, когда "Дзержинский приехал в штаб левых эсеров, которых охранял этот отряд, и потребовал выдачи властям террориста Блюмкина, убившего германского посла, Протопопов лично арестовал на месте самого председателя ВЧК, да еще с нанесением побоев!" После разгрома левых эсеров Протопопов был арестован, но к 30 августа оказался не только выпущенным из тюрьмы, но и связанным с террористами, готовившими покушение на Ленина(87).

Это первое прямое указание на то, что к покушению на Ленина мог иметь отношение еще и высокопоставленный сотрудник ЧК, кем-то заблаговременно выпущенный из тюрьмы. Очевидно, что человека, избившего и арестовавшего Дзержинского 6 июля, из тюрьмы мог освободить только сам Дзержинский.

2 сентября 1919 года в ВЧК с грифом "совершенно секретно" поступил донос чекиста Горячева, утверждавшего, что "работая по делу готовящегося восстания в Москве слышал, как гр[ажданка] Нейман говорила, что в покушении на тов. Ленина участвовала некая

Легоньякая Зинаида, причем эта Легоньякая якобы и произвела выстрелы". Это была та самая "чекистка-разведчица" Легоньякая, которая сопровождала Попову на Лубянку в грузовике Красного креста. В связи с этим 11 сентября был выписан ордер № 653 на арест и обыск Марии Федоровны Нейман и Зинаиды Ивановны Легоньякой.

У Легоньякой оказалось алиби: во время покушения на Ленина она находилась на учении в инструкторской коммунистической школе красных офицеров. Занятия там проходили с семи до девяти вечера. А так как считалось, что покушение было произведено именно в эти часы, получалось, что Легоньякая стрелять в Ленина не могла. Правда, если предположить, что покушение состоялось позже (в 10 вечера), никакого алиби у Легоньякой не было. И 24 сентября 1919 года Легоньякая была допрошена (допроса М. Ф. Нейман в деле Каплан нет) начальником Особого отдела ВЧК. Легоньякая указала, что является членом партии с 1917 года, что в октябрьскую революцию была разведчицей Замоскворецкого военного комиссариата, а в октябре-ноябре 1918 года работала "в тылу неприятеля в направлении станции Лихая". В заключительном абзаце своих показаний Легоньякая сообщила, что при обыске ею был в свое время найден у Каплан "в портфеле браунинг, записная книжка с вырванными листами, папиросы, билет по ж. д., иголки, булавки, шпильки и т.д. всякая мелочь".

Эти показания следует назвать сенсационными, так как в них впервые сообщается о найденном у Каплан браунинге. Столь же очевидно, что Легоньякая говорила неправду. Результаты обыска, проводимого в Замоскворецком комиссариате тремя женщинами: Легоньякой, Д. Бем и З. Удотовой, нам хорошо известны из запрототолированных показаний Бем и Удотовой, данных 30 августа 1918 года. Зинаида Удотова показала:

"При обыске мы Каплан раздели до нага и просмотрели все вещи до мельчайших подробностей. Так, рубцы, швы нами просматривались на свету, каждая складка была разглажена. Были тщательно просмотрены ботинки, вынуты оттуда подкладки, вывернуты. Каждая вещь просматривалась по два и несколько раз. Волосы были расчесаны и выглажены. Но при всей тщательности обнаружено что-либо не было. Одевалась она частично сама, частично с нашей помощью".

Примерно о том же сообщила в своих показаниях 31 августа 1918 года сама З. И. Легоньякая:

"Во время обыска я по распоряжению тов. Дьяконова стояла у двери с револьвером наготове. К вещам я совершенно не прикасалась, наблюдая лишь за движением рук Каплан. Обыск был тщательный, были просматриваемы даже рубцы и швы, обувь просматривалась внутри и оттуда вывертывалась подшивка. Волосы были расчесаны, просматривали также и голое тело, между ног, под мышками. Но, несмотря на всю тщательность, ничего обнаружено не было. Одевалась она частично сама, частично ей помогали".

Из обнаруженного: железнодорожный билет в Томилино, иголки, восемь головных шпилек, сигареты, брошка, т.е. всякая мелочь. "Больше ничего при Каплан обнаружено не было", -- показала Дж. Бем. В остальном перечень Легоньякой совпадал с перечнем Бем: записная книжка с вырванными листами, папиросы, билет по ж. д., иголки", шпильки...(88)

Откуда же появился браунинг в портфеле Каплан и почему ни до, ни после 24 сентября 1919 года о нем не упоминали? Литвин считает, что Легоньякая сообщила о браунинге по подсказке ЧК, чтобы навсегда закрыть вопрос об оружии убийства. Но поскольку допросы Легоньякой достоянием общественности не делались, грубая фальсификация, запрототолированная в секретном досье, ничему не способствовала. Можно предположить, что в квартире Легоньякой в сентябре 1919 года был устроен обыск, что во время этого обыска нашли браунинг, что была проведена дактилоскопическая экспертиза, показавшая, что в Ленина действительно стреляли из найденного у Легоньякой пистолета. Легоньякая должна была либо сознаться в том, что стреляла в Ленина (и быть, очевидно, расстрелянной), либо объяснить, каким образом к ней попал "браунинг Каплан". И Легоньякая такое объяснение дала. Вопреки всей имевшейся информации она показала, что нашла браунинг в портфеле Каплан при обыске (при котором никто больше этого браунинга не видел). Был ли

это браунинг за No 150489 -- или какой-то другой -- неизвестно. Впрочем, это все-лишь рабочая гипотеза.

Сама Легоньякая даже не была арестована. С нее взяли подписку о явке в Особый отдел ВЧК по первому требованию для дачи показаний и отпустили. О дальнейшей судьбе Легоньякой нам ничего не известно, но любопытно, что дело Легоньякой пересматривалось НКВД в ноябре 1934 года(89), и трудно предположить, что вновь занявшись ее делом, НКВД оставило ее на свободе.

Здесь самое время вернуться к слухам о том, что Каплан расстреляна не была. Костин пишет, что слухи эти "начали распространяться в 30-40-х годах заключенными тюрем и концлагерей, якобы встречавших Каплан в роли работника тюремной канцелярии или библиотеки на Соловках, в Воркуте, на Урале и в Сибири"(90). "Еще в 30-е годы ходили упорные слухи, что Каплан видели в Верхнеуральской и Соликамской тюрьмах, -- вторит Э. Максимова. -- Всего полтора года назад адвокат-пенсионер писал в Музей Ленина, что его отец, старый коммунист, ссылаясь на очень осведомленных людей, рассказал в 37-м году сыну: Каплан была помилована. Через несколько лет ему самому, студенту-юристу, в том же Верхнеуральске тюремный надзиратель назвал фамилию Каплан и показал ее камеру, а начальник тюрьмы это подтвердил"(91).

Лагерные легенды всегда столь же правдоподобны, сколь и немыслимы. Могли ли надзиратель и начальник тюрьмы рассказывать заключенному о том, что в такой-то камере сидит официально расстрелянная в 1918 году Каплан? Ведь наверное, если Каплан не была расстреляна, это считалось государственной тайной?

Масло в огонь подлили воспоминания деятельницы итальянской компартии и Коминтерна Анжелики Балабановой. Приехав из Стокгольма вскоре после покушения и посетив Ленина, она спросила о судьбе Каплан. Ленин ответил, что решение этого вопроса будет зависеть "от Центрального комитета". Сказал он это таким тоном, что Балабанова о покушавшейся больше не спрашивала. "Мне стало ясно, -- писала Балабанова, -- что решение это будет приниматься другими инстанциями и что Ленин сам настроен против казни. [...] Ни из слов Ленина, ни из высказываний других людей нельзя было заключить, что казнь состоялась".

Балабанова пишет, что ее свидание с Лениным происходило "в секретном месте", куда Ленин был вывезен "по совету врачей и из предосторожности". "Физически он еще не оправился от покушения" и "о своем здоровье он говорил очень неохотно". "Секретным местом" были Горки, куда Ленин и Крупская выехали 24-25 сентября. Значит, встреча Балабановой с Лениным относится к концу сентября -- началу октября 1918 года. Предположить, что к этому времени Ленин не знал о расстреле Каплан, совершенно невозможно, хотя бы потому, что об этом было опубликовано в "Известиях" и в органе ВЧК(92). И уже совсем неправдоподобной выглядит сцена прощания Балабановой с Крупской. Крупская обняла ее и "со слезами сказала": "Как это страшно -- казнить революционерку в революционной стране"(93). Сегодня мы с достоверностью знаем, что Ленину казнить было не страшно, в том числе и революционеров. Поверить, что через месяц после покушения Крупская, проведшая все это время около неоправившегося Ленина, проливает слезы по расстрелянной полусумасшедшей Каплан -- очень трудно. Предположить, что и Крупская не знала о расстреле -- еще труднее. Разве что речь шла не о Каплан, а о какой-то другой женщине? Но тогда все описанное граничило с разглашением Лениным государственной тайны, а на это ни Ленин, ни Крупская никогда б не пошли. Однако какое-то объяснение слухам о не расстрелянной Каплан давать приходилось. Историк Б. И. Николаевский имел свое мнение. В письме Балабановой он писал:

"Относительно Каплан: она расстреляна комендантом Кремля [...] После войны распространился слух, что Каплан жива, ее видели на Колыме и т.д. Теперь в „Новом мире“ появились воспоминания Ирины Каховской, другой левой эсерки, о Горьком -- по-видимому, на Колыме была именно она"(94).

Касательно самой Каховской Николаевский мог быть не прав. Но он был прав по

существо: в лагерях могли встречать женщину, осужденную за покушение на Ленина 30 августа 1918 года. Кто знает, может быть это была на самом деле стрелявшая в Ленина совсем другая женщина. Может быть в 1934 году по обвинению в покушении на Ленина была арестована чекистка Зинаида Легоньяка и именно ее в лагерях считали помилованной Каплан?

Привезенный после покушения в Кремль, окруженный врачами, Ленин считал, что ему приходит конец. Лично преданный Ленину человек, управляющий делами СНК и фактический секретарь Ленина Бонч-Бруевич первым оказывается возле Ленина со своей женой, В. М. Величкиной, имевшей медицинское образование. Только в ее присутствии врачам разрешают ввести Ленину морфий, излишняя доза которого может привести к смерти больного. Первое впрыскивание морфия делает сама Величкина(95). По воспоминаниям Бонч-Бруевича, Ленин пытался понять, тяжело ли он ранен: "А сердце?.. Далеко от сердца... Сердце не может быть затронуто..." -- спрашивал Ленин. И затем произнес фразу очень странную, будто считал, что его убивают свои: "И зачем мучают, убивали бы сразу... -сказал он тихо и смолк, словно заснул"(96).

К официальной версии о выстрелах Каплан Ленин отнесся недоверчиво. По свидетельству Свердлова уже 1 сентября Ленин "шутя" устраивал врачам перекрестный допрос (конечно же -- не шутя)(97). 14 сентября Ленин беседовал с Мальковым. Здесь допустимы две версии. Первая: Мальков рассказал, что расстрелял Каплан по указанию Свердлова, а труп уничтожил без следа. Вторая: по приказу Свердлова Мальков Ленину ни о чем не рассказал. В первом случае Ленину должно было стать ясно, что Свердлов заметал следы и что заговор организовывался Свердловым. Во втором приходится допустить, что от Ленина утаили факт расстрела Каплан, дабы не компрометировать Свердлова. Но держать в секрете эту информацию долго вряд ли представлялось возможным.

Оказалось, однако, что даже раненый Ленин, пока он в Кремле, Свердлову все равно мешает. Здесь сама собой напрашивается аналогия: Ленин, Сталин и Горки в 1922-23 годах. Официально в 1922-23 годах Ленин был отправлен в Горки на выздоровление. Сегодня мы знаем, что он был отстранен Сталиным от дел, сослан и умер при загадочных обстоятельствах. Но мысль о Горках впервые зародилась не у Сталина, а у Свердлова. И когда, читаешь о том, как Свердлов "заботился" о здоровье раненого "Ильича", это слишком напоминает "заботу" Сталина о больном Ленине в 1922-1923 годах. Обратимся к мемуарам Малькова:

"Ильич начал вставать с постели. 16 сентября он впервые после болезни участвовал в заседании ЦК РКП(б) и в тот же вечер председательствовал на заседании Совнаркома. Ильич вернулся к работе!"

Какая радость! Перегруженный работой Свердлов мог наконец-то отдохнуть? Не тут-то было. Мальков продолжает:

"В эти дни меня вызвал Яков Михайлович. Я застал у него председателя Московского губисполкома; Яков Михайлович поручил нам вдвоем найти за городом приличный дом, куда можно было бы временно поселить Ильича, чтобы он мог как следует отдохнуть и окончательно окрепнуть.

-- Имейте в виду, -- напутствовал нас Яков Михайлович, -- никто об этом поручении не должен знать. Никому ничего не рассказывайте, действуйте только вдвоем и в курсе дела держите меня".

Вот так и родились знаменитые Горки -- имение бывшего московского градоначальника Рейнбота (за которого после смерти мужа вышла замуж вдова Саввы Тимофеевича Морозова). Свердлов "велел подготовить Горки к переезду Ильича", -- вспоминает Мальков. "Снова подчеркнул, что все нужно сохранить в строгой тайне. [...] Дзержинский выделил для охраны Горок десять чекистов, подчинив их мне. Я отвез их на место [...], а на следующий день привез в Горки Владимира Ильича и Надежду Константиновну. Было это числа 24-25 сентября 1918 года".

В Горки мало кто ездил: Свердлов, Сталин, Дзержинский и Бонч-Бруевич. Как

неоднократно было в 1922-23, Ленин рвался в Кремль, а его не пускали. Чтобы задержать Ленина в Горках в его кремлевской квартире был начат ремонт. Мальков пишет:

"К середине октября Владимир Ильич почувствовал себя значительно лучше и все чаще стал интересоваться, как идет ремонт и скоро ли он сможет вернуться в Москву. Я говорил об этом Якову Михайловичу, а он отвечал:

-- Тяните, тяните с ремонтом. [...] Пусть подольше побудет на воздухе, пусть отдыхает"(98).

Основной задачей Свердлова было продемонстрировать партактиву, что советская власть вполне обходится без Ленина. Весь сентябрь и первую половину октября Свердлов и А. И. Рыков по очереди председательствовали в Совнаркоме(99). Все остальные руководящие посты: председателя ВЦИК и секретаря ЦК, председателя Политбюро и председателя ЦК -- у Свердлова уже были. "Вот, Владимир Дмитриевич, и без Владимира Ильича справляемся"(100), -- сказал как-то Свердлов Бонч-Бруевичу. Нужно ли сомневаться, что Бонч-Бруевич доложил об этом разговоре Ленину?

Следует отметить, что без Ленина справлялся не только Свердлов, но и Троцкий. Выступая 1 октября 1918 года на соединенном заседании Московского совета с рабочими организациями Троцкий сказал:

"За сравнительно короткий период времени, с того момента, как прозвучал предательский выстрел в тов. Ленина и до сегодня положение советской армии приняло устойчивый характер. С каждым днем советская армия гигантскими шагами продвигается вперед".

Троцкий рассказал собравшимся, что "вчера" был у Ленина "и убедился, что сидящие в его теле две пули не мешают ему следить за всем, и по-легоньку всех подтягивать, -- что конечно вовсе не мешает"(101).

В общем, раненый Ленин сильно не мешает, а строительство армии в его отсутствие "гигантскими шагами продвигается вперед".

В октябре ремонт квартиры был закончен. Видимо, Бонч-Бруевич, личный друг и секретарь Ленина, был единственным, кто не хотел, чтобы Ленин отдыхал и дышал свежим воздухом: он немедленно сообщил Ленину, что ремонт окончен и можно возвращаться в Кремль(102). Мальков вспоминает:

"Недели через три после переезда в Горки Владимир Ильич встретил меня при очередном моем посещении с какой-то особенно подчеркнутой любезностью.

-- Ну как, товарищ Мальков, ремонт в моей квартире скоро закончится?

-- Да знаете, Владимир Ильич, туго дело идет. [...]

Он вдруг посуровел.

-- [...] Ремонт в Кремле уже два дня как закончен. Я это выяснил. [...] Завтра же я возвращаюсь в Москву и приступаю к работе. Да, да. Завтра. Передайте, между прочим, об этом Якову Михайловичу. Я ведь знаю, кто вас инструктирует. Так запомните -- завтра!

И, круто повернувшись ко мне спиной, Владимир Ильич ушел в свою комнату. На следующий день он вернулся в Москву"(103).

Так, с помощью плохого Бонч-Бруевича, желавшего Ленину зла, Ленин возвратился из ссылки, в которую он был отправлен добрым Свердловым для отдыха под нежными взорами десятка чекистов Дзержинского.

К этому времени у Бонч-Бруевича и получавшего через него соответствующую информацию Ленина появилась еще одна причина для конфликта со Свердловым. Если у заговорщика Свердлова были планы расправиться с раненым Лениным, этому помешали в Кремле безотрывно находившиеся при Ленине Бонч-Бруевич и его жена Величина. И слишком уж подозрительным совпадением кажется то, что 30 сентября, т.е. через 5-6 дней после отъезда Ленина в Горки, Величина умерла в Кремле, по официальной версии от "испанки"(104).

Эзопов язык мемуаров старой гвардии большевиков, умудрившейся уцелеть даже в сталинскую чистку, не всегда понятен. В воспоминаниях Бонч-Бруевича читаем:

"Осень 1918 года. [...] В Кремле в течение двух дней от испанки умерли три женщины. Владимир Ильич находился за городом на излечении после тяжелого ранения. Получив известие о смерти женщин, он выразил самое душевное соболезнование семьям и сделал все распоряжения об оказании им помощи. Не прошло и месяца, как той же испанкой заболел Я. М. Свердлов [...]. Надо было видеть, как был озабочен Владимир Ильич. [...] В это время он уже жил в Кремле [...]. Несмотря на предупреждения врачей о том, что испанка крайне заразна, Владимир Ильич подошел к постели умирающего [...] и посмотрел в глаза Якова Михайловича. Яков Михайлович затих, задумался и шепотом проговорил: -- Я умираю... [...] Прощайте"(105).

16 марта в 4 часа 55 минут Свердлов умер.

Внешне невинная цитата из воспоминаний Бонч-Бруевича говорит об очень многом. Прежде всего, Ленина никогда не пошел бы к Свердлову, если бы тот был болен заразной "испанкой"(106). Не менее важно, что одной из трех женщин, умерших в Кремле в течение двух дней, была жена Бонч-Бруевича, о чем Бонч-Бруевич "забыл" упомянуть. И понятно почему: три человека за два дня в Кремле -- больше похоже на устранение нежелательных людей, чем на смерть от испанки, пусть даже в период пандемии(107). Наконец, Бонч-Бруевич умеленно сдвинул даты: между смертью его жены и Свердлова прошел далеко не один месяц(108). Приходится домысливать, что цитата из Бонч-Бруевича не столь уж невинна, что нам намекают сначала на устранение Свердловым Величкиной и еще двух женщин, возможно -- медицинских работников(109), а затем -- от "той же испанки" -- на устранение Свердлова, но уже по указанию Ленина, оправившегося от августовского покушения 1918 года.

Из очередной поездки в провинцию Свердлов вернулся в Москву 8 марта 1919 г. О том, что он "тяжело болен" было сообщено 9-го, т. е. сразу же после его приезда. Считалось, что он простудился. Однако в вышедшем в 1994 году в Москве (изд. Терра) справочнике "Кто есть кто в России и бывшем СССР" о Свердлове было написано следующее:

"Согласно официальной версии умер после внезапной болезни. [...] Как утверждает Роберт Масси, в то время ходили настойчивые слухи о том, что его смерть в молодом возрасте последовала за нападением на него рабочего на митинге [...]. В ноябре 1987 по советскому ТВ был показан документальный отрывок о его похоронах [...]. В гробу совершенно ясно была видна голова, которая была забинтована".

О том, кто именно нанес по этой голове удар, остается только догадываться.

Спустя три года, на открытом судебном процессе против эсеровской партии, советское правительство формально признало тот факт, что покушение на Ленина 30 августа 1918 года готовили сотрудники ВЧК Г. И. Семенов-Васильев и Л. В. Коноплева (проникшие в эсеровскую партию). Чтобы лучше разобраться в этой части головоломки, сформулируем еще раз, что же нам известно о покушении на Ленина 30 августа 1918 г.: в Ленина стреляли и он был ранен; выстрелы производились из двух пистолетов; одним из участников покушения могла быть женщина; доказательств того, что стрелявшей женщиной была Каплан -- нет; доказательств того, что расстрелянной Мальковым женщиной была Каплан -- нет; доказательств того, что расстреляна была женщина, стрелявшая в Ленина -- тоже нет; действительные участники покушения не арестованы; организаторы покушения неизвестны.

Кем же были Семенов и Коноплева? Очевидно, что они не были эсеровскими боевиками. С начала 1918 года оба они служили в ВЧК. В дореволюционной России их считали бы классическими провокаторами, типа Азефа. В современном мире их назвали бы агентами разведки в стане врага, нелегалами. Именно поэтому совершенно бессмысленно пересказывать многостаничные истории о том, в каких эсеровских боевых отрядах трудились сотрудники ВЧК Семенов и Коноплева и на каких именно большевистских руководителей, каким способом и в какие сроки планировали Семенов и Коноплева произвести покушения. Благодаря агентурной работе Семенова и Коноплевой вся псевдобоевая работа эсеров, контролируемая, руководимая и организуемая двумя чекистами, стала ни чем иным, как капканом, расставленным для сбора материалов будущего процесса над партией эсеров. Все

остальное, что окружало деятельность этих агентов, их рассказы об арестах большевиками, о сопротивлении при этих арестах, о планируемых побегах и о раскаянии мы обязаны назвать чекистской фабрикацией, предпринятой с целью дезинформации. Это было составной частью подготовки первого открытого политического процесса.

Нам известен пример Блюмкина -- сотрудника ЧК, соучастника убийства Мирбаха, амнистированного, принятого затем формально в ряды большевистской партии, работавшего всю оставшуюся жизнь в контрразведке и расстрелянного в 1929 году за нелегальные контакты с высланным Троцким. Схожая карьера была у Семенова и Коноплевой. По указанию свыше, и очевидно, что это указание мог дать только Дзержинский, Семенов и Коноплева готовили покушение на Ленина. Если левый эсер Блюмкин, убивавший Мирбаха, клал на плаху голову левых эсеров, Семенова и Коноплева, бывшие эсерами, подставляли эсеровскую верхушку. Если ЦК ПЛСР принял на себя ответственность за убийство посла, то ЦК ПСР категорически опроверг свою причастность к покушению на Ленина: "Бросьте не только вашу работу, которую вы ведете, но бросьте всякую работу и поезжайте в семью отдохнуть"(110), -- это все, что мог ответить член ЦК ПСР Абрам Гоц(111) весной 1918 года на предложение Коноплевой убить Ленина.

Даже если предположить, что расписанный в ЧК на процессе эсеров сценарий верен, что Каплан действительно стреляла в Ленина, действительно готовила покушение на Ленина по решению ЦК ПСР, действительно работала под руководством Семенова и Коноплевой, то и в этом случае единственный вывод, который можно сделать, это вывод о том, что организацией покушения на Ленина занималась ВЧК, под руководством Дзержинского, а подозрительное поведение Свердлова вместе со столь стремительной его смертью от "испанки" в марте 1919 года возвращает нас в ту точку круга, с которой мы начали этот очерк.

Семенов и Коноплева были сотрудниками ВЧК, а не перевербованными эсерами. Семенов вступает в большевистскую партию в 1919 году (по другим сведениям -- в январе 1921 г. по рекомендации А. С. Енукидзе, Л. П. Серебрякова и Н. Н. Крестивского). Коноплева -- в феврале 1921 года. После того, как в конце 1921 года было принято решение об инсценировке открытого судебного процесса над партией эсеров, Коноплеву и Семенова попросили подготовить соответствующую компрометирующую документацию. Семеновым 3 декабря 1921 года было закончено написание брошюры о подрывной деятельности эсеров. Рукопись этой брошюры хранится в материалах эсеровского процесса с чернильной пометкой Сталина: "Читал. И. Сталин. (Думаю, что вопрос о печатании этого документа, формах его использования и, также, о судьбе (дальнейшей) автора дневника должен быть обсужден в Политбюро). И. Сталин"(112).

5 декабря 1921 г., т. е. через два дня после окончания написания брошюры, Семенов подает "доклад" в ЦК РКП(б), где указывает, что уже в конце 1920 г. пришел к "мысли о необходимости открыть белые страницы прошлого п.с.-р.", что он был за границей, следил за работой эсеров и понял, что из всех партий -- эсеры "безусловно единственная реальная сила, могущая сыграть роковую роль при свержении советской власти", а потому решил "разоблачить п.с.-р. перед лицом трудящихся, дискредитировать ее... открыв темные страницы ее жизни, неизвестные еще ни РКП(б), ни большинству членов п.с.-р."(113)

21 января 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) поручило И. Уншлихту по линии разведки принять меры, чтобы брошюра Семенова вышла из печати за границей не позже, чем через две недели. 2 марта 1922 года берлинская газета "Руль" впервые упомянула вышедшую в Берлине в типографии Г. Германна(114) книжку Семенова. Сразу же после этого брошюра была переиздана в РСФСР. Нравы тогда были простые, даже у чекистов, поэтому на изданной в советской России книжке было откровенно указано, что она отпечатана тиражом в 20.000 экз. в типографии ГПУ, Лубянка 18(115).

Коноплева, в свою очередь, написала ряд документов, подкрепляющих собственную легенду об эсерке-перебежнице, эсерке-предательнице, перевербованной советской властью. Чекистам важно было иметь в архиве материалы, говорящие о том, что Коноплева бывшая

эсерка, а не просто сотрудник ВЧК. 15-16 января такие документы были составлены. Так, 15 января 1922 года ею было написано письмо в ЦК ПСР, где она доводила до сведения ЦК ПСР, что ею "делается сообщение Центральному комитету РКП(б) о военной, боевой и террористической работе эсеров в конце 1917 года по конец 1918 года в Петербурге и Москве"(116). В тот же день Коноплева дала пространные показания о подготовке ЦК ПСР террористических актов против Володарского, Урицкого, Троцкого, Зиновьева и Ленина, т.е. подписала членам ЦК партии эсеров смертный приговор. Из письма, поскольку оно кончалось фразой "бывший член ПСР, член РКП(б)", с очевидностью вытекала неприятная для ЦК ПСР новость: Коноплева была коммунисткой(117).

Тогда же, 15-16 января было составлено личное письмо Коноплевой секретарю ЦК Л. П. Серебрякову. В этом письме Коноплева объясняла как и почему она переметнулась от эсеров к большевикам(118). По смыслу письма, оно должно было быть датировано задним числом, например, январем 1921 года, как если бы письмо писалось до вступления Коноплевой в РКП(б). Видимо, письму решили не давать хода, и дата на нем осталась настоящая. В письме "Дорогому Леониду Петровичу" обсуждается вопрос о том, готова ли Коноплева только еще вступить в партию. И это писал член партии с более чем годичным стажем:

"Дорогой Леонид Петрович! Мне хочется немного поговорить с Вами, поделиться своими мыслями. Весь 1919 год был готом ломки моего старого идеологического мировоззрения. И результат был тот, что и по взглядам своим и по работе фактически я сделалась коммунисткой, но формальное вхождение в РКП считала невозможным благодаря своему прошлому. Еще будучи в ПСР, а также в группе "Народ", я считала, что долг наш -- мой и Семенова -- во имя справедливости открыть те страницы в истории ПСР, скрытые от широких масс, Интернационалу. [...] Интернационал должен знать все темные, все скрытые стороны тактики партии в последнюю революцию. Но как это сделать, я не знаю. Вопрос этот, связанный с тяжелым личным моральным состоянием, стал перед вхождением моим в РКП. С одной стороны, я чувствовала, сознавала, что не имею морального права войти в партию, перед которой имею столько тяжких грехов, не сказав ей о них; с другой стороны, считала, что открыть его, не указав фактического положения вещей, связи с прошлой работой в ПСР, персонально ряде лиц, я не могла -- слишком все было связано одно с другим. Это же считала неприемлемым со стороны моральной -- попросту говоря, предательством старых товарищей по работе. Насколько было приемлемо для меня сообщение о прошлом Интернационалу -- объективному судье, настолько неприемлемо Центральному Комитету или иному органу РКП. Политическая партия не судья другой партии, они обе стороны заинтересованные, а не беспристрастные судьи. Таково было мое убеждение. Перед вступлением в РКП я Вам говорила не раз, что мое прошлое мешает войти. Но я решила перешагнуть через прошлое и в партию вошла, имея на мысли дальнейшей работой хоть немного покрыть прошлое, свои ошибки и преступления перед революцией.

Приехав за границу, читая с.-р. орган "Воля России", старое воскресло с новой силой. Это травля русской революции, Коммунистической партии, которую ведут эсеры, раздувая и крича об ошибках РКП, стараясь восстановить против нас западноевропейский пролетариат, крича об ужасах ЦК и красного террора, зародили мысль о необходимости во имя революции и партии раскрыть перед пролетариатом, и международным и русским, истинное лицо ПСР, ее тактику, ее преступления перед революцией.

Я знаю, что все, что в интересах революции, -- допустимо и справедливо. Интересы революции -- наша правда, наша мораль, и когда мы с Семеновым перед отъездом его в Россию обсуждали этот вопрос, то так решили оба -- если интересы революции требуют, то мы должны, обязаны это сделать, хотя бы с точки зрения человеческой морали это было неприемлемо... Как за террористическим актом должна последовать физическая смерть исполнителя, так за этим актом -- моральная смерть. А может быть смерть старой морали? Этого я еще не знаю. Все может быть. Одно только знаю -- во имя интересов революции

должно быть сделано все!..

Я задавала себе вопрос, старалась проверить себя, что, может быть, потому так тяжело, так мучительно подавать мне заявление в ЦК РКП, что у меня осталось что-то общее с эсерами, какая-то связь. На это ответил себе, отвечаю и Вам -- нет, ничего не осталось. Как они являются врагами революции, врагами РКП, так они и мои враги...

Дорогой Леонид Петрович, не знаю, разберетесь ли Вы в моем писании... Я тут совсем одна. Путалась и разбиралась в этом вопросе и, откровенно говоря, совсем запуталась в морали...

Всего, всего лучшего.

Лида.

15 января 1922 года.

Добавление к письму:

...Все это я Вам пишу как товарищу, мнение которого я ценю и уважаю, и как человек человеку. Еще раз повторяю, что у меня нет ни тени сомнения и колебания в том, что я должна и обязана, внутренне обязана сделать для революции, но как совместить это с моральной этикой -- не знаю, не умею и боюсь.

Простите за такое сумбурное письмо и напишите мне. 16 января 1922 года.

Лида.

P. S. Во всяком случае, уведомите меня... о получении доклада и письма. Это обязательно сделайте"(119).

Удивительно и то, что Коноплева, бывшая террористка, по легенде убивавшая большевиков, обращается к секретарю ЦК "Дорогой Леонид Петрович", и то, что вопрос о приеме в партию решается ею не в той плоскости, примут или не примут Коноплеву большевики, а готова ли морально или не готова сама Коноплева вступить в партию. Очевидно, что это письмо -- неиспользованный черновик, часть общего сценария эсеровского процесса. Но адресовано письмо старому хорошему знакомому, если не другу. Подтверждение этому мы находим в мемуарах жены Серебрякова:

"Весьма характерно, что Лидия Коноплева, правая эсерка, выдавшая планы своей партии, готовившая террористические акты (процесс Гоца и др. прогремел на всю планету), пришла именно к Серебрякову для исповедального разговора и ему первому поведала все, что знала о кровавых намерениях бывших единомышленников. Впоследствии она постоянно бывала у нас: желтоволосая, неприметная внешне, молчаливая женщина, похожая на сельскую учительницу, с тяжелым взглядом едва окрашенных женских глаз. Она, как оказалась, под этой заурядной непривлекательностью прятала бурным темперамент и специфический изворотливый ум ловкого конспиратора. Перед Серебряковым она и ее друг (забыла его фамилию) [Семенов] доподлинно благоговели. После суда над эсерами оба они уехали за границу с секретными поручениями"(120).

Совершенно очевидно, что секретарь ЦК Серебряков мог дружить с Коноплевой только в одном случае -- если она была и оставалась коммунисткой. С бывшим эсеров-боевиком Серебряков дружить бы не мог. Посмотрим, кто еще был вхож в дом Серебрякова и с кем еще он дружил:

"Большая братняя любовь на протяжении многих лет соединяла Свердлова с Леонидом. Они долго находились в одной ссылке, а с первых дней Октябрьской революции работали вместе. Вся многочисленная семья Свердловых, его сестры, братья, жена сохраняли короткие дружеские отношения с Леонидом и после смерти Якова Михайловича"(121).

Итак, друг No 1 это Свердлов. Читаем дальше: "Валерий Межлаук как-то сказал мне, после того, как поссорился из-за какой-то мелочи с Леонидом (оба работали заместителями наркома путей сообщения Дзержинского), что Леонид хитер и лицемерит"(122).

Здесь нам важна не личная характеристика, может быть к тому же не объективного свидетеля Межлаука, а тот факт, что Серебрякова взял к себе заместителем Дзержинский. Поэтому правильно предположить, что Серебряков был его правой рукой. Совместная работа была скреплена и личными дружескими отношениями. Серебрякова пишет:

"Среди ближайших друзей Леонида было очень много грузин, абхазцев и армян. [...] Постоянно из Тбилиси, Кутаиси, Еревана присылались подарки: вина, виноград, чурчхела, сыры и мед, -- которые мы, в свою очередь, раздавали таким ближайшим друзьям Леонида, как Держинский, Григорий Беленький, Бухарин, Воронский, Сергей Зорин, Рудзутак, А. С. Енукидзе и Калинин. Редкий вечер кто-нибудь из этих людей не бывал у нас, а в дни пленумов и съездов ночевало с десятков человек"(123).

Итак, в период 1918-23 годов(124) Серебряков дружил со Свердловым и Держинским. И в этот дом, куда ежедневно приходили или могли прийти Держинский, Бухарин или Калинин заходила еще и бывшие эсеры Коноплева и Семенов, готовившие по приказу ЦК ПСР покушение на Ленина 30 августа 1918 года, чуть не лишившего Ленина жизни.

В последние годы этот вопрос интриговал многих исследователей. Тополянский пишет: „Наиболее странным в этой криминальной истории выглядит благодушие властей по отношению к подлинным соучастникам покушения -- Коноплевой и Семенову. Их прощают и оставляют на свободе [...]. Более того, объявляют о вступлении обоих в ряды большевиков, умиляясь их чистосердечному раскаянию и своевременно заговорившей "революционной совести". По воспоминаниям эсеров, опубликованным за рубежом в 1924 году, Коноплеву подозревают в провокациях еще в начале 1918 года. Вскоре после разгона Учредительного собрания значительную часть бывших фронтовиков из состава боевой организации эсеров обезоруживают и сажают в тюрьму. Коноплеву, напрямую связанную с этими фронтовиками, не только не арестовывают -- на нее просто не обращают внимания, хотя она еще некоторое время проживает в Петрограде. [...] Семенов выполняет какие-то тайные поручения (вероятнее всего, военной разведки), долго находится на секретной работе в Китае и, постепенно продвигаясь по службе, достигает ранга бригадного комиссара. Формально Семенов вступает в партию в 1921 году. [...] И кто он? Террорист, перевербованный большевиками, или агент большевиков, внедренный в боевой отряд эсеров?"

Все это приводит Тополянского к выводу, избежать которого трудно:

"Покушение на Ленина совершают, очевидно, эсеры, но готовит его будущий правоверный коммунист Семенов. Вряд ли он действует по собственной инициативе, скорее, выполняет чей-то заказ. Кто же отдает ему в таком случае распоряжения -- председатель ВЦИК или председатель ВЧК? Какие цели, помимо красного террора, они преследуют? Не связаны ли их замыслы с закулисными играми вокруг Брестского мира? И что же они пытаются утаить, постепенно свернув следствие по делу о покушении на вождя и не допустив судебного процесса?"(125)

В 1922--1924 гг. Коноплева работала в 4-м управлении штаба РККА; читала лекции по взрывному делу на курсах оперработников ГПУ(126), затем служила в Московском отделе народного образования, в издательствах "Работник просвещения" и "Транспечать". Арестована в Москве 30 апреля 1937 г. "за хранение архива партии правых эсеров", обвинена в связях с Бухариным и Семеновым, расстреляна 13 июля 1937 г., реабилитирована "за отсутствием состава преступления"(127) 20 августа 1960 г.

Семенов работал в разведуправлении РККА. Из крупных поручений, лежавших на Семенове до 1922 года были организация террористических актов против Колчака и Деникина. В 1927 году Семенов был послан резидентом советской разведки в Китай. 11 февраля 1937 г. арестован и обвинен в том, что с 1928 г. являлся участником антисоветской организации правых, был связан с Бухариным, являлся руководителем "боевой и террористической организации правых", по поручению Бухарина "создал ряд террористических групп из числа бывших эсеров-боевиков"; "силами этих групп подготавливал совершение терактов против руководства ВКП(б) и советского правительства". 8 октября 1937 г. военная коллегия Верховного суда приговорила Г. И. Семенова к расстрелу и в тот же день расстреляла. 22 августа 1961 г. Семенов был реабилитирован. Военная коллегия прекратила его дело за недоказанностью предъявленных обвинений:

„Проверкой дела установлено, что Семенов никаких террористических групп после

1918 г. не создавал и с эсерами связан не был. Будучи арестованным 11 февраля 1937 г., Семенов до 15 июня 1937 г. отрицал свою вину и 4 июня 1937 г. на очной ставке с уличающим его арестованным Усовым К. А. заявил: "Вы Усова замучили угрозами. Смотрите, на кого он похож? Потому и дает такие показания". За это заявление Семенов был водворен в карцер, после чего 15 июня 1937 г. написал заявление на имя Н. И. Ежова о том, что вину свою признает и обещает дать подробные показания. По делу установлено, что бывший сотрудник НКВД М. Л. Гатов, руководивший следствием и допрашивавший Семенова, в 1939 г. был осужден за фальсификацию следственных дел и антисоветскую деятельность в органах НКВД".

Литвин считает, что "технически организовать тогда покушение на Ленина было просто. Достаточно лишь представить себе, что руководители боевой эсеровской организации Семенов и Коноплева начали сотрудничать с Дзержинским не с октября 1918 года, когда их арестовали, а с весны 1918-го. Тогда станут понятными и легкость, с которой в нужном месте прозвучали выстрелы, и нарочито безрезультатная работа следствия [...]. Эта версия поможет понять, почему Семенов и Коноплева под поручительство известных большевистских деятелей были отпущены на свободу и никак не пострадали в период красного террора. Семенов, этот эсеровский Азеф 1918 года, скорее всего действовал по указанию чекистского руководства, тесно связанного с партийно-советскими вождями"(128).

Заявления о том, что к покушению на Ленина в августе 1918 года имели отношение высшие советские руководители, прежде всего Бухарин, впервые прозвучали в 1938 году, во время процесса над Бухариным. Дело в том, что весной 1918 года, после подписания Брестского договора, левыми эсерами был поднят вопрос о создании совместно с левыми коммунистами оппозиционной Ленину партии, для чего предлагалось "арестовать Совет народных комиссаров" во главе с Лениным, объявить войну Германии, немедленно после этого освободить арестованных членов СНК и сформировать новое правительство из сторонников революционной войны. Председателем нового Совнаркома предполагалось назначить Пятакова. Сами левые коммунисты о тех днях сообщали следующее:

„По вопросу о Брестском мире, как известно, одно время положение в ЦК партии было таково, что противники Брестского мира имели в ЦК большинство [...] Во время заседания ЦИК, происходившего в Таврическом дворце, когда Ленин делал доклад о Бресте, к Пятакову и Бухарину во время речи Ленина подошел левый эсер Камков [и] [...] полушутя сказал: "Ну, что же вы будете делать, если получите в партии большинство? Ведь Ленин уйдет, и тогда нам с вами придется составлять новый Совнарком. Я думаю, что председателем Совнаркома мы выберем тогда тов. Пятакова" [...] Уже после заключения Брестского мира [...] тов. Радек зашел к [...] Прошьяну для отправки по радио какой-то резолюции левых коммунистов. Прошьян смеясь сказал тов. Радеку: "Все вы резолюции пишете. Не проще было бы арестовать на сутки Ленина, объявить войну немцам и после этого снова единодушно избрать тов. Ленина председателем Совнаркома". Прошьян тогда говорил, что, разумеется, Ленин как революционер, будучи поставлен в необходимость защищаться от наступающих немцев, всячески ругая нас и вас (вас -- левых коммунистов), тем не менее лучше кого бы то ни было поведет оборонительную войну [...] Любопытно отметить, что [...] когда после смерти Прошьяна тов. Ленин писал о последнем некролог, тов. Радек рассказывал об этом случае тов. Ленину, и последний хохотал по поводу такого "плана"”(129).

Не позднее января 1937 года ГПУ стало собирать компрометирующую информацию для процесса против Бухарина. Именно в этот момент вспомнили о статьях в "Правде" 1923 года, равно как и о Семенове с Коноплевой. Оба сотрудника советской контрразведки были арестованы и по указанию органов НКВД дали компрометирующую информацию против Бухарина, предъявленную Бухарину в феврале. Положение Бухарина усугублялось тем, что именно Бухарин по решению ЦК в 1921 году (вместе с И. Н. Смирновым и Шкирятовым) формально рекомендовал Коноплеву для вступления в партию, а в 1922 году, тоже по решению ЦК, выступал защитником Семенова на процессе эсеров. 20 февраля 1937 года

Бухарин пробовал оправдаться в письме к пленуму ЦК ВКП(б):

„Нельзя пройти мимо чудовищного обвинения меня в том, что я, якобы, давал Семенову террористические директивы [...]. Здесь умолчано о том, что Семенов был коммунистом, членом партии [...]. Семенова я защищал по постановлению ЦК партии. Партия наша считала, что Семенов оказал ей большие услуги, приняла его в число своих членов. [...] Семенов фактически выдал советской власти и партии боевые эсеровские группы. У всех эсеров, оставшихся эсерами, он считался "большевицким провокатором". Роль разоблачителя он играл и на суде против эсеров. Его эсеры ненавидели и сторонились его как чумы"(130).

Поскольку Сталина при подготовке процесса над Бухариным меньше всего интересовала истина, опровержение Бухарина ничего не меняло, и на процессе "антисоветского право-троцкистского блока" 1938 года государственный обвинитель А. Я. Вышинский продолжал утверждать, что террористические директивы Семенов получал лично от Бухарина. Чуть позже Большая советская энциклопедия расставила соответствующие акценты и эпитеты:

"Сейчас неопровержимо доказано, что в подготовке убийства великого Ленина участвовали и гнусные троцкистско-бухаринские изменники. Больше того, омерзительнейший негодяй Бухарин выступил в роли активного организатора злодейского покушения на юенина, подготовлявшегося правыми эсерами и осуществленного 30 августа 1918. В этот день Ленин выступил на собрании рабочих завода б. Михельсона. При выходе с завода он был тяжело ранен белоэсеровской террористкой Каплан. Две отравленные пули попали в Ленина. Жизнь его находилась в опасности"(131).

В 1938 году многих удивило, что это самое страшное обвинение Бухарин опровергать не стал(132). И вот почему. НКВД к организации процесса подошло со всей серьезностью. 15 декабря 1937 года следователями был допрошен давно арестованный и отсидевший почти всю свою сознательную жизнь бывший эсер В. А. Новиков. По легенде Семенова Новиков был одним из главных участников покушения на Ленина 30 августа 1918 года. Одетый матросом, он "появлялся" на сцене дважды: создавал затор толпы при выходе Ленина из цеха и бежал с револьвером к лежащему на земле раненому вождю. После покушения он умчался на ожидавшем его извозчике, а после ареста умудрился не быть расстрелянным, хотя и должен был разделить участь "Каплан" за соучастие в теракте.

И вот, в 1937 году мы снова встречаемся с оказывается уцелевшим Новиковым. К сожалению Костин, получивший доступ к этим материалам в Государственном архиве Российской Федерации, приводит в своей публикации лишь небольшой отрывок из этого допроса:

"Выписка из протокола допроса арестованного Новикова Василия Алексеевича, 1883 года рождения, от 15 декабря 1937 года.

Вопрос: Вы назвали всех бывших участников эсеровской террористической дружины, с которыми вы встречались в последующие годы?

Ответ: Я упустил из виду участницу покушения на В. И. Ленина -- Ф. Каплан, которую встречал в Свердловской тюрьме в 1932 г.

Вопрос: Расскажите подробно, при каких обстоятельствах произошла эта встреча?

Ответ: В июле 1932 г. в пересыльной тюрьме в г. Свердловске, во время одной из прогулок на тюремном дворе, я встретил Каплан Фаню в сопровождении конвоира. Несмотря на то, что она сильно изменилась после нашей последней встречи в Москве в 1918 г., я все же сразу узнал ее. Во время этой встречи переговорить мне с нею не удалось. Узнала ли она меня, не знаю, при нашей встрече она никакого вида не показала. Все еще сомневаясь в том, что это Фаня Каплан, решил проверить это и действительно нашел подтверждение того, что это была именно она.

Вопрос: Каким образом?

Ответ: В Свердловской тюрьме в одной камере содержался Кожаринов, переводившийся из челябинского изолятора в ссылку. Кожаринов был привлечен к работе в

качестве переписчика в Свердловской тюрьме. Я обратился к нему с просьбой посмотреть списки заключенных, проверив, находится ли среди них Фаня Каплан. Кожаринов мне сообщил, что действительно в списках Свердловской тюрьмы числится направленная из политизолятора в ссылку Каплан Фаня, под другой фамилией -- Ройд Фаня...

Вопрос: От кого и что именно вы слышали о Каплан в 1937 г.?

Ответ: 15 ноября 1937 г. я был переведен из Мурманской тюрьмы в Ленинградскую на Нижегородской ул. Находясь там в одной камере с заключенным Матвеевым, у меня с ним возник разговор о моей прошлой эсеровской деятельности, и в частности о Каплан Фане. Матвеев, отбывавший наказание в Сибирских к/лагерях, сказал мне, что он знает о том, что Каплан Фаня - участница покушения на В. И. Ленина -- работает в управлении Сиблага в Новосибирске в качестве вольнонаемного работника...

Протокол записан с моих слов правильно и мною прочитан.

Подпись Новикова.

Допросили: нач. 4 отд-ния 4 отдела УГБ УНКВД Ленинградской области лейтенант госбезопасности (подпись неразборчива).

Оперуполномоченный 4 отд-ния 4 отдела УГБ УНКВД сержант госбезопасности (подпись неразборчива)"(133).

Костин указывает, что в 1937 году на запрос заместителя наркома внутренних дел Фриновского о том, верны ли сведения В. А. Новикова, из Свердловска сообщили: "Не установлено, что Ройд Фаня содержалась в Свердловской тюрьме в 1932 г.". Костин указывает, что позднее "проверку произвели по архивным данным Свердловской тюрьмы, по архивным материалам конвойного полка, картотеки ОМЗ, а также РКМ и ДТО". Однако арестованных с фамилей, похожей на Ройд, обнаружено не было. Из Новосибирска также сообщили, что Каплан среди заключенных не числится и не числилась: "В числе заключенного и вольнонаемного состава Фани Ройд, она же Фаня Каплан, в прошлом и в настоящее время не имеется"(134).

Возможно, в 1937 году НКВД планировало не просто выдвинуть на процессе 1938 года против Бухарина обвинения в организации покушения на Ленина, а подготавливало почву для свидетельских показаний против Бухарина самой... Каплан. Именно поэтому и нужно было оживить давно убитого свидетеля. Мемуары Малькова в те годы опубликованы еще не были. О смерти Каплан говорило лишь газетное объявление, которое легко можно было объяснить либо ошибкой, либо интересами следствия. Верный своему принципу не сообщать самого важного Костин не указывает, чьи еще фамилии допрашиваемый Новиков назвал на допросе. Но очевидно, что начать свой список арестант Новиков должен с давно расстрелянной и воскресшей Каплан, наверняка потрясшей его воображение. А он вспомнил о ней в самом конце допроса, лишь после подсказки: а кого еще вы встречали?

С такими показаниями Новикова не страшно было обвинять Бухарина в организации покушению на Ленина 30 августа 1918 года. Если дела на процессе против Бухарина пойдут плохо, свидетелями обвинения выведут и Каплан, которая подтвердит, что получала директивы от самого Бухарина, и Новикова, который подтвердит, что свидетель -- Каплан. По причинам, которые никогда не станут нам известны, этих "свидетелей" Сталин решил не привлекать.

Примечания

1. Луначарский. Сияющий дорогой гений, с. 66.
2. Куда хотел бежать Свердлов? Публ. В. Лебедева. -- Источник, 1994, No 1, с. 3-4; Аргументы и факты, Август 1996, No 33 (826), с. 16.
3. Немецкий паспорт "Елены Сталь" предназначался, видимо, для Людмилы Николаевны Сталь (1872-1939), члена партии с 1897 года.
4. Фанни Каплан. Или кто стрелял в Ленина? Сборник документов. Казань, 1995, с. 27.
5. Е. Д. Стасова. Страницы жизни и борьбы. Политиздат, М., 1957, с. 103.
6. АИГН, ящик 591, папка 13. Письмо Абрамовича -- Вольскому, от 24 декабря 1957, с. 1--2.

7. АИГН, ящик 591, папка 13. Письмо Валентинова -- Абрамовичу, от 30 декабря 1957, с. 2.
8. Н. Бухарин. Памяти Ильича. -- Правда, 21 января 1925 г.
9. Луначарский. Сияющий дорогой гений, с. 65, 67.
10. Миф о Фанни Каплан. -- ж-л. Время и мы (Израиль) декабрь 1975, No 2, с. 153-163; январь 1976, No 3, с. 126-159.
11. В. Войнов, С. Кудряшов. Отравленные пули. Две версии покушения на В. И. Ленина. -- Комсомольская правда, 29 августа 1990, с. 2
12. Фанни Каплан: "Я стреляла в Ленина". (Попытка документального расследования покушения на В. И. Ленина). Редактор составитель и автор комментариев Б. М. Сударушкин. Рыбинское подворье. Филиал издательства "Русская энциклопедия", 1990.
13. Ю. Фельштинский. Ленин и Свердлов - кто кого. - Наука. Еженедельная газета научного сообщества СССР. Казанский научный центр. 14 апреля 1991, с. 2-3.; см. также Ю. Фельштинский. Ленин. Страницы биографии. -- газ. Русская мысль (Париж), 3-9 августа 1995, No 4089.
14. Е. Данилов. Тайна "выстрелов" Фанни Каплан. -- Звезда Востока (Ташкент), 1991, No 1, с. 113--130. Он же. Три выстрела в Ленина -- Нева, 1992, No 5--6, Он же. Покушение на вождя: сигнал к террору -- Огонек, 1993, No 35--36, с. 10--16. Н. Д. Костин. Кто стрелял в Ленина? -- ж-л. Родина, 1993, No 10, с. 64. В. Тополянский. Кто стрелял в Ленина? Изнанка покушения. -- Литературная газета, 10 ноября 1993, No 45 (5473). А. Л. Литвин. В Ленина "стрелял" Дзержинский? -- ж-л. Родина, лето 1995, No 7, с. 58-60.
15. К. В. Гусев. Рыцари террора. Изд. Луч, М., 1992, с. 82-84.
16. Элла Максимова. Следствие по делу Фанни Каплан продолжается. -Известия, 4 марта 1994 г.; Источник, 1993, No 2, с. 88.
17. Максимова. Следствие по делу Фанни Каплан продолжается.
18. Фанни Каплан. Или кто стрелял в Ленина?, с. 25.
19. Максимова. Следствие по делу Фанни Каплан продолжается.
20. Т. Андриасова. Была ли киллером Фанни Каплан? -- Новое русское слово, 8 апреля 1996, с. 4.
21. В. Бонч-Бруевич. Покушение на В. И. Ленина в Москве 30-го августа 1918 года. (По личным воспоминаниям). Москва, 1924, с. 20, 89. Впервые опубликовано 7 ноября 1923 г. в ноябрьско-декабрьском номере "Молодой гвардии".
22. Я. М. Свердлов. Избранные произведения, т. 3, М., 1960, с. 5. "Известия" No 187 от 31 августа 1918 года также перепечатали обращение Свердлова с указанием, что покушение совершено "несколько часов тому назад", хотя к тому времени можно было бы дать и более точную дату. Датировано это обращение также было 10.40 вечера.
23. Н. Д. Костин. Суд над террором. Московский рабочий. М., 1990, с. 4.
24. Свердлов. Избранные произведения, т. 3, с. 5.
25. Сообщение было также опубликовано в "Еженедельнике чрезвычайных комиссий по борьбе с к-р и спекуляцией" (от 27 октября 1918 г., No 6). В разделе "По Советской России" в информации о Красном терроре на стр. 27 странице по списку расстрелянных ВЧК, под порядковым номером 33, значится "Каплан, за покушение на тов. Ленина, правая эс-эровка".
26. ЦА МБ РФ, Н-200, том 10. Показания помощника военного комиссара 5 Московской советской пехотной дивизии от 30 августа 1918 г. -- Цит. по кн. Источник, 1993, No 2, с. 80; Пролетарская революция, 1923, No 6-7, с. 279-280 (с незначительными расхождениями); Фанни Каплан. Или кто стрелял в Ленина?, с. 106-108.
27. Пролетарская революция, с. 277-278; Костин. Суд над террором -Источник, 1993, No 2, с. 80. Костин ссылается на ЦА МБ РФ. Н-200, т. 10. Показания С. К. Гиля от 30 августа 1918 г. "Н" -- фонд нереабилитированных лиц; Фанни Каплан. Или кто стрелял в Ленина?, с. 118. Через несколько лет Бонч-Бруевич, в опубликованных им впервые в 1923 году в журнале "Молодая гвардия" воспоминаниях о покушении на Ленина придумает совсем

другой рассказ Гиля (его не имеет смысла пересказывать) [см. Бонч-Бруевич. Покушение на Ленина, с. 26-33].

28. Орлов. Миф о Фанни Каплан. Время и мы, No 2, с. 159.
29. Литвин. В Ленина "стрелял" Дзержинский?
30. Войнов. Отравленные пули.
31. Тополянский. Кто стрелял в Ленина?
32. Фанни Каплан. Или кто стрелял в Ленина?, с. 122.
33. Пролетарская революция, 1923, No 6-7, с. 282; Фанни Каплан. Или кто стрелял в Ленина?, с. 123.
34. Источник, 1993, No 2, с. 84.
35. Фанни Каплан. Или кто стрелял в Ленина?, с. 162. Протокол допроса А. Сухотина от 30 августа 1918 г.
36. Цит. по кн. Источник, 1993, No 2, с. 81.
37. Фанни Каплан. Или кто стрелял в Ленина?, с. 131.
38. Там же, с. 138.
39. Тополянский. Кто стрелял в Ленина?
40. Орлов. Миф о Фанни Каплан. -- Источник, 1993, No 2, с. 70.
41. Там же, с. 71. Протокол допросов Каплан.
42. Орлов. Источник, 1993, No 2, с. 71.
43. Войнов. Отравленные пули.

44. На допросе 31 августа выяснилось, что у покушавшейся была не вполне соответствовавшая задуманному мероприятию одежда. Обувь была с оголенными гвоздями, без стелек; и даже обыскивавшие Каплан конвойные сжалились над ней и дали проложить гвозди двумя конвертами (оказавшимися при повторном обыске конвертами "со штампами РСФСР и военного комиссариата СР и СД Замоскворецкого района". Каплан показала: "Бумажки, найденные у меня в ботинках, вероятно те, которые были мне даны в комиссариате, когда я попросила дать мне что-нибудь, чтобы подложить, потому что у меня в ботинках гвозди. Дали мне эти бумажки те, которые обыскивали, или солдаты, я не помню".

По этому поводу Кингисеппом и Скрыпником проводилось специальное расследование с целью определить, "имеются ли соучастницы Ф. Каплан в составе Замоскворецкого Военного комиссариата". 1 сентября было признано, что соучастниц и соучастников в комиссариате у Каплан нет. Но "красноармейцам, караулившим в помещении Военкомиссариата Замоскворецкого района арестованную преступницу Ф. Каплан" было объявлено "через военный комиссариат Замоскворецкого района строгое замечание за то, что чтобы избавить Ф. Каплан от мелкого неудобства, допустили эту преступницу, покушавшуюся на т. Ленина, взять для стелек в ботинки бланковые конверты Замоскворецкого районного комиссариата". (ЦА МБ РФ, Н-200, том 10. Протокол допроса Д. Бем, обыскивавшей Ф. Каплан 30 августа 1918 г. -- Цит. по кн. Источник, 1993, No 2, с. 81; Фанни Каплан. Или кто стрелял в Ленина?, с. 122, 149).

45. Фанни Каплан. Или кто стрелял в Ленина?, с. 136.
46. Там же.
47. Тополянский. Кто стрелял в Ленина? Ослепнув, Каплан овладела азбукой слепых. После освобождения в феврале 1917 года сумела частично восстановить зрение в Харьковской офтальмологической клинике (Литвин. В Ленина "стрелял" Дзержинский?).
49. Д. Д. Донской (1881--1936), военный врач, член ЦК партии эсеров, бывший депутат Учредительного собрания. После января 1918 г. руководил военной комиссией партии эсеров. Неоднократно арестовывался. На процессе 1922 г. приговорен к расстрелу, исполнение которого было приостановлено из-за протестов мировой общественности. В сентябре 1924 г. выслан в Нарымский край сроком на 3 года, где заведывал больницей в селе Поратель; с 1933 г. -- в ссылке в Уральской области. Умер 24 сентября 1936 г.

49. Б. А. Бабина. Февраль 1922. -- Минувшее. М., 1990, т. 2, сс. 24--25, 376. Есть еще

одно высказывание Донского: "Довольно привлекательная женщина, но без сомнения сумасшедшая, и в дополнение к этому с различными недугами: глухота, полуслепота, а в состоянии экзальтации -- полный идиотизм".

50. Войнов. Отравленные пули.

51. О. Васильев. Покушение на Ленина было инсценировкой. -- Независимая газета, 29 августа 1992 г.

52. Источник, 1993, No 2, с. 76.

53. Тополянский. Кто стрелял в Ленина? Это предположение Тополянского подтверждается одним из свидетелей: "Но когда товарищ Ленин стал братья рукой за ручку автомобиля, в это время женщина, за которой я следил, присела и начала стрелять. Тогда публика рассыпалась во все стороны. [...] в это время какой-то господин побежал к ней, вышиб у ней револьвер и начал поднимать тов. Ленина, и она отошла шагов на десять и мы ее сейчас же задержали и повели ее в Замоскворецкий Военный комиссариат" (Фанни Каплан. Или кто стрелял в Ленина?, 146, показания С. И. Титова 31 августа, 1 час 50 минут ночи).

54. "В деле Каплан отсутствуют три листа. Само дело находится в центральном архиве ФСБ, оно опубликовано, но три листочка все-таки были изъяты и находятся сейчас в президентском архиве. Они никому из историков не выдаются. Что там скрыто? Я не мог до них добраться. Сам -- не читал. Но все-таки, все-таки... Знаете, как в России бывает, кое-что все же можно было узнать... Это показания свидетелей с завода Михельсона. Тех рабочих, которые видели, что в Ленина стрелял мужчина..." (Две пули для Ленина и обе разные. Убийца -- матрос Протопопов, Фанни Каплан -- подсадная утка. Публ. М. Хейфеца - Новое русское слово, 19 декабря 1997, с. 10).

55. Первые слова после того, как он пришел в себя: "Поймали его или нет?" (Источник, 1993, No 2, с. 80). По другой версии Ленин произнес: "Оцепите скорее район" (Фанни Каплан. Или кто стрелял в Ленина?, с. 112).

56. Литвин. В Ленина "стрелял" Дзержинский?

57. Мальков. Записки коменданта Кремля. 3-е изд. Москва, 1967, с. 146.

58. Цит. по кн. Выстрел в сердце революции. Ред.-сост. Н. Д. Костин. Политиздат, М., 1983, с. 65.

59. Soviet Russia Pictorial, 1924, May, p. 119. Воспоминания рабочего бывшего завода Михельсона о том, что о выступлении Ленина заранее был оповещен весь район, и именно поэтому народу собралось много, пришли даже с соседних заводов. Отсутствие охраны не осталось незамеченным современными исследователями: "В этот мрачный день, -- пишет В. Тополянский, -начавшийся с убийства высокопоставленного питерского чекиста, Ленин - почему-то без охраны, будто сам напрашивается на покушение. Или, быть может, его подставляют? Автомобиль сопровождения и охрану из латышских стрелков Дзержинский выделит руководителю Советского государства лишь спустя три недели. Пока же во дворе военного завода нет ни одного человека. Вождя не встречают даже члены заводского комитета" (Тополянский. Кто стрелял в Ленина?).

60. Цит. по кн. Выстрел в сердце революции. Ред.-сост. Н. Д. Костин. Изд. 2-е, дополненное. Политиздат, М., 1989, с. 78-79.

61. Пролетарская революция, 1923, No 6-7, с. 277-278; Костин. Источник, 1993, No 2, с. 80. Костин ссылается на ЦА МБ РФ. Н-200, т. 10. Показания С. К. Гиля от 30 августа 1918 г. "Н" -- фонд нереабилитированных лиц; Фанни Каплан. Или кто стрелял в Ленина?, с. 118

62. Там же, с. 162, из показаний А. Сухотина 31 августа, 1 час ночи.

63. Там же, с. 169. Показания К. С. Московкиной от 30 августа. 2 сентября еще оставалась под арестом.

64. Там же, 167, показания Д. А. Романычева, 30 августа.

65. Орлов. Время и мы, с. 156-157.

66. Бонч-Бруевич. Покушение на Ленина, с. 6-13.

67. Цит. по кн. Фельштинский. Большевики и левые эсеры, с. 203.

68. Мальков. Записки коменданта Кремля, с. 148. На основании постановлений ЦК ВКП(б), опубликованных в "Правде" 4 апреля 1925 г. и 12 февраля 1927 г., воспоминания о Ленине до публикации должны были визироваться несколькими инстанциями, в том числе Институтом марксизма-ленинизма и его филиалами (Н. Петренко (Равдин). Ленин в Горках - болезнь и смерть. -- в сб. Минувшее. Исторический альманах (Париж), No 2, 1986, с. 148). Мемуары палача Каплан Малькова кроме этой цензуры прошли цензуру чрезвычайную: воспоминания были написаны в соавторстве с сыном Я. М. Свердлова, кандидатом исторических наук А. Я. Свердловым, бывшим незаконно репрессированным следователем НКВД (Мальков. Записки коменданта Кремля, с. 5). Столь необычное соавторство требовалось для того, чтобы Мальков не рассказал про Свердлова-отца чего-нибудь лишнего.

69. Там же, с. 149.

70. Сударушкин, указ. соч., с. 62.

71. "Хоронить Каплан не будем. Останки уничтожить без следа..." -сказал, по воспоминаниям Малькова, Свердлов. (Мальков. Записки коменданта Московского Кремля. М., 1959, с. 160). Во всех других изданиях мемуаров Малькова описание расстрела Каплан убрано. См. например изд. 1967 года: "По моему приказу часовой вывел Каплан из помещения, в котором она находилась, и мы приказали ей сесть в заранее подготовленную машину. Было 4 часа дня 3 сентября" (Мальков. Записки коменданта Кремля, 3-е изд., М., 1967, с. 149). Создается впечатление, что Каплан куда-то вывезли и расстреляли.

72. Источник, 1993, No 2, с. 73.

73. Цит. по кн. Сударушкин, указ. соч., с. 61. Авто-боевой отряд находился как раз напротив Детской половины Большого дворца, где сидела Каплан.

74. Мальков. Записки коменданта Кремля, 3-е изд., с. 117.

75. Это следует из мемуаров Малькова: "Я начал с того, что договорился с Аванесовым и Бонч-Бруевичем, чтобы круг сотрудников правительственного аппарата, имеющих право заказывать разовые пропуска, был резко ограничен" (Мальков. Записки коменданта Кремля, 3-е изд., с. 112). Договориться можно только с равными, а не с подчиненными, и не с начальством.

76. Мальков. Записки коменданта Кремля, 3-е изд., с. 211-212.

77. Литвин. В Ленина "стрелял" Держинский?

78. Две пули для Ленина и обе разные.

79. См. фотографию следственного эксперимента с разметками следов от пуль, опубл. в кн. Фанни Каплан. Или кто стрелял в Ленина?, с. 103. "Недалеко от автомобиля нами при осмотре найдены четыре расстрелянные гильзы, приобщенные к делу в качестве вещественных доказательств. [...] В. Кингисепп. Я. Юровский" (там же, с. 110).

80. Там же, с. 141-142. "Недалеко от него [Ленина] было брошено оружие, из которого было сделано 3 выстрела в товарища Ленина (оружие системы браунинг), поднявший это оружие, я бросился бежать за тем лицом, которым было сделано покушение и со мной бежали другие товарищи для задержания этого негодяя и товарищи, бежавшие впереди меня, задержали того человека, который делал покушение, и вместе с другими товарищами я препровождал этого человека в военный комиссариат" (там же, с. 142. Из показаний Кузнецова А. В., без даты). "Ленин уже лежал на земле и около его ног валялся брошенный револьвер, из которого были сделаны предательские выстрелы. [...] Поднявши браунинг я бросился преследовать ту женщину, которая сделала покушение, и мне вместе с другими товарищами, удалось задержать ту женщину. Всего было сделано 3 выстрела, потому что в обойме всего осталось 4 патрона. Браунинг находился у меня на груди, и я прошу ВЧК сомнений не допускать. [...] Первое заявление было мной подано лично т. Беленькому (там же, с. 143-144. Из показаний от 2 сентября Кузнецова А. В.).

81. Источник, 1993, No 2, с. 84.

82. Фанни Каплан. Или кто стрелял в Ленина?, с. 178.

83. Описания браунингов можно найти в кн. А. Б. Жук. Стрелковое оружие. М.,

Воениздат, 1992, с. 227-228, 255; Большая советская энциклопедия, т. 7, М., 1927, с. 394. Существовала модель браунинга 1903 года с емкостью магазина в семь патронов (восьмой в стволе). Но этот пистолет имел калибр 9 мм и легко узнаваем по пули.

84. Максимова. Следствие по делу Фанни Каплан продолжается.

85. Андриасова. Была ли киллером Фанни Каплан?

86. Фанни Каплан. Или кто стрелял в Ленина?, с. 40, 48; Интервью научного сотрудника музея Ленина в Москве Д. Малашенок. -- Московский комсомолец, 19 сентября 1992 г.; Е. Данилов. Тайна "выстрелов" Фанни Каплан. -- Звезда Востока, Ташкент, 1991, No 1, сс. 122--123.

87. Фанни Каплан. Или кто стрелял в Ленина?, с. 13. Литвин считает, что "левому эсеру, боевику Протопопову за выстрелы в вождя обещали сохранить жизнь, но расстреляли сразу же (каких-либо следственных дел о нем обнаружить пока не удалось)" (Литвин. В Ленина "стрелял" Дзержинский?). Литвин, в свою очередь, опирается на выводы Г. Нилова (А. Кравцова), изложенные в "Грамматике ленинизма" (ж-л. Столица, 1991, No 33, с. 51); Две пули для Ленина и обе разные.

88. Фанни Каплан. Или кто стрелял в Ленина?, с. 171, с. 172, 174, 177; ЦА МБ РФ, Н-200, том 10. Протокол допроса З. И. Легонькой от 24 сентября 1919 г. -- Цит. по кн. Источник, 1993, No 2, с. 80; Фанни Каплан. Или кто стрелял в Ленина?, с. 155-156. Показания З. Ф. Удотовой, 31 августа; там же, с. 153-154. Показания З. И. Легонькой 31 августа; Источник, 1993, No 2, с. 80-81; Фанни Каплан. Или кто стрелял в Ленина?, с. 121; ЦА МБ РФ, Н-200, том 10. Протокол допроса З. И. Легонькой от 24 сентября 1919 г. -- Цит. по кн. Источник, 1993, No 2, с. 80.

89. Фанни Каплан. Или кто стрелял в Ленина?, с. 177-178.

90. Источник, 1993, No 2, с. 86.

91. Максимова. Следствие по делу Фанни Каплан продолжается.

92. Каплан числилась также расстрелянной в списке, составленном чекистом А. Я. Беленьким: "Алфавит лиц, расстрелянных в 1918-1919 годах, который вел тов. Беленький, в нем записана фамилия Каплан (без инициалов). Нач. 6 от-ния 8 отдела ГУГВ НКВД ст. лейтенант государственной безопасности: Иванов" (См. Фанни Каплан. Или кто стрелял в Ленина?, с. 179). В регистрационной карточке Каплан к делу No 2153, заполненной в начале сентября, также было указано, что "Каплан [...] обвиняемая в убийственном покушении на тов. Ленина (расстреляна)" [Фанни Каплан. Или кто стрелял в Ленина?, с. 138, 139].

93. МИСИ, кол. А. Балабановой, п. 219.

94. АИГН, ящик 485, папка 22. Письмо Николаевского Балабановой от 4 июля 1959 г., 1 лист.

95. "Через несколько минут Вера Михайловна уже впрыскивала в ногу Владимиру Ильичу морфий и выслушивала пульс" (Бонч-Бруевич. Покушение на Ленина, с. 11).

96. В. Д. Бонч-Бруевич. Три покушения на Ленина. Изд. Федерация, М., 1930, с. 81.

97. "Больной шутит, заявляет врачам, что они ему надоели, не хочет подчиняться дисциплине, шутя подвергая врачей перекрестному допросу, вообще ,бушует" (цит. по кн. Выстрел в сердце революции, 1989, с. 148).

98. Мальков. Записки коменданта Кремля, 3-е изд., с. 150-152.

99. См. Бонч-Бруевич. Покушение на Ленина, с. 35.

100. Бонч-Бруевич. Три покушения на Ленина, с. 102.

101. Правда, 2 октября 1918, с. 4.

102. Мальков. Записки коменданта Кремля, 3-е изд., с. 154.

103. Там же, с. 152, 154.

104. 1 октября 1918 года "Правда" опубликовала траурное объявление: "В ночь на 30 сентября в 2 час. 15 мин. тихо скончалась от воспаления легких Вера Михайловна Бонч-Бруевич". "Вера Михайловна ушла из жизни как-то совсем неожиданно", -- писала в некрологе в той же газете М. Савельева. Траурные объявления и некролог опубликовали "Известия" (1 октября 1918, с. 1), также указавшие на внезапность смерти: "и вдруг она

погибла, можно сказать, сгорела в несколько дней". Величкиной не было 50 лет.

105. В. Бонч-Бруевич. Ленин в Петрограде и Москве. Политиздат, М., 1982, с. 55-56.

106. "Зряшного риска -- ради риска -- нет",-- характеризовала Крупская Ленина в анкете (Н. К. Крупская. О Ленине. Сборник статей и выступлений. Изд. 5-е, М., Политиздат, 1983, с. 88).

107. Письмо Ленина с соболезнованием Бонч-Бруевичу по поводу смерти жены, написанное 1 октября 1918 г., было впервые опубликовано только в 1958 году.

108. Правда, в одной из своих первых книг, посвященных покушению на Ленина, Бонч-Бруевич не забывает указать на смерть Величкиной: "Схватил из домашней библиотечки Веры Михайловны иод, бинты и какое-то возбуждающее", -пишет Бонч-Бруевич. И делает сноску: "В. М. Бонч-Бруевич (Величкина) -- член коллегии наркомздрава, врач, умершая 30 сентября 1918 г." (Бонч-Бруевич. Покушение на Ленина, с. 7). Но зато в этой книжке он забывает указать, что умерла еще и его жена.

109. К сожалению, не ясно, кто были эти женщины. 1 октября 1918 года "Известия" сообщили, что В. М. Величкина "умерла в 2 часа 15 минут ночи, в ночь на 30 сентября" на глазах у двух медицинских работников, дежуривших у ее постели: врача Анны Георгиевны Позерн и медсестры Полетаевой.

110. ГА РФ, ф. 1005. Стенограмма 31 дня судебного процесса. -- Цит. по кн. Источник, 1993, № 2, с. 72.

111. А. Р. Гоц (1882--?) в партии эсеров с 1902 г. Учился в Берлинском университете философии, с 1907 г. -- на российской каторге. После февраля 1917 г. -- лидер фракции эсеров Петроградского совета, член Президиума 1-го Всероссийского съезда Советов, осудил захват власти большевиками, председатель Комитета спасения родины и революции, депутат Учредительного собрания. Весной 1918 г. вошел в военный штаб "Союза возрождения" в Петрограде. В 1920 г. арестован, в 1922 г. на суде приговорен к расстрелу, замененному ссылкой в 1925 г в Ульяновск, в 1931 г. в Семипалатинск, с 1935 г. в концлагере, в 1937 г. доставлен в Алма-Ату для допросов. В мае 1937 г в Алма-Ате был обвинен в том, что вместе с М. И. Либер-Гольдманом и С. О. Ежовым-Цедербаумом пытался в 1935 г. "создать единую социалистическую антисоветскую партию". По всей вероятности, тогда же, в 1937 г. расстрелян. По другой версии умер в Красноярском лагере 4 августа 1940 г. (Минувшее. М., 1992, т. 7, с. 201--202).

112. Орлов. Источник, 1993, № 2, с. 72.

113. Фанни Каплан. Или кто стрелял в Ленина?, с. 19.

114. Г. Семенов (Васильев). Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917-1918 г.г. Берлин 1922. Цена 12 марок. 44 стр.

115. Он же, Государственное издательство, Москва, 1922.

116. Этот документ получил название "Доклад Л. В. Коноплевым в ЦК РКП(б)". Понятно, что арестованный эсер-боевик не мог делать "доклад" ЦК РКП(б). Арестант мог давать показания в ВЧК. Доклад в ЦК мог делать только свой. Правда, показания в ВЧК Коноплева тоже давала, но это уже для процесса.

117. См. Костин. Суд над террором, с. 10.

118. См. там же, с. 11-12.

119. Там же, с. 11-12.

120. Галина Серебрякова. Моей дочери Зоре о ее отце. Публ. З. Л. Серебряковой. -- ж-л. Родина, 1989, № 6, с. 31.

121. Там же, с. 31.

122. Там же.

123. Там же, с. 32.

124. Там же, с. 33.

125. Тополянский. Кто стрелял в Ленина?

126. Там же.

127. Две пули для Ленина и обе разные.

128. Литвин. В Ленина "стрелял" Дзержинский? Обращает на себя внимание отсутствие статей в "Известиях" и "Правде", посвященных годовщинам покушения на Ленина в августе 1919, 1920 и последующих лет. Единственная найденная нами на эту тему статья, написанная Илларионом Вардиным -- "Три отклика на выстрелы в т. Ленина", опубликованная в "Правде" 31 августа 1919 года, может читаться разве что как издевательство. Пересказывая чужие мнения, меньшевистское и эсеровское, Вардин пишет:

"Поднявший меч, от меча и погибнет. [...] Эта житейская шутка, находившая себе подтверждение на всем долгом пути человеческой истории, и поныне царствует над жизнью. Светлый разумом итальянский мудрец Леонардо Да-Винчи неотступно помнил ее, все явления жизни оценивал по закону: угол падения равен углу отражения. И то, что сообщила в субботу лаконичная радиотелеграмма Свердлова -- Ленин ранен, положение его безнадежно -- это новое подтверждение старой истины. Тот, кто мыслил укрепить в жизни свои идеи, свои желания, свои идеалы насилием и кровью, штыком, пушкой, пулеметом -- неизбежно должен был погибнуть от насилия и погиб" (Вардин ссылается на ежедневную казанскую газету меньшевиков "Рабочее дело" от 3 сентября 1918 г., передавицу, без подписи). „Кто эти двое, стрелявшие в главу "рабоче-крестьянской" власти, мы не знаем, но потому, что акт произошел после рабочего собрания, можно предположить, что и Ленин и Володарский, покаран рабочими. Во всяком случае это "дело демократических кругов"" (Вардин ссылается на статью "Не месть, а наказание", опубликованную в самарской газете эсеров "Земля и воля" за подписью "К...", без указания даты).

129. Правда, 15 декабря 1923, No 285; 16 декабря 1923, No 286; Правда, 3 января 1924, No 2; Бюллетень оппозиции, апрель 1938, No 65, с. 13-14.

130. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. -Вопросы истории. 1992. No 2--3, с. 27--28.

131. Большая советская энциклопедия, гл. ред. О. Ю. Шмидт, т. 36. ОГИЗ, 1938, статья "Ленин и ленинизм", с. 374.

132. Правда, 3, 9, 12 марта 1938 г. G. Katkov. The Trial of Bukharin. New York, 1969, pp. 172 -- 180.

133. Источник, 1993, No 2, с. 86-87

134. Там же, с. 87.

Заговор пятый:

Был ли замешан К. Радек

в убийстве К. Либкнехта и Р. Люксембург?

Об убийстве виднейших германских революционеров Карла Либкнехта и Розы Люксембург 15 января 1919 года написаны десятки книг и проведены формальные расследования германским правительством. Казалось бы, по крайней мере в этом вопросе наведена полная ясность. Но поставим это событие в контекст германо-большевистских отношений первых революционных месяцев, и мы увидим совсем иную картину.

Устранение лидеров германской компартии было выгодно Ленину. Ленинский Брестский мир, как бы к нему ни относиться с точки зрения интересов советской России, был, безусловно, ударом в спину Либкнехту и германской революции. Заключение перемирия с кайзеровским правительством на Восточном фронте в марте 1918 года уменьшало шансы на успех коммунистического восстания в Германии, сколько бы этих шансов ни было. Понятно, что Люксембург и Либкнехт стояли за поражение своего правительства в мировой войне, точно также, как за поражение своего правительства стоял Ленин. По крайней мере с 1915 года Люксембург считала, что рабочий класс других европейских стран не имеет сил начать революцию, и поэтому поражение Германии увеличивает шансы для революционного взрыва во всей Европе. Победа немецкого империализма с его огромными аппетитами и реакционным режимом, указывала Люксембург, наоборот далеко отбросила бы назад человечество и привела бы к деморализации международного рабочего движения. "Любая военная победа" германской армии, писала Люксембург, "означает новый политический и социальный триумф реакции

внутри государства".

Именно с вопросом о мире были связаны первые серьезные расхождения между Розой Люксембург и советским правительством, возглавляемым Лениным. "Ее надежды на то, что русская революцию призвет международный пролетариат к борьбе, быстро угасли, -- писал Пауль Фрслих. Больше всего Роза боялась, что большевики могут игрой с немецкими дипломатами заключить опасный мир, типа „демократического мира" без аннексий и контрибуций и добиться этим расположения германского генералитета"(1). Но ни Люксембург, ни Либкнехту в страшном сне не могло привидеться, что ленинский мир окажется многократно худшим: Ленин подпишет с германскими империалистами мир антидемократический, с аннексиями, с контрибуциями, с выгодными для германского правительства дополнительными договорами.

Разумеется, Либкнехт и Люксембург подвергли брестскую политику Ленина суровой критике, так как она противоречила интересам германской революции. С осени 1918 года эта критика становится резкой и открытой. "Теперь [...] нет уже прежнего большевизма с прежними целями. Отказавшись от надежды на немедленную революцию в Европе, он ставит себе целью восстановить народное хозяйство в России на началах сочетания государственного капитализма с частнокапиталистическими и кооперативными хозяйственными формами",-- писала Р. Люксембург в сентябре 1918 года в брошюре "Русская революция"(2). Брестский мир Ленина Люксембург назвала "вероломством по отношению к международному пролетариату".

Однако Люксембург не ограничилась критикой Ленина в брестском вопросе. Аграрную политику совнаркома она подвергла критике слева: "То, что делают большевики, должно работать прямопротивоположно, ибо раздел земли среди крестьян отрицает путь к социалистическим реформам". Развязанный большевиками террор и разгон Учредительного собрания -- как нарушение всех демократических норм, свободы слова и свободы печати: "Терроризм доказывает лишь слабость, но направлен он против внутренних врагов... Когда придет европейская революция, русские революционеры потеряют не только поддержку, но, что еще важнее, мужество. Итак, русский террор это только выражение слабости европейского пролетариата"(3).

Иными словами, Роза Люксемберг проповедовала социализм, подавляющий меньшинство (как ей мерещилось это в "развитой" Германии), в то время как Ленин с Троцким строили социализм меньшинства, подавляющий абсолютное большинство и допускающий свободу, да и то с ограничениями, лишь для одной партии -- большевистской.

Излишне говорить, что по требованию советского правительства публикация брошюры Люксембург была запрещена, а сама Люксембург подвергнута критике спартаковцами. Вот что писал об этом много лет спустя Б. Вольф(4):

<<"Все усиливающееся подчинение спартаковского движения, ядра будущей коммунистической партии, Ленину и русскому коммунизму заставило ее друзей похоронить ее работу. Они заявляли, что Люксембург „не имела достаточной информации" и что работу ее публиковать „несвоевременно". Они заявляли даже, что она "изменила своим взглядам">>(5).

Лишь в 1922 году, посорившийся с Москвою руководитель германской коммунистической партии Пауль Леви опубликовал написанные Люксембург в сентябре 1918 статьи(6), которые, по его собственным словам, партия приказал сжечь. Вольф продолжает:

"Цензура ее собственных друзей была сломана, наконец, ее ближайшим соратником Паулем Леви. Но и он опубликовал памфлет Розы Люксембург, [...] только когда сам он порывал с Лениным и ленинизмом. [...] В Германии и Франции памфлет был опубликован в 1922 году"(7).

Победа революции в индустриальной Германии была не в интересах Ленина, так как в этом случае сельскохозяйственная Россия отступала на второй план. Во главе зарождающегося Третьего Интернационала становились Либкнехт и Люксембург. Какая

роль в этой схеме отводилась Ленину, только что подписавшему мирный договор с германским имперским правительством, а ранее того принимавшего от немцев денежные субсидии, о чем в целом было известно, -- остается только догадываться. Но очевидно, что Бреста Ленину не могли простить ни "левые коммунисты" в России, ни спартаковцы в Германии.

Политическую карьеру Ленина могло спасти лишь поражение германской революции. Ради этого подписывал Ленин Брестский мир в марте 1918 года, ради этого настаивал на его соблюдении до самой последней минуты. Не случайно Брестский договор был расторгнут постановлением ВЦИК за подписью Свердлова, а не декретом СНК за подписью Ленина: Ленин не готов был расторгнуть Брестский мир даже в ноябре 1918 года, когда Германией была проиграна мировая война.

Ради удержания власти в России Ленин пошел на саботаж германской революции. В известном письме Ленина партийному и советскому активу, опубликованном 4 октября 1918 года в газетах "Правда" и "Известия", Ленин из практических вопросов сконцентрировался на двух: советское правительство не намерено разрывать Брестский договор; а необходимую для поддержки германской революции армию в три миллиона человек может иметь "к весне"(8). Иными словами, Ленин открыто объявлял кайзеровскому правительству и немецким коммунистам о том, что по крайней мере до марта 1919 года Красная армия не намерена вмешиваться в уже начавшуюся германскую революцию.

8 ноября в Компьене германской делегации были зачитаны условия, 15 и 19 пункт которых предусматривали "Отказ от Бухарестского и Брест-Литовского договоров, а также их дополнительных договоров... Возвращение русских и румынских денег, конфискованных и выплаченных немцам". 13 ноября Свердлов объявил об аннулировании Брестского мира. 14 декабря главком И. И. Вацетис в телеграмме Ленину, Троцкому, главному начальнику снабжения Мартынову и председателю высшего совета народного хозяйства Красину просил прежде всего позаботиться о частях, продвигающихся на запад (пока что в оккупированные ранее немцами районы бывшей Российской империи):

"Части, наступающие на запад, не обеспечены в достаточной степени довольствием, особенно хлебом. Предлагается срочно организовать под Вашей личной ответственностью это дело, так, чтобы войска не испытывали ни в чем недостатка. О Ваших мероприятиях донесите."

Но Ленин был заинтересован в прямопротивоположном. Его резолюция: "Склянскому: паки и паки: ничего на запад, немного на восток, все (почти) на юг. Ленин"(9).

Лишь незаинтересованностью Ленина в победе германской революции можно объяснить противоречивость Ленина во внешнеполитических вопросах: быть крайне левым до прихода к власти, и крайне правым -- едва захватив ее. Это не означало, что Ленин был против "мировой революции". Ленину было важно, чтобы революция происходила под его руководством. Не только русская революция, но и мировая. Самостоятельные революции Ленину не были нужны точно также, как позднее Сталину. Лучше всего это было продемонстрировано историей создания Коминтерна.

Теоретически Коммунистический Интернационал предполагался как братский союз равных партий. На практике Ленин стремился сделать его инструментом внешней политики советского правительства. Замаскировать эти планы было трудно. И ведущие руководители мирового коммунистического движения выступили против поспешной организации нового Третьего Интернационала. "Из воспоминаний Пауля Леви и других руководителей основной группы „Спартак" известно, что особенно на этом настаивала Роза Люксембург, которая не хотела допустить превращения Коминтерна в приложение к ленинскому ЦК",-- писал Б. И. Николаевский(10). Роза Люксембург, пишет Вольф, надеясь восстановить довоенный Интернационал, существовавший до 1914 года. Ленин пытался расколоть Второй Интернационал для организации нового Третьего интернационала. С этой целью он призвал к созыву международного коммунистического конгресса для провозглашения Третьего Интернационала. Этому воспротивилось влиятельное крыло германской компартии во главе

с Розой Люксембург. Она была страстным борцом за свои взгляды, писал Вольф, но не прибегала к расколу. Метод Ленина был всегда один и тот же: он боролся за свои взгляды, раскалывая тех, кого не мог контролировать(11). Для этого и был послан нелегально в Берлин в конце декабря 1918 года Карл Радек (личный враг Люксембург еще с дореволюционных времен). С чего началась эта вражда? Немецкий историк пишет:

<<Что в концов привело к разрыву с Розой Люксембург и ее друзьями -- не совсем ясно. Все стороны оперировали сомнительными аргументами. Чтобы окончательно избавиться от Радека, который при расколе польских социал-демократов в 1911 году поддержал меньшинство так называемого варшавского крыла, польское партийное руководство снова раскопало его давние "грехи молодости". В 1912 году его исключили из социал-демократии Королевства Польского и Литвы. В вину ему было поставлено воровство. Обвинения подхватили руководители германских социал-демократов, чтобы таким образом политически расправиться с одним из самых неудобных и активных представителей левых.

"Дело Радека" занимало значительное место на съездах социал-демократической партии Германии (СДПГ) в 1912 и 1913 г.г. В 1913 году была принята резолюция, согласно которой "лица, исключенные из партии, входящей в Международное социалистическое бюро, причина исключения которых привела бы их также к исключению из немецкой партии", не могут стать или оставаться членами этой партии. Специальной резолюцией этому решению была дана обратная сила, и оно было применено к Радеку. Эти события не имели больших последствий для его деятельности. Радикальные газеты все равно предоставляли ему свои полосы. Ленин занял в этом вопросе сторону Радека и написал в связи с этим делом статью в "Форвертс" (которая, однако, опубликована не была)>>(12).

Не исключено, конечно же, что Роза Люксембург уже тогда подозревала Радека в сотрудничестве с австрийской или германской разведкой, и именно по этой причине по внешне пустяковому поводу руководство польской, литовской, а затем и германской социал-демократических партий добивались исключения Радека. Люксембург была не одиноко в своих требованиях. Комиссией, негласно расследующей деятельность Радека, руководил Ф. Э. Дзержинский. Как и Люксембург, он "настаивал на привлечении Радека к ответу за растрату последним крупной суммы партийных и профсоюзных денег"(13). Понадобилось вмешательство небрезгливого Ленина, чтобы Радеку нашлось место в партийной организации России. Можно предположить, что за это он сделался доверенным лицом Ленина в вопросах, имеющих отношение прежде всего к Германии, которую Радек, по собственному признанию, знал лучше всего.

После начала первой мировой войны, в конце 1914 года, Радек, чтобы избежать призыва в армию (как австрийского гражданина) переехал в Швейцарию. В Берне он близко сошелся с Лениным и его группой и по всем принципиальным вопросам принял большевистскую (ленинскую) точку зрения. Правда, он расходился с Лениным по пункту о самоопределении наций и не был согласен с ленинским тезисом о переходе войны империалистической в гражданскую. Но на социалистических конференциях в Циммервальде (1915) и Кинтале (1916) вместе с Лениным и Зиновьевым Радек открыто возглавил радикальное меньшинство циммервальдских левых.

В 1916 году в статье "В тисках противоречий" Радек полемизировал с неким "Юнием", доказывая абсурдность, после двух лет войны, расчетов на "спонтанную революционность масс". По Радеку социал-демократы могли опираться лишь на жесткую и идеологически монолитную организацию. От представлений Розы Люксембург, основанных на идее "массовой революционной партии", Радек очевидно склонялся к ленинской концепции партии кадровой -организации революционеров, своеобразной мафиозной структуре. Позже выяснилось, что под псевдонимом "Юний" скрывалось авторство Розы Люксембург. Круг замкнулся теперь уже и на теоретическом уровне.

Когда в апреле 1917 года ленинская группа вернулась в Россию, Радек сошел на полпути. В Стокгольме он взял на себя руководство иностранным пунктом большевиков -- учреждением, которое должно было стать связующим звеном между предстоящей

пролетарской революцией в России и ее "самым верным и надежным союзником", германским пролетариатом. Кроме Радека и его жены здесь работали Ганецкий и Воровский. Часто приезжал Парвус, по праву считавший себя четвертым членом группы. Через Парвуса, профессора Густава Майера и швейцарского социалиста Карла Моора, с которым Радек был знаком с 1904 года (писал для газеты "Бернер Тагвахт", где Моор был редактором), группа осуществляла контакт с германскими властями. В Стокгольме она издавала на немецком языке две газеты: "Корреспондент Правда" и "Боте дер руссишен революцион". Подавляющая часть статей в них была написана Радеком. По просьбе Ленина Радек посылал для "Правды" статьи о внешней политике, старался подавить антиленинские тенденции внутри циммервальдовского движения и создать самостоятельную организацию левых (его поддерживали итальянская коммунистка Анжелика Балабанова и ряд скандинавских левых). Благодаря их усилиям в Стокгольме собралась конференция не всего социалистического интернационала, как рассчитывали социалистические партии Европы, а лишь циммервальдцы. Но добиться опубликования манифеста, призывающего к всеобщей международной забастовке, циммервальдцам не удалось.

Возвратившись в Россию, Радек занимает разнообразные посты в советском правительстве. Но очевидно, что основная его работа -- в области пропаганды идей мировой революции. Впервые вступив в конфликт с Лениным и отказавшись поддержать ленинскую Брестскую политику, Радек 7 октября 1918 года, после начала революции в Германии, указал в своей речи, что только рабочий класс Германии и рабочие Европы могли бы помочь советской России завершить начатое дело. "Без них мы не победим, и поэтому наша задача помочь победить им. И поэтому, товарищи, мы вступаем в самый великий, но и самый опасный период русской революции"(14).

Вскоре Радеку пришло приглашение берлинского Совета прибыть в Берлин для участия в Первом съезде Советов Германии, назначенном на декабрь. Дважды до этого, в апреле и августе, Радек неудачно пытался пересечь германскую границу. Оба раза его водворяли в РСФСР. На этот раз советская делегация, выехавшая в Берлин в конце декабря, состояла из пяти человек: Бухарина, Раковского, Иоффе (высланного из Германии 4 ноября за организацию революционной деятельности правительством Макса Баденского), Радек и Игнатъева (секретаря делегации). Однако немецкие военные в Минске отказались пропустить делегацию через демаркационную линию. Бухарин, Раковский, Иоффе и Игнатъев вернулись домой. Радек въехал нелегально под видом возвращавшегося на родину военнопленного, под собственной фамилией -- Собельсон -- в сопровождении двух немецких коммунистов: Эрнста Рейтера и Феликса Вольфа. Они ехали на санях, по железной дороге, через Вильно, Эйдткунен и Кенигсберг. В начале января 1919 года Радек прибыл в Берлин.

"Именно в этот момент убийцы заставили замолчать" Розу Люксембург, сообщает Вольф, рассказывая о конфликте Люксембург с Лениным по вопросу об Интернационале(15). А еще через полтора месяца после убийства, происшедшего 15 января, в Москву прибыли участники Первого (учредительного) конгресса Коминтерна. Делегат германской компартии Гуго Эберлин, ссылаясь на свой мандат, выданный ЦК ГКП, настаивал на том, чтобы официальное оформление Коминтерна было отложено до следующего конгресса. Его требование было отклонено. 2 марта Коминтерн был образован, причем председателем Исполкома Коминтерна назначили Зиновьева, не написавшего ни одной серьезной теоретической работы(16).

С этим было трудно согласиться немцам. В знак протеста Эберлин грозил даже выходом германской компартии из Коминтерна. И все-таки Коминтерн был образован так, как замыслил его Ленин: он стал инструментом, помогающим держать в повиновении немецких коммунистов, обязанных подчиняться своим советским единомышленникам лишь потому, что в России революция победила, а в Германии еще нет. "Возможно, что всю свою будущую жизнь она вела бы критику подчинения германского коммунизма русскому большевизму", -- писал про Люксембург Густав Штюбель(17).

В этом смысле показательна записка Троцкого Зиновьеву, Ленину, Радеку и Бухарину

от 22 ноября 1922 года, касавшаяся, правда, не Германии, а Франции: "Создавать ли на Конгрессе [Коминтерна] новый центральный комитет французской коммунистической партии? Или же придать списку членов нового ЦК характер предложения, исходящего от Конгресса [...]?" Ни одна из фракций не считает возможным прямое назначение членов нового ЦК здесь в Москве. Особенно этого боится левая: выйдет так, говорят они, что левые цекисты всегда вводятся Москвой, т.е. навязываются партии." Несмотря на это Троцкий считал, что "безусловно необходимо вопрос о составе нового ЦК разрешить [в] Москве" и описывал далее, как именно нужно это сделать(18).

Но вернемся к событиям 1918-19 года. Подготовка самого покушения на Либкнехта и Люксембург началась, видимо, в ноябре или первых числах декабря 1918 года. Так, во время расследования убийства Либкнехта и Люксембург, проводившегося в 1920 году правительством Веймарской республики, Антон Фишер -- заместитель Вейса, военного коменданта Берлина -- дал письменные показания о том, что его ведомство с ноября вело "круглосуточный поиск и преследование Либкнехта и Люксембург, чтобы не дать им заниматься агитационной и организаторской деятельностью". В ночь с 9 на 10 декабря 1918 г. солдаты 2-го гвардейского полка ворвались в редакцию спартаковской газеты "Роте Фане" с намерением убить Либкнехта и Люксембург. Но последних не оказалось на месте. В ходе расследования, состоявшегося в 1922 году, несколько свидетелей показали, что уже тогда за головы Либкнехта и Люксембург было назначено вознаграждение в размере 100.000 марок. Эта награда была обещана Филиппом Шейдеманом, одним из лидеров правых социал-демократов, в феврале-июне 1919 года занимавшим пост главы германского правительства, и его близким другом Георгом Скларцем -- дельцом, разбогатевшим по время войны на поставках германским армиям(19). Поскольку разбогатеть на поставках правительство кайзера давало лишь своим агентам и государственные заказы были самым простым способом создания незарегистрированных тайных фондов для финансирования любой необходимой правительству нелегальной деятельности, было ясно, что Георг Скларц -- агент германского правительства еще с кайзеровских времен.

Скларц был также сотрудником известного политического деятеля, революционера и агента германского правительства Александра Парвуса. Таким образом, заговор с целью убийства Либкнехта и Люксембург организовывали трое: будущий глава германского правительства Шейдеман, германо-русский социал-демократ и агент германского имперского правительства А. Парвус и его сотрудник революционер и бизнесмен Георг Скларц, причем именно Скларц должен был выплатить вознаграждение в 50.000 марок за каждого убитого(20).

Оказалось, что на деньги "одного русского барона" была основана "Антибольшевистская лига". Руководил Лигой фон Тичка. Именно Лиге принадлежала попытка неудачного покушения на Либкнехта и Люксембург в первой половине декабря 1918 года. С разрешения городского Совета в январе 1919 года в Берлине гвардейским кавалерийским дивизионом защиты, участвовавшим в аресте и убийстве Либкнехта и Люксембург, было занято здание Эден-отеля, причем указывалось, что именно там будет располагаться служба помощи социал-демократии, так называемая "Секция 14".

В 1922 году, при рассмотрении дела Тички, было установлено, что руководили "Секцией 14" Шейдеман с Георгом Скларцем, что вознаграждение в 100.000 марок действительно ими было объявлено. Вот что показали под присягой сотрудник "Секции 14" Хассель, бухгалтер секции Зоненфельд и офицер Красник: "Фриц Хенк -- племянник Шейдемана, уверенно говорил нам об имеющейся премии за головы и о том, что вся сумма находится в его распоряжении". На суде это было также подтверждено целой группой сотрудников правления Рейхстага.

Приказ об убийстве Либкнехта и Люксембург был отдан устный. В нем было сказано, что Люксембург и Либкнехт должны быть доставлены в отель живыми или мертвыми и что те, кто это сделают, получают 100.000 марок. Сыщики гонялись за обоими революционерами, соревнуясь друг с другом. Человек, координировавший их действия, сидел в комендатуре.

Это был прокурор Вайсман, который в январские дни получил от Эберта назначение на должность государственного секретаря.

На этих достаточно неприятных для германских социал-демократов выводах и остановилось следствие. Всем было ясно, что лица, причастные к покушению 9-10 декабря 1918, скорее всего ответственны и за убийство, состоявшееся 15 января 1919 года. Но к организации убийства Либкнехта и Люксембург 15 января был причастен, видимо, еще один человек -- большевик Карл Радек. К такому выводу пришел брат Карла Либкнехта -- Теодор, известный германский социал-демократ, адвокат, занимавшийся многие годы неофициальным расследованием убийства.

Собранные Теодором материалы об убийстве брата погибли во время одной из бомбардировок Германии в ноябре 1943 года(21). Возвращаться к этому вопросу Теодор, очевидно, не собирался. Но в 1947 году известный русский историк и собиратель архивов Б. И. Николаевский написал Теодору Либкнехту письмо. Николаевского интересовала совсем другая тема, в те годы непопулярная и опасная. Он безуспешно пытался доказать, то, что сегодня хорошо известно: виднейший швейцарский революционер социал-демократ Карл Моор был агентом германского правительства и работал под кличкой "Байер":

"Имя Карл Моор мне хорошо знакомо. Он был агентом немецкой военной разведки и в последние годы был связан с полковником Николаи. Я слышал, что он играл какую-то роль в швейцарском рабочем движении, но меня интересует следующее: у меня есть информация от абсолютно надежных людей, что это Карл Моор в свое время (в 1917 г.) связал Ленина с немцами и устроил проезд большевиков через Германию. С другой стороны, он был также связан с Карлом Радеком и связал Радека с полковником Максом Бауэром, когда тот был арестован в феврале 1919 года в Берлине. У меня есть все основания предполагать, что ваш брат Карл встречался с Радеком и Карлом Мором незадолго до своего последнего ареста и очень серьезно поссорился с Карлом Мором"(22).

В ответ на это Теодор Либкнехт сообщил Николаевскому сведения, которые следует назвать сенсационными и в которые отказался поверить даже Николаевский -- о роли Радека в убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Писем Либкнехта к Николаевскому, посвященных именно этому вопросу, в архиве Николаевского в Гуверовском институте обнаружить не удалось (сама переписка между ними довольно обширна, но касается главным образом Карла Маркса). Нет этих писем и в архиве Т. Либкнехта в Международном институте социальной истории в Амстердаме. Николаевский пробовал найти письма Теодора Либкнехта в своем архиве, но безуспешно. "Никак я не могу найти старые письма Теодора Либкнехта, который мне писал о роли Моора (и Радека) в убийстве его брата", -- писал Николаевский М. Н. Павловскому, современнику и исследователю темных страниц большевистской истории, занимавшемуся в тот период германо-большевистскими связями времен первой мировой войны, 24 марта 1962 года(23). Однако упоминания об этой переписке имеются в письмах Николаевского к третьим лицам. Поскольку это единственные юридические улики против Радека, хотя и их следует считать косвенными, приведен многочисленные и обширные выдержки из переписки Б. И. Николаевского, посвященные этому отнюдь не банальному сюжету.

Добавим, что Николаевский далеко не сразу прислушался и поверил рассказам Теодора Либкнехта. О личной нелюбви Радека к Розе Люксембург, до революции состоявшей на исключении Радека из польской и германской социал-демократической партии, Николаевский знал. Но как раз это и могло быть причиной слухов. 1947 год был не лучшим моментом для сенсаций такого рода. Погибший в чистках Радек считался жертвой режима Сталина. Доказательств у Теодора Либкнехта не было -- только рассказ убегающего от преследования брата. К концу концов, Карл Либкнехт мог ошибиться, предательство Радека могло мерещиться. Николаевский замолчал -- на десять лет. Лишь после смерти самого Теодора, после смерти Сталина, после разоблачений XX съезда, наконец, после публикации в 1956, 1957 и 1958 годах документов, раскрывающих связи в годы первой мировой войны большевиков (в том числе Радека), с одной стороны, и кайзеровского правительства и его

агентов (прежде всего Парвуса), с другой, -- Николаевский стал упоминать в письмах третьим лицам о выводах Теодора Либкнехта.

Первое такое упоминание относится, видимо, к 1957 году. Вот что писал Николаевский бывшему руководителю французской компартии Б. К. Суварину:

"Много говорил на эти темы с Теодором Либкнехтом (покойным), кот[орый] считал и Радека, и особенно Карла Моора агентами нем[ецкого] штаба. Уверял меня, что к такому же выводу о Радеке пришел и Карл Либкнехт, с которым у Теодора был на эту тему разговор при последней встрече. Карл, по словам Теодора, был совершенно подавлен информацией, которую он когда-то от кого-то -- Теодор не знал, от кого, -- получил. Наиболее опасным Теодор считал Моора"(24).

Три года спустя Николаевский писал о том же Ричарду (Г. И.) Враге, работавшему в 1934-35 годах в польской разведке:

"О Радеке нужно говорить особо. Теодор Либкнехт мне рассказывал, что Карл Либкнехт в их последнюю встречу (накануне ареста Карла), говорил ему, что он узнал о Радеке, который тогда только что приехал нелегально из Москвы, „чудовищные вещи“, о которых обещал рассказать во время следующей встречи. Этой встречи не было, и Теодор считал, что Радек предал Карла. Вообще Теодор собирал материал о секретах немецкого штаба, у меня должны быть его письма (если не погибли...) [...] Знаете ли Вы что-либо о роли Карла Моора? Теодор Либкнехт считал его главным агентом немецкой армии в рядах социалистов"(25).

16 ноября 1961 года темы Моора и Радека Николаевский коснулся в переписке с Павловским:

"Карл Моор был старым немецким агентом (кажется, по линии военной), о которой мне много рассказывал Теодор Либкнехт (брат Карла). В протоколах ЦК большевиков имеется пункт о том, что ЦК отказался принять от него деньги, считая их происхождение сомнительным. Моор выдавал себя за богатого человека и давал деньги (по мелочам) нуждавшимся эмигрантам, но вел себя плохо во всех отношениях, и к нему относились с огромным недоверием. В 1921-22 действительно был в Москве, просил возместить ему те деньги, которые он раньше давал лично разным большевикам, и, кажется, что-то получил. Но отношение к нему было самое скверное (было что-то вроде расследования над ним за разращение комсомолок). В Берлине было у него острое столкновение с левыми коммунистами, которые чуть ли не в печати объявляли его агентом рейхсвера. Вы должны знать, что старые связи большевиков с немецкой военной секретной службой перешли по наследству к райхсверу. Теодор Либкнехт (мы с ним были дружны), считал, что Радек ответственен за гибель Карла Либкнехта (Теодор мне рассказывал о своем последнем разговоре с Карлом Либкнехтом, который сказал, что он убедился в сношениях Радека с райхсвером, но подробностей не мог передать, так как беседа велась на ходу, на улице). Связи райхсвера с большевиками вообще и связи периода 1928-33 г.г. в особенности, это в основе старые связи первой войны. 1909-10 г.г. я ставлю как начало, ибо в это время начались связи польских социал-демократов из оппозиции (Ганецкий, Уншлихт и др.) с „пилсудчиками“, которые строили „польские легионы“. К 1910-11 годам относится разрыв Ленина с официальным правлением (Тышко, Роза Люксембург), которые были против заигрывания со штабами (еще в 1904 г. Р. Люксембург предупредила совет партии РСДРП о японских деньгах у финнов, которые созывали так называемую парижскую конференцию революционных и оппозиционных партий (и именно поэтому РСДРП не была тогда в Париже) и дружба с оппозицией Ганецкого и др. Ганецкий это главный махер и переезда Ленина в Краков и всего последующего(26).

В письме итальянской социалистке Анжелике Балабановой от 20 апреля 1962 г. Николаевский расшифровывал, что именно знал о Радеке Карл Либкнехт:

"Особенно часто я вспоминаю теперь мои старые разговоры с Теодором Либкнехтом, который доказывал мне, что Радек предал Карла. Накануне ареста Карла Либкнехта он встретил Теодора на улице и на ходу сказал, что получил сведения о связях Радека с

военными кругами и считает его предателем. Они условились встретиться назавтра, когда Карл должен был рассказать подробности, -- но ночью Карл Либкнехт был арестован и убит. Теодор все последующие годы собирал материалы и говорил мне, что убежден в правильности подозрений брата [...]. В этих рассказах Теодора фигурировал и Моор, как человек, который чуть ли не с конца 1880-х гг. был агентом немецкой военной разведки в Швейцарии. Моор оказывал влияние на Радека, но последний имел и другие связи прямо с Николаи(27) и др. руководителями немецкой военной разведки"(28).

С 1962 года Николаевский пишет о Радеке и Мооре достаточно часто:

"О том, что Карл Моор был платным агентом немецкой военной разведки в течение многих лет, мне кажется, теперь не может быть никакого сомнения. Впервые я об этом узнал еще лет сорок тому назад от Теодора Либкнехта. Мне кажется, последний об этом сообщал и в печати, в своем еженедельнике, который он тогда издавал в Берлине (кажется, под названием „Фолксвилле"), где он вел кампанию с требованием расследования дела об убийстве своего брата, Карла. У меня должны иметься и письма Теодора по этому вопросу, но я теперь никак не могу их найти. Во всяком случае „Байер" это действительно Карл Моор. Но здесь Вы подходите к самому острому вопросу истории того периода, а именно к вопросу о подкупе немцами большевиков"(29).

Несколько писем было написано Николаевским М. Н. Павловскому, исследователю темных страниц большевистской истории, занимавшемуся в тот период германо-большевистскими связями времен первой мировой войны:

"Рассказы Теодора Либкнехта имеют ввиду связь не с м[инистерст]вом ин[остранных] дел, а с военной разведкой, архивы которой не попали к англо-американским органам. И, конечно, Радек не принимал непосредственного участия в убийстве [Карла Либкнехта]. Речь здесь шла о другом, о том, что Радек выдал им [германской разведке] адрес Либкнехта и что за эту помощь самого Радека они спасли от ареста. [...] Должен сказать, я не уверен, что в рассказах Теодора Либкнехта все неправильно. Он был безусловно честный человек, знал очень много, относительно Карла Моора он был полностью прав, в деле об убийстве брата он вскрыл очень многое, имел каких-то хороших информаторов. Что Радек был связан с очень большими немецкими разведчиками, для меня несомненно. (Сталин его не расстрелял в 1937 г., несомненно, потому что рассчитывал использовать его старые связи), а потому в этом вопросе мы еще можем натолкнуться на много неожиданностей"(30).

"В связи с находкой новых документов в немецких архивах приходится очень многое пересматривать наново. В частности, много приходится думать и о самом Ленине, который не мог не знать, откуда идут деньги, которые ему сотнями тысяч и даже миллионами слал Ганецкий, и еще больше о Радеке. Особенно часто я вспоминаю теперь мои старые разговоры с Теодором Либкнехтом, который доказывал мне, что Радек предал Карла [Либкнехта]. Накануне ареста Карла Либкнехта он [Карл Либкнехт] встретил Теодора на улице и на ходу сказал, что он получил сведения о связях Радека с военными кругами и считает его предателем. Они условились встретиться назавтра, когда Карл должен был рассказать подробности, но ночью Карл Либкнехт был арестован и убит. Теодор все последующие годы собирал материалы и говорил мне, что убежден в правильности подозрений брата. Каюсь, я тогда недостаточно серьезно относился к этим рассказам Теодора и не записывал их; но у меня должно иметься несколько его последних писем из Швейцарии. В этих рассказах Теодора фигурировал и Моор, как человек, который чуть ли не с конца 1880-х г.г. был агентом немецкой военной разведки, той ее части, которая ориентировалась на союз с большевиками для похода против Франции (была другая часть, которая ориентировалась на Францию для борьбы с большевиками, во главе ее были ген. Гофман, позднее --Людендорф)"(31).

Итак, современникам тех событий -- Теодору Либкнехту, Б. Вольфу и Б. Николаевскому заинтересованность советского правительства в устранении Люксембург и Либкнехта была очевидна, причем эта заинтересованность не исчерпывалась задачей дня (1918-1919 годами). Приведем две пространные цитаты. Вольф пишет:

"В то время как Карл Либкнехт и Роза Люксембург были убиты, [Вильгельм] Пик [арестованный вместе с ними] был пощажен для того, чтобы стать верной марионеткой контролируемой Москвою Восточной Германией. Лео Йогихес в течение нескольких дней разоблачал убийство, пока не был арестован сам и посажен в тюрьму Моабит, где сидел Радек. 10 марта Йогихес был также убит. Но Радек остался сидеть в камере и именно там начал переговоры, которые позднее привели к союзу между Красной армией и Рейхсвером и сталинско-гитлеровскому пакту. В этом смысле судьба Радека и Пика, с одной стороны, и Люксембург, с другой, является символом отношения Розы Люксембург и Ленина к вопросам о социалистических принципах и власти"(32).

Иными словами, Вольф усматривал в устранении Либкнехта, Люксембург и Йогихеса (с оставлением в живых Пика) не случайность, а вполне намеренный акт, организованный германским и советским правительством через немецкую военную разведку, с одной стороны, и Радека, с другой. Эта достаточно фантастическая теория неожиданно нашла подтверждение в воспоминаниях самого Вильгельма Пика о последних днях и часах жизни Люксембург. Пик рассказывает, что Либкнехт и Люксембург первоначально использовали квартиру в районе Новокслна. Но там их работа бросалась в глаза, и уже через два дня квартиру пришлось менять. Переезд состоялся вечером 14 января и был крайне рискован уже потому, что солдаты останавливали в поисках оружия любой транспорт (именно по этой причине Люксембург и Либкнехта нельзя было вывезти из Берлина). Однако, пишет Пик, "из-за одного еще не раскрытого предательства Белая гвардия уже на следующий день заняла новое место пребывания Розы Люксембург и Карла Либкнехта. Когда я вечером 15 января около 9 часов хотел обоим товарищам занести на квартиру и передать им необходимые удостоверения личности на случай проверки их дома, квартира была уже занята военными, а Карл Либкнехт арестован и увезен. Роза Люксембург находилась еще в квартире и охранялась большим количеством солдат. У выхода их квартиры я был задержан солдатами. [...] Через некоторое время меня и Розу Люксембург доставили в Эден-отель"(33).

Арестованный Пик представился другим именем. Его доставили сначала в депо гвардейского кавалерийского дивизиона защиты, на следующий день -- в депо возле зоологического сада, и наконец -- в управление полиции, откуда в пятницу, 17 января, Пик загадочным образом бежал в нейтральную Швейцарию.

Но не будем обвинять Пика в малодушии, а то и предательстве, не имея на то оснований. Похоже, что ему дали бежать. И, если верить Вольфу, далеко не случайно. Нам важно установить, что и по мнению Пика Либкнехт и Люксембург были арестованы и убиты в результате "не раскрытого предательства". Может быть это и был намек на Радека?

И еще по крайней мере один раз прозвучало, причем в суде, обвинение в том, что в смерти Либкнехта и Люксембург виноваты коммунисты. Утверждения эти исходили от офицеров, непосредственно причастных к убийству, и, по понятным причинам, серьезно никем не воспринимались.

Видимо в самом начале второй мировой войны Николаевский составил для себя план так и не написанной им книги "Судьбы Коминтерна". Эта страничка текста стоит многих докторских диссертаций:

"Мысль о необходимости разрыва с социалистическим интернационалом у Ленина с 1914 г. (его тезисы о войне). Особая позиция внутри Циммервальдского объединения. Первый конгресс (март 1919 г.) -- почти исключительно из эмигрантов, живших в Москве. Борьба между сторонниками Розы Люксембург и Лениным (Роза Люксембург против создания Коминтерна из-за боязни подчинения его Ленину). Концепция мировой революции у Ленина и Троцкого. Вопрос о колониальных движениях: полемика Ленина против Розы Люксембург. Стремление Ленина толкнуть немцев на создание „фронта на Рейне". Миссия Радека. [...] Большая политика: борьба за революцию в Европе, сплетающаяся с попытками соглашения с немецкими милитаристами для разгрома Польши в 1920 г.; „туркестанская тактика" Белы Куна; поддержка крайних националистов в борьбе против французской оккупации Рейна; план большого восстания 1923 г. в Германии (Саксония, Гамбург) и его

курушение (октябрь 1923 г.) Остальные страны Европы и др. имеют только подсобное значение. [...] 21 условие приема в Коминтерн, чтобы закрыть доступ „оппортунистам". Западно-европейское бюро. [...] Период борьбы фракций (1924-1929 г.г.). Острая борьба фракций, особенно в Германии, как реакция на путчизм. Стремление правых в Советском Союзе освободиться от бремени тактики „мировой революции" (Рыков). [...] Сталинская стратегия подготовительного периода (стремление уничтожить средние группы и оставить противостоящими друг другу фашизм и большевизм. [...] Спор Сталина с Кларой Цеткин. Основная идея тактики Сталина: основной движущей силой мировой революции является СССР [...]. Все остальные играют лишь служебную роль. [...] 1929-1939. [...] Все силы на взрыв „Веймарской республики". Прямая поддержка нацистских забастовок и пр. Провоцирование вооруженных столкновений. Официальная теория: „Гитлер играет роль ледокола революции, расчищая дорогу для коммунистов". Соглашение с немецкими милитаристами для второй войны [...] [стремление] к прямому союзу с Гитлером. Тактика „единого фронта" в 1934-39 г. для Сталина прикрытие политики подготовки соглашения с Гитлером"(34).

Здесь действительно раскрыта вся суть советской коминтерновской политики, от создания Коминтерна Лениным до уничтожения его Сталиным. Тот же мотив прослеживается в другой, менее заостренной, но столь же показательной записке Николаевского, сделанной для себя:

"Стратегия мировой революции по Ленину. Антианглийские элементы в этой концепции. Руководящая роль, отводимая в этих планах революционному движению в Германии. [...] Подготовка расколов в рабочих партиях Запада: коммунистические партии должны стать послушными орудиями в руках Исполнительного комитета Коммунистического интернационала, который, пребывая в Москве находится под постоянным контролем и руководством коммунистической партии России. Спор между Лениным и Розой Люксембург о значении национально-освободительных войн, как теоретическая посылка для соглашения с немецкими националистами. Первые нити, которые протягиваются между Коминтерном и немецкими националистами (1919 г. -- Радек и Людендорф). Борьба двух тенденций в политике Коминтерна: ориентация на революцию старого типа, с одной стороны, и ориентация на соглашение с руководящими националистическими кругами. Борьбы этих двух тенденций в 1923 г. Итоги немецкого поражения 1923 г. Публикация набросков Ленина против Розы Люксембург (январь 1924 г.) Отказ от „революционной романтики". Ориентация на сокрушение власти Антанты в Европе в результате дипломатических и военных конфликтов между разными странами (Бухарин в „Большевике" 1924 г.)"(35).

Проводником этой политики в 1918 -- двадцатых годах как раз и были Радек, с одной стороны, и Карл Моор, с другой. Как пишет Николаевский, Моор "начал превращаться в политического коммивояжера, пытающегося завоевать доверие московского Политбюро старательным проведением работы по сколачиванию, как определил Радек, союза немецких генералов-реваншистов с советскими коммунистами-милитаристами для совместной борьбы против Запада. Это -- особый период в биографии Карла Моора. Начало его можно определить довольно точно: с момента, когда он 7 марта 1919 г. появился в Стокгольме, приехав с поручениями от Ленина. Это он маклеровал те встречи Радека с немецкими военными и разведчиками, о которых рассказывает Радек в своих воспоминаниях о немецком "Ноябре""(36).

С момента своего ареста, последовавшего в Берлине в начале февраля 1919 года, Радек уже не скрывал связей с немецким правительством. С прекращением официального судебного дела германского правительства по обвинению его в подрывной деятельности изоляции Радека пришел конец. Он все еще оставался в тюрьме Моабит, но ему разрешили в почти неограниченном количестве принимать посетителей в бывшей квартире тюремного сторожа. В салоне Радека часто бывали высшие германские офицеры, с одной стороны, связные германской компартии -- с другой. Среди высокопоставленных гостей салона Радека

был Вальтер Ратенау, будущий министр иностранных дел Германии (подписавший с советским правительством в 1922 году Раппальский договор и в том же году убитый за это террористами)(37). Ратенау приходил к Радеку договориться об условиях возобновления дипломатических отношений между Германией и советской Россией(38).

Моор привел также к Радеку барона Ойгена фон Рейбница, товарища Людендорфа по кадетскому корпусу. Живший затем какое-то время у Рейбница Радек назвал Рейбница первым представителем "национал-большевизма". (Сам термин "национал-большевизм", похоже, принадлежал Радеку). Рейбниц действительно выступал впоследствии за союз с советской Россией с целью освобождения Германии от Версальского договора. Однако национал-большевистские идеи находили отклик не только в офицерских и академических кругах, но и в рядах ГКП, прежде всего в Гамбурге.

Организацией встреч Радека (и добычей фальшивых паспортов для его посетителей) занимался старый знакомый -- агент германского правительства, швейцарский социал-демократ Карл Моор. Последний отправился в Россию вскоре после большевистского переворота, с небольшими перерывами пробыл там почти полтора года и в марте 1919 года приехал в Берлин. В Берлине Моор пытался добиться согласия германского правительства на совместные советско-германские действия против Антанты и параллельно стал главным связующим звеном между Радеком и внешним миром. Моор заручился разрешением германских властей говорить с Радеком с глазу на глаз и стал его курьером для всех передач. Вот как описывала организацию встречи с Радеком видный руководитель австрийской, а затем и германской, компартий Рут Фишер (Эльфрида Фридендер, урожденная Эйслер), переселившаяся из Вены в Берлин в августе 1919 года:

"Радек хотел познакомиться со мною и послал ко мне Моора, чтобы тот привел меня в Моабитскую тюрьму. К моему громадному удивлению Моор привел меня в ставку Генштаба на Бендлерштрассе, где перед нами автоматически открывались все двери. Один из офицеров передал мне паспорт с явно фальшивой фамилией и биографическими данными, и с этим паспортом я имела право трижды в неделю приходить к Радеку в его камеру"(39).

По мнению Рут Фишер Радек начал склоняться к национал-большевизму уже в октябре 1919 года, когда Юденич стоял у Петербурга. В то время, находясь в тюрьме, он приготовился к самым плохим известиям из России и надеялся добиться взаимопонимания с определенными кругами германской армии и обеспечить себе защиту от войск союзников (которые могли добиваться -- и действительно добивались -- его выдачи, как противника Антанты). В это время он и начал принимать у себя двух видных представителей германского (гамбургского) национал-большевизма -- Генриха Лауфенберга и Фрица Вольфгейма. А еще через два месяца, в доме у барона фон Рейбница и на квартире шенбергского комиссара полиции Шмидта, в ожидании отъезда в Россию, он дискутировал на тему о национал-большевизме с офицером германской военной разведки полковником Бауэром и контр-адмиралом фон Гинце, доказывая, как и в своем "салоне", что "Ленин желает союза с Германией против западных государств-победителей"(40).

Это было продолжение ленинской брестской политики. Ее фундаментом были дореволюционные тайные германо-большевистские отношения. Ее будущим стали Раппальский договор, секретное советско-германское военное сотрудничество, успешно подрывавшее версальскую систему. Ее апогеем стал советско-германский пакт о разделе Европы, подписанный в 1939 году Молотовым и Риббентропом. "Линия политических отношений между Германией и Россией, ведущая от Брест-Литовска к 23 августа 1939 года и 22 июня 1941 [...] внешне столь причудливая, в действительности совершенно прямая -- это линия тайного соглашения, преступного сговора!"(41). Так закончил свой дневник Теодор Либкнехт, всю свою жизнь расследовавшего убийство брата.

Примечания

1. Paul Frolich. Rosa Luxemburg. Gedanke und Tat. Europaische Verlagsanstalt, Frankfurt am Main, 1967, S. 284.

2. АГИН, ящик 6, папка 12. Роза Люксембург о большевиках. Листовка Российской

социал-демократической рабочей партии. Перепечатка из "Социалистического вестника", No 1, 1922. Издание Петроградского комитета РСДРП. Февраль 1922, с. 2.

3. А. Варски. Роза Люксембург. Тактические проблемы революции, Гамбург, 1922, с. 7.

4. Бертрам Вольф (1896 -- 1977), возглавлял фракцию в американской компартии и в 1929 году был исключен из компартии за фракционную деятельность. До конца 1937 г. выступал с поддержкой обвинений, выдвинутых на московских процессах против „оппозиции". В конце 1937 г. публично отмежевался от своих прежних взглядов и выступил против процессов. Позже вообще отказался от коммунистической деятельности, стал уважаемым профессором. Автор ряда книг, самой известной из которых стала "Трое, сделавшие революцию".

5. АГИН, ящик 727, папка 4. В. Wolf. Rosa Luxemburg and V. I. Lenin: The Opposite Poles of Revolutionary Socialism. The Antioch Review, Summer, 1961. The Antioch Press, Yellow Springs, Ohio, p. 222.

6. Пауль Леви выпустил книгу под названием "Русская революция. Критическая оценка слабости Розы Люксембург" (Берлин, 1922).

7. Wolf, указ. соч., с. 222.

8. Ленин, ПСС, т. 37, с. 99.

9. The Trotsky Papers, 1917-1922, т. 1. Гаага, 1964, с. 200.

10. АГИН, ящик 510, папка 1.

11. Wolf, указ., соч., с. 216.

12. Подробнее об этом см. Дело Радека. -- Вопросы истории, No 9, 1997, с. 15-34; Marie-Luise Goldbach. Karl Radek und die deutsch-sowjetischen Beziehungen 1918-1923. Verlag Neue Gesellschaft GmbH. Bonn-Bad Godesberg, 1973.

13. Из письма С. Ю. Бадаша Ю. Г. Фельштинскому, 29 июля 1989 года. Бад Эмс, Германия, стр. 1. Запись рассказа отца С. Ю. Бадаша.

14. K. Radek. Der Zusammenbruch des Imperialismus. 1919, S. 44.

15. Wolf, указ. соч., с. 216.

16. А бежавший от Гитлера в СССР Эберлин в 1937 году был расстрелян.

17. Густав Штубель. "Ich Habe sie richten lassen" (статья, посвященная 70-летию убийства Люксембург и Либкнехта) -- Die Zeit, 13 января 1989, с. 41.

18. The Trotsky Papers, 1917-1922, т. 2. Гаага, 1971, с. 760, 762.

19. См. Себастиан Хаффнер. Революция в Германии 1918/19. Как это было в действительности? Пер. с нем. Изд. Прогресс, М., 1983, с. 158, 163.

20. См. Дело Георга Скларца. -- Вопросы истории, No 10, 1997, с. 33-33; No 11, 1997, с. 3-24.

21. См. Записки Теодора Либкнехта. -- Вопросы истории, No 2, 1998, с. 3-29.

22. АГИН, ящик 489, папка 2. Письмо Николаевского Т. Либкнехту от 16 декабря 1947 г. 1 л. На нем. яз.

23. АГИН, ящик 496, папка 3. Письмо Николаевского М.Н.Павловскому от 24 марта 1962 г. 1 лист.

24. МИСИ, кол. Суварина, письмо Николаевского Суварину от 11 апреля 1957 г.

25. АГИН, ящик 508, папка 48. Письмо Николаевского Р. (Георгию Иосифовичу) Враге от 15 июля 1960 г. 1 л.

26. АГИН, ящик 496, папка 3. Письмо Николаевского Павловскому от 16 ноября 1961 г., 1 лист.

27. Полковник Вальтер Николаи, руководитель 3-го бюро -- военной разведки Германии. После первой мировой войны, формально уйдя в отставку, оставался в разведке. В июле 1932 года зарегистрирована его поездка из Берлина в Мюнхен для встречи на квартире командира германских штурмовиков Эрнста Рема с нацистскими руководителями, в том числе с Гиммлером и Гессем.

28. МИСИ, кол. Балабановой, письмо Николаевского Балабановой от 20 апреля 1962 г., 1 л.

29. АГИН, ящик 500, папка 19. Письмо Николаевского Отто Шюддекопфу) от 25 августа 1962 года. 1 лист; ящик 4478, папка 21. Письмо Николаевского Г. Эккерту от 14 апреля 1964 г., с. 1, где он цитирует из своего же письма Шюддекопфу.

30. АГИН, ящик 496, папка 3. Письмо Николаевского М.Н.Павловскому от 2 сентября 1962 г., 1 лист.

31. АГИН, ящик 496, папка 3. Письмо М.Н.Павловского Б. Николаевскому от 11 августа 1962 г., 2 листа.

32. Wolf, указ. соч., с. 222.

33. Из книги "Роза Люксембург. Жизнь для свободы". Rosa Luxemburg. Ein Leben für die Freiheit. Reden - Schriften - Briefe. Ein Lesebuch. Herausgegeben von Frederik Hetmann. Fischer Taschenbuch Verlag, Frankfurt am Main, 1980. Вильгельм Пик. Сообщение о последних часах, с. 308-309.

34. АГИН, ящик 511, папка 41. Б. Николаевский. Судьбы комитерна. (план книги). 1 лист.

35. АГИН, ящик 510, папка 24. Итоги русского эксперимента (Пути развития российского большевизма). 1917-1941, с. 4.

36. АГИН, ящик 478, папка 21. Письмо Николаевского Г.Эккерту от 26 декабря 1962 г., стр. 2.

37. К своему напарнику по переговорам, как наверное и Радек, Раненау относился без особого уважения. В феврале 1922 года Ратенау в беседе с виконтом Д'Арбеноном, английским послом в Берлине, сказал о Радеке: "Это нечистоплотный тип, настоящий подлый жидснок". Ленин как-то сказал, что после разговоров с Радеком он испытывает желание вымыться с ног до головы.

38. АГИН, ящик 18, папка 27. От бюро печати при полномочном представительстве РСФСР в Эстонии. 9 августа 1921 г. С. 2.

39. Ruth Fischer. Stalin und der Deutsche Kommunismus. Frankfurt am Main, 1950, S. 251.

40. Густав Штюбель в "Ди Цайт" No 3, 13 января 1989, в статье, посвященной 70-летию со дня смерти Розы Люксембург и Карла Либкнехта.

41. Записки Теодора Либкнехта, с. 29.

Заговор шестой:

Тайна смерти Ленина

Вопрос о болезни и смерти В. И. Ленина в историографии был окутан тайной. Между тем его следует назвать отправным моментом советской истории. Считалось, что к ускорению смерти Ленина мог иметь отношение И. В. Сталин. По крайней мере именно его видели чуть ли ни единственным советским руководителем, незаинтересованным в выздоровлении председателя СНК. В настоящей главе будет показано, что Ленин был смещен с поста председателя СНК уже в середине 1922 года, что происшедшие события были равносильны государственному перевороту, что заговор, в результате которого Ленин оказался изолированным вплоть до самой своей смерти, носил широкий характер и что руководителями этого заговора были, скорее всего, Дзержинский и Сталин.

В 1983 году этой теме посвятил статью А. Авторханов, назвав ее: "Убил ли Сталин Ленина?"(1). "В высших партийных кругах Грузии, -- писал А. Авторханов, -- [...] упорно распространялся слух, что Ленин не умер, а покончил жизнь самоубийством, приняв яд, данный ему Сталиным. Слух этот передавался в разных вариантах -- то Сталин дал Ленину яд по его настойчивому требованию, чтобы избавиться от адских мук, то этот яд Сталин дал Ленину через своего агента-врача [...] (называли даже имя). Был и такой вариант -- Сталин разыскал для Ленина в Грузии народного целителя, [...] а на самом деле этот целитель не лечил, а залечивал Ленина ядовитыми травами. Интересно, что во всех вариантах слухов неизменно присутствует яд, будто Сталин так и ездил к Ленину с флакончиком яда"(2).

Авторханову вторил один из американских биографов Ленина: "В последующие годы коммунисты, знавшие Ленина, собирались и шепотом обсуждали странный слух о том, что его отравил Сталин"(3).

Формальное назначение Сталина на пост генерального секретаря партии в апреле 1922 году было не началом восхождения Сталина к власти, а признанием того факта, что Сталин уже сосредоточил в своих руках необъятную власть. Возможность восхождения Сталина к власти в самом начале 1920-х годов предопределялась двумя факторами: болезненным состоянием Ленина, помешавшем тонкому психологу внутрипартийной борьбы прозевать восхождение своего политического (и даже физического) убийцы; и личными качествами Сталина. В историографии, особенно западной, было принято сохранять определенный язык, не называть вещи своими именами. Здесь не место искать первопричины самоцензуры многочисленных западных авторов. Отметим только, что с крушением Советского Союза почувствовали себя свободней и западные исследователи. Вот как характеризует Сталина в своей последней книге известный американский историк, дипломат, политический, общественный деятель Дж. Кеннан:

"Сталин представляется мне человеком, применительно к которому слово "негодяй" -- огромная недооценка. Зависть, подозрительность, с явной склонностью к садизму, поистине безграничная и сумасшедшая ревность в дополнение к столь же безграничным амбициям были его главными качествами"(4).

С этой характеристикой Сталина трудно не согласиться. Именно этот человек в 1922 году, заимствовав, говоря языком Кеннана -- самые гадкие черты Ленина и Свердлова, стал восходить к руководству в партии и государстве.

До VIII съезда РКП(б) "генсеком" был Я. М. Свердлов. Секретариат ЦК, как тогда говорили, находился в его записной книжке. Ответственным секретарем ЦК была Е. С. Стасова, затем Н. Н. Крестинский, затем В. М. Молотов. Из членов Политбюро, избранных после Одиннадцатого съезда партии (Ленин, Зиновьев, Л. Б. Каменев, А. И. Рыков, Сталин, Томский, Троцкий) выбор, как на генсека, пал на Сталина. Отметим, что до начала болезни Ленина никаких политических разногласий между Лениным и Сталиным не было. 28 марта 1922 года Ленин публично защищает Сталина против Е. А. Преображенского, показывая всем делегатам Одиннадцатого съезда, на чьей он стороне, причем защищает Ленин Сталина по тем направлениям, на которых буквально через несколько недель он начнет с ним войну: национальная политика и Рабкрин(5).

О болезни Ленина, начиная с декабря 1920 года, мы знаем из многих источников. 3 марта 1921 г. Ленин пишет записку Каменеву, впервые опубликованную в 1989 году:

"Вижу, что на съезде, вероятно, не смогу читать доклада. Ухудшение в болезни после трех месяцев лечения явное: меня "утешали" тем, что я преувеличиваю [...] и за умным занятием утешения и восклицания "преувеличиваете! мнительность!" -- прозевали три месяца. По-русски, по-советски. Я попробую подготовиться. Но готовьтесь и Вы. На съезде и пленуме Цека важен и мой доклад. Очень боюсь, что ни там, ни здесь не смогу. [...] Разговоров и заседаний хуже не выношу, чем "сказануть раз в полгода". [...] Имейте в виду, что обмен коротенькими записочками [...] нервы выносят лучше разговоров (ибо я могу обдумать, отложить на час и т. д. Оч[ень] прошу поэтому завести стенографистку и чаще посылать мне (перед Пол[ит]Бюро) записки в 5-10 строк. Я подумаю час-два и отвечу"(6).

Думать час-два над запиской в несколько строк? Это уже не Ленин 1917 года!

О болезни Ленина писал Троцкий: "Здоровье Ленина резко надломилось в конце 1921 года"(7). В конце ноября 1921 года Ленина перед отъездом за границу посетила Андреева. 29 января 1924 года, вскоре после смерти Ленина, она рассказывала в письме Горькому об этой встрече, оказавшейся последней: „Он долго что-то слушал, а потом вдруг говорит: "Какая вы еще, Мария Федоровна, молодая! Даже румянец во всю щеку от волнения... Краснеть не разучились. А вот я -- уставать стал. Сильно уставать""(8).

Наблюдательный Сталин не мог не знать, что Ленин заболевает. Отметим также, что 1921 год, когда писалась записка Ленина Каменеву -- год введения НЭПа, второго, после Брестского мира, оппортунистического шага Ленина. По непопулярности в кругах партийно-коммунистической номенклатуры НЭП мог сравниться только с Брестом. Точнее -- компромисс на внутреннем фронте (НЭП) явился следствием компромисса на фронте

внешнем (Брестское соглашение). А поскольку именно об этом и предупреждали Ленина многочисленные противники мира, от Троцкого до левых коммунистов, провозглашение НЭПа было со стороны Ленина обманом и издевательством над партией.

Однако, если при подписании Брестского мира его сторонники (в лице Ленина) и его противники (в лице всех остальных) с одинаковым рвением подчеркивали недолговечность Бреста, к НЭПу отношение было совсем иным. Насколько именно вводился НЭП и к каким последствиям он мог привести -- в 1921 году не знал никто. Трудно сказать, насколько буквально воспринимал Ленин собственную фразу о том, что НЭП вводился "всерьез и надолго". По крайней мере этот лозунг ни у кого не должен был вызвать восторга. При хладнокровном анализе системы НЭПа должно было стать очевидным, что мирного сосуществования между всевластным, вооруженным, но бедным и голодным коммунисте, с одной стороны, и безоружным, сытым и богатым нэпмане, с другой, быть не может. Либо коммунист убьет нэпмана, либо нэпман отнимет власть у коммуниста. Случилось первое.

Во внутривнутрипартийной борьбе в этот период Ленин и его оппоненты учли уроки Брестского мира. Было ясно, что Ленина не возьмешь открытой критикой, как делалось это спрось и рядом во время дискуссии о мире в 1918 году. Одновременно Ленин пытался избежать теперь открытой дискуссии, приведшей в 1918 году к расколу партии и фактическому ostrаниению Ленина от власти. При внешней поддержке Политбюро (которой в вопросе НЭПа никогда не было и не могло быть) Ленин круто изменил внутривнутриполитический курс правительства, искренне считая, что в 1921 году он преодолел оппозицию легче, чем в 1918.

Но Ленин ошибся. Опорой Сталина в борьбе против Ленина, открыто начавшейся в 1921 году (и еще незаметной широким слоям партии) служили безликие партийные функционеры, уступающие по вине Ленина власть нэпману. В списке поражений Ленина НЭП, являвшийся следствием предшествующей оппортунистической политики (Бреста), стоял на последнем месте. Во главе списка были: несостоявшаяся из-за Брестского мира революция в Европе; поражение в войне с Польшей (открыто саботируемой Сталиным); Кронштадское восстание 1921 года; крестьянские восстания, из которых лишь по случайному недоразумению Тамбовское считается самым крупным... Кого же было винить в этих провалах, как не главу правительства? И вот теперь этот же руководитель единоличным решением бросал партию в новую крайность -- НЭП.

О борьбе за власть между Лениным и Сталиным в это время можно судить лишь по намекам. 4 июня 1921 года Ленин пишет письмо в Берлин Г. Л. Шкловскому. Это письмо М. И. Ульянова характеризует как сообщение Ленина Шкловскому о том, "что под В. И., так сказать, подкапываются. Кто и как -это остается тайной"(9). Впрочем, эту тайну легко разгадать, если посмотреть, кто же в партии именно в этот период поднимается выше всех по иерархической лестнице. Этот человек -- Сталин. В. П. Наумов пишет: "Со второй половины 1921 года Политбюро поручает ему вести организационную работу в Центральном комитете. Ему вменялась подготовка пленумов ЦК, сессий ЦИК и другое, то есть по существу он исполняет обязанности секретаря ЦК"(10).

24 декабря 1921 года "Правда" за No 294 публикует басню Демьяна Бедного (Е. А. Придворова)(11). Следует отметить, что пролетарский поэт Бедный был старым партийным функционером. В 1910 году он познакомился с В. Д. Бонч-Бруевичем, будущим секретарем и помощником Ленина. Бонч-Бруевич, в свою очередь, познакомил Бедного со многими большевиками. С 1911 года Бедный печатался в большевистской "Звезде", позднее переименованной в "Правду". В середине апреля 1912 года Бедный знакомится со Сталиным, затем с Молотовым и Свердловым. В том же году Бедный вступает в партию, заочно, через переписку, знакомится с Лениным, который ему очень покровительствует и талант которого ценит. В 1914 году Бедный знакомится с Горьким. Во время первой мировой войны -- с сестрами Ленина М. И. Ульяновой и А. И. Елизаровой. В апреле 1917 года Бедный встречается с Лениным и с апреля по июнь помогает ему при редактировании "Правды", не теряя связи со Сталиным. Сталин публикует в "Правде" статью "Американские миллионы",

направленную против министра-меньшевика Церетели. Бедный пишет против Церетели стихотворение "Коалиционное". Сталин пишет в "Правду" статью "Заговор против революции" (против Корнилова). Бедный пишет о том же стихотворение "Песня". После неудавшейся июльской попытки захватить власть, когда Ленин прячется от ареста, Бедный, как и Бонч-Бруевич, рядом с Лениным(12).

Но самые близкие отношения сложились у Бедного со Сталиным. "В Кремле, как и во всей Москве, шла непрерывная борьба из-за квартир, которых не хватало", -- писал Троцкий о 1919 году(13). Приближенный Сталина, Бедный умудрился прожить в Кремле с марта 1918 до начала 1933 года, когда развелся с женой -- Верой Руфоновной Придворовой -- и переехал, оставив кремлевскую квартиру жене, в особняк на Рождественском бульваре, 16. Бедный занимал половину особняка. Во второй половине размещался Государственный литературный музей, директором которого был старый знакомый Бедного -- В. Д. Бонч-Бруевич.

Можно считать, что это было второе поражение Бедного в квартирном вопросе. Первое он потерпел в 1920 году -- от Троцкого. И поскольку очевидно, что отказав Бедному в его требовании председатель РВС республики, занимавший пять комнат в Кавалерском корпусе, нажил себе еще одного совсем не безобидного врага, приведем выдержки из этого любопытного документа:

"Дорогой Лев Давидович!

Препровождаю Вам 5 моих листовок и 1 книжечку, изданные на Западном фронте [...] В пятницу снова уезжаю для агитации -- "До Советской Варшавы!", если не последует иных указаний [...].

Что касается не разъездной, а оседлой работы, то я предвижу, что, проработав минувшую зиму самое большое в половину своей мощности, скоро я сойду на одну треть... У меня нет рабочего кабинета. Я -- писатель, работающий на ночном горшке. Справа у письменного стола -- две кровати -семейная и детская. У меня 2 комнаты с третьей -- полусартиром.

Естественно, что Кремлевское домоуправление -- по своему заявлению -сочло необходимым дать мне соседнюю с отдельным ходом комнату (щ 6 белого коридора) для рабочего кабинета. Ордер был написан, но [член Президиума ВЦИК] Лутовинов его зачеркнул, а [секретарь Президиума ВЦИК] Енукидзе исправить такое свинство отказался [...].

Не поставить Вас в известность об этом я не мог. Моисей как-то ударил по скале палкой и из скалы брызнула живая вода. Вы меня осенью и зимой ударите партийной палкой десять раз, и ни черта из меня не брызнет. Или брызнет вода, а нужны боевые стихи.

Рядом со мной живут Петропавловские [семья комиссара Кремлевских военных курсов], [...] а дальше за ними -- т. Никитин [зав. финансовым отделом ВЦИК] [...] Я предлагал: дать мне соседнюю комнату (щ 6) Петропавловских, а им отрезать комнату от Никитина.

Казалось бы, просто. И необходимо. Для дела. И Кремлевское домоуправление в таком смысле и составило ордер, отмененный Лутовиновым. Теперь я упруюсь в милейшего Енукидзе, который рассуждает как ишак [...].

Хоть для очистки совести: знайте, дескать, дорогие товарищи, что после этого можно с меня спрашивать?

Уважающий и любящий Вас Демьян Бедный.

Приложения: 1) Листовки 2) План вышеперечисленных квартир"(14).

После переезда правительства в Москву в начале 1918 года в Кремле жило все советское руководство. Иногда к Бедному заходил Ленин. Иногда Сталин. Дружил Бедный и с секретарем ЦК Стасовой, бывал в секретариате, по ее словам, чуть ли не ежедневно. Для разъездов по фронтам гражданской войны в агитационных целях Бедному был выделен личный вагон первого класса (раньше принадлежавший одному из великих князей), который подцеплялся к поездам. Кажется, Бедный стал единственным писателем, удостоенным такой

чести (причем вагон оставался в собственности Бедного чуть ли не до 30-х годов). Наградам Бедного не было конца. С 1922 года первым из советских писателей Бедный стал депутатом Моссовета. В Пензенской области его именем назвали город Беднодемьянск. В Одесской губернии -- Демьянобедновскую волость. По Волге пустили пароход "Демьян Бедный". В пожизненное пользование Бедный получил дачу в Мамонтовке. К личной даче прибавилась еще и государственная. К личной машине с личным шофером -- еще и казенная с казенным шофером.

Может быть самой большой наградой писателя следует считать его контракт с Госиздатом на издание полного собрания сочинений. Контракт был подписан, видимо, в конце 1922 года. Первый том вышел в 1925 году. До 1934 года, когда Бедный впал в немилость Сталина, успело выйти 19 томов, охвативших произведения до февраля 1932 г. В августе 1934 года, выступая на съезде писателей, Бедный говорил о двадцати томах своего собрания сочинений, еще не зная, что 20-й том опубликован не будет.

Печатался Бедный в основном в "Правде". Насколько политизированным было творчество Бедного, следует из стихотворения "В защиту басни", написанного им в 1936 году, после того, как летом 1935 года Сталин амнистировал Бедного и пригласил его к себе на дачу, самолично за ним заехав; после того, как Новый 1936 год Бедный также встречал на даче Сталина:

И можно ли забыть, чьим гением она
Была тогда оценена?
Чтоб я не бил по дичи мелкой,
А бил по зубрам бы, бродившим по лесам,
И по свирепым царским псам,
Моею басенной пристрелкой
Руководил нередко Ленин сам
Он -- издали, а Сталин -- был он рядом,
Когда ковалась им и "Правда" и "Звезда",
Когда окинувши твердыни вражьи взглядом,
Он мне указывал: "Не худо бы сюда
Ударить басенным снарядом!"

Отдав должное Ленину, Бедный все-таки указал, что Ленин был далеко, а Сталин -- близко. Понятно, что именно близкий Сталин и руководил творчеством Бедного (когда и если это творчество требовало руководства). 17 октября 1921 года Бедный дарит Ленину только что вышедшую свою стихотворную повесть "Царь Андрон"(15), законченную 20 мая 1921 года. Вот как анализирует это произведение специалист по творчеству Демьяна Бедного Н. В. Гамалий:

"В [...] повести „Царь Андрон" рассказывается, как крестьяне свергли Советы, выгнали из Москвы и Петрограда большевиков. И сейчас же в стране возрождаются буржуазные партии. Возвращаются из-за границы старые царские чиновники, заводчики, банкиры и помещики. Не доверяет им крестьянский царь, но чтобы идти против них, надо призывать рабочую рать, а этого Андрон не хочет. Постепенно он становится марионеткой в руках своих и международных капиталистов [...]. Народ вновь в кабале. [...] Революционно настроенные трудящиеся во главе с большевиками ломают режим Андрона. Советская власть восстанавливается, а Андрон, переодевшись в сермягу, с позором бежит из дворца"(16).

Как когда-то бежал Керенский. Так Бедный протестовал против введения НЭПа, намекая Ленину, что тот превращается в царя Андрона. А поскольку Бедный протестовал лишь при Ленине и не протестовал при Сталине, следует заключить, что он был не столько искренним коммунистом, сколько послушным пером будущего генсека. В свете всего вышесказанного и нужно рассматривать басню Бедного "Не для чего иного", опубликованную в "Правде" 24 декабря:

Кузнец, Вавила Аникеев,

Зайдя в лакейскую и увидавши в ней
Навзрыд рыдающих лакеев:
"Ну, ж ваша барыня -- с прислугой лютый змей!
-- Сказал сочувственно Вавила,
-- Побила морды вам?.. Расчет вам объявила?.."
"Побила?.. Пальчиком ей шевельнуть невмочь...
Едва не померла она об эту ночь..."
-- Вавиле горестно лакеи отвечали.
"Так вот с какой ревете вы печали!"
"С та-ко-о-й!.. Позвали мы врача...
Предвестья у нее нашел паралича:
Слышь, ходит под себя. Вот третьи сутки кряду
Поочередно мы дежури́м у нее:
Простынку ль подвернуть, подать ли ей питье"...
"Питье... -- вздохнул кузнец, -- часик бы... тас...
Мне подежурить тож... Я б дал ей, стереве, яду!"
В Европе с "желтыми" придется заключать
Нам сделку некую, прибавлю: не навечно
И не затем, конечно,
Чтоб с ними сообща их барыню лечить(17).

Для непосвященных это была басня о том, как пролетарий-кузнец, вполне в духе пролетарского сознания, предлагает отравить умирающую барыню-эксплуататоршу, в то время как несознательные лакеи, собравшиеся вокруг барыни, скорбят из-за очевидной и скорой ее смерти. Для посвященных это была басня о планируемом или по крайней мере обсуждаемом Сталиным отравлении больного Ленина.

Итак, кто есть кто в басне Бедного. "Кузнец" -- (кующий СТАЛЬ), конечно же Сталин. "Вавила" -- сирийское имя, намекающее на нерусское происхождение Сталина. "Аникеев" -- от Аника -- воин-победитель, ассоциация также указывающая на Сталина, который, прийдя к Ленину ("барыне"), видит грустные лица большевистских лидеров. Сталин думает, что Ленин устроил им нагоняй и именно этим вызвана грусть на лицах. Но оказывается, что врачи обнаружили у Ленина прогрессивный паралич (сифилис). Услышав, что "лакеи", все-таки боящиеся остаться без Ленина, попеременно дежурят у больного, Сталин с присущей ему грубостью замечает, что если бы у него была возможность подежурить у Ленина, то вместо питья он дал бы "стереве яду". Остается только гадать, пытался ли Бедный предупредить Ленина, что против него зреет заговор, или же, списав Ленина со счетов, издевался над теряющим власть председателем Совнаркома. Здесь нам несколько помогает мораль басни.

Обычно мораль -- самое ясное в басне четверостишие. У Бедного "мораль" -- самая сложная часть. "В Европе" -- значит среди европейцев, эмигрантов, к каковым относились, в отличие от "подпольщиков", те, кто дожидался революции 1917 года в эмиграции -- Ленин, Троцкий, Зиновьев, Радек... К подпольщикам относились, соответственно, Сталин, Свердлов Каменев... "С желтыми" -значит с продажными, т. е. с теми "лакеями", которые все еще идут за Лениным. "Нам" -- это Сталину и его сторонникам -- прежде всего Зиновьеву и Каменеву. "Сделка" -- это соглашение между фракцией Сталина и сторонниками Ленина оставить Ленина у власти, но -- "не на вечно", и не ради Ленина ("чтоб барыню лечить"), а потому что без Ленина оставаться пока еще страшно.

Басня не осталась незамеченной, и 27 марта 1922 года Ленин, до сих пор любивший Бедного, раскритиковал революционных поэтов из "Правды". Так как Бедный печатался в "Правде" чуть ли не каждый день, осведомленному читателю Ленина было ясно, кого именно критикуют. Бедный и те, кто за ним стоял, а за ним главным образом Сталин, в долгу не остались. 31 марта раскритикованный поэт публикует в "Правде" ответ Ленину -- пространное стихотворение "Как надо читать поэтов":

Он, как всегда, я знаю, прав,
Но я, однако ж, не шарманщик,
Чтоб сразу дать другой мотив.

Если же учесть, что в описываемый период редактором органа ЦК партии (следует уточнить: органа секретариата ЦК, т.е. органа Сталина) был бывший левый коммунист и будущий союзник Сталина Н. И. Бухарин, невинные басни и стихи члена партии с 1912 года Бедного читаются совсем по-другому.

23 мая Ленин уезжает в Горки на отдых, и именно там в спокойной нерабочей обстановке у отдыхающего Ленина 25-27 мая случается первый серьезный приступ его болезни, повлекший частичный паралич правой руки и ноги и расстройство речи. 29 мая доктор А. М. Кожевников выехал с медсестрой М. М. Петрашевой брать у Ленина пункцию костного мозга. "У Владимира Ильича было расстройство речи, -- вспоминает Петрашева. -- Врачи просили его назвать какой-нибудь предмет, а он не мог. Просили написать, тоже не мог. Жаловался, что у него парализована то рука, то нога. Это были мгновенные параличи, быстро проходящие. Когда он начал ходить, был случай он упал во время такого паралича. [...] Сирени в саду было много, но он не переносил никакого резкого запаха, а когда я приносила полевые цветы, он был доволен... Предписания врачей он выполнял очень строго и точно. Помню, мы решили убрать из его комнаты книги. Читать ему в это время не разрешалось"(18). В июне Ленину разрешили вставать, постепенно он стал сам умываться, относительно поправился и Петрашеву отпустили(19).

Сведения о болезни Ленина и возможном выходе его в отставку проникают в прессу. Белоэмигрантская газета "Руль", издающаяся в Берлине, аккуратно собирает всякие слухи. Уже 22 марта в передовице Руля "В потемках" Ленин назван "Кремлевским узником". 26 марта в передовице "Загадка" газета пишет:

"Совнарком занят обсуждением вопроса, какие меры следует принять на случай неизбежного выхода Ленина из состава правительства. Здоровье Ленина таково, что [...] возвращение его к правительственной деятельности совершенно исключено. [...] В экстренном заседании Совета народных комиссаров в понедельник [20 марта 1922 г.] обсуждался вопрос о мерах, которые надлежит принять в случае выхода Ленина из состава правительства. Председатель московского совета [Каменев] заявил, что рассчитывать на участие Ленина в правительственной деятельности по состоянию его здоровья в настоящее время не представляется возможным. Недавно на съезде металлистов Ленин, неожиданно выступивший с речью, заявил, что он сам едет в Геную, а сегодня большевистские газеты вновь оповещают, что во главе делегации будет стоять Чичерин, о поездке же Ленина речи быть не может".

В том же номере газета сообщает о заявлении Раковского, сделанном им в Берлине: "Положение Ленина не внушает опасений. По предписанию врачей Ленин в течение двух месяцев должен отказаться от всякой деятельности. Большевики надеются, что авторитет вызванного в Москву проф. Клемперера побудит Ленина исполнить это предписание. Само собой разумеется, что Ленин не в состоянии выехать в Геную".

29 марта в передовице "Странная болезнь" "Руль" писала:

"Инцидент с болезнью Ленина все более и более осложняется и прежде всего, благодаря самим большевикам, которые как будто нарочно стремятся возбудить всеобщее недоверие. На днях берлинская советская миссия разъяснила, что поездка проф. Клемперера никакого отношения не имеет к состоянию здоровья Ленина, которое значительно улучшилось. В тот же день г. Раковский заявил, что Ленин страдает переутомлением, требующим двухмесячного отдыха, которого, однако, Ленин не хочет себе позволить. Проф. Клемперер должен-де убедить Ленина согласиться на отдых. Сегодня же оказывается, что авторитета одного Клемперера оказалось недостаточно. Пришлось выписать еще одного профессора из Стокгольма [-- Нюнстредя].

Далее еще оказывается, что вопрос идет не только об отдыхе. Ленин не только не согласен отдыхать, он стремится к активной работе. В последней своей речи он неожиданно

заявил, что сам поедет в Геную [...]. Насколько это заявление было сделано серьезно, можно судить по тому, что в адресованной швейцарскому правительству просьбе о пропуске советской делегации через Швейцарию имя Ленина красовалось в списке делегатов на первом месте. Фактически же Ленин не только не едет, но, как выражаются советские источники, об этом и речи быть не может. [...] Если к этому прибавить, что [...] поставлен на очередь вопрос об освобождении Ленина от тягот власти, что декреты все чаще подписываются Цюрупой с титулом Ленина -- председатель Совнаркома, -- то совершенно ясно станет, что состояние Ленина вызывает в Москве серьезное политическое осложнение.

Чем болен Ленин -- это усердно и настойчиво скрывается. Но возможно, что болезнь и выражается в таких странных и неопределенных формах, что ей трудно дать определенное, понятное непосвященным название. Факт тот, что Ленин как бы взят под опеку. Под предлогом, что ему необходимо отдохнуть, Ленину предлагают отойти от дел, он же, напротив (может быть, в этом болезнь его и проявляется), рвется к непосредственному участию в управлении и хочет овладеть вновь рулем советского корабля, выпавшим из его рук.

Если это так, то понятно, почему болезнь окружена такой таинственностью и почему она вызывает столько противоречивых известий. Если между Лениным и Совнаркомом происходит борьба, если фактически он взят под опеку, то каждый информатор окрашивает свои сообщения в тот или другой цвет, в зависимости от того, как он сам относится к этой борьбе, на чью сторону он становится. Информация уже не ставит себе целью осведомить об истинном положении, а содействовать при помощи информации тому исходу, какой данному лицу представляется наиболее желательным. Болезнь Ленина прихлала больше чем не к стати. Поэтому официальные учреждения, заботящиеся прежде всего о нерушимости Генуэзской конференции, уверяют, что Ленин вполне здоров. Лица, кои интересуются устранением Ленина, высказывают надежду, что Ленин подчинится медицинскому диагнозу и уйдет на покой. И чем больше версий и противоречий, тем яснее, что инцидент болезни грозит превратиться в катастрофу".

В том же номере печатаются отрывки из письма частного лица из Петербурга, опубликованные в газете "Morning Post": "Влияние Ленина с каждым днем падает и число его сторонников уменьшается постепенно, параллельно с прогрессирующим упадком страны".

30 марта газета публикует телеграмму из Ревеля от 28 марта "У Ленина прогрессивный паралич": "По сообщениям из советского источника призванные к Ленину врачи установили прогрессивный паралич".

4 мая в передовице "Ширма" "Руль" пишет:

„Вся эта история с болезнью Ленина вызывает вполне понятное недоумение. Советские газеты "опровергают" вообще всякие "слухи" о болезни Ленина, и только он сам неожиданно проговорился об этом. Когда проф. Клемперер отправился в Москву, нас уверяли, что они едут для генерального медицинского освидетельствования советских чиновников, рвущихся за границу для поправки здоровья. Но когда проф. Клемперер вернулся, он сообщил, что ездил именно к Ленину. [...]

Да и вообще, почему вся эта история окружена такой непостижимой таинственностью. Почему с такой тщательностью стараются представить дело так, что ничего особенного не случилось, что все остается по-прежнему, а Ленин сам неожиданно заявляет, что он уже несколько месяцев не у дел? [...] По всем данным Ленин остается просто ширмой, его именем большевики продолжают действовать, хоть фактически он всякой власти лишен. Высокое его выступление подтверждает, что он в "оппозиции", но эта оппозиция никакого практического значения не имеет. Недавно он проявил себя выговором по адресу Радека и Ко, посланных для объединения пролетарского фронта. Советская печать ни одним словом не обмолвилась по этому выступлению, они его просто игнорируют, как нечто, не то незаслуживающее внимания, не то, как весьма неудобное, но что из пиетета и во избежание обострений приходится молча терпеть.

Да! Ширма мешает, но она нужна? Без нее теперь не обойтись! Пока есть эта ширма, можно еще скрывать кое-как, что происходит за нею. Но уберите ширму -- и тогда истинное положение и взаимоотношения предстанут перед всеми и неустойчивое равновесие погибло. Положение таково, что приходится опасаться малейшего толчка. Пусть поэтому Ленин неудобен, пусть он опасен своими неожиданными выступлениями; нужно все сделать, чтобы опасность умалить; сегодня невропатолог, завтра хирург, послезавтра быть может готов экстренный поезд для новой знаменитости. Но ширма должна оставаться".

13 июня в статье "Советский триумvirат -- заместитель Ленина" газета сообщила: "Ввиду того, что возвращение Ленина к государственным делам предоставляется маловероятным, в Москве, по слухам, образована тройка для руководства деятельностью советской власти. В эту тройку входят Рыков, Бухарин и Преображенский".

В обзоре печати, со ссылкой на германскую "Lokal Anzeiger" "Руль" писала:

„Касаясь процесса эсеров, "Lokal Anzeiger" в связи с этим останавливается на вопросе о болезни Ленина. По сведениям газеты, полученным ею от кругов, близких к Москве, болезнь Ленина смертельна и каждый день можно ожидать известий о конце. Ввиду этого в Москве сильно нервничают. Приехавший в Берлин Красин тотчас же имел совещание с Раковским и Чичериным.

Результатом этого совещания было решение учредить в Москве предварительно Директорию, в составе Бухарина, Красина, Литвинова, Раковского и Чичерина".

В том же номере статья "Болезнь Ленина": корреспондент газеты беседовал "с авторитетным сотрудником врачебных кругов". "К больному одновременно [с Клемперером] был вызван известный бреславский психиатр проф. Ферстерер, считающийся авторитетом по вопросам парасифилиса, одной из частных форм которой является прогрессирующий паралич".

14 июня "Руль" пишет: "Вернувшийся из России член парламента ОГрэнди заявил, по сообщению газет, что Ленин страдает от последствий совершенного на него год тому назад покушения, его смерть является вопросом нескольких недель. Две недели тому назад состояние его здоровья было очень серьезным".

15 июня со ссылкой на "Freiheit" "Руль" дает еще один список "тройки":

„Ввиду устранения Ленина от управления образована "тройка". Газета уверяет, что в ее состав входят Сталин, Каменев и Рыков. Характерно, что Троцкий не входит в эту тройку. По-видимому, это объясняется крайней непопулярностью Троцкого среди коммунистической партии. Наиболее интересно и важно, что, по уверению газеты, большевики хотят все сделать шито-крыто. Назначение тройки не будет официально объявлено, а есть просто неофициальное постановление коммунистической партии. Вероятно, советские газеты вообще ничего не сообщают об этой перемене правительства. Услужившие газеты вообще ни словом уже не упоминают о здоровье Ленина".

Там же в статье "Болезнь Ленина": "На днях уехал в Москву известный германский невропатолог проф. Флексиг, считающийся одним из наиболее выдающихся специалистов по заболеванию мозга. Проф. Флексиг приглашен на консилиум с находящимися в Москве берлинскими профессорами Клемперером и Ферстерером.

Во вторник [13 июня] Чичерин получил от Литвинова из Москвы письмо, в котором говорится, что Ленин находится в полном сознании и что болезнь его является результатом переутомления. В своем теперешнем состоянии Ленин заниматься государственными делами не может. Непосредственной опасностью для жизни болезнь его, однако, не грозит. В советских кругах утверждают, что о замещении Ленина триумvirатом до сих пор не было и речи".

16 июня "Руль" сообщает со ссылкой на "Freiheit", что „учреждение "тройки" должно носить неофициальный характер, официально Ленин будет по-прежнему возглавлять совнарком и потому-то и важно одно: как только можно продлить его бранные дни. Но весьма знаменательно, что состав этой тройки, по сведениям Freiheit, иной, чем сообщенной у нас двумя днями раньше. За эти два дня новые кандидаты оказались сильнее. Иначе говоря

-- несмотря на все меры предосторожности борьба внутренняя уже началась в полном разгаре. Кто бы ни победил, борьба этим не кончится и побежденные не уступят, напротив - превратятся в непримиримых и опаснейших врагов.

При этом надо принять во внимание, что первый и второй список совпадают в том отношении, что в обоих не значится Троцкий. Троцкий -- большевистский Наполеон, глава Красной армии, составляющей единственную опору советской республики -- он не входит в состав "тройки". Он становится дальше от центра, чем был при Ленине.

Нужны, конечно, весьма серьезные причины, чтобы на это решиться, и Freiheit поясняет, что Троцкий весьма непопулярен в партии. Но это и свидетельствует о таких качествах Троцкого, которые особенно опасны, если они [тройка] почувствуют себя обиженными, оставаясь на своем посту. Или же его "освободят" от обязанностей военного комиссара.

Нет! Дорого обойдется болезнь Ленина, но все меры предосторожности, так тщательно принимаемые, ничем не помогут. Большевикам не удастся отвести глаза друг другу. И как ни сенсационен процесс эсеров, можно думать, что в ближайшее время предстоят в том же направлении сенсации более головокружительные".

Там же в обзоре печати:

„D. Tageszeit" обращает внимание на то, что в списках "тройки" не значатся имена Зиновьева и Троцкого; ближайший ход событий в России несомненно скрывает многочисленные конфликты среди большевистских главарей".

Таким образом в верхах партии болезнь Ленина становится сигналом для начала открытой борьбы за власть. 10 июня 1922 года об этом, в частности, сообщает Серебряков в письме наркому социального обеспечения А. Н. Винокурову. Загадочным образом письмо это оказалось в редакции "Таймс" и было переопубликовано (2 августа в обратном переводе с английского) "Рулем":

"Возвращайтесь, как можно скорее. Дела пришли в такую путаницу, что необходимо будет напряжение каждого нерва для группы, чтобы восстановить ее старое положение. Левые настаивают на немедленном созыве партийного съезда, но если это будет сделано, мы будем банкротами и получим жалкое меньшинство. Я уже писал в Италию и в Шварцвальд и советовал им вернуться скоро домой, иначе их продолжительный отдых может дорого обойтись нам и им.

Действия иностранных гостей (на процессе с.-р.) весьма запутали положение. Речь Вандервельде стала широко известна, несмотря на все принятые меры, не только в Москве и Петрограде, но и в далекой провинции. Мы уже подняли вопрос о высылке, если не всех иностранных защитников, то во всяком случае Вандервельде и Либкнехта, так как кроме их речей появились еще и разные письма к рабочим. Невозможно установить их подлинность, так как их авторы признают их низкой подделкой, хотя мы знаем, что такое подделка тогда, когда она нужна. На суде Николай Иванович (Крыленко) показал себя совершенно некомпетентным в вопросах права при встрече с опытными юристами... Процесс более похож на партийную конференцию, чем на судопроизводство...

С Ильичем дело так плохо, что даже мы не можем добиться к нему доступа. Дзержинский и Смидович охраняют его как два бульдога от всех чужих и никого не допускают к нему, или даже во флигель, в котором он живет. Я считаю эту тактику бессмысленной, так как она ведет только к распространению легенд и самых невероятных слухов.

Еще не совсем ясно, кто эти трое, которые должны составить директорию. ЦИК снял кандидатуру Рыкова. Правда, что Каменев сильно за него борется, но мы хорошо понимаем, что Рыков ему нужен только как ширма, как лояльная креатура. Что касается Сталина, то он решительно отказывается работать с Каменевым, поведения которого в Лондоне он еще до сих пор не забыл. В то же время среди нас закипают семейные ссоры, как раз в момент, когда они нам менее всего нужны. Более всего раздражает меня Радек, занявший таинственную позицию в одно и то же время по отношению к ЦИКу и к нам, в особенности в отношении

Троцкого. Он и Складанский всегда вместе. Он вертится вокруг Лебедева, вообще конспирирует или может быть что-то подготавливает. Были слухи, что эти люди создают новое трио, с Троцким во главе, но я думаю, что это все клевета, так как в настоящее время никто не может выступать открыто, кроме Дзержинского, а хваленая популярность Троцкого просто миф.

В провинции что-то начинается. Во всяком случае Кремль ежедневно осаждается всякого рода делегациями и носителями петиций из отдаленнейших углов и они являются не от имени советских учреждений, а от всякого рода кружков и групп, которые возникли независимо от контроля партийных органов. Многие из них самые настоящие русские крестьяне, отношение которых к правительству теперь совсем не так благоприятно как оно было раньше. Чувствуется, что там в этих далеких их углах созрело новое настроение и я вовсе не уверен, что оно в нашу пользу. Меня очень смущает мысль, что мы были слишком поглощены нашими действиями за границей и недавним нашим первым "министерским кризисом", что мы потеряли контакт с крестьянским настроением и не будем в состоянии приноровить его в надлежащий момент к нашим целям. Я уже обращал на это внимание, но все наши глубоко проглочены собственными ссорами и соперничеством и не обращают внимания на мои слова, за единственным исключением Сталина, который, кажется, единственный человек, видящий вещи так, как они есть.

Мы среди острого экономического кризиса, Москва перегружена товарами. Никто их не покупает и они циркулируют среди узкого кольца спекулянтов, которые в конце концов исчезают с горизонта. Спекулянтский элемент начинает теперь утекать из России за границу. Это симптом, не очень благоприятный, для новой экономической политики. Действительно, Ларин уже давно нас об этом предупреждал. С каждым днем положение становится все более запутанным. Я не знаю и не вижу, каков будет конец всей этой поразительной кутерьмы. Необходимы самые героические средства, чтобы дать событиям благоприятное направление. Именно поэтому я и пишу вам и прошу приехать в Москву как можно скорее. Наши в центре все говорят, что "уж как-нибудь выберемся", но я не могу видеть в настоящую минуту шансов на благоприятный оборот. Может быть еще слабая надежда, что Пилсудский вытасчит нас из этого положения, но, судя по отчетам Оболенского, не он решает дело в Варшаве, а сейм скрутит его. Сыромолотов и я ждут Вас. Ротштейн уже приехал, завтра мы ожидаем Раскольников и Эльяву, Фрумкин выезжает 14-го. С коммунистическим приветом. Ваш Серебряков".

Итак, уже 10 июня речь шла об изоляции Ленина Дзержинским, о том, что Дзержинский -- единственный партийный руководитель, открыто претендующий на пост Ленина, о создании в противовес Ленину, с одной стороны, и притязаниям Дзержинского, с другой, "директории" (как мы знаем, туда вошли Сталин, Зиновьев и Каменев).

Можно было бы считать, что "Таймс" опубликовала фальшивку. Однако 18 июня, всего через восемь дней после написания письма Серебряковым, "Руль" опубликовала еще один важный документ:

"Официальное сообщение о болезни Ленина.

Опубликованное советским правительством сообщение о болезни Ленина гласит:

Бывший председатель Совета народных комиссаров Владимир Ильич Ленин-Ульянов страдает тяжким переутомлением, последствия которого осложнились отравлением. Для восстановления своих сил товарищ Ленин должен на продолжительное время, во всяком случае до осени, удалиться от государственных дел и отказаться от всякой деятельности. Его возвращение к политической работе представляется вероятным после продолжительного отдыха, так как по мнению медицинских авторитетов восстановление его сил возможно."

Комментируя это сообщение в редакционной статье "Отставка Ленина", газета писала:

"Когда же, однако, состоялась его отставка? Почему о ней не объявлено? Подал ли он сам в отставку или его заставили уйти? Болезнь Ленина классифицируется как переутомление, осложненное отравлением. [...] Но если так, если Ленин уже бывший председатель, если на его место не избрана тройка, то кто же его заместитель? Есть ли

таковой? Почему об этом умалчивается в такой критический момент?"

Итак, газета "Руль" зарегистрировала два интересующих нас момента: первый -- снятие Ленина с поста председателя СНК и, второй --ухудшение здоровья Ленина, осложненное отравлением. Понятно, что белоэмигрантская газета "Руль" не была и не могла быть самой информированной газетой. Тем не менее, сообщение --с фактической стороны точное -- в газете появилось. И поскольку официальное сообщение советского правительства появилось только в "Руле", следует предполагать, что кто-то из руководящих партийных работников умышленно подкинул в "Руль" сенсационный документ об отставке Ленина, нигде больше не обнаруженный.

Тремя днями позже, 21 июня, со ссылкой на ревельскую газету "Жизнь", "Руль" сообщила:

„На днях в Москве состоялось соединенное заседание совнаркома и членов президиума ВЦИКа, на котором народный комиссар здравоохранения Семашко ознакомил представителей высшей советской власти с состоянием здоровья Ленина.

По сообщению Семашко, консилиум русских и зарубежных врачей нашел необходимым запретить Ленину на продолжительное время занятия какими бы то ни было делами, во избежание возможного трагического исхода болезни. Поэтому совнаркому, президиуму ВЦИКа, вместе с членами ЦК РКП надлежит озаботиться о выборе достойного преемника. После речи Семашко обсуждались кандидатуры виднейших советских деятелей. Большинство участников заседания указывало на Троцкого, как на виднейшего коммунистического вождя.

Была выставлена еще кандидатура Калинина, нынешнего председателя ВЦИКа, на место которого предполагалось поставить Яковенко, Бухарина, Цюрупу или Рыкова.

Заседание затянулось до поздней ночи, но окончательно не остановилось ни на одном из кандидатов.

Некоторые из участников заседания выразили надежду, что здоровье "Ильича", возможно после отдыха, в скором времени улучшится, и тогда вопрос о преемнике сам собой отпадет: во всяком случае с этим вопросом можно подождать с месяц-два, во время которых Ленина могут замещать его обычные заместители в совнаркоме и совете труда и обороны.

Необходимо, по мнению участников соединенного совещания, в деле замещения Ленина сохранять особую тайну и не давать повода возникновения среди народа темных слухов. Главнейший из этих слухов -- что Ленин давно уже болен и невменяем".

Комментируя бюлетень о состоянии здоровья Ленина, опубликованный в "Rote Fahne", "Руль" подчеркивала, что "Ленин чувствует себя хорошо, но тяжело переносит предписанную ему врачами бездеятельность [...]. Это последнее указание заставляет предполагать, что состояние здоровья таково, что с Лениным товарищам трудно сладить, и здесь, вероятно, нужно искать объяснения, что несмотря на полное выздоровление Ленина, он уже, оказывается, бывшим председателем Совнаркома".

30 июня в статье "Болезнь Ленина" "Руль" писала:

"Проф. Клемперер, только что вернувшийся из Москвы, куда он был приглашен для лечения Ленина, в беседе с журналистом С. П. Левиным рассказал следующее:

Прежде всего теперешнее состояние Ленина не находится ни в какой связи с его ранениями. Затем все слухи о наличии у Ленина прогрессивного паралича не соответствуют действительности. Мы применили Вассермановскую реакцию, которая дала отрицательные результаты. Мозговая жидкость, будучи исследована, не дала никаких следов сифилиса и вообще говоря прогрессивный паралич у Ленина исключается. У Ленина страшное переутомление. Надо учитывать, что этот человек, которому уже 50 с лишком лет, последние три-четыре года работал около 16 часов в сутки [...]. Желудочное отравление еще более осложнило его здоровье. В субботу вечером [24 июня] я вместе с Лениным гулял в саду и он чувствовал себя лучше. Поэтому я полагаю, что появившиеся в печати снова сведения об ухудшении его здоровья не совсем верны. Ленин не может заниматься умственной работой. Ленин не может даже долго читать, ибо это его настолько утомляет, что он начинает

страдать головными болями. И согласно предписанию врачей ему не дают читать газет и не разрешают разговаривать по телефону. Он принимает только своих близких друзей, а также комиссара здравоохранения Семашко и родственников. Ему необходим полный отдых, между тем это трудно провести в жизнь; так например, когда были обнаружены магнитные аномалии и залежи железа в Курске, ему об этом необходимо было сообщить несмотря на то, что это его очень взволновало. В конце концов Ленин согласился на три-четыре месяца отказаться от своей деятельности и думаю, что в течение этого времени он восстановит свое здоровье, но ручаться за это, конечно, трудно. Однако, надо отметить, что Ленин все сознает, в курсе всех событий, так например, когда я прибыл к нему, он еще был в постели, расспрашивал меня о впечатлении произведенном в Германии Рапалльским договором и, наконец, когда я уезжал, мы около часу беседовали в саду. [...]

"Morning Post" печатает следующую выдержку из полученного из Москвы письма: Положение Ленина кажется безнадежным. Основная причина болезни состоит в запущенном сифилисе. Анализы крови, сделанные в последнее время, подтверждают анализ проф. Руднева в 1918 г. Проф. Берлинского университета Бурхард установил прогрессивный паралич, а также язвы в желудке, неизлечимые вследствие сифилического состояния".

19 июля "Руль" сообщила о письме из Риги сотрудника "Манчестер Гардиан" Артура Ренсома, неоднократно посещавшего Россию: "Когда Ренсом в феврале текущего года был в России, Ленину уже было запрещено принимать посетителей, вследствие чего он не мог его тогда видеть, но получил от него записку, из которой видно, что несмотря на свою болезнь, Ленин чрезвычайно живо интересовался приготовлениями к генуэзской конференции. Он тогда же обещал Ренсому дать ему статью для одного из номеров издания, посвященного вопросам восстановления Европы, редактируемого Кейнсом. Однако, Ренсом уехал, не получив этой статьи. В первый раз в своей жизни Ленин жаловался на то, что он не в состоянии делать свою обычную работу. Лицо, выдавшее его почти каждый день, сказало о нем, что "он болен, но не настолько, насколько он себя сам делает больным". Затем стали обнаруживаться новые симптомы желудочного расстройства, тоже, однако, более свидетельствовавшие о душевной усталости, чем о физической болезни. Наконец, врачи приняли окончательное решение и предписали ему абсолютный покой.

За все это время советское правительство продолжало функционировать по-прежнему. Лишь 18 июня в телеграмме, отправленной из Москвы по поводу обсуждения вопроса о государственной монополии внешней торговли, в списке присутствовавших членов правительства после фамилии Рыкова был поставлен его новый титул предсовнаркома, из чего стало ясно, что Рыков заменил Ленина на посту председателя совнаркома. Является ли это замещение окончательным или нет, сказать еще невозможно. Кроме него наиболее вероятными кандидатами на этот пост является Бухарин, Сталин, Крестинский и Каменев.

Каменев уже в 1918 г., во время болезни Ленина после произведенного на него покушения, временно в качестве председателя московского совета замещал Ленина. Каменев женат на сестре Троцкого, но он еврей и весьма невероятно, чтобы коммунисты решились дать своим врагам такое оружие в руки, как назначение еврея преемником Ленина [...].

О другом кандидате, Крестинском, Ренсом знает весьма мало, кроме того, что он невысокого роста человек, который в нормальных странах по своей наружности напоминал бы банкира. Когда он его видел в 1919 г., Крестинский с радостью ожидал наступления момента, когда в России люди, наконец, будут обходиться совсем без денег. С тех пор, однако, его взгляды изменились.

Сталин, кавказец по происхождению, близкий друг Ленина и в качестве комиссара по делам национальностей несет значительную ответственность за создание этих автономных республик вроде Татарской, Киргизской и т. д.

Наиболее выдающимся соперником Рыкова является Бухарин. Они оба -- люди в частной жизни честные. У Рыкова нет склонности к теориям и стремления навязать другим свой образ мыслей. Рыков -- лично очень приятный человек и, по словам Ренсома, не умеет делать себе врагов. Он часто сопровождал Ленина в его поездках по стране, плохой оратор,

сильно заикается даже в частном разговоре. Мечтатель, перед которым стоит видение нового мира, в котором не будет ни коммунистической, ни антикоммунистической партии и вообще никаких политических партий. Бухарин же наоборот человек прежде всего программы и теории, имеющий по поводу каждого вопроса свой определенный взгляд на основании идей. Он в такой же мере активен, в какой Рыков пассивен. Бухарин невысокого роста человек, дворянин по происхождению, очень начитанный, автор многочисленных брошюр и памфлетов, остроумный собеседник. Среди рабочих Бухарин весьма популярен, т. к. он ближе к ним, чем все другие коммунистические вожди. Он никогда не жил в Кремле, никогда не занимал никакого административного поста.

О Троцком в качестве кандидата на пост Ленина говорить не приходится. Он -- еврей и, хотя ему и удалось приобрести большую популярность даже среди офицеров старой армии, все же его национальность стоит на его пути. Кроме того, он часто ошибался во время многих критических моментов в первый период революции и поэтому его до сих пор еще считают слишком поддающимся возбуждению. Один из его друзей про него сказал, что он "должен был быть авиатором, т. к. он легко летает по воздуху". Его далее считают честолюбивым и поэтому большинство коммунистов предпочитают другого председателя правительства".

1 августа "Руль" сообщила, что "по сообщениям из Москвы последний вызов иностранных врачей к Ленину объясняется тем, что с Лениным произошел второй легкий удар. Можно опасаться, что третий удар будет смертельным. Состояние пациента очень серьезное. Сообщение о перевозке его в один из крымских или кавказских курортов не подтверждается. Ленин в настоящее время находится в деревне и не принимает никакого участия в государственных делах.

В качестве преемника Ленина левые коммунисты выдвигают Бухарина, правые -- Семашко. Семашко, стоящий во главе комиссариата народного здоровья, - личный друг Ленина, он -- сторонник нэпа. Заместителем Ленина в настоящее время является Рыков. Как правые, так и левые коммунисты временно в виде компромисса согласились предоставить ему замещение Ленина".

Для полноты картины укажем на одно сообщение об отравлении Ленина. 18 июля 1922 г. телеграфное агенство "Ассошиэйтед пресс", сообщило, что Ленин "был отравлен в поезде во время путешествия на кавказский курорт, а его труп был выброшен из поезда при пересечении моста через реку Дон под Ростовом. По сообщению информатора один из посетителей Ленина, член исполнительного комитета Третьего Интернационала, являвшийся, как утверждает, соучастником убийства, теперь выступает на этом курорте в роли советского премьера"(20).

15 августа издававшийся на английском языке в США советский журнал "Soviet Russia" высмеял сообщение "Ассошиэйтед пресс" как абсурдное. Правдоподобного в этой истории действительно было мало.

Так как в нашем распоряжении есть лишь пересказ сообщения "Ассошиэйтед пресс" журналом "Soviet Russia", проверить, действительно ли "Ассошиэйтед пресс" настаивало на детективной стороне истории не представляется возможным. Сущность заметки, однако, абсурдной не была. "Ассошиэйтед пресс" сообщало, что Ленин отстранен от власти и пост главы правительства занимает уже кто-то другой. Добавим, что через несколько месяцев американская газета "New York World", поместив фотографию Крупской, дала под ней следующую подпись: "Жена бывшего премьер-министра советского правительства". Никаких комментариев к указанию "бывшего" газета не дала, считая, видимо, их излишними. Это сообщение журнал "Soviet Russia" назвал "преувеличенным"(21).

Таким образом, слухи о болезни (отравлении) и отставке Ленина следует назвать упорными. Поскольку отставка Ленина, объявленная одним лишь "Рулем", произошла негласно и сам Ленин об этом не знал, мы вправе назвать происшедшее государственным переворотом, т.е. актом незаконным с точки зрения существующего главы правительства (самого Ленина). Но это, в конце концов, формальная юридическая тонкость. Важнее вопрос

о яде. Читатели "Руля", разумеется, считали, что речь идет о тех самых отравленных пулях, которыми "Каплан" стреляла в Ленина и которые, согласно чекистской литературе, смазывал ядом эсеровский боевик (а на самом деле агент ЧК) Г. И. Семенов-Васильев.

Первые пули были объявлены смазанными ядом "кураре" нарком здравоохранения Н. А. Семашко. Ему вторила Большая советская энциклопедия: "При выходе с завода он [Ленин] был тяжело ранен белоэсеровской террористкой Каплан. Две отравленные пули попали в Ленина. Жизнь его находилась в опасности"(22).

Но очевидно, что пули отравленными не были. Так, сотрудница ВЧК Коноплева, прочитав написанную по заказу ГПУ брошюру Семенова о боевой работе эсеров, сообщила в ЦК, что в брошюре содержится "ряд фактических ошибок и искажений, которые лишают известной доли ценности доклад, как документ исторический". К ним она, в частности, относил историю об "отравлении пуль ядом кураре"(23).

Привлеченный в качестве эксперта профессор Д. М. Щербачев 18 апреля 1922 г. дал заключение о яде "кураре", заявив, что "высокая температура: 100о С и даже выше яда не разрушают" (т.е. если бы пули действительно были бы смазаны ядом "кураре", Ленин, очевидно бы, умер). Мнение эксперта во время процесса над эсерами не было принято во внимание. Но в 1990 г. его подтвердил академик Б. В. Петровский. Он пришел к выводу, что "не было и отравления, которое якобы несли с собой „отравленные" пули. Хотелось бы, кстати, заметить, что пули в то время не начинали ядом... ни о каких отравленных пулях речи не могло быть..."(24)

Энциклопедия Брокгауза и Ефрона указывает, что кураре -- яд абсолютно смертельный: "достаточно помазать кураре ничтожную царапину на теле для того, чтобы человек или животное неминуемо погибли. [...] Смерть наступает вследствие задушения [т. е. удушья -- Ю. Ф.] при полном или почти ненарушенном сознании". Так что если бы Ленин действительно был ранен отравленными пулями, его жизнь оборвалась бы в день покушения. Подводя итог в этом споре Э. Максимова пишет: „Твердо опровергнуто "общеизвестное" присутствие в пулях яда кураре: "частиц какого-либо отравляющего вещества или продуктов его распада не обнаружено""(25).

Упомянутое в официальном сообщении о болезни Ленина "отравление" не имело никакого отношения к выстрелам 1918 года. О чем же шла речь?

Обратимся к Троцкому. В 1939 году, после того, как состоялись в Москве открытые судебные процессы над руководителями коммунистической партии и государства, после того, как были расстреляны высшие военные чины армии, уничтожены соратники и друзья Троцкого, а также члены его семьи; наконец, после того, как Сталин пошел на союз с Гитлером, Троцкий написал сенсационную статью, в которой рассказал о возможном отравлении Ленина Сталиным. Не исключено, что это была первая осторожная попытка Троцкого поведать правду. Если б его откровения, граничащие с разглашением государственной тайны, были бы приняты Западом и заинтересовали его, Троцкий, кто знает, мог оказаться более разговорчивым. Но общественные и политические круги свободного мира молчали. В разоблачениях Троцкого никто не был заинтересован. Сочувствовавшие Советскому Союзу "левые" не хотели компрометировать Сталина и социалистический строй. Антисоветские "правые" подозревали Троцкого во лжи точно также, как и любого другого коммуниста. И абсолютно все не понимали глобальности и масштабности сталинского уголовного режима. Статья, законченная для журнала "Лайф" 13 октября 1939 года, так и не была там опубликована. 17 ноября Троцкий пишет в этой связи письмо своему переводчику Ч. Маламуту:

"Я опасаясь, что в „Лайф" сталинцы ведут какую-то интригу. [...] Я до сих пор не получил от редакции никакого ответа. Не знаете ли Вы в чем дело?"(26) 10 августа 1940 года, потеряв десять месяцев, отчаявшийся Троцкий издал статью в урезанном виде в журнале "Либерти". Через десять дней он был убит агентом НКВД(27). Что же стало последней каплей терпения Сталина? Почему сразу же после 10 августа Меркадеру, вхожему в окружение Троцкого уже какое-то время, был дан приказ убить Троцкого? Не потому ли, что

Троцкий раскрыл самую важную тайну Сталина? Троцкий писал:

„Я собираюсь говорить на этот раз на особенно острую тему. [...] Какова была действительная роль Сталина в период болезни Ленина? Не принял ли ученик кое-каких мер для ускорения смерти учителя? Лучше, чем кто-либо, я понимаю чудовищность такого подозрения. Но что же делать, если оно вытекает из обстановки, из фактов и особенно из характера Сталина? Ленин с тревогой предупреждал в 1921 году: "Этот повар будет готовить только острые блюда". Оказалось -- не только острые, но и отравленные, притом не в переносном, а в буквальном смысле.

Два года тому назад я впервые записал факты, которые были в свое время (1923--1924 годы) известны не более как семи-восемью лицам, да и то лишь отчасти. Из этого числа в живых сейчас остались, кроме меня, только Сталин и Молотов.[...]

Поведение генерального секретаря становилось тем смелее, чем менее благоприятны были отзывы врачей о здоровье Ленина. Сталин ходил в те дни мрачный, с плотно зажатой в зубах трубкой, со зловещей желтизной глаз; он не отвечал на вопросы, а огрызался. Дело шло о его судьбе. Он решил не останавливаться ни перед какими препятствиями. Так надвинулся окончательный разрыв между ним и Лениным. [...] "Вы знаете ведь Владимира Ильича, -- с торжеством говорила Крупская Каменеву, -- он бы никогда не пошел на разрыв личных отношений, если бы не считал необходимым разгромить Сталина политически". [...] Со своей стороны Крупская рассказывала мне о том глубоком недоверии, с каким Ленин относился к Сталину в последний период своей жизни. "Володя говорил: "У него (Крупская не назвала имени, а кивнула головой в сторону квартиры Сталина) нет элементарной честности, самой простой человеческой честности..."

[...] Ленин стремился придать своей оценке Сталина как можно менее обидное выражение. Но речь шла тем не менее о смещении Сталина с того единственного поста, который мог дать ему власть.

После всего того, что произошло в предшествовавшие месяцы, Завещание не могло явиться для Сталина неожиданностью. Тем не менее он воспринял его как жестокий удар. Когда он ознакомился впервые с текстом, который передала ему Крупская для будущего съезда партии, он в присутствии своего секретаря Мехлиса, ныне политического шефа Красной армии, и видного советского деятеля Сырцова, ныне исчезнувшего со сцены, разразился по адресу Ленина площадной бранью, которая выражала тогдашние его подлинные чувства по отношению к "учителю". Бажанов, другой бывший секретарь Сталина, описывает заседание ЦК, где Каменев впервые оглашал Завещание. "Тяжкое смущение парализовало всех присутствующих. Сталин, сидя на ступеньках трибуны президиума, чувствовал себя маленьким и жалким. Я глядел на него внимательно; несмотря на его самообладание и мнимое спокойствие, ясно можно было различить, что дело идет о его судьбе..." Радек, сидевший на этом памятном заседании возле меня, нагнулся ко мне со словами:

-- Теперь они не посмеют идти против вас. [...]

Я ответил Радеку:

-- Наоборот, теперь им придется идти до конца, и притом как можно скорее.

Действительно, Завещание не только не приостановило внутренней борьбы, чего хотел Ленин, но, наоборот, придало ей лихорадочные темпы. Сталин не мог более сомневаться, что возвращение Ленина к работе означало бы для генерального секретаря политическую смерть. И наоборот: только смерть Ленина могла расчистить перед Сталиным дорогу. [...]

Во время второго заболевания Ленина, видимо, в феврале 1923 года, Сталин на собрании членов Политбюро (Зиновьева, Каменева и автора этих строк) после удаления секретаря сообщил, что Ильич вызвал его неожиданно к себе и потребовал доставить ему яду. [...]

Помню, насколько необычным, загадочным, не отвечающим обстоятельствам показалось мне лицо Сталина. Просьба, которую он передавал, имела трагический характер; на лице его застыла полуулыбка, точно на маске. Несоответствие между выражением лица и

речью приходилось наблюдать у него и прежде. На этот раз оно имело совершенно невыносимый характер. Жуть усиливалась еще тем, что Сталин не высказал по поводу просьбы Ленина никакого мнения, как бы выжидая, что скажут другие: хотел ли он уловить оттенки чужих откликов, не связывая себя? Или же у него была своя затаенная мысль?.. Вижу перед собой молчаливого и бледного Каменева [...] и растерянного, как во все острые моменты, Зиновьева. Знали ли они о просьбе Ленина еще до заседания? Или же Сталин подготовил неожиданность и для своих союзников по триумvirату?

-- Не может быть, разумеется, и речи о выполнении этой просьбы! -воскликнул я. -- Гетье не теряет надежды. Ленин может поправиться.

-- Я говорил ему все это, -- не без досады возразил Сталин, -- но он только отмахивается. Мучается старик. Хочет, говорит, иметь яд при себе... прибегнет к нему, если убедится в безнадежности своего положения.

-- Все равно невозможно, -- настаивал я, на этот раз, кажется, при поддержке Зиновьева. -- Он может поддаться временному впечатлению и сделать безвозвратный шаг.

-- Мучается старик, -- повторял Сталин, глядя неопределенно мимо нас и не высказываясь по-прежнему ни в ту, ни в другую сторону.

[...] Поведение Сталина, весь его образ имели загадочный и жуткий характер. Чего он хочет, этот человек? И почему он не сгонит со своей маски эту вероломную улыбку?.. Голосования не было, совещание не носило формального характера, но мы разошлись с само собой разумеющимся заключением, что о передаче яду не может быть и речи. [...]

За несколько дней до обращения к Сталину Ленин сделал свою безжалостную приписку к Завещанию. Через несколько дней после обращения он порвал с ним все отношения. [...] Ленин видел в Сталине единственного человека, способного выполнить трагическую просьбу, ибо непосредственно заинтересованного в ее исполнении. [...] Попутно он хотел, может быть, проверить Сталина: как именно мастер острых блюд поспешит воспользоваться открывающейся возможностью? [...] Но я задаю себе ныне другой, более далеко идущий вопрос: действительно ли Ленин обращался к Сталину за ядом? Не выдумал ли Сталин целиком эту версию, чтобы подготовить свое алиби? Опасаться проверки с нашей стороны у него не могло быть ни малейших оснований: никто из нас троих не мог расспрашивать больного Ленина, действительно ли он требовал у Сталина яду. [...]

Свыше десяти лет до знаменитых московских процессов он за бутылкой вина на балконе дачи летним вечером признался своим тогдашним союзникам -Каменеву и Дзержинскому, что высшее наслаждение в жизни -- это зорко наметить врага, тщательно все подготовить, беспощадно отомстить, а затем пойти спать. [...]

Я представляю себе ход дела так. Ленин потребовал яду -- если он вообще требовал его -- в конце февраля 1923 года. В начале марта он оказался уже снова парализован. Медицинский прогноз был в этот период оснорожно-неблагоприятный. Почувствовав прилив неуверенности, Сталин действовал так, как если б Ленин уже был мертв. Но больной обманул его ожидания. Могучий организм, поддерживаемый непреклонной волей, взял свое. К зиме Ленин начал медленно поправляться, свободнее двигаться, слушал чтение и сам читал; начала восстанавливаться речь. Врачи давали все более обнадеживающие заключения. Выздоровление Ленина не могло бы, конечно, воспрепятствовать смене революции бюрократической реакцией. Недаром Крупская говорила в 1926 году: "Если б Володя был жив, он сидел бы сейчас в тюрьме". [...]

Именно в этот момент Сталин должен был решить для себя, что надо действовать безотлагательно. У него везде были сообщники, судьба которых была полностью связана с его судьбой. Под рукой был фармацевт Ягода. Передал ли Сталин Ленину яд, намекнув, что врачи не оставляют надежды на выздоровление(28), или же прибегнул к более прямым мерам, этого я не знаю. Но я твердо знаю, что Сталин не мог пассивно выжидать, когда судьба его висела на волоске, а решение зависело от маленького, совсем маленького движения его руки. [...]

[После смерти Ленина] Сталин [...] мог бояться, что я свяжу смерть Ленина с

прошлогодней беседой о яде, поставлю перед врачами вопрос, не было ли отравления; потребую специального анализа. Во всех отношениях было поэтому безопаснее удержать меня подальше до того дня, когда оболочка тела будет бальзамирована, внутренности сожжены, и никакая экспертиза не будет более возможна.

Когда я спрашивал врачей в Москве о непосредственных причинах смерти, которой они не ждали, они неопределенно разводили руками. Вскрытие тела, разумеется, было произведено с соблюдением всех необходимых обрядностей: об этом Сталин в качестве генерального секретаря позаботился прежде всего! Но яду врачи не искали, даже если более проницательные допускали возможность самоубийства. Чего-либо другого они, наверное, не подозревали. Во всяком случае, у них не могло быть побуждений слишком утончать вопрос. Они понимали, что политика стоит над медициной. Крупская написала мне в Сухум очень горячее письмо; я не беспокоил расспросами на эту тему. С Зиновьевым и Каменевым я возобновил личные отношения только через два года, когда они порвали со Сталиным. Они явно избегали разговоров об обстоятельствах смерти Ленина, отвечали односложно, отводя глаза в сторону. Знали ли они что-нибудь или только подозревали? Во всяком случае, они были слишком тесно связаны со Сталиным в предшествующие три года и не могли не опасаться, что тень подозрения ляжет и на них. Точно свинцовая туча окутывала историю смерти Ленина. Все избегали разговора об ней, как если бы боялись прислушаться к собственной тревоге. Только экспансивный и разговорчивый Бухарин делал иногда с глазу на глаз неожиданные и странные намеки.

-- О, вы не знаете Кобы, -- говорил он со своей испуганной улыбкой. --Коба на все способен"(29).

Итак, Троцкий сообщил о том, что Сталин отравил Ленина. Осталось только понять каким образом и когда. Если декабрьская басня Бедного и июньское сообщение "Руля" об отравлении не случайность, то приходится допускать, что Ленина начали травить (в буквальном смысле этого слова) не позднее июня 1922 г. Можно даже предположить, что первый серьезный удар у Ленина 25-27 мая как раз и был вызван ядом. Здесь нам несколько помогает заявление чекиста Семенова о планах убийства Ленина, приписываемых эсерам, но, очевидно, блуждающих в головах тех, кто, в отличие от эсеров, действительно был способен на отравление Ленина -- Сталина и его союзника Дзержинского: "Они, примерно, считали возможным отравить Ленина, вложив что-нибудь соответствующее в кушанье, или подослать к нему врача, который привьет ему опасную болезнь"(30).

В 1934 году, уже находясь в эмиграции, Троцкий записал в дневнике: "Ленин создал аппарат. Аппарат создал Сталина"(31). Именно Сталин стал человеком, заменившим Ленина в партии; причем было бы наивно считать, что в 1921-1928 годах Сталин был партийным функционером среднего звена. „Вы не понимаете того времени. Не понимаете, какое значение имел Сталин. Большой Сталин, -- говорила позже о 1922-23 годах личный секретарь Ленина Л. А. Фотиева. -- [...] Мария Ильинична [сестра Ленина] еще при жизни Владимира Ильича сказала мне: "После Ленина в партии самый умный человек Сталин". [...] Сталин был для нас авторитет. Мы Сталина любили. Это большой человек. Он же не раз говорил: я только ученик Ленина"(32).

Труднее определить, когда именно ученик переиграл своего учителя и стал "большим Сталиным". Похоже, самым поздним сроком следует считать месяц назначения Сталина на пост генсека: апрель 1922 года. Отметим сразу же, что день избрания Сталина на этот пост никем не был назван, что свидетельствует об отсутствии письменного формального постановления о назначении Сталина. Как в свое время Свердлов, Сталин стал генсеком фактически. Именно этот пост был облюбован Сталиным для восхождения к абсолютной власти. "Ролью только политического вождя, который на свою аудиторию воздействует лишь статьями и речами, он никогда не довольствовался, а всегда стремился держать в своих руках и нити организационных связей: он превосходно знал, что только таким путем можно держать в руках те руководящие кадры партийных работников, которые необходимы для функционирования всякой организации". Эти строки, превосходно характеризующие

Сталина, принадлежат Крупской и относятся к Ленину. Дореволюционному Ленину 1901 года(33).

Расправившись с первым претендентом на пост генсека -- Свердловым -Ленин заменил его "подходящим коллективом". Но порочная структура большевистской партии никогда не была коллегиальной. Надежды Ленина на то, что аппаратом партии будут управлять несколько равных секретарей были утопией. Уже через три года после смерти Свердлова Сталин без видимого сопротивления своих коллег по секретариату ЦК, сосредоточил в своих руках "необъятную власть". Так, Двенадцатая партийная конференция, закончившая работу 7 августа, еще во время болезни Ленина, принимает новый устав партии, устанавливающий, что "для секретарей губернского комитета обязателен партийный стаж до Октябрьской революции 1917 г. и утверждение вышестоящей партийной инстанцией (лишь с ее санкции допускаются исключения в величине стажа)". Казалось бы, речь идет об усилении авторитета старых партийных работников. На самом деле этот невзрачный пункт становится главным орудием Сталина: он получает право личного утверждения всех губернских секретарей (через проверку их стажа) и, через созданную систему исключений из правил, полномочия утверждать тех секретарей, которые, по молодости стажа, не могли бы без согласия Сталина стать секретарями. Комиссию по пересмотру устава возглавлял Молотов. Устав был принят единогласно. За несколько месяцев новый генсек установил в партии свои порядки.

В это время и начали происходить мистические истории, касающиеся Ленина: таинственная публикация в "Руле", идиотские сообщения в американских средствах массовой информации про выброшенный из поезда труп Ленина. Анекдотические рассказы про "кураре" на отравленных пулях. И везде фигурировал яд. Даже в басне Д. Бедного. Все это походило уже не на политическую борьбу, а на проделки кота Бегемота из романа М. А. Булгакова. И когда уже, казалось эпидемия отравления Ленина ядом прошла, в игру открыто вступил Сталин -- и тоже с ядом. Он сообщил, что Ленин, под предлогом ухудшающегося здоровья, попросил Сталина доставить ему цианистый калий.

Сталин задумал отравить Ленина. Не исключено, что изначально Ленин ему в этом помогал. О том, что он просил у Сталина яду мы знаем из воспоминаний работавшей уже в те годы на Сталина секретаря Ленина Л. А. Фотиевой. Приведем рассказ Фотиевой о яде в интервью с писателем А. Бекон:

"Я два раза была в это время у Сталина. Первый раз насчет яда. Но об этом писать нельзя. [...] Только не записывайте. И если вздумаете опубликовать, то отрекусь. [...] Так вот. Сначала о яде. Еще летом (1922 г.) в Горках Ленин попросил у Сталина прислать ему яда -- цианистого калия. Сказал так: "Если дело дойдет до того, что я потеряю речь, то прибегну к яду. Хочу его иметь у себя". Сталин согласился. Сказал: "Хорошо". Однако об этом разговоре узнала Мария Ильинична и категорически воспротивилась. Доказывала, что в этой болезни бывают всяческие повороты, даже потерянная речь может вернуться. В общем, яда Владимир Ильич не получил"(34).

В своих воспоминаниях Ульянова действительно рассказывает о том, что Ленин просил Сталина доставить ему яд в мае 1922 года:

"Зимой 20--21, 21--22 (гг.) В. И. чувствовал себя плохо. Головные боли, потеря работоспособности сильно беспокоили его. Не знаю, точно когда, но как-то в тот период В. И. сказал Сталину, что он, вероятно, кончит параличом, и взял со Сталина слово, что в этом случае тот поможет ему достать и даст ему цианистого калия. Ст(алин) обещал. Почему В. И. обратился с этой просьбой к Ст(алину)? Потому, что он знал его за человека твердого, стального, чуждого всякой сентиментальности. Больше ему не к кому было обратиться с такого рода просьбой. С той же просьбой обратился В. И. к Сталину в мае 1922 г. после первого удара. В. И. Ленин решил тогда, что все кончено для него, и потребовал, чтобы к нему вызвали на самый короткий срок Ст(алина). Эта просьба была настолько настойчива, что ему не решились отказать. Ст(алин) пробыл у В. И. действительно 5 минут, не больше. И когда вышел от И(льи)ча, рассказал мне и Бухарину, что В. И. просил его доставить ему яд, т(ак) как, мол, время исполнить данное раньше обещание пришло. Сталин обещал. Они

поцеловались в В. И. и Ст(алин) вышел. Но потом, обсудив совместно, мы решили, что надо ободрить В. И. и Ст(алин) вернулся снова к В. И. Он сказал ему, что, переговорив с врачами, он убедился, что еще не все потеряно, и время исполнить его просьбу не пришло. [...] Они расстались и не виделись до тех пор, пока В. И. Ленин не стал поправляться"(35).

Даже в этом рассказе, исходящем от сестры Ленина, мы слышим только сталинский пересказ: Сталин вышел от Ленина и рассказал Ульяновой и Бухарину о том, что Ленин просит яду. Своими ушами никто, кроме Сталина, этой просьбы не слышал. Источником информации о яде начиная с декабря 1922 года, также является либо Сталин, либо подотчетная ему секретарь Ленина Фотиева, причем время, когда запрашивается яд, удивительным образом совпадает с очередным конфликтом между Лениным и Сталиным, с одной стороны, и ухудшением здоровья Ленина, с другой. Остается только определить, было ли вызвано ухудшение состояния здоровья Ленина очередной порцией яда, впрыскиваемого Ленину "гениальным дозировщиком" Сталиным, или же, действительно, каждый раз, когда ухудшалось здоровье Ленина, он непременно просил Сталина о яде, как больной просит о лекарстве врача. Фотиева вспоминает:

"После нового удара он в декабре под строгим секретом опять послал меня к Сталину за ядом. Я позвонила по телефону, пришла к нему домой. Выслушав, Сталин сказал:

-- Профессор Ферстер написал мне так: "У меня нет оснований полагать, что работоспособность не вернется к Владимиру Ильичу". И заявил, что дать яд после такого заключения не может.

Я вернулась к Владимиру Ильичу ни с чем. Рассказала о разговоре со Сталиным.

Владимир Ильич вспылал, раскричался. Во время болезни он часто вспыхивал даже по мелким поводам: например, испорчен лифт (он был вспыльчив смолоду, но боролся с этим).

-- Ваш Ферстер шарлатан, -- кричал он. -- Укрывается за уклончивыми фразами.

И еще помню слова Ленина:

-- Что он написал? Вы это сами видели?

-- Нет, Владимир Ильич. Не видела.

И, наконец, бросил мне:

-- Идите вон!

Я ушла, но напоследок все же возразила:

-- Ферстер не шарлатан, а всемирно известный ученый.

Несколько часов спустя Ленин меня позвал.

Он успокоился, но был грустен.

-- Извините меня, я погорячился. Конечно, Ферстер не шарлатан. Это я под горячую руку"(36).

Отметим, что человечность и милосердие Ленина не знает пределов. Он не приказал Ферстера расстрелять, арестовать или даже выслать. Осенью 1952 года академик Виноградов по чьему-то приказу осмотрел Сталина и пришел к заключению, что пациента следует немедленно отстранить от дел по состоянию здоровья. Узнав об этом, Сталин немедленно арестовал Виноградова. Он понимал, что это и есть первый этап государственного переворота. Через несколько месяцев, в марте 1953 года, Сталина не стало. Похоже, что и к нему был применен ленинский вариант смерти.

Чтобы понять, мог ли Ленин просить Сталина о яде, проследим хронологию конфликта Ленина в период его болезни со Сталиным и Дзержинским. 10 августа Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение создать комиссию для подготовки проекта усовершенствования федеративных отношений между РСФСР и другими братскими республиками. 11 августа Оргбюро ЦК РКП(б) утвердило следующий состав комиссии: В. В. Куйбышев (председатель), И. В. Сталин, Г. К. Орджоникидзе, Г. Я. Сокольников, Х. Г. Раковский и представители республик -- С. А. Агамали-оглы (Азербайджан), А. Ф. Мясников (Армения), П. Г. (Буду) Мдивани (Грузия), Г. И. Петровский (Украина), А. Г. Червяков (Белоруссия), Я. Д. Янсон (ДВР) и А. Ходжаев (Хорезм). К началу сентября проект резолюции готов. Возможно, Ленин узнает об этом от посетившего его 25 августа Х. Г. Раковского, в целом

относящегося к проекту Сталина негативно.

11 сентября впервые после майского удара консилиум врачей, собравшихся в Горках, разрешает Ленину с начала октября приступить к работе. На следующий день -- 12 сентября -- Ленина посещает Сталин и беседует с ним более двух часов. Понятно, что и по национальному вопросу. 22 сентября Ленин просит Сталина ознакомить его с проектом резолюции и другими документами по национальному вопросу, так как уже на 23 сентября назначено заседание комиссии, которая должна утвердить окончательный текст резолюции. К этому времени известно, что попытка Раковского и Г. И. Петровского (предпринятая им либо самостоятельно, либо по уговору с Лениным) оттянуть заседание комиссии и перенести его на 15 октября провалилась: по поручению Сталина помощник генерального секретаря А. М. Назаретян ответил, что отсрочка заседания невозможна. 19 сентября это же подтвердил Куйбышев (Сталин хотел форсировать принятие решения до начала активного вмешательства Ленина).

Разработанный Сталиным проект резолюции "комиссии под председательством Куйбышева" предполагал вступление Украины, Белоруссии, Грузии, Армении и Азербайджана в Российскую Федерацию на правах автономных республик. Однако в республиках за этот план высказались только центральные комитеты Армении и Азербайджана. ЦК КП Грузии выступил против проекта Сталина, считая "объединение в форме автономизации независимых республик" преждевременным и настаивая на сохранении "всех атрибутов независимости". ЦК КП Белоруссии был за договорные отношения между независимыми республиками, ЦК КП Украины проект не обсуждал. Но Раковский, как член комиссии и один из партийных руководителей Украины, в письме от 28 сентября указал, что проект Сталина нуждается в переработке.

За несколько дней до этого, на заседаниях 23--24 сентября, состоявшихся под председательством не входившего в комиссию Молотова, заменявшего ушедшего в отпуск Куйбышева, комиссия при одном воздержавшемся (представителе Грузии Мдивани) приняла сталинский проект за основу:

"1. Признать целесообразным заключение договора между советскими республиками Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Армении с РСФСР о формальном вступлении первых в состав РСФСР, оставив вопрос о Бухаре, Хорезме и ДВР открытым и ограничившись принятием договоров с ними по таможенному делу, внешней торговле, иностранным и военным делам и прочее.

Примечание: Соответствующие изменения в конституциях упомянутых в п. 1 республик и РСФСР произвести по проведению вопроса в советском порядке. [...]

6. Настоящее решение, если оно будет одобрено Цека РКП, не публикуется, а передается национальным Цека как циркулярная директива для его проведения в советском порядке через ЦИКи или съезды Советов упомянутых выше республик до созыва Всероссийского съезда Советов, на котором декларируется оно как пожелание этих республик"(37).

Сталин создает новую империю: "Если мы теперь же не постараемся приспособить форму взаимоотношений между центрами и окраинами к фактическим взаимоотношениям, в силу которых окраины во всем безусловно должны подчиняться центру, т. е. если мы теперь же не заменим формальную (фактическую) независимость формальной же (и вместе с тем реальной) автономией, то через год будет несравненно труднее отстоять единство республик", -- пишет он в письме Ленину 22 сентября, перед заседанием комиссии.

25 сентября по просьбе Ленина Назаретян направляет в Горки к Ленину первоначальный проект комиссии Оргбюро, материалы обсуждений в центральных комитетах компартий республик и материалы двух заседаний комиссии Оргбюро, состоявшихся 23 и 24 сентября. Одновременно, не дожидаясь ответа или комментариев Ленина и не проводя их через Политбюро, он рассылает резолюцию комиссии членам и кандидатам в члены ЦК РКП(б). 26 сентября Сталин приезжает к Ленину обсуждать ситуацию. После длившейся два часа 40 минут беседы, Ленин пишет письмо Каменеву

(копии всем членам Политбюро) с критикой резолюции Сталина о вхождении национальных республик в РСФСР:

„Т. Каменев! Вы, наверное, получили уже от Сталина резолюцию его комиссии о вхождении независимых республик в РСФСР.

Если не получили, возьмите у секретаря и прочтите, пожалуйста, немедленно. Я беседовал об этом вчера с Сокольниковым, сегодня со Сталиным. Завтра буду видеть Мдивани (грузинский коммунист, подозреваемый в "независимстве").

По-моему, вопрос архиважный. Сталин немного имеет устремление торопиться. Надо Вам (Вы когда-то имели намерение заняться этим и даже немного занимались) подумать хорошенько; Зиновьеву тоже.

Одну уступку Сталин уже согласился сделать. В пар. 1 сказать вместо "вступления" в РСФСР -- "Формальное объединение вместе с РСФСР в союз советских республик Европы и Азии".

Дух этой уступки, надеюсь, понятен: мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию, "Союз Советских Республик Европы и Азии"...

Важно, чтобы мы не давали пищи "независимцам", а не уничтожали их независимости, а создавали еще новый этаж, федерацию равноправных республик. [...]

Сталин согласился отложить внесение резолюции в Политбюро Цека до моего приезда. Я приезжаю в понедельник, 2/Х.

Это мой предварительный проект. На основании бесед с Мдивани и др. товарищами буду добавлять и изменять. Очень прошу Вас сделать то же и ответить мне. Ваш Ленин"(38).

С частью поправок Сталин согласился. В новой редакции резолюция предлагала: <<1. Признать необходимым заключение договора между Украиной, Белоруссией, Федерацией Закавказских Республик и РСФСР об объединении их в "Союз Социалистических Советских Республик" с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава "Союза">>(39). Однако эта резолюция, впрочем, не проведенная через "комиссию Куйбышева", а потому не очевидно имеющая силу, обошла целый ряд вопросов, например, о том, является ли новый Союз блоком равноправных государств или же единой страной. Ничего не было сказано о независимости равноправных республик. Вместо прямого вступления в Союз Азербайджана, Армении и Грузии предусматривалось их вступление в Союз через Закавказскую федерацию.

Но главный обман Сталиным заключался в том, что он обещал Ленину не обсуждать этот "архиважный" вопрос до возвращения Ленина 2 октября и... поставил вопрос на обсуждение на заседании Политбюро уже 27-28 сентября. Обратим внимание на то, что письмо Ленина Каменеву было разослано всем членам Политбюро, что все они знали о соглашении Ленина со Сталиным, и при этом не только собрались на заседании Политбюро, но и приняли новый сталинский проект. В Политбюро обозначилась новая расстановка сил. Большинство шло за Сталиным.

О реакции самого Сталина на письмо Ленина от 26 сентября мы знаем из ответного письма Сталина с критикой Ленина, написанного для членов Политбюро 27 сентября. В этом письме Сталин обвиняет Ленина в "национальном либерализме" и сетует на его "торопливость". В тот же день он обменивается записками с Каменевым на заседании Политбюро: Каменев: "Ильич собрался на войну в защиту независимости. Предлагает мне повидаться с грузинами. Отказывается даже от вчерашних поправок". Сталин: "Нужна, по-моему, твердость против Ильича. Если пара грузинских меньшевиков воздействует на грузинских коммунистов, а последние на Ильича, то, спрашивается, при чем тут „независимость“?" Записки от 28 сентября. Каменев: "Думаю, раз Вл(адимир) Ил(ьич) настаивает, хуже будет сопротивляться". Сталин: "Не знаю. Пусть делает по своему усмотрению". Неужели Сталин уступил?

2 октября 1922 года Ленин вернулся в свой кремлевский кабинет и проработал в Кремле 74 дня. Обсуждение вопроса об образовании СССР происходит 6 октября 1922 года

на пленуме ЦК. Но по случайному стечению обстоятельств (а может быть по заранее разработанному плану) Ленин из-за зубной боли на этом заседании не присутствовал. Обсуждение длилось три часа. Как писал из Москвы в Тифлис лидер грузинских "уклонистов" Мдивани, "сначала (без Ленина) нас били по-держимордовски, высмеивая нас, а затем, когда вмешался Ленин, после нашего с ним свидания [27 сентября] и подробной информации дело повернулось в сторону коммунистического разума. [...] По вопросу о взаимоотношениях принят добровольный союз на началах равноправия, и в результате всего эта удушливая атмосфера против нас рассеялась. [...] Проект принадлежит, конечно, Ленину, но он внесен от имени Сталина, Орджоникидзе и др., которые сразу изменили фронт. [...] Прения показали, что известная часть ЦК прямо отрицает существование национального вопроса и целиком заражена великодержавническими традициями. Но эта часть получила такую оплеуху, что не скоро решится снова высунуться из норы, куда ее загнал Ленин (о его настроениях узнай из его письма, которое было оглашено в конце заседания, после решения вопроса)". Речь шла о записке Ленина Каменеву, переданной для оглашения на съезде: "т. Каменев! Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть"(40). Можно себе представить, что думал в этот момент о Ленине Сталин.

Тем временем для наведения порядка в Грузии Сталин направил туда своего единомышленника Орджоникидзе. Грузины теперь уже отказывались вступать в Закавказскую федерацию (через которую ее хотели втянуть в автономный Союз). Споры были горячие. Орджоникидзе не лез в карман за словами, обозвал одного члена грузинского ЦК "дураком и провокатором", другого -- "спекулянт, духанщиком". Но когда Кабахидзе назвал самого Орджоникидзе "сталинским ишаком", тот в присутствии Рыкова ударил Кабахидзе. В ночь с 20 на 21 октября группа членов ЦК грузинской компартии сообщила по прямому проводу в ЦК РКП(б), что совместная работа с Орджоникидзе, посланным в Грузию для ликвидации конфликта, невозможна, поскольку для Орджоникидзе "травля и интриги -- главное орудие против товарищей, не лакействующих перед ним. Стало уже невозможно жить и работать при его держимордовском режиме". Той же ночью Сталин подтвердил получение записки "с жалобой и площадной руганью на Орджоникидзе".

Ленин первоначально встал на сторону Орджоникидзе. 21 октября он отправил в Тифлис на имя ЦК Грузии, Цинцадзе, Кавтарадзе, Орджоникидзе и секретарю Заккрайкома Орахелашвили шифрованную телеграмму: "Удивлен неприличным тоном записки по прямому проводу за подписью Цинцадзе и других, переданной мне почему-то Бухариным, а не одним из секретарей ЦЕКА. Я был убежден, что все разногласия исчерпаны резолюциями пленума ЦЕКА при моем косвенном участии и при прямом участии Мдивани. Поэтому я решительно осуждаю брань против Орджоникидзе и настаиваю на передаче вашего конфликта в приличном и лояльном тоне на разрешение Секретариата ЦК РКП, которому и передаю ваше сообщение по прямому проводу"(41).

22 октября 1922 года ЦК КП Грузии подал в отставку, которую утвердил Заккрайком. Еще через два дня Сталин сообщил Орджоникидзе, что удовлетворяет "ходатайство нынешнего ЦК Компартии Грузии об его уходе в отставку". А через месяц, 24 ноября, Секретариат ЦК РКП(б) создал комиссию "для восстановления прочного мира в Компартии Грузии" и срочного рассмотрения конфликта под председательством Держинского и с участием в ней Д. Мануильский и В. Мицкевича-Капсукаса. „Приветствуя создание комиссии, -- пишет Е. Яковлев, -- Ленин от голосования ее состава тем не менее отказался. Быть может, подозревал то, о чем со временем в беседе с Фотиевой прямо скажет Зиновьев: "Заключение комиссия имела еще до выезда из Москвы""(42). И понятно, почему: она состояла из сторонников Сталина(43).

День 12 декабря начался как обычно. Утром Ленин приехал из Горок в Москву и в 11.15 пришел в свой кабинет в Кремле; затем ушел домой, в свою квартиру. В полдень вернулся в кабинет и до двух часов беседовал со своими заместителями по СНК и СТО Рыковым, Каменевым и А. Д. Цюрупой. В 17.30 Ленин пришел в кабинет говорил по телефону. С 18 до 18.45 минут беседовал с Держинским, вернувшимся из Тифлиса, о

конфликте между Закавказским крайкомом партии и членами ЦК КП(б) Грузии. Остаток дня он посвятил вопросу о монополии внешней торговли, а в 20.15 ушел домой.

"Никто не думал, что 12 декабря 1922 года станет последним днем работы В. И. Ленина в его кабинете в Кремле",-- пишет В. П. Наумов(44). Что же произошло? „Накануне моей болезни, -- запишет Фотиева слова, приписываемые ею Ленину,-- Дзержинский говорил мне о работе комиссии и об "инциденте", и это на меня очень тяжело повлияло". Настолько тяжело, что в продиктованной в тот же вечер Фотиевой в ответ на письмо Троцкого о "сохранении и укреплении монополии внешней торговли" записке Ленин сообщает Фрумкину, Стомонякову и Троцкому о неспособности выступить по этому вопросу на пленуме в связи с болезнью, о согласии с Троцким в этом вопросе и о просьбе взять на себя в виду его болезни защиту на пленуме позиции Ленина.

13 декабря, со ссылкой на ухудшающееся здоровье, Ленин официально сообщает о свертывании работы. "Все три следующих дня -- 13, 14, 15 декабря",-- пишет В. П. Наумов,-- Ленин "спешил"(45). Видимо понимал, что спешить нужно. 13 декабря Ленин диктует Фотиевой письмо Троцкому (копия Фрумкину и Стомонякову), где подчеркивает "максимальное согласие" с Троцким по всем вопросам и просит его "взять на себя на предстоящем пленуме защиту нашей общей точки зрения о безусловной необходимости сохранения и укрепления монополии внешней торговли".

Фотиева сразу же обо всем информирует Сталина, который понимает, что Ленин руками Троцкого пытается разгромить Сталина на очередном пленуме. Уже 14 декабря Сталин и Каменев пытаются снять вопрос о монополии с повестки дня пленума на том основании, что пункт этот следует обсуждать на следующем пленуме, с участием Ленина, который к следующему пленуму конечно же выздоровеет.

15 декабря Ленин пишет Троцкому очередное письмо: "Считаю, что мы вполне сговорились. Прошу Вас заявить на пленуме о нашей солидарности. Надеюсь, пройдет наше решение".

Чуть позже он получает письмо Фрумкина, сообщающего Ленину об интригах Сталина и Каменева и просящего "переговорить по этому вопросу с Сталиным и Каменевым", так как "дальнейшая неопределенность положения срывает всякую работу".

Тогда Ленин диктует по телефону Фотиевой второе за 15 декабря письмо Троцкому:

"Пересылаю Вам полученное мною сегодня письмо Фрумкина. Я тоже думаю, что покончить с этим вопросом раз навсегда абсолютно необходимо. Если существует опасение, что меня этот вопрос волнует и может даже отразиться на состоянии моего здоровья, то думаю, что это совершенно неправильно, ибо меня в десять тысяч раз больше волнует оттяжка, делающая совершенно неустойчивой нашу политику по одному из коренных вопросов. Поэтому я обращаю Ваше внимание на прилагаемое письмо и очень прошу поддержать немедленное обсуждение этого вопроса. Я убежден, что если нам грозит опасность провала, то гораздо выгоднее провалиться перед партсъездом и сейчас же обратиться к фракции съезда, чем провалиться после съезда. Может быть, приемлем такой компромисс, что мы сейчас выносим решение о подтверждении монополии, а на партсъезде вопрос, все-таки, ставим и уславливаемся об этом сейчас же. Никакой другой компромисс, по моему мнению, принимать в наших интересах дела ни в коем случае не можем. Ленин"(46).

Можно с уверенностью сказать, что это был самый смелый и принципиальный поступок Ленина. Можно также утверждать, что согласие Троцкого защищать позицию Ленина в вопросе о монополии было проявлением мужества и лояльности по отношению к Ленину. Но очевидно и другое: 15 декабря 1922 года Сталин подписал смертный приговор не только Ленину, но и Троцкому. Троцкий не просто выступил в блоке с Лениным (Ленин и Троцкий против Зиновьева, Сталина, Каменева и Бухарина), но и одержал над Сталиным победу. А этого Сталин простить не мог.

Итак, 13-15 декабря Ленин не просто здоров, а работает самым активным образом: "разговаривал по телефону, принимал дома товарищей, готовился к выступлению на X

съезде Советов, написал несколько писем и записок о монополии внешней торговли, распределении обязанностей между заместителями председателя СНК и СТО, интересовался заготовкой хлеба урожая 1922 года, социальным обеспечением, переписью населения и другими вопросами",-- пишет Наумов(47). Иными словами, Ленин был абсолютно работоспособен. Когда же он заболел?

Похоже, что 12 декабря Дзержинский приехал к Ленину не для отчета о грузинском деле, а для того, чтобы сообщить Ленину о принятом (видимо, Сталиным и Дзержинским) решении отстранить Ленина от власти. 12 декабря Дзержинскому это удастся сделать, и он получает согласие Ленина свернуть дела, покинуть Кремль и фактически уйти в отставку. На свертывание дел Ленину дают три дня.

Утром 16 декабря Ленин успевает продиктовать еще одно письмо Крупской. Но в 11 часов приходят врачи В. В. Крамер и А. М. Кожевников и требуют от Ленина выезда в Горки (что, наверное, было согласовано с Дзержинским 12 декабря). Ленин категорически отказывается. Идя на компромисс, он просит передать Сталину, что согласен не выступать на съезде Советов, где, разумеется, в первую очередь будет обсуждаться национальная политика. Но Сталину подачки Ленина уже не нужны, и врачи, понятно, что по приказу Сталина, запрещают Ленину работать(48). "Вынужденный отказ от выступления сильно опечалил Владимира Ильича", -- заключает Наумов. И из этой фразы следует, что приступы у Ленина случаются каждый раз, когда его отстраняют, снимают, изолируют, лишают, а не наоборот. Ведь больше всего на свете и всегда Ленин боялся потерять власть!

18 декабря собирается ранее отложенный Пленум ЦК, где Сталин выступает с проектом Союзного договора между советскими республиками. Ленин в этом пленуме не участвует (очевидно, что участвовать в нем Сталин бы ему не разрешил), а сам Сталин, уставший от бесконечных ленинских попыток вернуться к власти, требует себе формальных полномочий определять дальнейшую судьбу Ленина: специальным постановлением он возлагает на себя "ответственность за соблюдение режима, установленного для Ленина врачами"(49). Этот новый, установленный Сталиным режим больше всего напоминает домашний арест: "На т. Сталина возложить персональную ответственность за изоляцию Владимира Ильича, как в отношении личных сношений с работниками, так и переписки"(50).

С точки зрения медицинской изоляция идет больному во вред. Именно к такому выводу приходит посетивший Ленина 20 декабря профессор О. Ферстер, известный немецкий врач-невропатолог, который консультировал врачей, лечивших Ленина: "Если бы Ленина в октябре 1922 года и дальше оставляли бы в бездеятельном состоянии, он лишился бы последней большой радости, которую он получил в своей жизни. Дальнейшим полным устранением от всякой деятельности нельзя было бы задержать ход его болезни. Работа для Владимира Ильича была жизнью, бездеятельность означала смерть"(51). Но из всего описанного следует, что события 12-18 декабря к состоянию здоровья Ленина скорее всего никакого отношения не имели. Ленина выгнали из Кремля и назначили Сталина (точнее -- Сталин назначил сам себя) начальником тюремного режима Ленина.

21 декабря Крупская записала под диктовку Ленина письмо Троцкому. Обратим внимание на то, как формально оговаривает Крупская разрешением Ферстера свое право записать для Троцкого письмо Ленина:

<<Лев Давыдович,

Проф. Ферстер разрешил сегодня Владимиру Ильичу продиктовать письмо, и он продиктовал мне следующее письмо к Вам.

"Тов. Троцкий,

Как будто удалось взять позицию без единого выстрела простым маневренным движением. Я предлагаю не останавливаться и продолжать наступление и для этого провести предложение поставить на партсъезд вопрос об укреплении монополии внешней торговли и о мерах к улучшению ее проведения. Огласить это на фракции съезда советов. Надеюсь, возражать не станете и не откажетесь сделать доклад на фракции. Н. Ленин".

В. И. просит также позвонить ему ответ. Н. К. Ульянова>>(52).

Из этого письма Троцкий должен был сделать вывод, что Ленин лишился рассудка. Его только что выгнали из кабинета и посадили под домашний арест, лишив возможности работы и встреч с людьми и переписки, официально назначили Сталина надсмотрщиком (о чем Ленин, разумеется, не знал), а он пишет о взятии позиции без единого выстрела. Без единого выстрела в те дни позиции взяли Сталин и Дзержинский. Не удивительно, что Троцкий на письмо Ленина не ответил: дискутировать на эту тему с ослепшим Лениным он не собирался.

Ленин в отношении Сталина был наивен, но не без предела. Он не случайно диктовал письмо именно Крупской, а не секретарю. Он старался сговориться с Троцким конфиденциально. Похоже, однако, что утечка информации произошла. Уже на следующий день, 22 декабря, Сталин позвонил Крупской, отругал ее, пригрозил взысканием по партийной линии решением Контрольной комиссии, находившейся целиком под контролем Сталина, и сказал, что, если подобное повторится, Сталин объявит вдовой Ленина Артюхину.

Считается, что Крупская сообщила Ленину о звонке Сталина только 5 марта 1923 г., так как именно в этот день Ленин написал Сталину эмоциональное письмо о разрыве отношений. Это подтверждали и опубликованные в журнале "Коммунист" (№ 5, 1989) воспоминания секретаря Крупской В. Дридзо:

"Почему В. И. Ленин только через два месяца после грубого разговора Сталина с Надеждой Константиновной написал ему письмо, в котором потребовал, чтобы Сталин извинился перед ней? Возможно, только одна я знаю, как это было в действительности, так как Надежда Константиновна часто рассказывала мне об этом. Было это в самом начале марта 1923 года. Надежда Константиновна и Владимир Ильич о чем-то беседовали. Зазвонил телефон. Надежда Константиновна пошла к телефону (телефон в квартире Ленина всегда стоял в коридоре). Когда она вернулась, Владимир Ильич спросил:

-- Кто звонил?

-- Это Сталин, мы с ним помирились.

-- То есть как?

Пришлось Надежде Константиновне рассказывать все, что произошло в декабре 1922 года, когда Сталин ей позвонил [...]. Надежда Константиновна просила Владимира Ильича не придавать этому значения, так как все уладилось и она забыла об этом. Но Владимир Ильич был непреклонен...".

Но очевидно, Крупская рассказала обо всем Ленину в тот же день, на что обязан был рассчитывать Сталин, и в ночь с 22 на 23 декабря у Ленина именно по этой причине наступает резкое ухудшение здоровья: по свидетельству М. И. Ульяновой в ночь на 23 декабря болезнь Ленина "распространилась дальше, правая рука и правая нога поражены параличом. С этих пор Владимир Ильич больше не мог сам писать".

Есть несколько указаний на то, что Ленин узнал о звонке Сталина Крупской 22 декабря. Во-первых, цитируя Дмитриевского, это подтверждает Троцкий: "Крупская немедленно, вся в слезах, побежала жаловаться Ленину". Во-вторых, об этом свидетельствует факт нового приступа у Ленина в ночь с 22 на 23 декабря. Косвенно это подтверждается интервью с Фотиевой: "Надежда Константиновна не всегда вела себя, как надо. Она могла бы проговориться Владимиру Ильичу. Она привыкла всем делиться с ним. И даже в тех случаях, когда этого делать нельзя было. [...] Например, зачем она рассказала Владимиру Ильичу, что Сталин выругал ее по телефону?". Секретарь Ленина Володичева также считала, что Ленин узнал о грубости Сталина ранее 5 марта: "Возможно, он знал это раньше. А письмо написал 5 марта"(53).

Одновременно 22 декабря Крупская написала письмо Каменеву, фактическому председателю Политбюро, находившемуся в блоке против Ленина вместе со Сталиным, чего она скорее всего не стала бы делать, если бы не сообщила об инциденте Ленину уже 22 декабря:

"Лев Борисыч, по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад.

Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т. к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина. Я обращаюсь к Вам и к Григорию [Зиновьеву], как более близким товарищам В. И., и прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз. В единогласном решении контрольной комиссии, которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая и нервы напряжены у меня до крайности. Н. Крупская"(54).

Осторожный и хитрый Сталин не допустил бы разрыва с Лениным, если бы не считал его политическим трупом. 22 числа Сталин позволил себе нахамить Крупской, потому что уже ничем не рисковал. Он позвонил Крупской, чтобы сообщить ей, что решил убить Ленина. Только так можно объяснить реакцию самой Крупской на звонок Сталина 22 декабря: "Она была совершенно не похожа на сама себя, рыдала, каталась по полу и пр. Об этом выговоре она рассказала В. И. через несколько дней", -- свидетельствует Ульянова(55). Значит, и по мнению Ульяновой Ленин узнал об этом звонке много раньше 5 марта, уже через несколько дней.

Но самое главное доказательство того, что Ленин узнал о звонке Сталина именно 22 декабря, нам предоставил Ленин: 23 декабря он начал писать "завещание".

В 1922 году Ленин понимал, что такое Сталин: "Мария Акимовна, -- А. Бек секретаря Ленина Володичеву, -- есть ли какие-нибудь шансы найти просто устные отзывы Ленина о Сталине?" "Ничего я не слышала. Даже намек нет, -ответила Володичева. -- Ленин все-таки был тоже очень осторожный человек"(56). Также очень осторожный. Как и Сталин. Ленин не выдал своих намерений. Он не стал под влиянием разговора с Крупской звонить или писать Сталину. Ленин понял, что дни его сочтены и что нужно успеть отдать как можно больше указаний. В то же время, Ленин не собирался пассивно ожидать смерти от руки Сталина, что следует из количества написанных им перед смертью статей и заметок. Документы, продиктованные Лениным, начиная с 23 декабря, преследовали две цели: сделаться завещанием, с одной стороны, подорвать авторитет Сталина в партии -- с другой. События показали, что не произошло ни первого, ни второго.

23 декабря. Ленин попросил дежурившего у него врача А. М. Кожевникова разрешить ему продиктовать стенографистке в течение пяти минут, так как его "волнует один вопрос", и он боится, что не заснет. Ничего не подозревающий Кожевников разрешает. Тогда, в начале девятого вечера, Ленин вызвал Володичеву:

"23 декабря 1922 года мне сообщили, что меня вызывает к себе Ленин. Его беспокоит один важный вопрос, и он хочет продиктовать что-то стенографистке. Мне и раньше приходилось стенографировать выступления и письма Владимира Ильича. Записывала я его доклад на апрельской конференции, принимала его телефонограммы из Горок, а теперь мне предстояло вести запись у постели больного Ильича. Можете себе представить, как я волновалась! Помню, что в квартире Владимира Ильича я увидела Марию Ильиничну, Надежду Константиновну и группу врачей. Меня предупредили, что Ленину разрешено диктовать не более 5 минут. Надежда Константиновна провела меня в комнату, где на кровати лежал Ильич. Вид у него был болезненный. Он неловко подал мне левую руку, правая была парализована. Это меня сильно поразило. Я не предполагала, что ему до такой степени плохо. Когда мы остались одни, я села за стол рядом с кроватью. Ленин сказал: "Я хочу продиктовать письмо к съезду. Запишите!"(57)

Так была продиктована первая часть письма к предстоящему Двенадцатому съезду. При диктовке никто, кроме Володичевой, не присутствовал:

"Надежда Константиновна не вводила меня в комнату. Они стояли (Мария Ильинична, Надежда Константиновна и врач) около той комнаты, в которой лежал Ильич. Меня никто не провожал. Они только расступились, пропуская меня. И я вошла. Ленин диктовал быстро.

Видимо, все было продумано у него заранее. Чувствовалось его болезненное состояние. Диктовка давалась ему нелегко. Говорил он глухо, не жестикулируя, как обычно. Закончил диктовку в отведенное время и немного повеселел. А я все еще не могла прийти в себя. Была как в тумане"(58).

Ленин заметил растерянность Володичевой, спросил, "почему такая бледная"(59). "Да потому что Сталин Вас за это убьет", "потому что я прямо сейчас обязана доложить обо всем Сталину", -- должна была ответить Володичева, но, как нам достоверно известно, промолчала.

Сам Ленин называл эти записи "дневником", считая, что таким образом он обманет Политбюро и не привлечет к своей работе особого внимания. Посмотрим, что и когда написал Ленин, начиная с 23 декабря:

23 декабря 1922 г. -- "Завещание", часть 1. Записано Володичевой.

24 декабря -- "Завещание", часть 2.

25 декабря -- "Завещание", часть 3. Записано Володичевой.

26 декабря -- Записка об увеличении членов ЦК до 50 или даже 100 человек. Записано Фотиевой.

27 декабря -- Часть 4. "О придании законодательных функций Госплану". Записано Володичевой.

28 декабря -- Часть 5. "Продолжение письма о законодательном характере решений Госплана". Записано Фотиевой.

29 декабря -- Часть 6. "Продолжение записок о Госплане". Записано Володичевой.

29 декабря -- Записка о Госплане. Записано Володичевой.

29 декабря -- Об увеличении числа членов ЦК. Записано Володичевой.

30 декабря -- "К вопросу о национальностях или об „автономизации“", часть 1. Записано Володичевой.

31 декабря -- "К вопросу о национальностях или об „автономизации“", часть 2. Записано Володичевой.

31 декабря -- "К вопросу о национальностях или об „автономизации“", часть 3. Записано Володичевой.

2 января 1923 г. -- "Страничка из дневника". Опубликовано в "Правде" 4 января 1923 г.

4 января -- приписка к "Завещанию" с предложением снять Сталина. Записано Фотиевой.

4 января -- "О кооперации", часть 1. Опубликовано в "Правде" 26 мая 1923 г.

6 января -- "О кооперации", часть 2. Опубликовано в "Правде" 27 мая 1923 г.

Не позднее 9 января -- план статьи "Что нам делать с Рабкрином?"

9 января -- "Что нам делать с Рабкрином?", часть 1. Записано Володичевой.

13 января -- "Что нам делать с Рабкрином?", часть 2. Записано Фотиевой.

13 января -- "Что нам делать с Рабкрином?", часть 3. Записано Фотиевой.

16 января -- "О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова)", часть 1. Опубликовано в "Правде" 30 мая 1923 г.

17 января -- "О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова)", часть 2. Опубликовано в "Правде" 30 мая 1923 г.

23 января -- "Как нам реорганизовать Рабкрин". Опубликовано в "Правде" 25 января 1923 г.

2 марта -- "Лучше меньше, да лучше". Опубликовано в "Правде" 4 марта 1923 г.(60)

Уточним список секретарей Ленина по "Дневнику дежурных секретарей В. И. Ленина" за период с 21 ноября 1922 г. по 6 марта 1923 г.: Н. С. Аллилуева (до утра 18 декабря), Ш. М. Манучарьянц (формально -- библиотекарь Ленина, до вечера 11 декабря), С. А. Флаксерман (3 декабря только), М. И. Гляссер (вечер 5 февраля только), М. А. Володичева (с вечера 27 ноября), Л. А. Фотиева (с 13 декабря).

Обратим внимание на то, что, за исключением жены Сталина Н. С. Аллилуевой, жизнь которой оборвалась трагически, ни одна из секретарей Ленина не была репрессирована Сталиным в период чисток. И это было лучшим подтверждением того, что в личной

преданности секретарей Ленина Сталин не сомневался, что ни одного нелояльного в отношении Сталина поступка никто из них в то опасное для Сталина время не совершил. Зная Сталина, можно с уверенностью сказать, что все вышесказанное относится и к преданнейшему помощнику и секретарю Ленина -- В. Д. Бонч-Бруевичу, прожившему долгую жизнь, до 1955 года. Не тронули и его брата, М. Д. Бонч-Бруевича, царского офицера, занимавшего до революции должность Главкома Северным фронтом. Михаил Дмитриевич, которого по статистике просто обязаны были расстрелять в 1936-39 годах, дослужился до чина генерал-лейтенанта и умер в 1956 году.

Чем же заслужили секретари Ленина пожизненную индульгенцию Сталина? Преданной службой и безупречным ведением "Дневника дежурных секретарей". Это был удивительный документ. Впервые опубликованный в 1963 году, он находился под семью замками до июля 1956 года. Что же это был за "Дневник" и по каким причинам его так долго хранили в сейфе? По чьей инициативе он был начат? Перед кем отчитывались люди, делавшие в "Дневнике" записи? Кто знал, а кто не знал о его существовании? Кем этот "Дневник" читался?

Не на все эти вопросы ответ ясен. Дневник был начат 21 ноября 1922 года. Очевидно, что в этот день Политбюро по инициативе Сталина установило над Лениным надзор на уровне ведения дневника. До революции Ленин всегда назначал Крупскую секретарем тех политических центров, в курсе деятельности которых он хотел быть. Сталин и тут оказался достойным учеником. В первые после введения формального надзора дни особенно активным секретарем Ленина была жена Сталина Н. С. Аллилуева. Понятно, что обо всем, что ей было известно, она рассказывала Сталину.

Нет никаких указаний на то, что о "Дневнике" знали Ленин, Крупская или М. И. Ульянова. Если так, то справедливо утверждение, что "Дневник" велся тайком. Шестеро секретарей Ленина могли вести тайный "Дневник" лишь по решению вышестоящих инстанций. Такими инстанциями могли быть ЦК, Секретариат ЦК или Политбюро. Иными словами, приказ должен был исходить от Сталина. Из интервью Фотиевой и Володичевой мы знаем, что отчитывались секретари перед Сталиным и Каменевым, являвшимся в те месяцы председателем Политбюро. Неизвестно, читал ли этот "Дневник" Сталин или же он довольствовался устными отчетами. По крайней мере один секретарь -- Володичева -- вела дневник стенографическими знаками и расшифровывала свою стенограмму позже. Из этого, видимо, следует сделать вывод, что Сталин довольствовался устными отчетами.

"Дневник" оборвался 6 марта 1923 года на фразе "Надежда Константиновна просила". Весь дальнейший текст был записан стенограммой и расшифровывался Володичевой 14 июля 1956 года. После 6 марта 1923 года "Дневник" не велся вообще. Создается впечатление, что в момент расшифровки записи от 6 марта в далеком 1923 году Володичевой позвонил Сталин и приказал ведение "Дневника" и всякую работу над ним прекратить. Так и было оборвана работа на полуслове.

"Дневник" интересен не только тем, что в нем записано, но и тем, что из него исчезло. А исчезло из него очень много. В "Дневнике" пропущены следующие дни: 17 декабря 1922 года, 19-22 декабря, причем 18 декабря Сталин назначен тюремщиком Ленина, а 22 декабря состоялся тот самый звонок Сталина Крупской и, если Крупская сообщила о нем Ленину, в записях секретарей от 22 декабря должны были бы иметься сведения о реакции Ленина; начиная с 25 декабря пропускается весь период деятельности Ленина, когда он диктовал третью часть "Завещания", записку об увеличении членов ЦК, записи о Госплане, статью "К вопросу о национальностях..." и, наконец, дополнение к "Завещанию" от 4 января 1923 года, где он предлагает сместить Сталина с поста генсека. За период с 25 декабря по 16 января сделаны всего две записи: 29 декабря и 5 января. Обратим внимание на то, как аккуратно они смонтированы:

"24 декабря [...] Владимиру Ильичу взяли Суханова "Записки о революции", тома III и IV.

29 декабря. Через Надежду Константиновну Владимир Ильич просил составить список новых книг. Врачи разрешили читать. Владимир Ильич читает Суханова "Записки о

революции" (III и IV тома). [...] Списки Владимир Ильич просил составить по отделам.

5 января 1923 г. Владимир Ильич затребовал списки новых книг с 3 января и книгу Титлинова "Новая церковь".

17 января (запись М. А. Володичевой). Владимир Ильич [...] читал и вносил поправки в заметки о книге Суханова о революции [...].

"Дневник" отцензурирован таким образом, чтобы создать у нас впечатление, будто Ленин с 25 декабря по 16 января включительно читал и работал над статьей о Суханове. Между тем в этот период были написаны основные его предсмертные статьи. А вот после 17 января (когда "Дневник" ведется с относительной частотой), написано всего две статьи: "Как нам реорганизовать Рабкрин" и "Лучше меньше, да лучше".

В Дневнике пропущены также 27-29 января, 11 и 13 февраля, 15 февраля -4 марта. Между тем нам известно, что Ленин диктовал каждый день или почти каждый день, причем дни, когда он не диктовал, в "Дневнике" всегда отмечались, например:

"10 декабря, утро. Ничего от Владимира Ильича не было. [...]"

11 декабря, утро (запись Н. С. Аллилуевой). Никаких поручений не было. Владимир Ильич ни разу не звонил. Проверить, чтобы вечером в кабинете было не меньше 14 градусов тепла.

11 декабря, вечер (запись Ш. М. Манучарьянц). Никаких поручений не было. Владимир Ильич ни разу не звонил. [...]"

18 декабря, утро (запись Н. С. Аллилуевой). Заседает пленум Центрального комитета. Владимир Ильич не присутствует, болен -- никаких поручений и распоряжений.

18 декабря, вечер. Заседает пленум. Владимир Ильич не присутствует, вечерним заседанием пленум закончен. [...]"

18 января (запись М. А. Володичевой). Владимир Ильич не вызывал. [...]"

21 января (запись М. А. Володичевой). Владимир Ильич не вызывал".

Таким образом дни, когда Ленин не вызывал и не диктовал -- отмечены. Значит, во все пропущенные "Дневником" или же его издателями дни Ленин что-то диктовал? Кроме того, не ясно, велся ли "Дневник" после 6 марта 1923 года. Опубликовано, по крайней мере, ничего не было. Похоже, также, что какие-то записи в дневнике делались задним числом.

Однако Ленин не предусмотрел того, что предусмотреть был обязан: все его секретари доносили о происходящем у Ленина Сталину. Заговор против Ленина в этот период имел столь широкий характер, что Сталин мог действовать открыто. Написанные против Сталина статьи и письма немедленно относились секретарями Ленина Сталину, и он сам решал как с ними поступить. Когда "завещание" Ленина, продиктованное Володичевой, было доставлено Сталину, тот, в присутствии нескольких партийных руководителей приказал "завещание" сжечь. Володичева вспоминает:

"Был уже поздний час, когда я вернулась в секретариат. Я долго сидела там подавленная, стараясь осмыслить все услышанное у Ленина. Его письмо показалось мне очень тревожным. Я позвонила Лидии Александровне Фотиевой, сказала ей, что Ленин продиктовал мне чрезвычайно важное письмо очередному съезду партии, и спросила, что с ним делать, не показать ли кому-нибудь, может быть, Сталину. Упор нужно сделать не на то, что я была очень взволнована, просто я впервые видела его в таком состоянии. "Ну что же, покажите Сталину", -- сказала Лидия Александровна. Так я и сделала [...]"(61)

В квартире Сталина я увидела его самого, Надежду Сергеевну Аллилуеву, Орджоникидзе, Бухарина и Назаретяна. (А. Назаретян, член партии с 1905 г, с 1922 г. работал в ЦК РКП/б/.) Сталин взял письмо и предложил Орджоникидзе и Бухарину пройти с ним в соседнюю комнату. Получилось так, что все произошло в молчании. [...] Примерно через четверть часа вышел Сталин. Шаги его были на этот раз тяжелыми, лицо озабоченно. Он пригласил меня в другую комнату, и Орджоникидзе спросил, как себя чувствует Ильич. [...] Повторяю: в квартире Сталина я увидела его самого, Аллилуеву, Орджоникидзе и Бухарина. Мне было важно довести до сведения Сталина, что хотя Владимир Ильич и прикован к постели, но бодр, речь его течет бодро и ясно. У меня создалось впечатление, что

Сталин был склонен объяснить ленинское письмо съезду болезненным состоянием Ильича. "Сожгите письмо", -- сказал он мне. Это распоряжение Сталина я выполнила. Сожгла копию письма, которую ему показывала, но не сказала, что 4 других экземпляра ленинского документа лежат в сейфе.

На следующий день я рассказала обо всем произошедшем Фотиевой и Гляссер. "Что ты наделала! -- набросились они на меня. -- Сейчас же возобнови копию!" Я тут же отпечатала пятую копию".

К утру 24 декабря Ленину не просто пытаются запретить работать (диктовать пять минут). Ленину буквально пытаются запретить открывать рот. Он него требуют, чтобы он прекратил разговаривать с секретарем и стенографисткой. Требование это исходит от врачей (по смыслу происходящего это слово нужно ставить в кавычки, хотя люди в белых халатах в доме Ленина действительно врачи). Тогда Ленин предъявляет ультиматум как объявляющий в тюрьме голодовку заключенный, причем понятно, что ультиматут этот он предъявлял не врачам, а Сталину: если ему не будет разрешено ежедневно, хотя бы в течение короткого времени, диктовать его "дневник", он "совсем откажется лечиться"(62). Эта угроза действует (Сталин знает, что если Ленин откажется лечиться он может выздороветь). Ультиматум, разумеется, обсуждали не врачи, а сталинская фракция Политбюро в составе Сталина, Каменева и Бухарина (подчеркнем, что все трое действуют сообща против Ленина), принявшая следующее решение:

"1. Владимиру Ильичу предоставляется право диктовать ежедневно 5--10 минут, но это не должно носить характер переписки и на эти записки Владимир Ильич не должен ждать ответа. Свидания запрещаются. 2. Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Владимиру Ильичу ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений"(63).

Иными словами, заключенному Ленину на несколько минут в сутки выдают в камеру перо и бумагу (но так как все записывают секретари, Сталин немедленно оказывается в курсе всего написанного). Свой режим Ленин воспринимал именно как тюремный: "Если бы я был на свободе (сначала оговорился, а потом повторил смеясь; если бы я был на свободе), то я легко бы все это сделал сам", -- сказал Ленин Фотиевой 1 февраля 1923 года. Но Ленин был уже не на свободе. Он лежал и говорил мне с досадой: "Мысли мои вы не можете остановить. Все равно я лежу и думаю!"(64). Крупская вспоминала: „В этом же и беда была во время болезни. Когда врачи запретили чтение и вообще работу. Думаю, что это неправильно было. Ильич часто говорил мне: "Ведь они же [...] не могут запретить мне думать"". Сама Крупская тоже понимала, что Ленин в заточении: "Во время болезни был случай, когда в присутствии медсестры я ему говорила, что вот, мол, речь, знаешь, восстанавливается, только медленно. Смотри на это, как на временное пребывание в тюрьме. Медсестра говорит: "Ну, какая же тюрьма, что вы говорите, Надежда Константиновна?" Ильич понял: после этого разговора он стал определенно больше себя держать в руках"(65), т.е. не критиковал свой режим при посторонних.

Когда 24 декабря Ленин диктует Володичевой вторую часть письма, он настолько озабочен возможной утечкой информации, что многократно подчеркивает Володичевой необходимость сохранения написанного в тайне: "Продиктованное вчера, 23 декабря, и сегодня, 24 декабря, является абсолютно секретным"; дневник "абсолютно секретен. О нем пока никто не должен знать. Вплоть даже до членов ЦК"; "подчеркнул это не один раз. Потребовал все, что он диктует, хранить в особом месте, под особой ответственностью и считать категорически секретным" (все эти требования Ленина Володичева аккуратно записывает в дневнике для Сталина).

"Боясь волновать Ленина, я не сказала ему, что с первым отрывком письма Ленина к съезду Сталин уже ознакомился", -- вспоминает Володичева. Здесь Володичева явно скромничает. Она должна была сказать: "боясь убить Ленина", "боясь сразить его наповал"... Трудно даже представить себе, как отреагировал бы Ленин на сообщение Володичевой о том, что обо всем происходящем сообщается Сталину и что по решению Политбюро ведется

поминутное слежение за жизнью Ленина, оформленное как "Дневник дежурных секретарей".

Сообщение Володичевой о том, что она ознакомила Сталина только с первой частью "письма" вряд ли соответствует действительности. Дисциплина была суровая: "Мы ничего не читали и ничего друг другу не говорили, -- вспоминает Володичева. -- Друг друга не спрашивали. [...] Мы имели общий дневник [...] и каждая в свою дату записывала", но: "мы его не читали".

Секретари боялись Сталина безумно. Из интервью Бека с Володичевой:

"-- Помните, вы рассказывали, что, когда Ленин начал характеризовать Сталина, вас потрясло одно слово, которым он характеризовал Сталина?

-- Да, "держиморда".

-- Это письмо по национальному вопросу?

-- Где это было, в какой стенограмме, я не помню. Я просто сначала не разобралась, потом, когда разобралась, ужаснулась, ужаснувшись, перестала печатать.

-- И так это слово и не вошло никуда?

-- Не вошло..."(66)

Очевидно, Володичева не точна. Слово "держиморда" "вошло" в статью Ленина „К вопросу о национальностях или об "автономизации"“: "Тот грузин, который пренебрежительно относится к этой стороне дела [...] сам является грубым великодержавным держимордой"(67). Но психологию времени Володичева передает верно: не записать продиктованное Лениным Володичева посмела, а вот напечатать в адрес Сталина слово "держиморда" не смогла.

Даже если Володичева действительно не сообщила 23 декабря о существовании еще четырех экземпляров "завещания", Сталин не предполагал, что запись Ленина от 23 декабря, принесенная ему на дом, существовала в одном экземпляре. Материалы Ленина всегда переписывались в пяти экземплярах: один -- Ленину, три -- Крупской, один -- в секретариат в с грифом "Строго секретно". То, что предназначалось для "Правды", перепечатывалось, еще раз просматривалось Лениным и передавалось М. И. Ульяновой как ответственному секретарю редакции. Три экземпляра документов (Крупской) запечатывались затем в конверт(68). Сталин, конечно же, об этом знал.

После 24 декабря Сталин предпринимает какие-то меры, благодаря которым в дальнейшем в "Дневнике" наступает обрыв всякий раз, когда диктуются слишком невыгодные Сталину тексты. После 24 декабря все записываемое носит пространный, но совершенно беззубый характер. Это приводит к естественному выводу, что ряд ленинских материалов был уничтожен(69) или же, что записи были сфальсифицированы задним числом. "Сожжение" ленинских текстов могло произойти только по указанию Сталина как генсека партии. Предположить, что Сталин не интересовался содержанием заметок, диктуемых Лениным после 23 декабря, абсолютно невозможно.

Не отличалось поведение второго секретаря, дежурившего у Ленина в декабре 1922 -- январе 1923 г., Фотиевой:

"-- Я сама передала письмо Ленина о национальностях, -- сообщила она Беку.

-- То есть сразу после того, как он продиктовал?

-- Да. Могу вам рассказать. Только не записывайте. [...]

Второй раз (после разговора о яде) я обратилась к Сталину насчет письма о национальностях, которое продиктовал Владимир Ильич. Но тут я уже у него не была, а позвонила по телефону: "Товарищ Сталин, Владимир Ильич только что закончил письмо политического характера, в котором обращается к съезду. Я считаю нужным передать его в ЦК". Сталин ответил: "Ну, передайте Каменеву". (Они тогда были вместе.) Я так и сделала. [...]

-- А Сталину вы, Лидия Александровна, звонили не по поручению Владимира Ильича?

-- Нет, Владимир Ильич об этом не знал.

-- Почему же вы его не спросили?

-- Мы вообще не задавали ему вопросов. Нельзя было его волновать.

-- Но потом информировали его?
-- Нет. Это его взволновало бы. [...]
-- Тогда почему же все-таки вы с ней [Крупской] не посоветовались?
-- Я вообще не была в подчинении у Надежды Константиновны и не спрашивала ее разрешений.
-- Но ведь письмо Ленина ("К вопросу о национальностях или об "автономизации") было направлено против Сталина?
-- Не только против него. Также и против Орджоникидзе и Дзержинского.
-- Да, да, но главным был все-таки Сталин. И вы передаете ему. То есть заблаговременно вооружаете его. [...] Но хоть бы посоветовались с Марией Ильиничной.
-- А Мария Ильинична вообще ничем не распоряжалась. Все предоставляла Надежде Константиновне. [...] Если бы Владимир Ильич был здоров, то он обязательно бы пригласил Сталина и поговорил бы с ним. А тут письмо заменило разговор.
-- Почему же об этом ничего не сказано в дневнике дежурных секретарей? [...]
-- Туда мы писали вовсе не то. [...]
-- А почему, Лидия Александровна, в дневнике ничего не записано о том, что Владимир Ильич продиктовал последнюю часть "завещания", то есть ту часть, где говорил о Сталине?
-- Это было секретно. Поэтому я и не занесла.
-- Но и предыдущие части тоже были секретными. [...] А Володичева рассказывает, что и "завещание" ему было известно. Она сама, кажется, передавала. И Сталин сказал: "Сожгите".
-- Володичева -- больной человек. Ничего этого не было, -- и неожиданно нервно: -- Уходите, уходите с вашими вопросами!"(70)

Ленин диктовал активно в период с 23 декабря по 23 января, т. е. ровно месяц. Затем в его работе наступил неожиданный и не случайный перерыв. 24 января он дал Фотиевой поручение "запросить у Дзержинского или Сталина материалы комиссии по грузинскому вопросу" и столкнулся с сильным противодействием Сталина и Дзержинского. Дзержинский кивал на Сталина, тот прятался за решение Политбюро. Ленин стал подозревать Фотию в двойной игре: „Прежде всего по нашему "конспиративному" делу: я знаю, что Вы меня обманываете". На мои уверения в противном он сказал: "Я имею об этом свое мнение". В четверг, 25 января, Ленин спросил, получены ли материалы. Фотиева ответила, что Дзержинский придет лишь в субботу. В субботу Дзержинский сказал, что материалы у Сталина. Фотиева послала письмо Сталину, но того не оказалось в Москве. 29 января Сталин позвонил и сообщил, что материалы без Политбюро дать не может; начал подозревать Фотию в двойной игре: спрашивал, не говорит ли она Ленину "чего-нибудь лишнего, откуда он в курсе текущих дел?" Так, его статья "Как нам реорганизовать рабкрин" (законченная 23 января и уже прочитанная Сталиным) "указывает, что ему известны некоторые обстоятельства". Фотиева заверила, что не говорит и не имеет "никаких оснований думать, что он в курсе дел". 30 января, узнав от Фотиевой об отказе Сталина выдать ему материалы комиссии Дзержинского, Ленин сказал, что будет настаивать на выдаче документов.

1 февраля Политбюро разрешило выдать материалы Фотиевой для Ленина, но на условии, что Фотиева оставляет их у себя для изучения (о чем просил ее Ленин) и доклада Ленину на эту тему без разрешения Политбюро не делает. Иными словами, материалы Политбюро выдало, но доступа к ним у Ленина нет, так как они находятся у сталинской шпионки Фотиевой. Фотиева, видимо по указанию Сталина, тянет время и заявляет Ленину, что для изучения материалов ей понадобится четыре недели(71).

Ленин искал ответы на следующие вопросы: 1) За что старый ЦК КП Грузии обвинили в уклонизме. 2) Что им вменялось в вину как нарушение партийной дисциплины. 3) За что обвиняют Закрайком в подавлении ЦК КП Грузии. 4) Физические способы подавления ("биомеханика"). 5) Линия ЦК [РКП(б)] в отсутствие Владимира Ильича и при Владимире Ильиче. 6) Отношение комиссии. Рассматривала ли она только обвинения против ЦК КП

Грузии или также против Закрайкома? Рассматривала ли она случай биомеханики? 7) Настоящее положение (выборная комиссия, меньшевики, подавление, национальная рознь)"(72).

Ленин начинал бой. Но и Сталин не бездействовал. За несколько дней до начала трагикомедии с материалами по грузинскому вопросу, 27 января, Сталин от имени Политбюро и Оргбюро ЦК разослал во все губкомы РКП закрытое письмо по поводу последних ленинских статей, подписанное членами Политбюро и Оргбюро: Андреевым, Бухариным, Дзержинским, Калининым, Каменевым, Куйбышевым, Молотовым, Рыковым, Сталиным, Томским и Троцким. Смысл письма заключался в том, что Ленин болен и уже не отвечает за свои слова(73).

Неизвестно, получил ли Ленин об этом письме информацию, или же изоляция его, с одной стороны, и нежелание близких волновать -- с другой, достигли такой степени, что о происках Сталина ему не сообщили. Однако не позднее 3 февраля Ленин получает от Фотиевой подтверждение того, что ним запрещено разговаривать:

„Владимир Ильич вызывал в 7 ч. на несколько минут. Спросил, просмотрела ли материалы. Я ответила, что только с внешней стороны и что их оказалось не так много, как мы предполагали. Спросил, был ли этот вопрос в Политбюро. Я ответила, что не имею права об этом говорить. Спросил: "Вам запрещено говорить именно об этом? -- "Нет, вообще я не имею права говорить о текущих делах". -- "Значит, это текущее дело?" Я поняла, что сделала оплошность. Повторила, что не имею права говорить. Сказал: "Я знаю об этом деле еще от Дзержинского, до моей болезни. Комиссия делала доклад в Политбюро?" -- "Да, делала, Политбюро в общем утвердило ее решения, насколько я помню". Сказал: "Ну, я думаю, что Вы сделаете Вашу реляцию недели через три, и тогда я обращаюсь с письмом""(74).

12 февраля против Ленина вводят очередные санкции по дальнейшей его изоляции и у него случается новый приступ. Фотиева делает в "Дневнике" запись: "Владимиру Ильичу хуже. Сильная головная боль. Вызвал меня на несколько минут. По словам Марии Ильиничны, его расстроили врачи до такой степени, что у него дрожали губы. Ферстер накануне сказал, что ему категорически запрещены газеты, свидания и политическая информация. [...] У Владимира Ильича создалось впечатление, что не врачи дают указания Центральному Комитету, а Центральный Комитет дал инструкции врачам"(75). (Так и было, раз Ферстер считал, что Ленину вредны не работа, а запреты). Именно по этой причине подозрительный Ленин все чаще и чаще "категорически отказывался принимать лекарства" и требует "освободить его от присутствия врачей"(76), понимая, что это нанятые Сталиным люди, укорачивающие Ленину жизнь. Ферстера Ленин не выносил уже до такой степени, что тот прятался в соседних комнатах, чтобы Ленин не видел.

14 февраля (через две недели после получения материалов из Политбюро) Фотиева записывает:

"Владимир Ильич вызвал меня в первом часу. Голова не болит. Сказал, что он совершенно здоров. Что болезнь его нервная и такова, что иногда он совершенно бывает здоров, т.е. голова совершенно ясна, иногда же ему бывает хуже. Поэтому с его поручениями мы должны торопиться, т. к. он хочет непременно провести кое-что к съезду и надеется, что сможет. Если же мы затянем и тем загубим дело, то он будет очень и очень недоволен. [...] Говорил опять по трем пунктам своих поручений. Особенно подробно по тому, который его всех больше волнует, т.е. по грузинскому вопросу. Просил торопиться. Дал некоторые указания".

Эти указания также касались грузинского дела:

"Намекнуть Сольцу, что он [Ленин] на стороне обиженного. Дать понять кому-либо из обиженных, что он на их стороне. 3 момента: 1. Нельзя драться. 2. Нужны уступки. 3. Нельзя сравнивать большое государство с маленьким. Знал ли Сталин? Почему не реагировал? Название "уклонисты" за уклон к шовинизму и меньшевизму доказывает этот самый уклон у великодержавников. Собрать Владимиру Ильичу печатные материалы"(77).

Понятно, что в тот же день вся эта информация была сообщена Сталину, и он

предпринимает против Ленина новые шаги, о которых, мы не знаем. Очевидно, что в период с 15 февраля по 5 марта Ленин был трудоспособен, так как 2 марта закончил статью "Лучше меньше, да лучше". Но записей с 15 февраля по 4 марта в "Дневнике дежурных секретарей" нет. Правда, о событиях с 15 февраля мы кое-что знаем из воспоминаний Фотиевой:

„Сольц, будучи членом Президиума ЦКК, рассматривал заявление, поступившее от сторонников ЦК КП Грузии старого состава на чинимые против них притеснения. 16 февраля в связи с поручением Владимира Ильича я послала записку Сольцу с просьбой выдать мне все материалы, касающиеся грузинского конфликта. Сохранилась следующая моя запись: "Вчера т. Сольц сказал мне, что товарищ из ЦК КП Грузии привез ему материалы о всяческих притеснениях в отношении грузин (сторонников старого ЦК КПГ). Что касается "инцидента" (имеется в виду оскорбление, нанесенное товарищем Орджоникидзе Кабахидзе), то в ЦКК было заявление потерпевшего, но оно пропало. На мой вопрос "Как пропало?" -- Сольц ответил: "Да так, пропало". Но это все равно, так как в ЦКК имеется объективное изложение инцидента Рыковым, который при этом присутствовал""(78).

Так что намеки Ленина сталинскому ставленнику Сольцу положения Ленина не облегчили. Из лаконичной записи от 25 февраля мы узнаем, что Ленин работоспособен и чувствует себя хорошо: утром Ленин "читал и разговаривал о делах... Вечером читал и диктовал больше часа"(79). (Что же он диктовал? Сколько страниц текста?) Наконец, мы знаем, что 3 марта Сталин наконец-то разрешил Фотиевой выдать Ленину заключение по материалам комиссии Дзержинского: "Ленин получает докладную записку и заключение Л. А. Фотиевой, М. И. Гляссер и Н. П. Горбунова о материалах комиссии Политбюро ЦК РКП(б) по "грузинскому вопросу"э(80). Значит, Ленин работоспособен и в период с 25 февраля по 3 марта.

Что же происходило в эти дни и почему упрямо молчит "Дневник"? С 21 по 24 февраля в Москве работал пленум ЦК РКП(б). Видимо, это было одной из причин отсутствия записей: Ленин интересовался работой пленума, так как "пленум рассмотрел тезисы по национальному и организационному вопросам, постановил не публиковать их до предварительного ознакомления с ними (с разрешения врачей) В. И. Ленина, и если Владимир Ильич потребует пересмотра тезисов, то созвать экстренный пленум. Пленум признал целесообразным создать на съезде секцию по национальному вопросу с привлечением всех делегатов из национальных республик и областей и с приглашением до 20 коммунистов не делегатов съезда" (так записано в "Биографической хронике В. И. Ленина, т. 12, с. 585).

Что же произошло? Откуда вновь возникшее к Ленину уважение? В. Дорошенко пишет: „А произошло то, что тезисы генерального секретаря пленум признал политически сомнительными и направил их на ленинскую экспертизу. Как это произошло, остается догадываться. [...] Здесь проявилось влияние мощной политической силы, более мощной, чем влияние большинства Политбюро вместе с генсеком, той силы, которую Сталин не учел, сбросив ее со счетов. А такой силой в тех условиях мог быть и был только Ленин". Добавим, что такой силой должен был быть очередной блок Ленина с Троцким. „Предложение "создать на съезде секцию по национальному вопросу с привлечением всех делегатов из национальных республик и областей и с приглашением до 20 коммунистов не делегатов съезда", принятое пленумом, -- продолжает Дорошенко, -- пожалуй, слишком кардинально для ординарного решения. Не является ли оно ленинским? Не является ли оно фразой или перифразой ленинского письма, высказывания? Очень вероятно, что было по меньшей мере одно письмо Ленина к пленуму. Возможно, было даже несколько ленинских писем, ведь пленум продолжался необычно долго -- 4 дня. Что могло и должно было содержаться в этом письме или письмах?"

Здесь нам несколько помогает Троцкий, в архиве которого есть документ, датированным 22 февраля 1923 г. Из этого документа следует, что, во-первых, Троцкий вступил в конфликт с большинством пленума (т.е. со сталинцами), во-вторых, что на

пленуме 21 и 22 числа обсуждалась опубликованная статья Ленина, письмо Ленина и проект (предложение) Ленина. Похоже, что речь шла о статье Ленина "Как нам реорганизовать Рабкрин", так как это был единственный документ Ленина, опубликованный в те дни в "Правде" 25 января 1923 г., причем изначально предполагали опубликовать этот номер "Правды" в одном экземпляре, специально для Ленина (утаив статью от всех остальных). Под "письмом" Троцкий, очевидно, имел в виду обсуждавшееся в Политбюро "Письмо к съезду". "Проектом" или "предложением" Ленина мог быть отдельный документ, но мог быть и сформулированный самим пленумом документ, основанный на статье Ленина "как нам реорганизовать Рабкрин"(81).

На пленуме победила точка зрения Ленина. Тезисы Сталина пленум отклонил и послал на переработку (правда, снова в комиссию под председательством Сталина). Тезисы, которые пленум передал на просмотр и заключение Ленину, назывались "Национальные моменты в партийном и государственном строительстве": "Объединение национальных республик в Союз Советских Социалистических Республик является заключительным этапом развития форм сотрудничества, принявшим на этот раз характер военно-хозяйственного и политического объединения народов в единое многонациональное Советское государство". Ленин вернул себе над Сталиным политический контроль, потребовал пересмотра тезисов и этим объявил о созыве нового экстренного пленума.

5 марта можно считать роковым днем в жизни Ленина. В этот день, около двенадцати, он вызвал Володичеву и просил записать два письма. Обратим внимание на то, что Ленин, очевидно, работоспособен и указаний на плохое его самочувствие нет. Главное, однако, то, что нет указаний на какие-либо ограничения, введенные против Ленина: он диктует, что хочет, кому хочет и сколько хочет. Похоже, что в это время, начиная с победы Ленина на февральском пленуме, тюремный режим, введенный против Ленина Политбюро по инициативе Сталина, был снят.

5 марта первое письмо было написано Троцкому: "Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под "преследованием" Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным. Если Вы почему-нибудь не согласитесь, то верните мне все дело. Я буду считать это признаком Вашего несогласия"(82).

Вместе с этим письмом Троцкому была передана еще и записка Володичевой: "Товарищу Троцкому. К письму, переданному вам по телефону, Владимир Ильич просил добавить для вашего сведения, что тов. Каменев едет в Грузию в среду и Вл. Ил. просит узнать, не желаете ли вы послать туда что-либо от себя"(83).

Само "дело" Ленин тоже передал Троцкому. И Троцкий его не вернул, чем продемонстрировал Ленину свою поддержку. Об этом становится известно 16 апреля из письма Троцкого "Всем членам ЦК РКП" с грифом "С. секретно":

"Мною получена сегодня прилагаемая при сем копия письма личного секретаря тов. Ленина, тов. Л. Фотиевой, к тов. Каменеву по поводу статьи тов. Ленина по национальному вопросу.

Статья тов. Ленина была мною получена 5-го марта одновременно с тремя записками тов. Ленина, копии которых при сем также прилагаются.

Я тогда снял для себя копию статьи как имеющей исключительное принципиальное значение и положил ее в основу как своих поправок к тезисам тов. Сталина (принятых тов. Сталиным), так и своей статьи в "Правде" по национальному вопросу.

Статья, как сказано, имеет первостепенное принципиальное значение. С другой стороны, она включает в себе резкое осуждение по адресу трех членов ЦК. Пока оставалась хоть тень надежды на то, что Владимир Ильич успел сделать относительной этой статьи какие-либо распоряжения насчет партийного съезда, для которого она, как вытекает из условий и, в частности, из записки тов. Фотиевой, предназначалась, -- до тех пор я не ставил вопроса о статье.

При создавшейся ныне обстановке, как она окончательно определяется запиской тов. Фотиевой, я не вижу другого исхода, как сообщить членам Центрального Комитета статью, которая, с моей точки зрения, имеет для партийной политики в национальном вопросе не меньшее значение, чем предшествующая статья по вопросу об отношении пролетариата и крестьянства.

Если никто из членов ЦК -- по соображениям внутривнутрипартийного характера, значение которых понятно само собой -- не поднимет вопроса о доведении статьи в том или другом виде до сведения партии или партсъезда, то я с своей стороны буду рассматривать это как молчаливое решение, которое снимает с меня личную ответственность за настоящую статью в отношении партсъезда"(84).

Таким образом, примечание комментаторов полного собрания сочинений Ленина о том, что на предложение Ленина от 5 марта Троцкий ответил отказом -- намеренная фальсификация(85). Троцкий взял на себя защиту позиции Ленина, причем не сдал ее даже после 6 марта, когда не мог уже опираться на помощь нефункционирующего Ленина. 28 марта 1923 г. Троцкий отправляет в секретариат ЦК (копия Гляссер, т.е. Ленину) следующее письмо:

„В протоколе No 57 на второй странице по вопросу о Грузии записано только мое предложение об отзыве тов. Орджоникидзе. Я сделал три предложения, и поскольку упомянуто первое, нужно прибавить и два других, также отклоненных, 1) констатировать, что Закавказская Федерация в нынешнем своем виде представляет собою искажение советской идеи федерации в смысле чрезмерного централизма; 2) признать, что товарищи, представляющие меньшинство в грузинской компартии, не представляют собою "уклона" от партийной линии в национальном вопросе; их политика в этом вопросе имела оборонительный характер -- против неправильной политики тов. Орджоникидзе"(86).

Это еще одно доказательство того, что Троцкий дал на записку Ленина положительный ответ.

В тот день борьба Ленина и Сталина достигла своей высшей точки. Ленин, теперь уже хорошо информированный, знает, что, несмотря на решение пленума, поддержавшего Ленина, грузинское дело, вопреки постановлениям ЦК, все еще находится под преследованием Сталина и Дзержинского, т.е. секретариат Сталина при поддержке ГПУ (Дзержинского) выступает против Ленина и ЦК партии. Он понимает, что на стороне Сталина еще и большинство Политбюро, что в такой ситуации терять нечего. В этот день он решает использовать свой старый козырь: конфликт Сталина с Крупской. Ленин пишет Сталину ультимативное письмо: либо извиниться, признав поражение, либо пойти на открытую войну. Отметим, что Троцкого об этом письме Ленин в известность не ставит, хотя именно на помощь Троцкого собирается опираться в схватке со Сталиным. Из этого можно сделать вывод, что Ленин готов принять капитуляцию Сталин конфиденциально, не унижая его перед партийным активом и сохраняя возможность последующей совместной работы:

"Уважаемый т. Сталин! Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения. С уважением Ленин"(87).

Володичева в "Дневниках дежурных секретарей" указывает, что второе письмо Ленин "пока просил отложить, сказав, что сегодня у него что-то плохо выходит"(88). Что именно вышло "плохо" Володичева не указывает. Никаких исправлений в письмо на следующий день внесено не было. 6 марта Ленин запросил ответ Троцкого на написанное им 5 марта письмо. "Ответ по телефону застенографирован", -- отметила в "Дневнике" Володичева 6 марта, но содержание ответа Троцкого в "Дневнике" не записала. Понятно, что этот ответ был невыгоден для Сталина, иначе бы он, безусловно, оказался бы в "Дневнике" (как мы знаем, Троцкий Ленина поддержал). Ленин перечитал второе письмо, Сталину, "и просил

передать лично из рук в руки [и] получить ответ". Таким образом, письмо, датированное 5 марта, оставалось неотправленным до 6-го.

В тот же день Ленин продиктовал "письмо группе Мдивани" (копии: Троцкому и Каменеву), также направленное против Сталина. Это были последние строчки, зарегистрированные официальной лениниадой: "Всею душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь"(89). Это еще одно указание, что к этому времени Ленину точно было известно о поддержке Троцкого. Иначе зачем же было Ленину посылать копию письма Троцкому, если тот отклонил предложение о блоке против Сталина? Очевидно также, что об этом новом блоке узнает Сталин, что он немедленно предпринимает какие-то действия, и записки и речь Ленина по этому вопросу до нас уже не доходят, хотя есть все основания считать, что они были Лениным по крайней мере начаты.

Если "письмо группе Мдивани" было отправлено адресату, то письмо Сталину в течение 6 марта снова пролежало без движения, так как, по словам Володичевой, "Надежда Константиновна просила этого письма Сталину не посылать"(90). Тогда Володичева "пошла к Крупской и напомнила ей, что Владимир Ильич ждет ответа от Сталина, беспокоится. И этот аргумент, по-видимому, подействовал"(91). 7 марта, после предварительных переговоров Крупской с Каменевым, письмо было передано Сталину, Каменеву, а затем и Зиновьеву(92). Володичева вспоминает:

"Передавала письмо из рук в руки. Я просила Сталина написать письмо Владимиру Ильичу, так как тот ожидает ответа, беспокоится. Сталин прочел письмо стоя, тут же при мне, лицо его оставалось спокойным. Помолчал, подумал и произнес медленно, отчетливо выговаривая каждое слово, делая паузы между ними: "Это говорит не Ленин, это говорит его болезнь". И продолжал: "Я не медик, я -- политик. Я Сталин. Если бы моя жена, член партии, поступила неправильно и ее наказали бы, я не счел бы себя вправе вмешиваться в это дело. А Крупская -- член партии. Но раз Владимир Ильич настаивает, я готов извиниться перед Крупской за грубость"(93).

Согласно Володичевой, письмо не было передано по настоянию Крупской. Согласно Фотиевой -- его задержала Володичева, боявшаяся идти с таким резким письмом к Сталину(94). Фотиева вспоминала, что Ленин "ждал ответа. Ждал по минутам. А Володичева не решилась отнести письмо Сталину, такое оно было резкое. И только на следующее утро я узнала, что письмо еще лежит у нас. Велела Володичевой отнести"(95). Кто из них говорит правду -- понять трудно.

Отнеся письмо Ленина Сталину, Володичева "записала коротенький ответ Сталина Владимиру Ильичу, и так волновалась", что с ее почерком случилось что-то неузнаваемое(96). Ответ Сталина, в свою очередь, Володичева не понесла Ленину, а отправилась на квартиру к Каменеву:

"Мне посоветовали это мои товарищи, в частности Мария Игнатьевна Гляссер. [...] Она сказала, что обязательно нужно зайти и показать это письмо Каменеву, потому что Сталин может написать такое, что вызовет беспокойство Владимира Ильича. Каменев его прочитал и вернул мне со словами, что письмо можно передать. После посещения Каменева я вернулась к себе в секретариат. Но письмо не было передано, потому что уже было поздно: Владимиру Ильичу уже было плохо"(97).

"Плохо" -- не совсем точное определение. 5-7 марта произошли события, за кулисами которых стоял Сталин и его окружение, события, окутанные тайной. Похоже, что уже 6-7 марта Ленин был взят под арест: "Официально стало известно, -- вспоминает Володичева, -- что Владимир Ильич 6 марта или даже уже 5-го был не в состоянии ни читать, ни работать, ни кого-то принимать, ни что-то предпринимать. С ним нельзя было связаться". "Официально было известно...", "с ним нельзя было связаться..." -- это и есть указание на арест Ленина. Значит уже 5-6 марта Володичева сообщила Сталину о еще не отосланном, но написанном письме Ленина, равно как и о письме Троцкому. "И как было с Надеждой Константиновной -- это тоже неизвестно" -- продолжала Володичева. И из этого мы обязаны

сделать вывод, что одновременно, 6-7 марта была арестована Крупская. М. И. Ульянова, очевидно тоже арестованная, получила разрешение на телефонный звонок Сталину. Содержание его неизвестно, но из обрывков раздававшего в телефон крика можно было понять, что она требует немедленного освобождения и угрожает, что в противном случае обратится от имени Ленина с призывом о помощи к рабочим Москвы(98).

6 марта Володичева записала в "Дневнике": "Письмо Владимиру Ильичу еще не передано, т. к. он заболел". Это была последняя фраза "Дневника дежурных секретарей Ленина": "Нельзя сказать, знал ли Ленин об ответе Сталина, с точной достоверностью. Да, впоследствии, когда мы были на даче, когда ему стало лучше, это было возможно. Но возможно, а не точно!"(99) -- так завершила Володичева свой рассказ о последней борьбе Ленина. Узнал ли после 6 марта бессильный Ленин об ответной записке Сталина, продиктованной или сказанной Володичевой и одобренной Каменевым -- не столь уж важно. В ночь на 10 марта 1923 года произошло очередное ухудшение и Ленин потерял речь. Через неделю Сталин, со ссылкой на Крупскую, подал в Политбюро рапорт о том, что пора отравить Ленина настала:

"В субботу, 17/III т. Ульянова (Н. К.) сообщила мне в порядке архиконспиративном "просьбу Вл. Ильича Сталину" о том, чтобы я, Сталин, взял на себя обязанность достать и передать Вл. Ильичу порцию цианистого калия. В беседе со мною Н. К. говорила, между прочим, что "Вл. Ильич переживает невероятные страдания", что "дальше жить так невыносимо", упорно настаивала "не отказывать Ильичу в его просьбе". Ввиду особой настойчивости Н. К. и ввиду того, что В. Ильич требовал моего согласия [...] я не считал возможным ответить отказом, заявив: "прошу В. Ильича успокоиться и верить, что, когда нужно будет, я без колебаний исполню его требование". Вл. Ильич действительно успокоился. Должен, однако, заявить, что у меня не хватит сил выполнить просьбу В. Ильича и вынужден отказаться от этой миссии, как бы она не была гуманна и необходима, о том и довожу до сведения членов П. Бюро ЦК"(100).

Это первое и единственное указание на то, что к общему хору доброжелателей, предлагавших отравить Ленина, оказывается присоединилась и его жена! Но узнаем мы об этом почему-то снова из уст Сталина (а не из письма Крупской, что было бы естественнее).

В связи с этой запиской и произошел, видимо, разговор, описанный Троцким в статье в 1939 году (ошибочно, он относил этот разговор к февралю или началу марта 1923 года). А еще через несколько дней, 22 марта состоялось расширенное заседание Политбюро, обсудившее и принявшее тезисы Сталина, отвергнутые февральским пленумом (24 марта тезисы были опубликованы в "Правде"). Поскольку по статусу тезисы к съезду мог принять только пленум ЦК, Троцкий 23 марта написал письмо с протестом. Вот тут-то и была коллективным руководством в лице сталинского большинства объявлена Троцкому открытая война, та самая, о которой Троцкий предупреждал Радека. 29 марта было разослано письмо членов и кандидатов Политбюро Зиновьева, Сталина, Каменева, Томского, Рыкова, Бухарина, Калинина и Молотова участникам расширенного заседания Политбюро (экстренного пленума). Письмо официально сообщало партактиву, что разногласия с Троцким приняли необратимый характер(101). Ленин в этом документе не упоминался вообще. Троцкий был отчетливо объявлен основным препятствием к единству партии (т.е. единственным голосом оппозиции, поддерживающим убиваемого Ленина). Формально, разумеется, протест советского руководства был написан из-за разногласий с Троцким в "тезисах о промышленности"(102), хотя в письме они упоминались всего один раз, в самом начале. 30--31 марта Пленум ЦК утвердил поправки Политбюро к тезисам Троцкого и поручил его сделать новую редакцию документа (Сталин мстил Троцкому за критику национального вопроса), но и новую редакцию не утвердил, а снова подверг Троцкого критике:

"Но и после этого Троцкий принятую Пленумом ЦК поправку по крестьянскому вопросу так искажил в тезисах, что она обрела совершенно иной смысл и потребовалось новое постановление Политбюро, чтобы поправка о крестьянстве была внесена в тезисы

целиком. Как видно из содержания доклада на съезде, Троцкий отошел от тезисов, утвержденных ЦК, не дал анализа основных принципиальных положений по вопросам о промышленности, а вопрос о руководящей роли партии свел к ошибочному антиленинскому тезису диктатуры партии"(103).

В общем, в Политбюро неожиданно оказался двоешник, который был не в состоянии справиться с текущей работой, да еще и направляющийся по ошибочному антиленинскому пути.

17 апреля уже без Ленина открылся Двенадцатый съезд партии. "Владимир Ильич не мог знать и не знает ни порядка дня нашего съезда, ни резолюций, подготовленных ЦК", сообщил делегатам Каменев. За день до открытия съезда Фотиева официально передала в Политбюро (президиум съезда) текст статьи Ленин "К вопросу о национальностях или об "автономизации". Поскольку эта работа Ленина уже ходила по рукам в активе партии (она размножилась в основном грузинской делегацией), решено было ее зачитать по секциям без права цитирования. Зиновьев и Каменев поддержали Сталина. Грузинские "уклонисты" -- Махарадзе, Мдивани и другие -- были осуждены, причем их обвинителем выступил Орджоникидзе. Бухарин призвал голосовать за "превосходные тезисы ЦК и т. Сталина". А Енукидзе выступил с речью, которую нельзя квалифицировать иначе, как откровенную ложь:

"Теперь о письме т. Ленина. Тут т. Мдивани в своей речи ежесекундно склонял имя т. Ильича, и он хотел создать впечатление, что т. Ленин будто специально написал это письмо, чтобы поддержать товарищей уклонистов и оправдать всецело их политику. (Бухарин: "Конечно, с этой целью".) Не с этой целью, т. Бухарин. Я позволю тут сказать, что т. Ленина мы тоже немножко знаем, и нам также приходилось с ним встречаться по разным вопросам, и в частности по грузинскому вопросу. И я здесь утверждаю, товарищи, и я надеюсь, что, когда т. Ленин поправится, он согласится с тем, что много раз те вопросы, которые выдвигались здесь товарищами уклонистами, ему были известны, но при правильном их освещении и разъяснении он соглашался с политикой, проводимой там т. Орджоникидзе [...] т. Ленин сделался жертвой односторонней неправильной информации". [...]

Победитель Сталин был ленив и снисходителен: "Да будет мне разрешено сказать несколько слов по этому надоевшему всем вопросу..."

22 апреля 1923 года, в день рождения Ленина, Сталин преподнес ему подарок: наградил Демьяна Бедного орденом Красного знамени -- за роль Бедного в гражданской войне. И так как это награждение, в то время беспрецедентное само по себе, поскольку награждался поэт-агитатор, случилось не в день советской армии -- 23 февраля, и даже не в год окончания гражданской войны, а позже, приходится допустить, что остроумный Сталин имел в виду совсем другую гражданскую войну и совсем другую победу -- победу в гражданской войне внутри большевистской партии против Ленина. Бедный получил орден и право уже в 1924 году включить свою биографию в издаваемый энциклопедией "Гранат" том "Деятели СССР и Октябрьской революции". Он стал одним из 248 главных номенклатурных работников. 13 апреля 1933 года, в день своего пятидесятилетия, Бедный первым из советских писателей был награжден орденом Ленина(104).

Долгий экскурс в события декабря-марта необходимо было предпринять для того, чтобы понять, мог ли Ленин, как утверждали Сталин и Фотиева, в разгар такой борьбы в декабре 1922 года инкогнито просить Сталина о яде. Ответ на этот вопрос очевиден: не мог. Сведения о том, что Ленин просил у него яд в декабре 1922 года, были фабриковались самим Сталиным в разное время и с поразительным упорством (будто кто-то обвинял его в отравлении Ленина).

История создания алиби Сталина -- отдельный криминальный сюжет, достойный расследования. Его можно было бы выделить в отдельную подглавку: "Алиби Сталина".

"В начале тридцатых годов" - как будет показано ниже, -- после октября 1932 года, М. И. Ульянова неожиданно решила написать мемуары, причем не просто мемуары, а воспоминания о том, как именно болел и умирал Ленин. Поскольку Мария Ильинишна никогда не отличалась гражданским мужеством, была послушным партийным работником,

писала свои мемуары с привлечением неопубликованных архивных документов, т.е. была допущена к засекреченным партийным бумагам, и в то же время не настаивала на их публикации, остается предположить, что она выполняла чей-то заказ. И очевидно, что это был заказ Сталина. А так как Сталина прежде всего интересовал вопрос о яде, он предоставил в распоряжение Ульяновой еще один сфабрикованный задним числом документ, подписанный еще одним бесстрастным очевидцем событий - Фотиевой, причем заставил Ульянову этот документ процитировать:

<<22 декабря Владимир Ильич вызвал меня в 6 часов вечера и продиктовал следующее: "Не забыть принять все меры достать и доставить... в случае, если паралич перейдет на речь, цианистый калий, как меру гуманности и как подражание Лафаргам...">>

Теперь нужно было объяснить, почему этой записи нет в "Дневнике дежурных секретарей". Оказывается, об этом попросил доверительно Ленин (а послушная до и после Сталину Фотиева почему-то на этот раз решила предать Сталина и уступить Ленину):

<<Он прибавил при этом: "Эта записка вне дневника. Ведь Вы понимаете? Понимаете? И, я надеюсь, что Вы это исполните">>.

Но почему же тогда Фотиева не сообщила о записке позже, в отдельной докладной, например, 23 декабря? Вообще, где же эта записка? Записки нет. А в "дневник" запись не внесена по банальной причине: "Пропущенную фразу в начале не могла припомнить". А в конце? "В конце - я не разобрала, так как говорил очень тихо. Когда переспросила - не ответил. Велел хранить в абсолютной тайне"(105).

В этом документе что не слово - фабрикация. Ульянова не указывает, откуда взята запись Фотиевой от 22 декабря и когда она была сделана. Несмотря на важность записи Фотиева "забывает" дать ее в "Дневнике дежурных секретарей". Вторую фразу документа она не записывает не потому, что забывает, а потому, что 22 декабря ее не расслышала (а в день поздней записи расслышала?).

Стилистически записка составлена фальшиво. Ленин не мог "продиктовать" фразу: "Не забыть принять все меры достать и доставить...". Такое мог продиктовать Фотиевой только Сталин. Продиктовать Фотиевой, что Ленин собирается кончать с собой, "как меру гуманности и как подражание Лафаргу" Ленин тоже не мог. И эту фразу мог буквально продиктовать Фотиевой Сталин. 22 декабря, за день до начала работы над завещанием, Ленин вряд ли думал о том, как бы поподражать Лафаргу. Указание на то, что "записка вне дневника" - еще одна подделка, поскольку Ленин не знал и не мог знать о том, что ведется "дневник дежурных секретарей". Не мог он под "дневником" 22 декабря иметь в виду и свои собственные записи, так как впервые они могли быть так названы только 23 декабря, когда Ленин начал писать завещание.

Как именно умирал Ленин, описано в статье Н. Петренко (Равдина). Диагноз болезни и непосредственные причины смерти проанализированы также в статье доктора В. Флорова "Болезнь и смерть Ленина"(106). Очевидно, что в период с 7 марта 1923 г. по 21 января 1924 года как политический деятель Ленин не функционировал, а задача Крупской и Ульяновой состояла лишь в том, чтобы предотвратить в буквальном смысле убийство Ленина Сталиным. Только этим можно объяснить публичную поддержку Крупской Сталина, только что расправившегося с Лениным, в споре с Троцким. И все-таки по крайней мере два раза Крупская выдала свои истинные взгляды. 31 октября 1923 года она написала письмо союзнику Сталина Г. Е. Зиновьеву, впервые опубликованное в СССР в 1989 году:

"Дорогой Григорий [...] Во всем этом безобразии [...] приходится винить далеко не одного Троцкого. За все происшедшее приходится винить и нашу группу: Вас, Сталина и Каменева. Вы могли, конечно, но не захотели предотвратить это безобразие. Если бы Вы не могли этого сделать, это бы доказывало полное бессилие нашей группы, полную ее беспомощность. [...] Наши сами взяли неверный, недопустимый тон. Нельзя создавать атмосферу такой склоки и личных счетов. Рабочие [...] резко осудили бы не только Троцкого, но и нас. Здоровый классовый инстинкт рабочих заставил бы их резко высказаться против обеих сторон, но еще резче против нашей группы, ответственной за общий тон. [...] От

рабочих приходится скрывать весь инцидент"(107).

"Наша группа", "наши", "нас" -- подчеркнуто пишет Крупская о мучителях своего мужа: Сталине, Зиновьеве и Каменеве. Но ее взгляды все-таки выдает то же письмо:

"Совершенно недопустимо также то злоупотребление именем Ильича, которое имело место на пленуме. Воображаю, как он был бы возмущен, если бы знал, как злоупотребляют его именем. Хорошо, что меня не было, когда [Г. И.] Петровский сказал, что Троцкий виноват в болезни Ильича, я бы крикнула: это ложь, больше всего В. И. заботил не Троцкий, а национальный вопрос и нравы, водворившиеся в наших верхах. Вы знаете, что В. И. видел опасность раскола не только в личных свойствах Троцкого, но и в личных свойствах Сталина и других. И потому, что Вы это знаете, ссылки на Ильича были недопустимы, неискренни. Их нельзя было допускать, они были лицемерны. Лично мне эти ссылки приносили невыносимую муку. Я думала: да стоит ли ему выздоравливать, когда самые близкие товарищи по работе так относятся к нему, так мало считаются с его мнением, так искажают его? [...] Момент слишком серьезен, чтобы устраивать раскол и делать для Троцкого психологически невозможной работу. Надо пробовать с ним по-товарищески столкнуться. Формально сейчас весь одиум за раскол свален на Троцкого, но именно свален, а по существу дела,-- разве Троцкого не довели до этого? Деталей я не знаю, да и не в них дело [...] а суть дела: надо учитывать Троцкого как партийную силу, и суметь создать такую ситуацию, где бы эта сила была для партии максимально использована"(108).

Письмо, кроме изложения взглядов Крупской, дает понять, что о событиях на Объединенном пленуме Ленина уже не информируют, что Ленин стоит на стороне Троцкого, а не Сталина, виновника "национального вопроса", и что выздоравливать Ленину "не стоит", так как "товарищи по работе" Ленина уже в грош не ставят, что, впрочем, Крупская должна была понять не позднее 5 марта.

Второе письмо Крупской, говорящее о том, что в конфликте со Сталиным она была на стороне Троцкого, было написано ею 29 января 1924 года, вскоре после смерти Ленина:

"Дорогой Лев Давыдович, [...] то отношение, которое сложилось у В. И. к Вам тогда, когда Вы приехали к нам в Лондон из Сибири, не изменилось у него до самой смерти. Я желаю Вам, Лев Давыдович, сил и здоровья и крепко обнимаю"(109).

По своему эмоциональному заряду эту записку следует назвать прощальной. Во-первых, Крупская могла опасаться за свою жизнь. Во-вторых, она должна была предполагать, что после Ленина наступит очередь Троцкого. В январе 1924 года Сталин действительно пробовал от Троцкого избавиться. Троцкий описывает произведенное на него покушение более чем скромно, одной фразой:

"Во второй половине января 1924 года я выехал на Кавказ в Сухум, чтобы попытаться избавиться от преследовавшей меня таинственной инфекции, характер которой врачи не разгадали до сих пор. Весть о смерти Ленина застала меня в пути"(110).

Это все, что сообщает нам Троцкий об организованном Сталиным и состоявшемся в январе 1924 года государственном перевороте. Перед самым отъездом из Москвы, 18 января, Троцкого дважды посетил Гетье. 21 января, через три дня после отъезда Троцкого из столицы, Ленина не стало, а оправившийся от болезни Троцкий так и не смог вернуть себе бывшего политического веса. Но поскольку таинственный характер болезни, неразгаданный врачами, самому Троцкому был отчетливо ясен, с тех пор он перестал покупать в кремлевской аптеке, лекарства, выписанные на его имя(111). Эти меры предосторожности спасли его лишь отчасти: через три года Троцкий был сослан, еще через год выслан, а там и убит. Избежать участи Ленина в конечном итоге он не смог.

После 1924 года зловещие слухи об отравлении Ленина не умирали. Лидия Шатуновская, приговоренная к двадцати годам "за намерение эмигрировать в Израиль", отсидевшая семь лет в одиночной камере Владимирской тюрьмы и выпущенная вскоре после смерти Сталина, в санатории "Поречье", под Москвой, встретила своего старого знакомого -- партийного критика, журналиста, редактора и функционера И. М. Гронского (1894-1985). В 1932-33 годах Гронский был председателем Оргкомитета Союза советских писателей; в

1928-34 -- ответственным редактором "Известий ВЦИК", а в 1932-37 -- главным редактором "Нового мира". Кроме этого Гронский был чем-то вроде комиссара по делам литературы при Сталине. "Через него Сталин получал информацию обо всем, что происходило в литературе, и через него осуществлялась связь Сталина с писательской средой. [...] Гронский, как один из очень немногих близких людей, имел право входить к нему без доклада. В числе прочих обязанностей на Гронского была возложена и весьма деликатная функция надзора за Горьким"(112).

В 1937 году Горонский был арестован, осужден, провел 16 лет в тюрьмах и лагерях. В 1953-м он был реабилитирован. И вот сейчас, в санатории "Поречье" встретился с реабилитированным товарищем по несчастью -- Л. Шатуновской, которая вспоминала:

"После того, как наше знакомство возобновилось мы с Иван Михайловичем часто гуляли и обо многом друг другу рассказывали. [...] Во время одной из прогулок Гронский, человек очень умный и очень осторожный, поделился со мной, беспартийной женщиной, своими предположениями о смерти Ленина и о той загадочной роли, которую сыграл Сталин в ускорении этой смерти. [...] Он прямо поделился со мной своей уверенностью в том, что Сталин активно и сознательно ускорил смерть Ленина, ибо, как бы тяжело ни болел Ленин, пока он был жив, дорога к абсолютной диктатуре была для Сталина закрыта"(113).

Что же рассказал Гронский? В начале 1930-х, во время одной из встреч с писателями, когда Сталин, как и все присутствующие, изрядно выпили, и Сталина "совсем развезло", Сталин "к ужасу Гронского, начал рассказывать присутствующим о Ленине и об обстоятельствах его смерти". Шатуновская пишет:

„Он бормотал что-то о том, что он один знает, как и от чего умер Ленин. [...] Гронский [...] на руках вынес пьяного Сталина в соседний кабинет и уложил его на диван, где тот сейчас же и заснул. [...] Проснувшись, он долго, с мучительным трудом вспоминал, что же произошло ночью, а вспомнив, вскочил в ужасе и бешенстве и набросился на Гронского. Он тряс его за плечи и иступленно кричал: "Иван! Скажи мне правду. Что я вчера говорил о смерти Ленина? Скажи мне правду, Иван!" Гронский пытался успокоить его, говоря: "Иосиф Виссарионович! Вы вчера ничего не сказали. Я просто увидел, что вам нехорошо, увел вас в кабинет и уложил спать. Да к тому же все писатели были настолько пьяны, что никто ничего ни слышать, ни понять не мог."

Постепенно Сталин начал успокаиваться, но тут ему в голову пришла другая мысль. "Иван! -- закричал он. -- Но ведь ты-то не был пьян. Что ты слышал?" [...] Гронский, конечно, всячески пытался убедить Сталина в том, что ничего о смерти Ленина сказано не было, что он, Гронский, ничего не слышал и увел Сталина просто потому, что все присутствующие слишком уж много выпили. [...] С этого дня отношение Сталина к Гронскому совершенно изменилось, а в 1937 году Гронский был арестован"(114).

В письме А. И. Овчаренко Гронский писал, что в 1932 году четыре встречи Сталина с писателями состоялись на квартире Горького, в бывшем особняке Рябушинского(115). Встречи не стенографировались, однако на одной из этих встреч присутствовал литературный критик Корнелий Зелинский. На следующий день после встречи, состоявшейся 26 октября 1932 года, он сделал соответствующие записи в дневнике. В надежде на публикацию К. Зелинский несколько раз редактировал записи. Так возникло два сокращенных варианта, относящихся к 1930-м и 1940-м годам(116). Зелинский пытался также опубликовать записи в брежневские годы (последняя редакция была закончена Зелинским в 1967 году). Экземпляр ее оказался в архиве М. А. Сулова в материалах 1949 года под названием "Запись участника". Первоначально ЦК отказывает: "Нецелесообразно публиковать". Затем решают "поручить секретариату ССП подготовить запись исторической беседы силами целой группы ее участников" (во главе с Фадеевым и Шолоховым). Решено, что "после тщательного обсуждения на секретариате ССП такую запись можно было бы доложить И. В. Сталину"(117). Обратимся к этой записи(118).

На встрече присутствовали члены правительства: Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов и Постышев, а также около пятидесяти литераторов, партийных и

беспартийных(119). После многочисленных выступлений, когда все утомились, Сталин предложил выпить. После перерыва выступает Зелинский. Все уже хорошо выпили. Его перебивают репликами. Ворошилов: "Говорите, а то через пять минут не только слушать вас, но и двух слов никто не сможет связать". "Общий смех". После Зелинского -- Кольцов. Но ораторов слушают уже плохо. "Люди уже выпили и выпили некоторые крепко. Ходят, разговаривают, шумят. Горький не знает, как связать собрание". Тогда Фадеев говорит:

„-- Товарищ Сталин, расскажите нам о Ленине. Свои воспоминания. Здесь все писатели. Это имело бы для нас большое значение.

Но Сталин отнекивается. На предложение Фадеева он отвечает новым предложением. Сталин встает, держа бокал с вином в руке:

-- Давайте лучше выпьем за Ленина. За великого человека. Давайте выпьем, ну, кто хочет? За великого человека, за великого человека, -повторяет Сталин несколько раз".

Сталин "отнекивается", так как знает о чем просит Фадеев. "Фадеев просил, чтобы Сталин повторил свои рассказы о Ленине на собрании писателей-коммунистов", состоявшемся у Горького 19 октября 1932 года. Зелинского на этом собрании не было, но присутствовавшие там П. Павленко и А. Фадеев, рассказали следующее:

„Сталин тогда говорил замечательно. Он рассказывал редкие, интимные вещи из жизни Ленина, о которых никто не знает.

-- Ленин понимал, что умирает, -- говорил Сталин, -- и попросил меня однажды, когда мы были наедине, принести ему цианистого калия.

"Вы самый жестокий человек в партии, -- сказал Ленин, -- вы можете это сделать".

-- Я ему сначала обещал, а потом не решился. Как это я могу дать Ильичу яд. Жалко человека. А потом, разве можно было знать, как пойдет болезнь. Так я и не дал. И вот раз поехали мы к Ильичу, а он и говорит, показывая на меня: "Обманул меня, шатается он". Никто тогда этой фразы понять не мог. Все удивились. Только я знал, на что он намекает: о просьбе Ленина я тогда же доложил на Политбюро. Ну, конечно, все отвергли его просьбу. Вот Гронский знает про это.

Сегодня, в присутствии беспартийных, Сталин не хочет повторять этот разговор".

Для передачи атмосферы, в которой проходили встречи правительства с писателями, приведем пространное описание пьянки, данной Зелинский. Обратим внимание на то, что пьяны, видимо, все и что стаканами пьется не вино, а водка:

„-- Ну что же, выпьем за великого человека, -- перебивает Сталина снова Фадеев.

Все встают, и кое-кто поспешно наливает свой стакан, чтобы присоединиться к тосту. Малышкин хочет чокнуться со Сталиным, но стесняется. Он потихоньку об этом говорит Фадееву. И Фадеев провозглашает:

-- Товарищ Сталин, писатель Малышкин хочет с вами лично чокнуться.

Сталин протягивает стакан через стол.

-- Ну что ж, давайте.

Павленко:

-- Это уже плагиат, товарищ Сталин.

Мы смеемся. Павленко на вечере 19 октября от полноты чувств, подогретых вином, поцеловался со Сталиным. Скромный Малышкин только чокается.

-- Выпьем за здоровье товарища Сталина, -- громко возглашает Луговской. Но в то время, когда мы все собирались присоединиться к тосту, Никифоров, сидевший напротив и изрядко отдавший дань угощению своего визави, который нещадно наливал своим соседям полные стаканы водки, встал и буквально закричал:

-- Надоело! Миллион сто сорок семь тысяч раз пили за здоровье товарища Сталина! Небось ему это даже надоело слышать...

Сталин тоже поднимается. Через стол он протягивает руку Никифорову, пожимает его концы пальцев:

-- Спасибо, Никифоров, правильно. Надоело это уже"(120).

Составленный Зелинским документ подтверждает, во-первых, правильность

воспоминаний Троцкого. Во-вторых, правильность воспоминаний Гронского, так как фраза "Гронский знает про это" свидетельствовала о том, что на эту тему разговор между Сталиным и Гронским уже был. А из рассказа Гронского мы знаем, что он слышал историю пьяного Сталина впервые. Понятно, что Сталин, наговоривший много лишнего Гронскому и рисковавший тем, что кто-либо из писателей на встрече, состоявшейся до 19 октября, Сталина слышал, 19 октября решил поправиться и поведал "инженерам человеческих душ" то, что уже было известно в узких партийных кругах, а именно -- повторил историю, рассказанную Сталиным на Политбюро и пересказанную нам впервые Троцким в 1940 году. Сталин обеспечивал себе алиби.

Из полусотни присутствующих людей лишь один решился использовать рассказанный Сталиным эпизод в очередном своем произведении: писатель Ф. И. Панферов, член партии с 1926 года. В архиве ЦК КПСС находится просьба Панферова разрешить опубликовать отрывок из 4-й книги "Брусков", где Ленин говорит Сталину: "Отравите меня". Панферов вкладывает в уста Сталина следующий ответ: "Зачем торопитесь? Вы нас учили не торопиться? А сами торопитесь. Еще выздоровеете и нас ругать будете". ЦК потребовал от Панферова сцену вычеркнуть(121). Немаловажно отметить, что четвертая книга романа "Бруски, посвященного коллективизации, была закончена автором в 1937 году и что автор крамольного отрывка не подвергся опале и с 1931 года до самой смерти, последовавшей в 1960 году, был главным редактором журнала "Октябрь".

Сошлемся еще и на авторитет Николаевского:

"Троцкий [...] рассказал один крайне важный эпизод, который, возможно, заставит историков признать Сталина убийцей Ленина не только через оскорбление его жены, но и в более непосредственном значении этого слова, убийцей-отравителем. [...] Самый факт обращения Ленина с этой просьбой к Сталину вызывает большие сомнения: в это время Ленин уже относился к Сталину без всякого доверия, и непонятно, как он мог с такой интимной просьбой обратиться именно к нему. Этот факт приобретает особенное значение в свете другого рассказа. Автор этих строк встречался с одной эмигранткой военных лет [...]. В Челябинском изоляторе ей пришлось встретиться со стариком-заключенным, который в 1922-24 годах работал поваром в Горках, где тогда жил больной Ленин. Этот старик покаялся рассказчице, что в пищу Ленина он подмешивал препараты, ухудшавшие состояние Ленина. Действовал он так по настоянию людей, которых он считал представителями Сталина. [...] Если этот рассказ признать достоверным, то заявление Сталина в Политбюро, о котором рассказывает Троцкий, имеет вполне определенный смысл: Сталин создавал себе алиби на тот случай, если б стало известно о работе повара-отравителя"(122).

Рассказанный Николаевским эпизод перекликается с воспоминаниями Елизаветы Лермоло, арестованной в ночь на 2 декабря 1934 г. по делу об убийстве Кирова. Выбравшись из сталинских лагерей, она смогла эмигрировать на Запад после второй мировой войны и после смерти Сталина опубликовала мемуары. В воспоминаниях Лермоло эпизод описан тот же: Ленин, Горки, повар, отравление. Только в ее рассказе повар был лицом нейтральным, а не отравителем. Вот что пишет Лермоло:

"После беспорядков в изоляторе Богутская заболела и не выходила на прогулки. Мои престарелые компаньоны -- монархисты -- тоже хворали. Поэтому в течение нескольких дней я расхаживала по тюремному двору в полном одиночестве.

Но в один из дней ко мне присоединился спутник. Им оказался коммунист Гаврила Волков, который уже давно пребывал в тюрьме. До сих пор ему было разрешено выходить на прогулки только в полном одиночестве. Через окошко в моей камере я много раз видела, как он, сутулясь, одиноко бродил по пустынному двору. Хотя он находился всего в двух камерах от меня, мне ни разу не представилась возможность перекинуться с ним хоть словом. Он выглядел испуганным и в то же время устрашающим. В нем присутствовало нечто, отчего не хотелось завязывать беседы. Ходили слухи, что его держат в "строжайшей изоляции", подотченной непосредственно Кремлю. И никто не знал, в чем его обвиняют и почему посадили. [...]

Из моей беседы с Волковым я поняла, что он знает о моей причастности к делу Кирова. По его словам, он часто следил за мной через окошко своей камеры, потому что я напоминала ему дорогого его сердцу человека, оставшегося в Москве, его бывшую невесту.

У нас был долгий разговор. Он рассказал мне, что он старый большевик и принимал участие в большевистском восстании 1917 года в Москве. До 1923 года он служил в Кремле в качестве заведующего столовой для высокопоставленных партийных функционеров. Затем его сделали шеф-поваром кремлевского санатория в Горках. Два его брата занимали важные должности у Микояна в Наркомате пищевой промышленности. Волков был арестован и доставлен сюда в тюрьму из "Серебряных сосен" в 1932 году. Как раз миновала третья годовщина его пребывания в изоляторе.

На мои простые вопросы о сроке его заключения и о причине он дал весьма странные ответы. Ему ничего не было известно о сроке. Что же касается причины, то он мог только догадываться. Суда над ним не было, его ни разу никто не допрашивал.

"Меня не только никогда не допрашивали, но никому не было даже позволено разговаривать со мной о моем деле". В ответ на мое удивление он объяснил, что люди, имевшие какое-либо отношение к Кремлю и впавшие в немилость, редко подвергались допросу или представляли перед судом. Обычно приговор выносился заочно. [...]

-- В течение одиннадцати лет глубоко в душе я хранил страшную тайну, о которой не поведал ни единому человеку.

-- Тогда, быть может, вам не стоит раскрывать ее и мне, -- ответила я с тревогой в голосе.

-- Нет, -- возразил он. -- Я чувствую, что мне не представится другой возможности поговорить с кем-либо так откровенно. Более того, я знаю, что живым меня отсюда не выпустят. Я должен рассказать вам мою историю...

Когда в 1923 году Ленин заболел, продолжал Волков, было решено госпитализировать его в кремлевском санатории в Горках. Волкова направили туда в качестве личного шеф-повара Ленина. Жена Ленина, Надежда Крупская, одобрила его кандидатуру, поскольку знала его в Кремле как человека, которому можно, без сомнений, доверять.

Ему приходилось много работать. Он должен был сам готовить и подавать еду Ленину, его жене и его врачам. Он проработал почти год без единого выходного дня, ибо сознавал, что обязан сделать все возможное, чтобы ускорить выздоровление вождя своей партии. Ленин и его жена явно ценили преданность Волкова.

Хотя Ленин чувствовал себя не очень хорошо, врачи обещали быстро поставить его на ноги. Порой ему действительно становилось лучше, и он выходил на террасу посидеть на солнышке. Время от времени у него были посетители. Несколько раз к нему приезжал Сталин. Но в основном Ленин оставался один, если не считать присутствия Надежды Крупской.

Сначала все шло хорошо. Состояние Ленина, казалось, не вызывало тревоги. Затем к концу года, незадолго до наступления новогодних праздников -- зима была лютая, вспоминал Волков, -- Надежду Крупскую по какому-то неотложному делу неожиданно вызвали в Москву. Она отсутствовала три дня, и за это время здоровье Ленина резко ухудшилось.

-- Когда Крупская увидела Ленина, она ахнула. Так плохо он выглядел. Естественно, был назначен особый уход, и вскоре Ленин поправился. Все облегченно вздохнули, и жизнь вернулась в обычное русло.

Примерно десять дней спустя Надежду Крупскую снова вызвали в Кремль по какому-то партийному делу. На этот раз она отсутствовала дольше, и Ленину снова стало хуже. Когда Волков однажды утром принес ему чай, Ленин выглядел очень расстроенным. Он не мог говорить. Он подавал Волкову какие-то знаки, но тот не понимал, что Ленин хочет. Кроме них в комнате никого не было. "Позвать врача?" -- спросил его Волков. Ленин категорически затряс головой и продолжал жестикулировать. Только после длительных расспросов Волков наконец понял, чего Ленин хочет. Он просил Волкова любым путем

добраться до Кремля, сказать Крупской, что чувствует себя хуже, попросить ее бросить все дела и вернуться в Горки. Ленин предупредил Волкова не звонить Крупской, а повидаться с ней лично.

-- Незачем говорить, -- продолжал Волков, -- что я приложил все усилия, дабы выполнить его просьбу, но выбраться из Горок мне не удалось. Во-первых, разыгралась сильная метель, и все дороги стали непроходимыми и непроезжими. И, что более важно, из Кремля позвонил Сталин и велел всем врачам, а также всему персоналу в Горках оставаться на месте, пока здоровье "нашего горячо любимого товарища Ленина" не улучшится. Короче, Надежда Крупская не вернулась из Кремля, а состояние Ленина становилось все хуже и хуже. Он уже больше не мог вставать с постели.

И затем 21 января 1924 года... В одиннадцать утра, как обычно, Волков принес Ленину второй завтрак. В комнате никого не было. Как только Волков появился, Ленин сделал попытку приподняться и, протянув обе руки, издал несколько нечленораздельных звуков. Волков бросился к нему, и Ленин сунул ему в руку записку.

Едва Волков повернулся, успев спрятать записку, в комнату, по-видимому, привлеченный нарушением тишины, ворвался доктор Елистратов, личный терапевт Ленина. С помощью Волкова он уложил Ленина на подушки и ввел ему что-то успокоительное. Ленин утих, глаза у него были полуприкрыты. Больше он их ни разу не открыл.

В записке, начертанной неразборчивыми каракулями, было сказано: "Гаврилушка, меня отравили... Сейчас же поезжай и привези Надю... Скажи Троцкому... Скажи всем, кому сумеешь".

-- Два вопроса мучили меня все эти годы, -- продолжал Волков. -- Видел ли Елистратов, как Ленин передал мне записку? И, если видел, сообщил ли Сталину? Эти вопросы нарушали мое спокойствие, отравляли существование. Меня не покидала мысль, что моя жизнь висит на волоске.

-- Какой ужас! -- воскликнула я.

-- Позже я несколько раз сталкивался с доктором Елистратовым, но мы ни разу и словом не обменялись. Мы просто смотрели друг на друга -- вот и все. Мне думалось, что я вижу в его глазах ту самую муку от глубоко скрытой в душе тайны. Может, я ошибаюсь, но мне казалось, что он тоже был рабом тайны. Что с ним случилось, мне неизвестно. Он поспешности исчез из Горок.

Волков умолк, но через минуту добавил:

-- Увы, я так и не сумел выполнить просьбу Ленина, никому не сказав о ней. Вы первая.

Лицо Волкова было искажено усилием сдержать свои эмоции, да и я сама была потрясена его откровениями.

-- Вы могли бы спросить меня, почему я так долго молчал, -- сказал он. -- Поверьте, не только из-за страха перед тем, что Сталин меня расстреляет. Я понимал, что ради того, чтобы утаить правду о смерти Ленина, он не остановится перед уничтожением моих родственников, друзей и знакомых - всех, кого он мог подозревать в том, что они знают мою тайну. Вот почему я держал рот на замке. Я даже перестал видаться со своей невестой, боясь подвергнуть ее жизнь опасности.

Когда наша прогулка в то утро подошла к концу, Волков проводил меня до двери в мою камеру. И больше я его никогда не видела"(123).

Проще предположить, что был повар-отравитель, а не повар-спаситель, к которому умирающий Ленин обращался не с формального "т. Волков", а как к "Гаврилушке...". Не похоже также, что Ленин в этот период способен был писать, говорить или даже шептать(124). Наконец, правдивыми могли быть обе истории. Повар Г. Волков мог по приказу людей Сталина подмешивать Ленину яд в пищу. А отравленный Ленин, не зная, что повар Волков его травит, мог написать записочку...

Ответственным за операцию по отравлению Ленина, видимо, следует считать Г. Г. Ягоду. В книге Ива Дельбарса "Подлинный Сталин" со ссылкой на рассказ секретаря Сталина Григория Каннера, услышанный, в свою очередь, от другого неназванного

секретаря Сталина, бежавшего за границу, видимо, Б. Г. Бажанова, описан следующий эпизод, происшедший 20 января 1924 года:

"Каннер видел, как в кабинет Сталина вошел Ягода в сопровождении двух врачей, которые лечили Ленина.

-- Федор Александрович [Гетье], -- обратился Сталин к одному из этих врачей, -- вы должны немедленно отправиться в Горки и срочно осмотреть Владимира Ильича. Генрих Григорьевич [Ягода] будет вас сопровождать.

Вечером того же дня [...] Каннер, который входил и выходил из кабинета, слышал отдельные фразы беседы Сталина и Ягоды. „Скоро произойдет очередной приступ. Симптомы уже появились. Он написал несколько строк (Каннер видел эти строки, написанные искаженным почерком Ленина), поблагодарив вас за присылку средства избавления от мук. Его страшит одна только мысль об очередном приступе..."

21 января 1924 года произошел очередной приступ. Он был крайне болезненным, но продолжался недолго. Крупская на минуту вышла из комнаты, чтобы позвонить по телефону. А когда вернулась, Ленин был мертв. На прикроватном столике стояли несколько пузырьков -- все пустые. В четверть восьмого в кабинете Сталина зазвонил телефон. Ягода доложил, что Ленин умер"(125).

Здесь нас снова возвращают к легенде о том, что Ленин попросил у Сталина яду (хотя, повторяем, он скорее всего в это время уже не мог ни писать, ни говорить) и что яд этот был доставлен Ленину 21 января 1924 года Ягодой, поехавшим вместе с Гетье осматривать Ленина(126).

Перед смертью Ленин попросил Крупскую прочесть ему рассказ Джека Лондона "Любовь к жизни". Два путника переходили реку с холодной как лед водой. Один подвернул ногу и не смог идти дальше. Напарник, не оборачиваясь, ушел вперед. Раненый человек шел, сколько мог, затем упал от слабости и утомления. Чтобы не умереть с голоду он питался сырой рыбой. Он сразился с напавшим на него волком и перегрыз ему горло. В конце концов рыбаки заметили на берегу умирающего человека, подобрали его и выносили(127).

До последней минуты Ленин надеялся, что выживет, что сможет одолеть напавшего на него врага, что будет спасен товарищами. Мог ли такой человек покончить самоубийством? Мог ли он просить у Сталина яда?

22 января в одиннадцать утра, т.е. через 16 часов после смерти, что непростительно поздно, состоялось вскрытие тела. На вскрытии присутствовало девять врачей, завершилось оно в четыре часа дня. В медицинском заключении констатировалось, что смерть наступила от "рассеянного склероза". Неделю спустя доктор Вайсброд, который присутствовал на вскрытии, писал в "Правде", что врачи пока еще не в состоянии собрать воедино все детали и создать общую картину о болезни Ленина. Вайсброд, по-видимому, намекал на то, что не удовлетворен заключением, последовавшим за вскрытием. Действительно, не был осуществлен токсикологический анализ, не было описания содержимого желудка; указывалось лишь, что желудок пустой и стенки его сократились, хотя было известно, что в день смерти Ленин дважды ел. Не входя в подробности, упоминалось об отклонениях от норм в селезенке и печени. В целом врачи обошли обсуждение тех органов, где могли быть найдены следы отравления. Анализ крови тоже не сделали.

В те дни было положено начало еще одной традиции: комиссию по организации похорон всегда возглавляет главный претендент на власть умершего. Комиссию по организации похорон Ленина по решению президиума ЦИК Союза ССР возглавил Дзержинский. И именно он был в первом ряду несущих гроб Ленина, что запечатлели фотографии(128). Похоронам Ленина были посвящены мартовский и апрельский номера издававшегося советским правительством на английском языке фотожурнала "Soviet Russia Pictorial". Под одной из фотографий перечислены те, кто нес гроб: Сталин, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Молотов, Рудзутак, Дзержинский -- наследники Ленина. Но где же Троцкий? Ответ на этот вопрос дает июньский номер (стр. 156), где помещена фотография Троцкого и его лечащего врача проф. Гетье в Сухуми, на Черном море: Троцкий отдыхает у

моря (в то время как преданные соратники Ленина мерзнут на похоронах).

Похоже, впрочем, что и Дзержинский не избежал участи Ленина. Слухи о том, что Дзержинский умер не своей смертью, ходили давно. Вот что писал 1 сентября 1954 года в письме Н. В. Валентинову-Вольскому Николаевский:

"Отравления с помощью врачей с давних пор были излюбленным приемом Сталина. [...] Относительно отравления Дзержинского я сам отказался верить [...]. Но после этого я слышал ту же историю от одной женщины, скитавшейся по самым секретным изоляторам [...] и слышавшей много доверительных исповедей от сокамерниц [...], а еще позже получил этот рассказ от человека, стоявшего во главе одной из групп аппарата Маленкова. А теперь наткнулся в заметках Райса (убит большевиками в сентябре 1937 г. в Швейцарии) на упоминание о словах [сталинского наркома внутренних дел Н. И.] Ежова, что Дзержинский был ненадежен. В этих условиях я теперь не столь категоричен в отрицании возможности отравления. [...] Я знаю, что Дзержинский сопротивлялся подчинению ГПУ контролю Сталина [...]. Я знаю, далее, что сталинский аппарат на большие операции был пущен с осени 1926 г., что аппарат за границей Сталин себе подчинил в 1927-28 гг. Что смертью Дзержинского Сталин воспользовался, это несомненно, т.е. смерть Дзержинского была ему выгодна"(129).

Приведем свидетельство еще одного осведомленного современника тех лет, Ричарда (Г. И.) Враги, бывшего сотрудника польской разведки. 20 июня 1960 года в письме В. Н. Валентинову-Вольскому Врага писал:

„Смерть Дзержинского является таким резким переломом в тактике и методах ГПУ, развязала такую "полицейщину", повлекла за собой такой отказ от революционных методов в пользу государственной "охранщины", что, мне кажется, этого уже никогда больше нельзя будет ни выяснить, ни оценить. [...] Это был человек, совершенно лишенный цинизма и спекуляции. Мне кажется, что он был для Сталина весьма связывающим началом и что если бы он выжил, то весь сталинизм выглядел бы иначе. Но это скорее уже литературные, не весьма серьезные рассуждения"(130).

К эпистолярным свидетельствам Николаевского и Враги следует добавить документальное. 2 июня 1937 года Сталин выступил с обширной речью о раскрытии военно-политического заговора на расширенном заседании военного совета при наркоме обороны. Касательно Дзержинского Сталин сказал следующее:

"Часто говорят: в 1922 году такой-то голосовал за Троцкого. [...] Дзержинский голосовал за Троцкого, не только голосовал, а открыто Троцкого поддерживал при Ленине против Ленина. Вы это знаете? Он не был человеком, который мог бы оставаться пассивным в чем-либо. Это был очень активный Троцкист и весь ГПУ он хотел поднять на защиту Троцкого. Это ему не удалось"(131).

Следует ли сомневаться в том, что "не удалось" на языке Сталина означало, что Дзержинский был убран? Не удивительно, что когда 14 ноября 1932 года председатель ОГПУ В. Менжинский подал в Политбюро проект постановления об учреждении ордена "Феликс Дзержинский", Сталин наложил резолюцию: "Против"(132).

Примечания

1. Новый журнал, кн. 152, с. 240-259.
2. Там же, с. 251.
3. Robert Payne. The Rise and Fall of Stalin. Simon and Schuster, New York, p. 332-333.
4. G. Kennan. At a Century's Ending: Reflections, 1982-1995. Norton, 1996. -- Цит. по ст. Warren Zimmermann. Prophet With Honor. -- газ. New York Review, 8 августа 1996, с. 5.
5. "Вот Преображенский здесь легко бросал, что Сталин в двух комиссариатах. А кто не грешен из нас? Кто не брал несколько обязанностей сразу? Да и как можно делать иначе? Что мы можем сейчас сделать, чтобы было обеспечено существующее положение в Наркомнаце, чтобы разбираться со всеми туркестанскими, кавказскими и прочими вопросами? Ведь это все политические вопросы! А разрешать эти вопросы необходимо, это - - вопросы, которые сотни лет занимали европейские государства, которые в ничтожной доле

разрешены в демократических республиках. Мы их разрешаем, и нам нужно, чтобы у нас был человек, к которому любой из представителей наций мог бы пойти и подробно рассказать, в чем дело. Где его разыскать? Я думаю, и Преображенский не мог бы назвать другой кандидатуры, кроме товарища Сталина.

То же относительно Рабкрина. Дело гигантское. Но для того чтобы уметь обращаться с проверкой, нужно, чтобы во главе стоял человек с авторитетом, иначе мы погрязнем, потонем в мелких интригах" (Ленин. ПСС, т. 45, с. 122).

6. Известия ЦК КПСС, январь 1989, No 1, с. 215.

7. Троцкий. Портреты революционеров. М., 1991, с. 67.

8. Цит. по ст. Юрий Безелянский. "Ничего не помню, кроме хорошего..." -- Новое русское слово, No 44, пятница, 15 марта, 1996.

9. Известия ЦК КПСС, 1989, No 12, с. 197, 201.

10. Правда, 26 февраля 1988, No 57.

11. Здесь и далее, повествуя о Демьяне Бедном, мы опираемся на материалы неопубликованной 115-страничной работы филолога Соломона Иоффе (Пало Алто, Калифорния): "Мемуары Сталина о Ленине в записи Демьяна Бедного", любезно предоставленной в наше распоряжение.

12. Бонч-Бруевич. Покушение на Ленина, с. 14.

13. Троцкий. Портреты революционеров, с. 54.

14. Из письма Д. Бедного Л. Троцкому от 15 июля 1920 г. Цит. по ст. Писатель на ночном горшке. Д. Бедный и квартирный вопрос. -- Аргументы и факты, август 1996, No 34, с. 9.

15. Демьян Бедный. Собрание сочинений в одном томе, 1909-1922. С портретом автора. Вводная статья Еремеева. Критический очерк Л. Войтоловского. Обложка худ. В. Сварога. Сатирическое издательство "Крокодил" при "Рабочей газете", М.-П., 1923, с. 295-334. Предисловие великий пролетарский поэт начинается с фразы: "Сегодня стукнуло ровно 10 лет со дня моего первого выступления в большевистской печати".

16. Н. В. Гамалий. Пишу и думаю об Ильиче. Изд. Советская Россия, М., 1983, с. 172.

17. Д. Бедный. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 4. Стихотворения 1920-1922. Изд. Худлит, М., 1965, с. 258.

18. Воспоминания о Ленине. Апрель 1938 года. Публ. А. И. Маршака. -Спутник, апрель 1990, No 4. Воспоминания Марии Макаровны Петрашевой, медсестры. Из архива С. Маршака, с. 50.

19. Там же.

20. Soviet Russia, vol. VII, August 15, 1992, p. 121.

21. Там же, December 1922, p. 290.

22. Большая советская энциклопедия, т. 36, "Ленин и ленинизм", с. 374.

23. Фанни Каплан. Или кто стрелял в Ленина?, с. 31-32.

24. Правда, 25 ноября 1990 г.

25. Максимова. Следствие по делу Фанни Каплан продолжается.

26. Троцкий. Портреты революционеров, с. 80.

27. 6 июня 1941 год нарком внутренних дел Л. П. Берия подал на имя Сталина рапорт за No 1984/б с просьбой о награждении убийц Троцкого высокими государственными наградами:

"Группой работников НКВД в 1940 г. было успешно выполнено специальное задание. НКВД СССР просит наградить орденами Союза ССР шесть товарищей, участвовавших в выполнении задания. Прошу Вашего решения".

Сталин наложил резолюцию: "За (без публикации)". Закрытым указом Президиума Верховного Совета СССР награждены были следующие лица: К. Р. Меркадер (мать убийцы Троцкого Лопеса Рамона Меркадера), Л. П. Василевский, П. А. Судоплатов, И. Р. Постельняк, И. Р. Григулевич, Н. И. Эйдингтон. Сам Л. Меркадер отсидел 20 лет в мексиканской тюрьме, в 1961 году закрытым указом Президиума Верховного Совета СССР

был награжден званием героя Советского Союза, получил квартиру и 400-рублевую пенсию и какое время жил с женой в Москве, ведя замкнутый образ жизни и время от времени работая в библиотеках и архивах. Затем уехал на Кубу, где и умер. Похоронен был на Кунцевском кладбище. Н. И. Эйдингтон (Эйтингон) дослужился до генерала МГБ. Был арестован после снятия Берии, приговорен к 12 годам тюрьмы. Через несколько лет был амнистирован, но на службу возвращен не был. Судоплатов после войны имел чин генерал-лейтенант МГБ, специализируясь по диверсиям и террору. Арестован в 1953 г. по делу Берии, давал обширные показания. Отсидел, согласно приговору, 15 лет -- за производство опытов над живыми людьми, тайные похищения и умерщвления людей. Иосиф Ромуальдович Григулевич происходил из литовских караимов. В начале 30-х годов, будучи гимназистом виленской гимназии, связался с комсомольским подпольем, отсидел небольшой срок в польской тюрьме, затем уехал добровольцем в Испанию, где был завербован советской контразведкой. Из Испании Григулевич перебрался в Латинскую Америку, где сотрудничал с местными коммунистами, публиковался в левых газетах. После смерти Сталина поселился в Москве, стал доктором исторических наук, член-кором АН СССР, специалистом по Латинской Америке, автором многих книг.

28. Троцкий крайне неудачно выразился, так как фраза имеет двойной смысл. Он конечно же должен был написать "врачи потеряли", так как, безусловно, Троцкий, имеет в виду, что врачи оставили все надежды на выздоровление Ленина, о чем Сталин Ленину и сообщил. Это следует и из хранящегося в архиве Троцкого английского перевода статьи, выверенного и исправленного Троцким, где написано: "had left no hope for his recovery", т.е. "потеряли надежду на его выздоровление".

29. Троцкий. Портреты революционеров. Статья "Сверх-Борджиа в Кремле".

30. Источник, 1993, No 2, с. 70.

31. P. Pomper, Y. Felshtinsky. Trotsky's Notebooks, 1933-1935. Columbia University Press, New York, 1986, p. 129.

32. К истории последних ленинских документов. Из архива писателя А. Бека, беседовавшего в 1967 году с личными секретарями Ленина. Газ. "Московские новости", No 17, 23 апреля 1989, с. 8-9 [далее: Из архива Бека].

33. Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. Партиздат, Москва, 1932, с. 45.

34. Из архива Бека.

35. М. И. Ульянова об отношении В. И. Ленина к И. В. Сталину). -Известия ЦК КПСС, No 12, 1989, с. 198-199.

36. Из архива Бека.

37. Ленин, ПСС, т. 45, с. 551--558.

38. Там же, с. 211--213.

39. Там же, с. 558--559.

40. Там же, с. 214.

41. Там же, т. 54, с. 299--300.

42. Егор Яковлев. Последний инцидент. Конспект драмы Владимира Ильича. -- Московские новости, 22 января 1989, No 4, с. 8-9.

43. Еще 1 сентября, после беседы Ленина с секретарем ЦК КП(б) Украины Д. З. Мануильским, последний написал на имя Сталина рапорт, где не только поддерживал сталинский проект, но и давал теоретические обоснования правильности идеи автономии.

44. Правда, 26 февраля 1988, No 57.

45. Там же.

46. Оpubл. кн. The Trotsky Papers, т. 2 с. 786, 788.

47. Правда, 26 февраля 1988, No 57.

48. Л. Кунецкая, К. Маштакова. Встреча с Лениным (по материалам музея "Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле". Советская Россия, Москва, 1987, с. 259-260.

49. Ленин. ПСС, т. 45, с. 710.

50. Е. Яковлев. Последний инцидент.

51. Правда, 26 февраля 1988, No 57.

52. Оpubл. в кн. The Trotsky Papers, т. 2, с. 788.

53. Из архива Бека.

54. Оpubл. в ж-ле Известия ЦК КПСС, 1989, No 3, с. 130-131.

55. Известия ЦК КПСС, 1989, No 12, с. 198.

56. Из архива Бека.

57. Там же.

58. Там же.

59. „Он лежал в своей комнате на кровати. Около него был приспособлен небольшой столик, за который я садилась записывать. Владимир Ильич обычно просто, по-товарищески, приветливо здоровался, протягивая левую руку, и только беспокоился, не слишком ли часто я дежурю, почему я такая бледная”, -- вспоминала Володичева (Правда, 25 марта 1988 г., No 85).

60. Ленин. ПСС, т. 45, с. 343-406.

61. В том же интервью дано несколько иное уточнение: „Я позвонила Лидии Александровне: "Владимир Ильич продиктовал важный политический документ. Я думаю, надо сообщить ЦК. Может быть, Сталину". И Лидия Александровна ответила: "Да, отнесите ему".” (Из архива Бека).

62. Ленин, ПСС, т. 45, с. 591--592.

63. Там же, с. 710.

64. Воспоминания о Ленине. Апрель 1938 года. Публ. А. И. Маршака, с. 50.

65. Н. К. Крупская. О Ленине. Сборник статей и выступлений. Изд. 5-е. Москва, Издательство политической литературы, 1983, с. 84-85.

66. Из архива Бека; Ленин, ПСС, т. 45, с. 474.

67. Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923-1927, т. 1. М., 1990, с. 76-77.

68. Кунецкая, Маштакова. Встреча с Лениным, с. 262.

69. В. Дорошенко справедливо считает, что по крайней мере в одной опубликованной статье Ленина Сталиным подправлен текст, т.е. допущена намеренная фальсификация:

„Один ленинский документ достиг XII съезда -- ыК вопросу о национальностях или об "автономизации"э. 16 апреля Фотиева представила документ ЦК партии. В этой истории многое остается загадочным. Например, в тексте публикуемой ныне ленинской статьи ыК вопрос о национальностях или об "автономизации" говорится: [...]

"Во-первых, следует оставить и укрепить союз социалистических республик; об этой мере не может быть сомнения. Она нам нужна, как нужна всемирному коммунистическому пролетариату для борьбы с всемирной буржуазией и для защиты от ее интриг.

Во-вторых, нужно оставить союз социалистических республик в отношении дипломатического аппарата" (Ленин, ПСС, т. 45, с. 361). [...] Но первое исключает второе. Если сохраняется союз государственный, то не стоит заботиться о дипломатическом. Если же отказываются от государственного союза, то можно сохранить его на дипломатическом уровне. Что это, описка или фальсификация? [...] Здесь бросается в глаза явная несообразность текста. На протяжении всей работы Ленин выступает против сталинского Союза ССР, а тут вдруг предлагает оставить и укрепить его почему-то в качестве меры для борьбы и защиты. А во втором пункте почему-то отдельно говорит о дипломатическом союзе республик, хотя пункт первый, как более общий, без сомнения включает и эту частность. Все разъясняется следующей фразой: "Причем не следует зарекаться заранее никоим образом от того, чтобы в результате всей этой работы вернуться на следующем съезде Советов назад, т. е. оставить союз советских социалистических республик лишь в отношении военном и дипломатическом, а во всех других отношениях восстановить полную самостоятельность отдельных наркоматов" (там же, с. 361-362).

Трудно, согласитесь, не предположить, что отмеченная несообразность есть явный след фальсификации. Все вероятней, что при публикации здесь опущено слово "военный". Ленин

предлагал, во-первых, оставить и укрепить военный союз социалистических республик; во-вторых, их дипломатический союз, а от сталинского "союзного государства" отказаться" (В. Дорошенко. Ленин против Сталина. 1922-1923. -- Звезда, апрель 1990, No 4).

70. Из архива Бека.

71. Ленин, ПСС, т. 45, с. 478.

72. Там же, с. 607.

73. См. предисловие В. Логинова к публикации "Из архива Бека". В этом письме указывалось, что Ленину из-за переутомления не разрешено читать газеты и что он не принимает участия в заседаниях Политбюро, не читает протоколы; что ввиду невыносимости для Ленина состояния бездеятельности ему разрешено вести дневник, части которого он время от времени пытается опубликовать в партийной прессе. Таким образом, недвусмысленно давалось понять, что на выступления Ленина в печати больше не следует обращать внимание (см. Политическое самообразование, 1988, No 8).

74. Ленин. ПСС, т. 45, с. 479.

75. Там же, с. 485.

76. Яковлев. Последний инцидент.

77. Ленин. ПСС, т. 45, с. 485-486, 607.

78. Л. А. Фотиева. Из жизни Ленина. М., Политиздат, 1967, с. 313--314.

79. Ленин, ПСС, т. 45, с. 714. Из записи доктора Кожевникова.

80. Там же.

81. Троцкий писал:

"Членам пленума Цека. Совершенно секретно. К проекту реорганизации и улучшения работы центральных учреждений партии.

I.

Необходимые предварительные фактические пояснения

1. Значительная часть членов пленума фактически введена в заблуждение относительно моей позиции в вопросе о реорганизации центральных партучреждений (по инициативе тов. Ленина). Никакого предложения я ни в пленум, ни ранее в Политбюро не вносил. Никакого оформленного предложения я не имел. Более того: в Политбюро мы единогласно решили не выступать по этому острому вопросу с какими-либо сепаратными предложениями, а попытаться сговориться путем обмена мнений на каждом заседании. Предложение было мое, и оно встретило полное сочувствие. Мы рассчитывали, что партия подаст свой отклик на письмо тов. Ленина, появятся статьи в "Дискуссионном листке", и Политбюро, а затем и пленум получат возможность более глубоко прощупать настроение партии в этом вопросе и в более точной форме и с полным единодушием пойти навстречу назревшим организационным преобразованиям. Повторяю, таково было мое предложение на Политбюро, и оно встретило полное сочувствие.

2. Внесение в пленум проекта тов. Зиновьева явилось для меня полной неожиданностью. В Политбюро эти тезисы не обсуждались. Самый порядок их внесения шел вразрез с тем соглашением, которое было единодушно заключено членами Политбюро: принять все меры к устранению в этом вопросе сепаратных выступлений.

3. Получив за несколько часов до заседания текст тезисов тов. Зиновьева, я совершенно не понял, о какой идее "двоецентризм" идет речь, так как мне не известен был какой-либо проект "двоецентризм", внесенный в Политбюро или в пленум ЦЕКА. Я не считал своей записки, явившейся простым эпизодом в условленном нами обмене мнений, за какой-либо проект, и притом суть даже и этой моей записки совершенно не состояла в "двоецентризм". Смысл этого полуоформленного отражения идеи "двоецентризм" разъяснился мне только во время прений на пленуме, причем я убедился, что моя записка членам Политбюро, являвшаяся одним из моментов нашего внутреннего, еще не оформленного обсуждения в Политбюро, представлена некоторыми членами пленума, как мое "предложение", суть которого состоит в "двоецентризм" и которое направлено против предложения тов. Ленина. Некоторые из членов пленума, кем-то соответственно информированные и

инструктированные, высказались в том смысле, что проект тов. Ленина имеет своей целью сохранение единства, а мой -- раскол.

4. Я не стану здесь доискиваться ни персональных источников, ни целей этой кружковой инсинуации, соответственно подготовленной. Но заявляю: "Простое фактическое изложение письма тов. Ленина и моего отношения к этому письму, как и к предшествовавшему ему документу, не оставит ничего от этой недобросовестной карточной постройки. Дело обстоит как раз наоборот. В то время, как большинство членов Политбюро считало невозможным самое напечатание письма тов. Ленина, я, наоборот, не только настаивал и -- при содействии тов. Каменева и в отсутствие тов. Зиновьева -- настоял на напечатании письма, но и отстаивал основные его идеи или, чтобы быть более точным, те идеи его, которые казались мне основными.

Я сохраняю за собой право изложить эту фактическую сторону дела перед лицом всей партии, если этого потребует отпор инсинуации, которая чувствовала и чувствует себя слишком безнаказанной, ввиду того, что я почти никогда не реагировал на нее.

II.

Основные задачи реорганизации центральных партучреждений

5. Цека должен сохранить свою строгую оформленность и способность к быстрым решениям. Поэтому дальнейшее расширение его не имеет смысла. Оно ввело бы в Цека лишь некоторое дополнительное количество центровиков (преимущественно "генерал-губернаторов"), очень мало увеличивая таким образом связь с массами. Между тем расширение состава Цека и установление новых, более сложных отношений между Политбюро и пленумом грозит нанести чрезвычайный ущерб точности и правильности работ Цека.

6. С другой стороны, не менее важно для Цека находиться в постоянной, а не периодической только связи с "низами" и со всем советским аппаратом и иметь вокруг себя постоянное живое и активное партийное "окружение", которое, с одной стороны, придавало бы Цека живой опыт мест и "низов" и силой этого живого опыта оказывало бы на Цека необходимое давление (в случае необходимости -- "объединительное" давление), а с другой стороны, само это "окружение" близкой связью с работой Цека и участием в этой работе поднималось бы на более высокую советскую и партийную ступень и подготавливало бы смену ЦК. Главными функциями этого "окружения" должны быть инспекционные, контрольные, инструкционно-воспитательные и карательные -- под углом зрения партии, проникающей собою советский аппарат и опускающей свои щупальцы в глубину городских и деревенских низов.

7. Вопросы о том, должно ли это "окружение" иметь решающие или совещательные права по отношению к вопросам, составляющим предмет непосредственного ведения Цека, в каких случаях и в каком виде (вопрос о "двоецентрии"), представляется мне второстепенным по отношению к указанным основным задачам. В своей записке я высказал одно из предположений -- о том, что этому "окружению" можно дать в известных вопросах решающий голос. Но я согласен, что это связано с известным риском, особенно на первых порах, когда не накопился еще необходимый опыт сотрудничества. Поэтому, может быть, более целесообразно ограничиться, по крайней мере, на первый год совещательными правами "окружения".

III.

Мои организационные предложения

8. Цека создается в составе Политбюро, Оргбюро и Секретариата с небольшим, может быть, дополнительным количеством членов или кандидатов. Таким образом, Цека как таковой несколько сокращается по сравнению с нынешним и, во всяком случае, не расширяется. Взаимоотношения Политбюро, Оргбюро и Секретариата Цека определяются более точно на основании уже имеющегося опыта.

9. Съезд выбирает до 75-ти членов ЦКК из рабочих и крестьян с серьезным партийным стажем и пригодных для партийно-контрольной и советско-контрольной работы под

руководством Президиума ЦКК.

Президиум избирается в количестве 7--9 высокого во всех отношениях стажа, т. е. работников примерно цекистского типа.

Основной задачей работы Президиума ЦКК и 75-ти инспекторов (или членов ЦКК) является обеспечение во всех отношениях партийной линии как внутри самой партии, так и в советской работе.

Примечание: Поскольку в своей инспекционной работе указанного типа ЦКК перемыкается с Рабкрином, необходимо согласование их работы. Оно может быть достигнуто вхождением части Президиума ЦКК в коллегия Рабкрин и части Каркомрабкрин в Президиум ЦКК, а также двойными мандатами инспекторов.

10. Цека имеет право (по соглашению с ЦКК) пользоваться членами ЦКК для инспекционных и других задач.

11. Каждые два месяца собирается центральное пленарное совещание в составе Цека, Президиума ЦКК и инспекторов. Это совещание имеет право требовать полного отчета от Цека и Президиума ЦКК во всех областях их работы.

Решения этой широкой коллегии имеют сами по себе совещательный характер и входят в законную силу только по утверждению их Центральным Комитетом.

Правильная подготовка пленарных совещаний лежит на ЦК по соглашению с Президиумом ЦКК.

12. Устанавливается правильное присутствие и совещательное участие в работах Политбюро, Оргбюро и Секретариата членов ЦКК по назначению ее Президиума.

* * *

Эти предложения, представляющие лишь беглый набросок, сделанный между двумя заседаниями, касаются лишь вопросов, поставленных статьей тов. Ленина. Дополнительные организационные вопросы, выдвинутые тов. Зиновьевым, я пока оставляю без рассмотрения (Архив Троцкого, т. 1, с. 29-32).

82. Ленин. ПСС, т. 54, с. 329.

83. Архив Троцкого, т. 1, с. 35.

84. Там же, с. 53.

85. "Троцкий, ссылаясь на болезнь, ответил, что он не может взять на себя такого обязательства" (Ленин, ПСС, т. 54, с. 674).

86. Архив Троцкого, т. 1, с. 51.

87. Ленин. ПСС, т. 54, с. 329--330.

88. Там же, т. 45, с. 486.

89. Там же, т. 54, с. 330.

90. Там же, т. 45, с. 486.

91. Из архива Бека.

92. Ленин. ПСС, т. 45, с. 486.

93. Из архива Бека.

94. Там же.

95. Там же.

96. Там же.

97. Там же.

98. Там же.

Ленин. ПСС, т. 45, с. 486; Из архива Бека.

100. И. В. Сталин, том 16. 1946-1952. М., 1997, с. 252.

101. "Ввиду необходимости провести очередной съезд партии максимально дружно нижеподписавшиеся просят Пленум ликвидировать создавшееся в Политбюро положение в связи с разногласиями по вопросу о госпромышленности. Эти разногласия, обнаружившиеся в самое последнее время, грозят вызвать осложнения в ходе работы съезда и оказать, таким образом, чрезвычайно вредное влияние на состояние партии.

Мы считаем своим долгом поэтому дать, прежде всего, ответ на последнее письмо т.

Троцкого, связанное с вышеупомянутыми разногласиями.

При настоящем положении вещей отсутствие письменного ответа могло бы привести только к печальным недоразумениям, и нам приходится с тяжелым сердцем братья за перо.

Члены Пленума помнят тяжелый инцидент, разыгравшийся на февральской сессии Пленума, когда Пленум ЦК подавляющим большинством голосов отверг выдвинутый т. Троцким ошибочный план построения центральных учреждений партии. Тов. Троцкий не остановился перед тем, чтобы в крайне острой форме бросить ряду членов ЦК и Политбюро обвинение в том, что позиция их в указанном вопросе продиктована якобы задними мыслями и политическими ходами.

Пленум ЦК достаточно единодушно реагировал на эту совершенно недопустимую постановку вопроса, и этот очередной кризис был как будто благополучно изжит.

Ныне повторяется такая же история в не менее тяжелой форме [...]

В своем письме от 23 марта т. Троцкий попутно критикует всю работу Политбюро и изображает ее как совершенно неудовлетворительную. Еще недавно, в письме т. Троцкого, написанном на предложение т. Зиновьева: упорядочить работу Политбюро и внести в нее известное разделение труда, т. Троцкий заявлял, что главная беда в Политбюро заключается в том, что оно слишком мало занимается "чисто партийными" вопросами. Теперь т. Троцкий обвиняет Политбюро в том, что оно недостаточно руководит Совнаркомом и хозяйственными органами.

Уже не месяц и не два, а пожалуй, года два продолжается такое отношение т. Троцкого к Политбюро. Не раз и не два мы выслушивали такие огульные отрицательные характеристики работы Политбюро и в те времена, когда эти работы происходили под председательством Владимира Ильича. Тов. Троцкий не раз заявлял нам, что он "воздерживается" при разрешении 9/10 текущих хозяйственных вопросов в Политбюро. Но что получилось бы, если бы примеру т. Троцкого последовали и остальные члены Политбюро? [...]

Намеки на то, будто в Политбюро имеется какое-то предвзятое большинство, связанное с кружковщиной, мы отмечаем как простое извращение истины. Члены последнего Пленума припомнят достаточно категорическое заявление т. Рыкова, подтвержденное т. Томским, сообщивших Пленуму то, что есть: что в Политбюро ЦК каждый из нас голосует по убеждению, что при разрешении различных вопросов десятки раз складывались различные большинства и что для получения большинства Политбюро нужны только убедительные деловые и принципиальные аргументы.

Тов. Троцкий обвиняет в том, что вопрос о СССР прошел за спиной членов Политбюро. Тов. Троцкий, очевидно, забыл, что решение об организации и Конституции СССР было принято двумя пленумами ЦК. Тов. Троцкий избирался во все решающие комиссии X съезда Советов по этому вопросу. Если он в них не работал, ответственность всецело падает на т. Троцкого.

По вопросу о Грузии мы констатируем, что т. Троцкий сам формировал постановление Политбюро о Грузии, в принятии которого он теперь обвиняет Политбюро. Когда на заседании Политбюро т. Бухарин просил об отсрочке решения до приезда находившегося в отпуску в Грузии т. Зиновьева (писавшего т. Бухарину о неправильности похода против "уклонистов"), т. Троцкий принадлежал к числу тех, кто голосовал против этого предложения. Таким образом, несмотря на то, что большинство нижеподписавшихся считает сейчас прежние решения ЦК не во всех частях правильными, т. Троцкий несет за эти ошибки полную ответственность. Само решение Политбюро об отзыве лидеров "уклонистов" было принято единогласно. [...]

Мы еще раз повторяем. Без полного единодушия и единства на съезде партия может очутиться в очень трудном положении. [...] Поэтому все обязаны сейчас к величайшей уступчивости, в целях согласования работы и устранения всех и всяческих внутрипартийных трений. [...] Но при полной необходимости всяческих организационных и практических уступок, на которые мы вполне готовы, необходима ясная и отчетливая политическая линия

партии, в особенности в основных вопросах текущего периода. [...]

Поэтому мы просим Пленум ЦК прежде и раньше всего дать оценку по существу двух наших поправок. Мы твердо надеемся, что Пленум громадным большинством присоединится к нам. [...]

(В начале письма указано, что план построения центральных учреждений партии, выдвинутый т. Троцким, является ошибочным. Я считаю необходимым взять и на себя часть ответственности за этот план, так как основные моменты его были выдвинуты и мною на предварительной дискуссии в Политбюро. А. И. Рыков)" [Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., Политиздат, 1968, с. 816--820].

102. Архив Троцкого, т. 1, с. 35-51.

103. Двенадцатый съезд, с. 873.

104. В уже упоминаемой нами статье С. Иоффе указаны многочисленные литературные выпады Бедного против Ленина, восходящие к ноябрю 1921 года. Если учесть, что Бедный был единственным партийным поэтом, согласившимся помогать Сталину в деле свержения Ленина, причем еще в 1921 году, когда соотношение сил не было очевидно, становится понятно, что в глазах Сталина Бедный заслужил орден смелой борьбой с сильным противником.

105. Известия ЦК КПСС, 1991, No 6.

106. Н. Петренко (Равдин). Ленин в Горках -- болезнь и смерть. -- в сб. Минувшее. Исторический алманах (Париж), No 2, 1986; ж-л Грани, изд. Посев (Франкфурт-на-Майне), 1987, No 146, с. 145-174; Ю. М. Лопухин. Болезнь, смерть и бальзамирование В. И. Ленина. Правда и мифы. Изд. Республика, М., 1997.

107. Н. К. Крупская -- Г. Е. Зиновьеву. 31 октября 1923 г. -- Известия ЦК КПСС, 1989, No 2, с. 201-202. Речь идет о конфликте между Троцким и его противниками на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК РКП(б) 25-27 октября 1923 г. Стенограмма этого пленума не обнаружена.

108. Там же, с. 202.

109. Архив Троцкого, т. 1, с. 89.

110. Троцкий. Портреты революционеров. Статья "Сверх-Борджиа в Кремле", с. 77.

111. См. Н. В. Валентинов. Наследники Ленина. Изд. Терра, М., 1991, прил. 8, с. 214.

112. Лидия Шатуновская. Жизнь в Кремле. Изд. Чалидзе, Нью-Йорк, 1982, с. 227, 229, 230.

113. Там же, с. 232-233.

114. Там же, с. 234, 235.

115. См. Вопросы литературы, 1989, No 2, с. 154.

116. "Нельзя сказать, чтобы я не пытался ее опубликовать раньше. Я приготовил, вскоре после описанного собрания, приемлемый вариант (кстати, сняв выступления всех писателей) и послал этот материал И. Сталину с просьбой разрешить его опубликовать. Через некоторое время мне позвонил А. Поскребышев и сообщил, что тов. Сталин благодарит меня за запись, но не считает сейчас необходимой ее публикацию. В 1942 году, во время войны, была еще сделана попытка опубликования сокращенной записи вечера, и главным образом выступлений И. Сталина. Она исходила от А. Фадеева, которому нравилась эта запись. Очерк предназначался для сборника, посвященного Сталину, который и вышел тогда же под редакцией А. Фадеева. Но во время войны А. Поскребышев не счел возможным снова докладывать Сталину эту документальную запись, хотя за ее опубликование горячо ратовал Г. Александров, тогда заведующий Отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). Я же после первого обращения в 1932 году в ЦК к этому вопросу не возвращался," -писал К. Зелинский (там же, с. 169).

117. Валентин Осипов. Тайная жизнь Михаила Шолохова... Документальная хроника без легенд. М., Изд. Либерия -- Раритет, 1995, с. 54, 61.

118. К. Зелинский. Одна встреча у М. Горького (запись из дневника). Публикация А. Зелинского. -- ж-л. Вопросы литературы, май 1991, с. 144-170.

119. Л. Авербах, М. Шолохов, И. Макарьев, Вс. Иванов, В. Киршон, А. Фадеев (опоздал на полтора часа к началу встречи), В. Зазубрин, Вал. Катаев, Г. Никифоров, Л. Леонов, И. Разин, Л. Сейфуллина, М. Кольцов, А. Афиногенов, П. Павленко, Гр. Цыпин, Н. Никитин, И. Гронский, С. Маршак, Ю. Герман, В. Ермилов, В. Герасимова, Л. Никулин, Ф. Березовский, Ф. Гладков, Ф. Панферов, В. Луговской, Э. Багрицкий, К. Зелинский, М. Чумандрин, А. Сурков, Г. Кац, Н. Накоряков, Н. Огнев, Евг. Габрилович, А. Малышкин, Ю. Либединский, Ш. Сослани, В. Кирпотин, Л. Субоцкий, В. Бахметьев, М. Колосов, В. Ильенков. "Б. Пильняк приезжал к А. М. Горькому объясняться, почему его не пригласили на собрание, -- писал К. Зелинский. -- [...] С другой стороны, были и случайные люди (например, ростовский молодой поэт Г. Кац). Отсутствовал К. Федин, находившийся в санатории в Швейцарии. [...] Л. Н. Сейфуллина вначале не состояла в списке и только впоследствии была внесена в него лично Горьким. А. М. Горький остался недоволен выступлением Сейфуллиной. Подавляющего большинства участников описанного собрания уже нет в живых. Двадцать три человека умерли по разным причинам (убиты на войне, покончили самоубийством, как Фадеев и Макарьев). Остались в живых только двенадцать человек, все уже старики. Одиннадцать человек [...] были арестованы и погибли в лагерях или были расстреляны: П. Постышев, М. Кольцов, Л. Авербах, В. Киршон, Г. Никифоров, И. Гронский, В. Зазубрин, И. Макарьев, Г. Цыпин, И. Разин, П. Крючков. Впоследствии все они были реабилитированы. Из них вернулись только двое -- И. Гронский и И. Макарьев (вскоре покончивший с собой)" (там же, с. 169-170).

120. Там же, с. 154, 158, 160-162, 166-168.

121. В. Осипов, указ. соч., с. 61.

122. Николаевский. Тайные страницы истории, с. 228-229.

123. Elizabeth Lermolo. Face of a Victim. Harper & Brothers Publishers, New York, 1955, p. 132-137.

124. См. об этом статью Н. Петренко (Равдина) "Ленин в Горках -болезнь и смерть".

125. Yves Delbars. The Real Stalin. George Allen & Unwin Ltd, London, 1951, p. 124-130. Глава "Завещание Ленина" (пер. с англ.). Первое издание книги было на французском, в двух томах, под названием "Le Vrai Staline" (Paris, 1950-1951).

126. Писатель В. Соловьев в своем романе дает следующую версию отравления Ленина:

"Неожиданная для всех идея превращения ленинского трупа в мумию была, с точки зрения Сталина, единственным надежным способом похерить совершенное им преступление -- убийство Ленина. Весь парадокс, однако, в том, что бальзамирование его тела, скрыв это преступление на много десятилетий вперед, одновременно сохранило его следы для потомков", -- пишет В. Соловьев, считая, что способ "нахождения яда в корнях волос покойного [...] был успешно опробован на трупах еще большей давности, чем ленинский" и что при желании можно попробовать провести экспертизу. [...] В корнях волос Ленина были обнаружены фаллодин и аманицин, отсутствующие в фармакологическом шкафу Ягоды, а его содержимое известно благодаря суду над ним. Это совершенно особые токсины. Они смертельны, но их действие сказывается не сразу, а спустя несколько дней после отравления. Иногда только через две недели.

-- Вы хотите сказать, что Ленин был отравлен за две недели до смерти?

-- По крайней мере, за пять-шесть дней, насколько можно судить по химическому анализу, проведенному спустя семьдесят лет. Комбинация фаллодина и аманицина -- довольно редкая, но встречается в естественном виде. [...]

-- Токсины группы полипептидов, а именно аманицин и фаллодин, содержатся в *Cortinarius Speciosissimus*.

-- Это латынь?

-- По-русски это будет паутинник особеннейший.[...]

-- Это гриб, смертельно ядовитый гриб. Ленин умер от того, что любил. Он был страстным грибником. Едва успев оправиться от первого удара, он сразу же пошел искать

грибы в ближайшую рощу. А за несколько дней до смерти Ленин попросил приготовить ему грибной суп, это известно из воспоминаний, мемуарист сообщает об этом между прочим как о забавной мелочи. [...]

В сушеном виде грибы сохраняют почти все качества, которые присущи им в свежем. И не только вкусовые. Бледная поганка и паутинник особеннейший содержат яд, который устойчив при температурной обработке. Другими словами, эти грибы остаются смертельно ядовитыми после сушки и последующей варки. Достаточно кусочка от такого гриба -- в свежем, сухом или вареном виде, все равно -- чтобы человек умер. [...]

Ленин был отравлен. Следы двух смертельных токсинов фаллодина и аманитина найдены в корнях его волос. И отмеченное мемуаристами его предсмертное состояние подтверждает отравление именно ядами из группы полипептидов -- отсутствие рвоты, недомогание, упадок сил, жажда, головные боли" (В. Соловьев. Операция "Мавзолей". Роман из недалекого будущего. Liberty Publishing House, N. Y. 1989, с. 96, 139-145).

Эту же версию среди прочих пересказывает в своей книге "Взлет и падение Сталина" Ф. Д. Волков: „Анализ волос Ленина, осуществленный почти через 70 лет, показал, что "в корнях волос Ленина были обнаружены фаллодин и аманитин". Эти яды смертельны, но их действие сказывается не сразу, а через несколько дней после отравления. "Токсины группы полипептидов, а именно аманитин и фаллодин содержатся в паутиннике особеннейшем -- смертельно ядовитом грибе. "Этот гриб мог быть положен Ленину в суп -- он очень любил его, был сам большим любителем сбора грибов. Мы хотим, чтобы весь мир узнал о том, что Сталин отравил Ленина" (М., 1992, с. 65-67).

„О наличии токсикологического кабинета у Ягоды свидетельствуют показания ветерана партии Константина Васильевича Петрова -- инициатора стахановского движения, - - пишет Волков. -- Он однажды был приглашен в кабинет Ягоды. "Здесь я увидел большой шкаф вдоль стены кабинета -- дверь была приоткрыта. Шкаф был наполнен пузырьками, банками с какими-то медикаментами. Для своего личного лечения медицинских препаратов было слишком много. Их нахождение и использование не могло не вызвать определенных размышлений" (там же, с. 66). Волков ссылается на свидетельство К. В. Петрова, данное в 1987 году его дочери -- Нине Константиновне и его родственнику профессору Роберту Федоровичу Иванову (там же, с. 319).

Совсем иначе описывает смерть Ленина дежуривший у Ленина по поручению Политбюро Бухарин: "В тихий зимний вечер умирал Ильич в Горках. Еще за несколько дней все шло на улучшение. Повеселели родные, повеселели друзья. И вдруг разрушительные процессы быстро проступили наружу... Когда я вбежал в комнату Ильича, заставленную лекарствами, полную докторов, -- Ильич делал последний вздох. Его лицо откинулось назад, страшно побелело, раздался хрип, руки повисли -- Ильича, Ильича не стало" (Н. Бухарин. Памяти Ильича. Правда, 21 января 1925 г.).

127. См. Д. Лондон. Сочинения, т. 2, с. 39-49.

128. The Unknown Lenin. From the Secret Archive. Ed. by R. Pipes, Yale University Press, 1996, p. 77.

129. Валентинов. Наследники Ленина, с. 214, 216-217.

130. АГИ, коллекция В. Вольского [Volskii. Vox 8].

131. См. Речь И. В. Сталина в Наркомате обороны. Публ. Ю. Мурина. -Опубл. в кн. Источник, 1994, No 3, с. 72-88.

132. Источник, 1996, No 4, с. 103.

Эпилог

Может быть, это так именно и
нужно, чтобы старые товарищи так
легко и просто опускались в могилу.

И. Сталин

Речь на похоронах М. В. Фрунзе

3 ноября 1925 г.

Нет никакого сомнения в том, что гипотеза об убийстве Ленина, обрастая снежным комом новых материалов и исследований, заставит нас посмотреть иначе на многие, казавшиеся изученными, вопросы. Тема личности Ленина -- не великого, не нужного, а, мешающего и подавляющего -- будет в этом ряду одной из первых. Хронология "сталинщины", очевидно, должна будет быть сдвинута по крайней мере на двенадцать лет вперед -- с декабря 1934 года (убийство Кирова) до апреля 1922 года. И совершенно иным должно предстать перед нами высшее партийное руководство, нашедшее выгодным для себя вступить в сговор со Сталиным с целью устранения руководителя своей партии.

Понятно, что столь блистательное начало не могло остаться без продолжения. С 1924 года один за другим при обстоятельствах до конца не выясненных, умирают многие партийные работники. Приведем не полный список. В 1922 году, еще до смерти Ленина, в Тифлисе погибает под колесами грузовика сообщник Сталина по дореволюционным мокрым делам С. А. Камо-Тер-Петросян. Вот что пишет об этом историк Ф. Д. Волков:

„Одной из темных, невыясненных проблем в жизни И. В. Сталина являются страницы, связанные с его взаимоотношениями с [...] "Камо". Его настоящая фамилия Симон Аршакович Тер-Петросянц.[...] До сих пор не выяснена история трагической гибели Камо вечером 14 июня 1922 года на Верийском спуске в Тифлисе, когда был совершен, или "случился" наезд грузового автомобиля на велосипед, на котором ехал Симон Аршакович. Камо слишком тесно в своей политической работе в большевистской партии соприкасался с Иосифом Джугашвили. [...] В мае 1920 года Камо прибыл в Москву. По совету В. И. Ленина он стал готовиться к поступлению в военную академию. Но Камо рвется с учебы на практическую работу. Ленин согласился с этим, и Камо пришел в СНК РСФСР, а затем был назначен начальником Закавказского таможенного округа, возвратился в Тифлис и энергично начал свою новую работу. А 14 июля 1922 года в 11 часов вечера на Верийском спуске на велосипед Камо -- он был подарен ему Я. М. Свердловым -- наехал грузовик. Через 3 часа Камо скончался. [...] Возможно, что И. Сталин не хотел иметь свидетеля, хорошо знавшего его уголовное прошлое. [...] Сталин мстил Камо и после смерти -памятник ему в Тбилиси был снесен, его сестру арестовали"(1).

25 марта 1924 г., вскоре после смерти Ленина и начала открытого противостояния Троцкому, был снят со своего поста заместитель Троцкого по военной деятельности, фактический руководитель и координатор кампании Красной армии в годы гражданской войны, заместитель председателя Реввоенсовета республики Э. М. Складанский. Было очевидно, что перевод Складанского на должность председателя треста Моссуко ВСНХ -- прелюдия к снятию самого Троцкого. В апреле 1925 г. Троцкий действительно был смещен с поста главы военного ведомства постановлением ЦК. Место Троцкого занял М. В. Фрунзе, звезда которого, казалось, только начала восходить. 27 августа 1925 года, во время поездки по Соединенным Штатам, Складанский утонул в озере.

В ноябре 1925 г. под ножом хирурга умер Фрунзе. Пост наркома занял ставленник Сталина К. Е. Ворошилов. Сразу же после смерти Фрунзе поползли слухи о том, что Фрунзе был убит по указанию Сталина. "Вы помните, что Фрунзе умер при невыясненных обстоятельствах -- неожиданная операция, поползшие по Москве слухи, что он был убит и т.д." -- писал 4 августа 1927 г. советологу Исааку Дон Левину известный анархист Александр Бекман(2). Тридцатью годами позже неугомонный Николаевский писал о том же Суварину:

"Между прочим, встретил человека -- профессор военной академии [им. М. В.] Фрунзе, который рассказал, что Тухачевский (они были товарищами по Михайловскому училищу) ему в 1925 г. говорил, что „операция" у Фрунзе была убийством, совершенным с согласия самого Фрунзе, чтобы избежать разоблачения, так как раскрылись, де, его связи с Охранкой"(3).

Но предоставим слово более информированному современнику тех лет -Троцкому. В его архиве среди черновиков незаконченной биографии Сталина касательно Фрунзе есть следующая запись:

"На посту руководителя вооруженных сил ему суждено было оставаться недолго: уже в

ноябре 1925 г. он скончался под ножом хирурга. Но за эти немногие месяцы Фрунзе проявил слишком большую независимость, охраняя армию от опеки ГПУ; это было то самое преступление, за которое погиб 12 лет спустя маршал Тухачевский. Оппозиция нового главы военного ведомства создавала для Сталина огромные опасности; ограниченный и покорный Ворошилов представлялся ему гораздо более надежным инструментом. [Бывший секретарь Сталина перебежчик Б.] Бажанов изображает дело так, что у Фрунзе был план государственного переворота. Это только догадка и притом совершенно фантастическая. Но несомненно, Фрунзе стремился освободить командный состав от ГПУ и ликвидировал в довольно короткий срок комиссарский корпус. Зиновьев и Каменев уверяли меня впоследствии, что Фрунзе был настроен в их пользу против Сталина. Факт, во всяком случае, таков, что Фрунзе сопротивлялся операции. Смерть его уже тогда породила ряд догадок, нашедших свое отражение даже в беллетристике. Далее эти догадки уплотнились в прямое обвинение против Сталина. Фрунзе был слишком независим на военном посту, слишком отождествлял себя с командным составом партии и армии и несомненно мешал попыткам Сталина овладеть армией через своих личных агентов.

Из всех данных ход вещей рисуется так. Фрунзе страдал язвой желудка, но считал, вслед за близкими ему врачами, что его сердце не выдержит хлороформа и решительно восставал против операции. Сталин поручил врачу ЦК, т. е. своему доверенному агенту, созвать специально подобранный консилиум, который рекомендовал хирургическое вмешательство. Политбюро утвердило решение. Фрунзе пришлось подчиниться, т. е. пойти навстречу гибели от наркоза. Обстоятельства смерти Фрунзе нашли преломленное отражение в рассказе известного советского писателя Пильняка. Сталин немедленно конфисковал рассказ и подверг автора официальной опале. Пильняк должен был позже публично каяться в совершенной им „ошибке“.

Со своей стороны, Сталин счел нужным опубликовать документы, которые должны были косвенно установить его невиновность в смерти Фрунзе. Права ли была в этом случае партийная молва, я не знаю; может быть, никто никогда не узнает. Но характер подозрения сам по себе знаменателен. Во всяком случае, в конце 1925 года власть Сталина была уже такова, что он смело мог включать в свои административные расчеты покорный консилиум врачей и хлороформ, и нож хирурга“.

Говоря о писателе Б. Пильняке, Троцкий имеет в виду "Повесть непогашенной луны". Законченная в январе 1926 г. и опубликованная в "Новом мире", № 5, 1926, повесть не увидела света, так как весь тираж журнала был конфискован(4). Пильняк был информирован об обстоятельствах смерти Фрунзе, так как дружил со многими партийными деятелями. Вот что вспоминает жена Л. П. Серебрякова Галина: "Воронский обычно приводил с собой писателей. Тогда-то зачастил к нам Всеволод Иванов, затем Есенин, Клюев, Пильняк, так и оставшийся близким к Серебрякову. Позже они вместе ездили в Японию. Мы также бывали у Пильняка и его красивой жены, артистки Малого театра"(5).

Серебряков, в свою очередь, был посвящен в дело Фрунзе, так как с незапамятных времен дружил с Дзержинским. Бывал и Ягода, про которого сегодня есть все основания считать, что именно он по приказу Сталина устранил Фрунзе: "Приезжал Ягода поиграть в китайскую игру мадзян. Он был азартен, нетерпим, если проигрывал. Однажды он привез и назвал своим приятелем Суварина, юркого маленького француза"(6) -- тогдашнего руководителя французской компартии, с которым позже будет вести оживленную переписку Б. И. Николаевский.

Получалось, что Фрунзе убили, чтобы подчинить армию контролю ОГПУ, которым руководил Дзержинский. Это означало, что следующее столкновение произойдет между секретариатом Сталина и ОГПУ Дзержинского. Победитель этого борьбы нам известен: 20 июля 1926 года Дзержинский скорострительно скончался от сердечного приступа.

Трагической смертью, то ли от рук Сталина, то ли в результате самоубийства умирает жена Сталина Н. С. Аллилуева. 10 апреля 1956 года парижская газета "Русская мысль" опубликовала на эту тему заметку под недипломатичным названием "Сталин -- убийца

Аллилуевой". Газета писала:

„Согласно сообщениям "Юнайтед Пресс" из Лондона, Форейн Офис подтвердил полученные сообщения, что в Москве открыто обвиняют Сталина в убийстве его второй жены Надежды Аллилуевой. Впервые эти сведения появились в лондонских газетах 3 апреля, с ссылкой на московское издание "Советский коммунист", в котором указывалось, что Сталин "лично застрелил свою вторую жену". Позднее стало известно, что обвинение это прочитывается на всех собраниях коммунистической партии по всему Советскому Союзу, что именно и было подтверждено заведующим отделом печати Форейн Офиса. Аллилуева умерла при таинственных обстоятельствах в 1932 году. Как известно, советское правительство объявило, что она умерла "после продолжительной и тяжелой болезни". Однако в Москве не верили этому сообщению и говорили, что Аллилуева покончила жизнь самоубийством [...]".

В 1934 году умирает сменивший Дзержинского на посту председателя ОГПУ В. Р. Менжинский. На открытом московском процессе 1938 года обвиняемый Г. Г. Ягода, бывший нарком внутренних дел, признал, что он организовывал убийство Менжинского с помощью врачей. В черновых записях к незаконченной биографии Сталина Троцкий пишет:

„Доктор Казаков показал: "Вследствие моего разговора с Ягодой я выработал вместе с Левиным способ лечения Менжинского, который действительно разрушал его последние силы и ускорял его смерть. Таким образом, Левин и я практически убили Менжинского. Я дал Левину смесь лизатов, которая в сочетании с алколоидами вызвала намеченный результат, т. е. смерть Менжинского".

Коллега Казакова, лечащий врач советских руководителей Левин также подтвердил, что по приказу Ягоды ускорял смерть Менжинского. Но можно ли верить протоколам открытых процессов? Вопрос этот крайне сложен и простого ответа на него нет. Правда и вымыслы московских процессов -- отдельная и крайне сложная тема.

С 1932 по 1939 год секретарем и телохранителем Троцкого в Турции, Франции, Норвегии и Мексике был Жан ван Ейженорт, француз по происхождению. В 1939 г. он покинул Троцкого и уехал в Нью-Йорк. С троцкизмом окончательно порвал в 1948 году. В 1950-е был преподавателем математики в Нью-Йоркском университете, а с 1965 по 1977 гг. преподавал историю и философию логики в Брандайском университете, под Бостоном. В течение 30 лет Ейженорт был консультантом архива Троцкого в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета, написал книгу "С Троцким в ссылке: от Принкипо до Койоакана"(7). В 1986 году он был убит собственной женой, по злой иронии судьбы -- в Мексике. Иными словами, трудно найти человека, ближе знавшего в те годы Троцкого. Между тем одно очень важное высказывание Ейженорта осталось историками незамеченным. Касаясь московских процессов, он как-то сказал странную фразу: "Излишне говорить, что ничего не было фальсифицировано и ничего не было сокрыто"(8).

Это заявление озадачило биографа Ейженорта Фниту Феферман. "Почему бы Троцкому, бывшему наркому обороны, действительно не планировать вернуться? Почему бы не быть многим заговорам против Сталина со стороны тех, кто чувствительно и болезненно реагировал на его дьявольскую жестокость и безапелляционность?"(9) Незадолго до смерти Ейженорт ответил на эти вопросы:

"Да, таково мое мнение. На самом деле было очень много всего. Вы знаете, что в личности Сталина было что-то очень специфичное. В нем было что-то похожее на маниакального убийцу, чего не было в Бухарине или Зиновьеве. Поэтому имело прямой смысл убить лично Сталина. Но Троцкий всегда говорил: "Мы против индивидуального террора". Я считаю, что это ерунда. Конечно же Сталин должен был быть уничтожен. Откровенно, Киров послал в Париж человека для встречи с Троцким. Но Троцкого там не оказалось, и человек вместо этого встречался со Львом Седовым. Дальнейшие события развивались слишком стремительно. Правда также и то, что в Советском союзе назревало очень много разных событий, начиная с 1932 года и до убийства Кирова в 1934 году. Но Троцкий никогда не был их инициатором. Он был плохо информирован и ни в коей мере не

был их движущей силой"(10).

Движущей силой был Сталин. 1 декабря 1934 года Киров был убит. Может быть до Сталина дошла информация о свидании его представителя с Л. Седовым?

Меньжинский умер 10 мая 1934 года. На следующий день умер сын Горького, Максим Алексеевич Пешков. Четыре года спустя, на том же процессе Ягода, Казаков и доктор лечебно-санитарного управления Кремля Л. Г. Левин сознались в убийстве В. В. Куйбышева (1888-1935) и Горького (1868-1936). Троцкий пишет:

„По показанию секретаря и доверенного лица Буланова (этот Буланов вывез меня и мою жену в 1929 году из Центральной Азии в Турцию), Ягода имел особый шкаф ядов, откуда по мере надобности извлекал драгоценные флаконы и передавал их своим агентам с соответствующими инструкциями. В отношении ядов начальник ГПУ, кстати сказать, бывший фармацевт, проявлял исключительный интерес. В его распоряжении состояло несколько токсикологов, для которых он воздвиг особую лабораторию, причем средства на нее отпускались неограниченно и без контроля. Нельзя, разумеется, ни на минуту допустить, чтоб Ягода соорудил такое предприятие для своих личных потребностей. [...] Рядом с Ягодой на скамье подсудимых сидели четыре кремлевских врача, обвинявшихся в убийстве Максима Горького и двух советских министров: "Я признаю себя виновным в том, -- показал маститый доктор Левин, который некогда был также и моим врачом, -- что я употреблял лечение, противоположное характеру болезни". Таким образом "я причинил преждевременную смерть Максиму Горькому и Куйбышеву""(11).

Версия об убийстве Куйбышева выглядит правдоподобной еще и потому, что через три года был расстрелян брат В. В. Куйбышева Николай, военачальник, командир корпуса, герой гражданской войны, награжденный четырьмя орденами Красного Знамени, трижды раненный в боях. В момент ареста он был командующим Закавказским военным округом. Его вызвали из Тбилиси в Москву и арестовали в дороге в поезде, ночью. По свидетельству генерала-лейтенанта Александра Тодорского, Н. В. Куйбышева на допросе 1 августа 1938 года в Бутырской тюрьме застрелил лично Берия.

История смерти Горького в последние годы внимательно изучалась целым рядом исследователей. Не повторяя сказанного, вернемся к протоколам судебного процесса 1938 года, где, похоже, и в данном случае все сказанное следует считать правдой. Цитирует по черновикам Троцкого:

„Казаков был в этом отношении особенно полезен, так как он, по словам доктора Левина, оперировал при помощи медикаментов, которые он сам изготовлял без всякого контроля в своей лаборатории, так что он один знал секрет своих инъекций... "Я никогда не сомневался, что это было делом Казакова," -- говорит Левин. [...] Ягода находил, что сын Горького ведет дурной образ жизни, оказывает неблагоприятное влияние на отца и окружает отца "нежелательными людьми", отсюда он приходит к выводу устранить сына и предлагает доктору Левину оказать ему содействие в ликвидации сына Горького. Так показывает сам Левин.

Ягода сказал [П. П.] Крючкову, секретарю Горького и своему агенту: "Нужно уменьшить деятельность Горького, деятельность Горького стесняет известных лиц". Буланов, со своей стороны, свидетельствует, что "Алексей Максимович... с исключительным восторгом говорил каждый раз, как представлялся случай, о роли Сталина [...]". А Бухарин в своих показаниях называет Горького сталинцем, сторонником политики сталинской партии: "Горький непоколебимый сторонник сталинского руководства". [...] Показание доктора Левина, 68-летнего старика, производило наиболее потрясающее впечатление. По его словам он намеренно содействовал ускорению смерти Менжинского, Куйбышева и самого Максима Горького. Он действовал по требованию Ягоды, ибо боялся "истребления своей семьи". [...] Доктор Левин говорил доктору [Д. Д.] Плетневу, что в случае слушания "Ягода нас наверняка уничтожит, и вы все не спасетесь от Ягоды. Он не останавливается ни перед чем, он не забывает ничего". Эти слова относятся не к Ягоде, а к его хозяину, который не останавливается ни перед чем, не забывает ничего. В руках Ягоды сосредоточивалась охрана

Кремля и в частности охрана Сталина. Если б он был заговорщиком, а не агентом Сталина, он мог бы найти каждый день благоприятную обстановку для того, чтобы расправиться с диктатором. Плетнев, Казаков, Крючков, все участники действительных и мнимых преступлений объясняют свое поведение страхом перед Ягодой. И это объяснение приемлется как вполне естественное. Размах этих преступлений поражает. Они далеко переросли личность Сталина.

[...] В дни процесса, основной фон которого составляла ложь, обвинения, как и признания в отравлении старого и больного писателя казались мне фантазмагорией. Позднейшая информация и более внимательный анализ обстоятельств заставили меня изменить эту оценку. Не все в процессах было ложью. Были отравленные и были отравители. Главный из них руководил то телефону судом. [...]

Горький представлял серьезную опасность. Он находился в переписке с европейскими писателями, его посещали иностранцы, ему жаловались обиженные, он формировал общественное мнение. Никак нельзя было заставить его молчать. Арестовать его, выслать, тем более расстрелять -- было еще менее возможно. Мысль ускорить ликвидацию больного Горького "без пролития крови" через Ягоду должна была представиться при этих условиях хозяину Кремля как единственный выход. Голова Сталина так устроена, что подобные решения возникают в ней с силою рефлекса. [...]

Почему, однако, авторитетные и заслуженные врачи Кремля не жаловались членам правительства, которых они близко знали как своих пациентов? В списке больных у одного доктора Левина занчались 24 высоких сановника, сплошь членов Политбюро и Совета Народных Комиссаров! Разгадка в том, что Левин, как и все в Кремле и вокруг Кремля, отлично знал, чьим агентом является Ягода. Левин подчинился Ягоде, потому что был бессилён сопротивляться Сталину.

О недовольстве Горького, об его попытке вырваться за границу, об отказе Сталина в заграничном паспорте в Москве знали и шушукались. После смерти писателя сразу возникли подозрения, что Сталин слегка помог разрушительной силе природы. Процесс Ягоды имел попутной задачей очистить Сталина от этого подозрения. Отсюда притворные утверждения Ягоды, врачей и других обвиняемых, что Горький был "близким другом Сталина"⁽¹²⁾.

Перелистывая биографии советских и партийных деятелей сталинской эпохи, мы ловим себя на том, что почти никто из них не умер собственной смертью. Сегодня много написано и о подозрительной смерти Горького, и о таинственной смерти Сталина⁽¹³⁾, убитого четырьмя заговорщиками: Берией, Маленковым, Хрущевым и Булганиным. Как несправедливое воспринималась история смерти кровавый палача сталинских времен генерального прокурора московских процессов А. Я. Вышинского, умершего в своей постели в Нью-Йорке 22 ноября 1954 года в должности представителя СССР в ООН. Однако сталинская система, по инерции еще работавшая в 1954 году, и здесь не сделала исключения: Вышинский был отравлен. Под таким названием 24 апреля 1956 года опубликовала статью "Русская мысль":

„По строго секретным данным, которыми располагает Си-Ай-эй (Сентрал Интеллидженс Эдженси), Андрей Януарьевич Вышинский, главный делегат СССР в ООН, не умер собственной смертью 22 ноября 1954 года, а был отравлен специально подосланным агентом из Москвы. Доклад Си-Ай-Эй сейчас составлен в этом духе. В конце октября или в начале ноября 1954 года Вышинский был вызван в Москву тогдашним правительством Маленкова, но он уклонялся от возвращения под всякими предлогами. Предполагают, что Вышинский готовился стать невозвращенцем и просить американское правительство о предоставлении ему убежища, как политическому эмигранту. Подлинная роль Вышинского в делах Советского Союза до сих пор недостаточно раскрыта. Формально в течение послевоенных лет он числился в дипломатах, но в действительности всем было известно его очень близкое участие в деятельности НКВД (потом МВД), его постоянная близость с Лаврентием Берией. И в то же время наиболее посвященным было ясно, что даже в делах Наркоминдела, во главе которого стоял Молотов, подлинным оком Сталина был не министр

иностранных дел Молотов, а тот же Вышинский, бывший любимцем диктатора и исполнителем его воли.

В качестве главного прокурора Вышинский играл одну из руководящих ролей в осуществлении плана кровавых ликвидаций. Он был душой московских процессов, закончившихся казнью виднейших большевиков из гвардии Ленина: Зиновьева, Каменева, Бухарина, Рыкова, Пятакова, Радека и др. Этих соратников Ленина именно Вышинский заклеил на процессах, как шпионов и предателей, фашистов и продажных агентов капиталистических правительств. По сведениям иностранных дипломатов в Москве, только два человека имели беспрепятственный доступ к Сталину и пользовались его бессменным доверием: Берия и Вышинский. Даже Маленков и Микоян только редко пользовались такой милостью со стороны диктатора. Все остальные вожди должны были запасаться предварительными пропусками, чтобы появиться перед лицом Сталина.

Известие о смерти Сталина застигло Вышинского в Нью-Йорке. Он выехал на похороны и вернулся в Нью-Йорк, чтобы вновь возглавить советскую делегацию в ООН. Когда сообщение о казни Берия (23 декабря 1953 года) прибыло в Нью-Йорк, Вышинский понял, что и его карьера и жизнь висят на волоске. Люди, наблюдавшие его тогда в ООН, единодушно отмечали, что Вышинский сразу поблек, постарел, как-то ослабил свою недавнюю наглость речи. Особенно это бросалось в глаза в осенние месяцы 1954 года. И, действительно, -- в конце октября или начале ноября его вызвали в Москву "для представления доклада и получения новых инструкций". Вышинский сам не раз практиковал такого рода "вызовы" дипломатов и прекрасно отдавал себе отчет, что ему грозит. Под различными предлогами он оттягивал свой отъезд в Москву -- и не ехал. Тогда Москва направила для переговоров с Вышинским "специального человека" в Нью-Йорк. Си-Ай-Эй знает имя этого человека, прибывшего в США в качестве дипломатического курьера за три дня до смерти Вышинского, 19 ноября 1954 года.

В 9.15 утра 22 ноября советская делегация в ООН особым коммуникатом сообщила о смерти Вышинского от сердечного припадка, последовавшего за завтраком в помещении делегации -- 680 Парк авеню. Никто из посторонних -ни дипломаты, ни журналисты, ни полицейские в помещение не были допущены. Самый акт о смерти Вышинского был подписан "д-ром Алексеем Т. Коссовым", официальным врачом советского посольства в Вашингтоне и делегации ООН.

Тогда возник конфликт между полицейскими властями, не хотевшими признавать акта, составленного "д-ром Алексеем Коссовым", не имевшим права медицинской практики в нью-йоркском штате, и советской делегацией. Полиция также хотела осмотреть труп Вышинского, но ее не допустили.

Тогда же советская делегация наняла специальный самолет и утром во вторник 23 ноября аэроплан улетел по направлению в Москву, увозя с собой тело Вышинского, д-ра Алексея Коссова и "дипломатического курьера", три дня назад прибывшего из Москвы. С тех пор никто больше не слышал о докторе Алексее Коссове".

Так закончилась эпоха сталинизма в Советском Союзе. Партийные руководители, сменившие Сталина, Берию и Вышинского реформировали систему коренным образом. Они предоставили себе право умирать своей смертью даже в тех случаях, когда подвергались опале. Это было новое невиданное еще в советской истории явление. Вожди в законе прекратили массовые убийства членов своей организации. Отменив систему массового террора как для самих себя, так и в отношении остального населения, они втянулись во вкус мирной жизни, лишь изредко забавляясь небольшими военными конфликтами локального характера. Однако те, кто сменил Брежнева, не согласны были входить в историю кровавыми палачами даже в масштабах афганской войны. У коммунистического руководства СССР сдали нервы. Продержавшись три четверти века, оно бросило власть столько же поспешно, как и захватило ее.

Примечания

1. Волков. Взлет и падение Сталина, с. 36, 37.

2. МИСИ, кол. А. Бекмана, папка III (10). Письмо А. Бекмана И. Дон Левину от 4 августа 1927 г. На англ. яз.

3. МИСИ, кол. Б. К. Суварина, 11 апреля 1957 г. 1 л.

4. В 1987 г. повесть была переиздана журналом "Знамя", No 12. С тех пор проблема смерти Фрунзе неоднократно обсуждалась в литературе. См., например, кн. Н. А. Зеньковича "Тайны кремлевских смертей", М., 1995, с. 166-181. Подробнее о смерти Фрунзе см. Р. Медведев. О смерти М. В. Фрунзе и Ф. Э. Дзержинского. -- Военно-исторический журнал, No 3, 1989.

5. Серебрякова. Моей дочери Зоре о ее отце, с. 31.

6. Там же.

7. Jean van Heijenoort. With Trotsky in Exile: From Prinkipo to Coyoacan. 1978.

8. A. V. Feferman. Politics, Logic, and Love. The Life of Jean van Heijenoort. Wellesley, Mass. 1993, p. 140.

9. Там же.

10. Там же.

11. 2 марта 1995 года "Московские новости" опубликовали статью сына Куйбышева Владимира, в которой тот утверждал, что его отец был убит. Аргументы Владимира Куйбышева сводились к следующему:

„В 1930 году в Политбюро ЦК был поставлен вопрос о сносе храма Христа Спасителя. По свидетельству референта Куйбышева Александра Белявского, отец выступил с протестом и направил Сталину письмо с обоснованиями того, почему храм сносить не следует, он имеет не только религиозное, но и большое историческое и художественное значение, построен на народные деньги в честь победы 1812 года, в нем фрески Сурикова, Крамского, Маковского, Верещагина, скульптуры Клодта, Толстого. Против сноса храма был также Луначарский. Позиция отца вызвала раздражение Сталина. Его резолюция на письме была лаконична и категорична: "Тов. Куйбышев, Вы недопонимаете политического значения этого мероприятия. Настаиваю на необходимости сноса храма Христа Спасителя! И. Сталин".

[...] В конце апреля 1934 года [...] по указанию свыше личный секретарь отца Михаил Фельдман, с которым они проработали много лет, был заменен Вениамином Максимовым. Отец был вынужден подчиниться.

[...] Однажды в беседе с иностранными дипломатами Сталин огласил совершенно секретные сведения о предстоящей реорганизации Красной Армии. Ради того чтобы все узнали о его заслугах в модернизации армии, он пренебрег соображениями государственной безопасности.

Речь шла об утечке секретной информации, и маршал Тухачевский обратился к Куйбышеву с просьбой поставить этот вопрос на закрытом заседании Политбюро. Орджоникидзе, узнав о поступке Сталина, в сердцах коротко воскликнул: "Ишак!". Он тоже поддержал просьбу Тухачевского. Куйбышев взял на себя подбор фактов, поставленных в упрек Сталину. Заседание Политбюро состоялось в сентябре 1934-го. Сталин получил серьезное внушение... А обид, как известно, он не забывал и никогда не прощал.

[...] 1 декабря 1934 года в Ленинграде был убит Киров.[...] В конце декабря 1934 года на заседании Политбюро он [Куйбышев] открыто заявил, что официальная версия убийства Кирова и метод ведения следствия вызывают сомнения. Он потребовал создания специальной комиссии ЦК, которая бы вела свое расследование. Безусловно, эта "неуместная инициатива" Куйбышева взбесила Сталина. [...] 25 января 1935 года он [...] в одиночестве умирает. [Уборщица] Лена, принеся стакан молока, застаёт его уже бездыханным! Это произошло в 14.30 в пятницу, 25 января 1935 года.

Состоялся консилиум из специально подобранных врачей и вскрытие. Причина смерти -- склероз сердца. Это заключение вызывает сомнение, даже недоумение, ибо у отца было здоровое сердце. За два дня до кончины, 23 января, отец в разговоре со своей сестрой Еленой Владимировной, провожая ее до двери, смеясь, говорил: "Самое здоровое в моем организме - это сердце!" [...]

Предполагаю, что последняя тщательно подобранная доза специально рассчитанных "лекарств"-ядов, данных врачом Левиным утром, днем стала действовать. Отец почувствовал себя настолько плохо, что прервал работу в Совнаркоме, чего раньше никогда не делал. В эти критические часы и минуты Максимов, Левин и другие участники акции внимательно следили за каждым шагом отца, точно выполняя данную им инструкцию".

12. Частично опубликовано в кн. Троицкий. Портреты революционеров, с. 75-76. О просталинской позиции Горького в литературе писалось очень много. О том, насколько искренен был Горький в своей поддержке Сталина -- говорить труднее. По крайней мере один исследователь считает, что Горький по отношению к Сталину был настроен критически. И поскольку выдвинутые автором доказательства основаны на "тайнописи" в произведениях Горького, остановимся на его аргументах. Отметим сразу же факт, который следует считать доказанным: использование в литературном произведении в тридцатые годы слова "сталь" или "железо" почти всегда могло трактоваться как намек на Сталина. В книге "Анаграммы как явление языка" А. В. Пузырев пишет:

„Все вышесказанное сразу же представилось автору этих строк, когда он "споткнулся" на стечении двух разделенных запятой слов "стали, но". Перед ним встал вопрос: откуда эти слова М. Горького? Поиски привели к статье "Ударники в литературе". Эта статья М. Горького впервые увидела свет 21 мая 1931 года в "Ленинградской правде", в бытность С. М. Кирова 1-ым секретарем Ленинградского обкома ВКП(б). Порицая "недорослей из пролетариата" и утверждая, что ударник -- это, кроме всего прочего, "человек, который пытается и умеет рассказать" (т. е., очевидно, владеет языком и чувствует все его оттенки? -- А. П.), М. Горький наставляет: "Вот, подумайте-ка о значении той силы, которая позволяет человеку оформлять материю, не имеющую формы, и одновременно оформлять словами процесс преодоления сопротивления материи. Тут есть над чем подумать и есть что изобразить, потому что ведь речь идет о борьбе социалистически организованной воли не только против упрямства железа, стали, но главным образом о сопротивлении живой материи, не всегда удачно организованной в форму человека".

Самое любопытное в том, что восстановление в тексте имени "Сталина" проясняет туманность выражения и делает фразу более понятной, ср.: "Вот, подумайте-ка о значении той силы, которая позволяет человеку оформить материю, не имеющую формы, и одновременно оформлять словами процесс преодоления материи. Тут есть над чем подумать и есть что изобразить, потому что ведь речь идет о борьбе социалистически организованной воли не только против упрямства железа Сталина, но главным образом о сопротивлении живой материи, не всегда удачно организованной в форму человека".

[...] Но что именно "изображает" писатель? -- Борьбу "социалистически организованной воли" против упрямства железа Сталина, а также "сопротивление живой материи".

Одна из частей предложения: "...о сопротивлении живой материи", - может получить по крайней мере два толкования. Если считать слово "материи" употребленным в родительном падеже (сопротивление кого? чего? чье? -материи), то речь идет о сопротивлении со стороны "живой материи, не всегда удачно организованной в форму человека". При таком подходе в контексте чувствуется определенная самооценка со стороны писателя, не решившегося выступить против Сталина открыто.

Но если слово "материи" считать употребленным в дательном падеже (сопротивление кому? чему? -- материи), -- и это прочтение представляется более точным -- то речь идет уже о сопротивлении Сталину как олицетворению "живой материи, не всегда удачно организованной в форму человека". При таком подходе М. Горький относит себя к представителям "социалистически организованной воли", борющимся с "упрямством железа Сталина". А помогает писателю в этой борьбе "сила, которая позволяет человеку оформлять материю, не имеющую формы", т. е. язык, о значении которого он и предлагает подумать в начале абзаца [...].

Узнал ли Сталин о зашифрованности своей фамилии в статье М. Горького "Ударники в литературе"? Позволим себе предположить, что нет: статья была полностью перепечатана в

книге М. Горького "О литературе: Статьи и речи (1928--1936)", вышедшей в 1937 году, после смерти писателя, а затем -- и в его собрании сочинений"(А. В. Пузырев. Анаграммы как явление языка. Опыт системного осмысления. Москва -- Пенза, 1995, с. 308-313).

Вопрос о смерти Горького и его сына обсуждался также в интервью с внуками Горького (Мы так и не знаем, кто убил дедушку. -- Московский комсомолец, 18 июня 1997 г.). Летом 1992 года с докладом на тему о смерти Горького выступал в США Вяч. Вс. Иванов (симпозиум "Литература и власть", проводившийся в Норвичском университете; доклад В. В. Иванова "Почему Сталин убил Горького?"; заглавие написанной на основе доклада статьи, вышедшей в 1993 году: "Загадка последних дней Горького"). Этой же проблеме посвящена статья Мороза "Максим Горький и политика генеральной линии ВКП(б)(АИГН, ящик 210, папка 17).

13. См., например: Кончина. Из воспоминаний А. Л. Мясникова, участника консилиума у постели И. В. Сталина. -- Литературная газета, 1 марта 1989 г., No 9 (5231). Публикация Л. Мясникова.